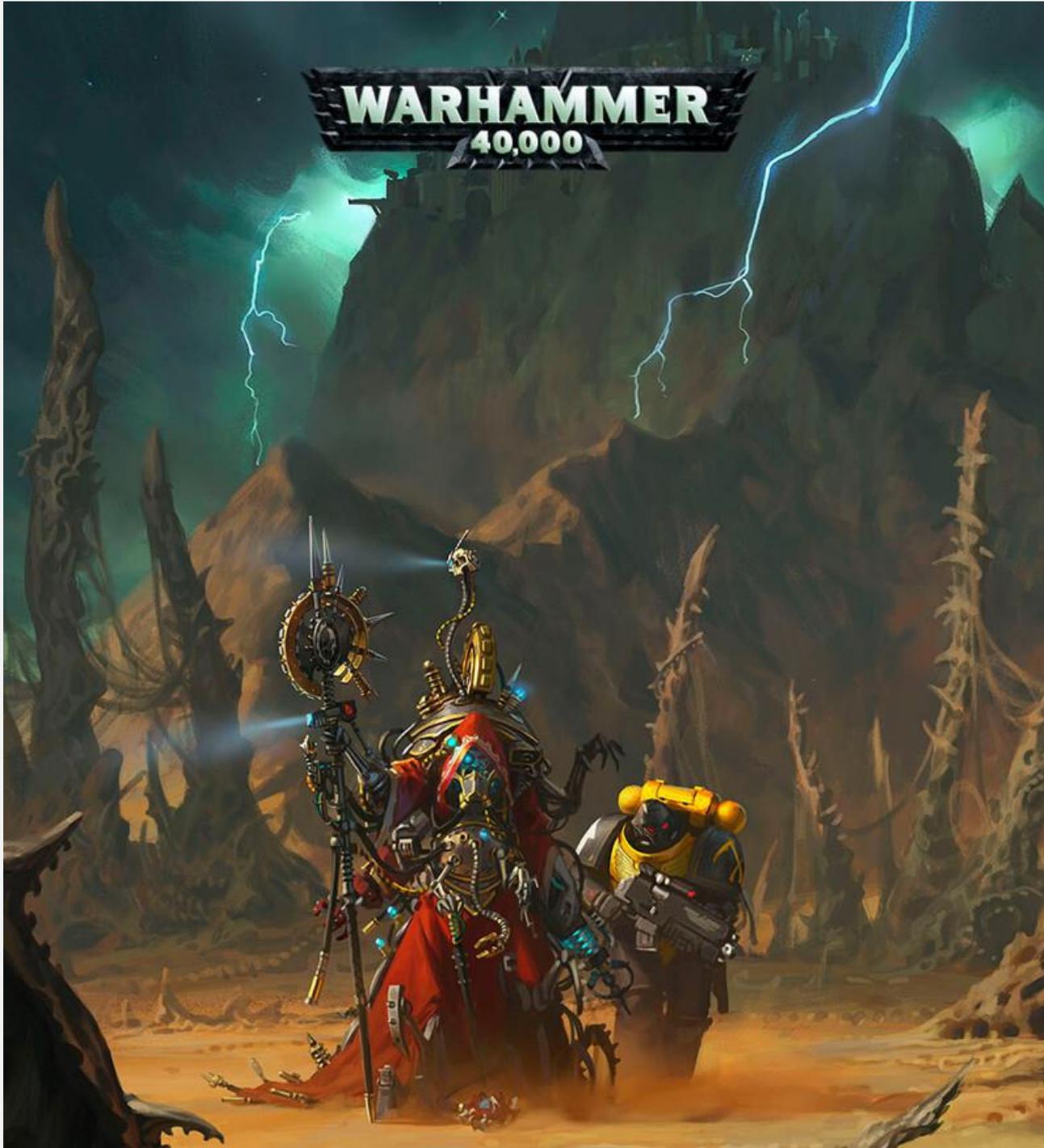

WARHAMMER
40,000

ВЕЛИЗАРИЙ КОУЛ
ВЕЛИЧАЙШИЙ ТРУД

ГАЙ ХЕЙЛИ

BELISARIUS CAWL

THE GREAT WORK

GUY HALEY

BLACKLIBRARY

Выражаем огромную благодарность людям, без которых этот перевод был бы не возможен:

Жека Дантист

mr.midaw

LAMnONyXXX

alayasleza

Vindicare

Никита Чеширский

Nightfaller

Кор Фэнор

VladCher

Максим Боруса

GipnoZzz

Nickis

Владимир Владимирович

Меландр

Вячеслав Ильчуков

Eldorado187

T'келл

LordZimet

Михаил

Demigod

Куревал

Suprerum

NaFTus

Удутый

Garik

Вадим

Samsam3110

Zelgedis

Oleg G

Алксандер

Adun

Sepa

OldHog

GarryMcDouel

Alarik

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин мириад планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего в жертву ежедневно приносится тысяча душ, отчего Владыка Империи никогда не умирает по настоящему. Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишащий демонами варп – единственный путь между далекими звездами, и тропа сия освещена Астрономиконом, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди Его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы Планетарной Обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов и других, куда более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это означает жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое утеряно и никогда не будет открыто заново. Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом и о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война.

Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие, да смех жаждущих богов...

Данный материал является интеллектуальной собственностью telegram-

канала Гильдии Переводчиков

<https://t.me/guildwh40k>

При его дублировании вы обязаны указать источник перевода

Переводчик – Евгений Козлочков

Редактор – Магос Петрович

Вычитка – Pictor Jack

ВЕЛИЗАРИЙ КОУЛ: ВЕЛИЧАЙШИЙ ТРУД

ГАЙ ХЕЙЛИ

*Когда-то их пищей был свет умирающих звёзд,
Но грех жестокости и лжи,
И жажда душ,
Им погибелью стали.
Ныне же осколки их сущностей
Раскиданы в дальние дали.
Бессмертные божества,
Коим мы не ровня,
Наблюдали за рождением и смертью миров,
Но их жадность породила чудовищ,
И стальные дети прогнали своих прародителей.
Потерпевшие поражение, но не уничтоженные,
Разбитые на осколки и служащие предостережением
Всем пастырям.
Остерегайтесь!
Душевный голод никогда не насытится,
И то, что дремлет, когда-нибудь проснется.
Они ждут, они готовятся,
И они голодны,
Те боги, что спят и видят сны.*

– баллада альдари, автор неизвестен, перевод Роллофа Узмартинека из Дейна
(казнён 879.М39)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Время взаймы

Приблизительно 10000 лет назад

Иезекииль Седейн умирал.

Было время, когда он, словно гигант, возвышался над людьми – как физически, так и интеллектуально. Те дни давно минули. Ныне он стал стариком, а его жизнь близилась к концу. Семифутовое тело Иезекииля усохло, а позвоночник скрючился от недостатка кальция. Руки скрутил артрит, а кожа обвисла, окутав хрупкие кости, словно наброшенная сверху ткань. Блестящие черные волосы истончились и побелели, ныне напоминая шелк в паучьем гнезде. Локоны рассыпались вокруг его головы на подушку и теперь лежали, как лежала и кожа: если бы он стоял – если бы он только был способен стоять – то они бы развевались позади него, словно облако пуха.

Седейн прожил дольше, чем было положено отпрыску Терры, но все рано или поздно заканчивается, и его жизнь близилась к завершению.

Люди осознают, что они смертны, но до последнего отрицают сей факт. Седейн считал, что его интеллект превосходит умы большей части человечества и верил, что ему удалось освободиться от заблуждений, которые мешают разуму здраво мыслить, но сейчас Иезекииль поддался им.

Он едва мог поверить, что смерть уже стучится в его двери.

«Этого не может происходить со мной», – подумал Иезекииль.

Но происходящее было реальностью.

Седейн поднялся из самых низов и стал одним из величайших ученых своего времени. Несмотря на дряхлеющее тело, его ум всегда оставался пронизательным и не затуманенным. С неподдельным пылом он доказывал, что все еще молод в душе, но пагубное влияние старости на его тело свидетельствовало об обратном.

Седейн больше походил на труп. Его губы обнажили желтые зубы, казавшиеся слишком длинными из-за усохших и почерневших десен. Как бы стремительно не мчались мысли Иезекииля, тело его почти не двигалось, а грудь дрожала от каждого удара сердца, тогда как каждый вдох походил на свистящий рев.

Но он еще не умер.

Он всё ещё дышал. И когда двери спальни широко распахнулись, его веки дрогнули, а неестественно влажные глаза в иссохших глазницах повернулись в сторону гостя.

– Альтрикс Эрминия, – прохрипел Седейн. Его верхняя губа прилипла к зубам из-за недостатка слюны, испортив улыбку. Он сох изнутри, словно стручок пряностей под палящими лучами солнца. Скоро из него уйдет последняя капля жизни, а от тела останется лишь сухая шелуха.

А после Седейн превратится в прах.

Альтрикс двинулась вперед, шурша многослойной и мягкой пластековой одеждой. В нагрудном кармане она носила красно-белый кадуцей, который контрастировал с бледно-зеленым цветом платья. Ее тело было затянато в форму, которая служила символом профессии Альтрикс, и ограничивала ее движения, но девушка двигалась с легкой грацией, что свидетельствовала о физически развитом теле, мощь которого могла быть смертельно опасной...

– Милорд директор, – произнесла она, почтительно склонив голову. Острый изгиб челки аккуратно ниспадал ей на глаза.

– Я рад, что ты пришла, – голова Седейна слабо качнулась в сторону, когда он попытался проследить за ее приближением. Его терзали желания, более подходящие молодому человеку. – Был бы я помоложе... – усмехнулся старик.

На Седейна навалилась усталость. Его дыхание становилось все более хриплым. Он был похож на машину, которую вскоре должны были выключить. Ученый посмотрел на лицо Альтрикс, а затем перевел взгляд на толстый шприц, который она держала в руке.

– Время... близится, – он с трудом выдавливал из себя слова. Чтобы произнести хоть один слог, ему требовалось сделать болезненный вдох. Теперь Иезекииль произносил каждое слово с заботой и вниманием, хотя ранее он столь небрежно ими разбрасывался...

– Так и есть, милорд, – ответила Альтрикс. – Вы умираете.

Седейн ослабилась, отчего сходство с мертвецом только усилилось.

– Ты всегда умела порадовать старика добрым словом, – прошелестел он. – Как продвигаются поиски?

– Я установила местонахождение семерых возможных кандидатов. Все они – послушники Диакомы. За ними уже отправились.

– Тогда вколи мне последний эликсир. Я хочу снова ходить и двигаться. Я слишком долго сидел здесь взаперти...

– Вы уверены?

– Ты сама принесла его, – выдавил он из себя, с трудом кивнув головой. – Знала, что я попрошу...

– Это последний, – с тревогой ответила девушка, достав стеклянный цилиндр, заполненный мутной жидкостью цвета мрамора с серебристым оттенком. – Адарнианцы сгинули все до единого. Последний из них пал, и теперь их мир опустел. Как только я введу эту дозу, больше ничего не останется. Мне жаль...

Во время Великого Крестового похода адарниаскую расу объявили не представляющей опасность, и им было дозволено жить под протекторатом Империиума – и все же это привело их вид к вымиранию.

К несчастью для ксеносов, жидкости в их телах оказывали чудотворное воздействие на человеческий организм.

– Жаль... я... так... – Иезекииль дважды сглотнул, пытаясь собрать достаточное количество слюны, чтобы смочить пересохшее горло. – И не смог воссоздать их, – произнес Седейн, задыхаясь от волнения.

– Милорд, вы уверены, что сейчас самое подходящее время? Мы можем задержаться здесь на несколько дней. Этой дозы хватит, чтобы поправить ваше здоровье как минимум на несколько месяцев. Быть может, лучше подождать, пока не будет избран кандидат, который отправится на Терру?

– Нет. Сделай это прямо сейчас, – Седейн закрыл глаза.

Он был настолько слаб, что не мог протянуть руку, поэтому Эрминия осторожно вытащила ее из-под одеяла. Она взяла специальную подставку со скобами и зафиксировала конечность. Вены на сгибе руки были испещрены многочисленными следами уколов, и девушке потребовалось немало времени, чтобы отыскать подходящее место для инъекции. Препарат надлежало вводить в больших количествах непосредственно в кровь – вдыхание паров или же втирание в кожу не оказывало должного эффекта.

Когда все остальные омолаживающие средства уже не действовали, эликсир из адарнианцев становился последней надеждой умирающих. Достать его было совсем не просто, и не только из-за зверского способа добычи – лекарство было запрещено законом и его применение каралось смертью.

Впрочем, Седейн не беспокоился ни о ксеносах, ни о законе – у него существовали и другие, более насущные проблемы. Во-первых, когда омолаживающее воздействие эликсира заканчивалось, тело человека усыхало еще сильнее, чем раньше. Каждая доза означала, что он становится все ближе к своей кончине. А во-вторых, это было невыносимо больно.

Это была последняя доза и она прикончит его.

– Ну что, вы готовы? – спросила девушка.

Он моргнул в знак согласия. Альтрикс приставила иглу к руке. Ей не нужно было говорить, что будет больно.

Острые иглы, словно пчелиное жало, пронзило плоть Седейна и он начал судорожно хватать ртом воздух. Но истинная боль пришла когда поршень плавно пошел вниз. Целебный яд, выжатый из органов разумных существ, затопил его организм, а вместе с ним пришел огонь, который своим жаром вернул его на век назад, перековав изношенные гены и запустив механизмы, продлевающие срок жизни.

В его теле вскипела украденная юность.

Иезекииль Седейн закричал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Орбита «Эгиды»

Наше время

Сверкающие обломки окружали мертвую планету. Пелена из блестящих частиц торжественно витала вокруг серого, словно старая кость, и куда более сухого, нежели пыль, трупа, пока тот вращался вокруг солнца.

Орбита, по которой вращалась планета, была более чем благоприятна для зарождения жизни, и все же она полностью отсутствовала.

На высокой орбите у экватора – до недавних пор деградирующей, а ныне стабилизированной – висели разбитые останки единственной космической станции. Мягкое сияние атмосферных щитов, закрывающих пробоины в одной из ее секций, едва проглядывалось на фоне яркого солнечного света.

На околоземной орбите также находились три корабля: между станцией и планетой разместился богато украшенный легкий крейсер с геральдикой желтого и черных цветов. Его кормовые щитовые пластины черного цвета украшали скрещенные золотые косы, а из-за яркого солнечного света отчетливо были видны многочисленные шрамы, что усеивали весь корпус звездолета. На его носовом таране изящными письменами было выгравировано название – «Стероп».

То было имя одного из десяти легендарных скакунов Соты.

Ближе всего к орбите находился небольшой корабль Механикус. Большая часть судна состояла из голого металла, а остальная была окрашена в насыщенные красные цвета Марса. На нем не было выведено ни единой надписи, но на нескольких опознавательных табличках виднелся один и тот же номер – 0-101-0. Несмотря на свои небольшие размеры, корабль был заполнен под завязку: в его многочисленных трюмах стояло промышленное оборудование, а корпус усеивали стыковочные доки, в то время как между звездолетом и станцией непрерывным потоком постоянно сновали летательные аппараты.

На самом большом отдалении находился совсем недавно сошедший со стапелей крупный ударный крейсер Адептус Астартес нового класса. Его только что доставили с верфи. На корпусе судна не было видно ни повреждений, ни следов ремонта – он предстал перед глазами наблюдателей в своем первозданном облики. Его темно-синяя краска еще не успела выгореть, а Ультима, выставленная на всеобщее обозрение, все еще сохраняла ярко-белый цвет. Это был совсем юный, но очень опасный корабль. Он носил имя «Повелитель Веспатора» – ибо владыка этого мира пользовался сим кораблём дабы путешествовать по своим владениям.

Створки ангара «Повелителя Веспатора» открылись и из них вылетел единственный корабль. Из его двигателей вырвалось яркое-голубое плазменное пламя, смешанное с выхлопными газами. Корпус судна сиял так ярко, словно это была украшенная драгоценными камнями рукоять клинка, брошенного застигнутому врасплох воину, которому предстояло сразиться с чудовищем.

Но оружие прибыло слишком поздно. Монстр одержал победу.

Мир был мертв.

И именно поэтому Децим Феликс, тетрарх Ультрамара, прибыл сюда, чтобы осмотреть руины своих владений.

***

– Узковато, – хмыкнул Дэл.

Технодесантник изменил траекторию полета корабля с помощью небольшого штурвала. Феликс выглянул наружу через бронестекло. Кабина пилота располагалась над транспортным отсеком, из-за чего потолок станции, вдоль которого летел «Повелитель», находился всего в нескольких дюймах от лица космодесантника. Он был столь близок, что тетрарху удалось рассмотреть поврежденный металл и понять, чье именно биологическое оружие их нанесло.

Лишь благодаря мастерству Дэла «Повелителю» удалось протиснуться в ангар. Левая рука пилота стремительно перемещалась по многочисленным тумблерам и кнопкам, в то время как массивный бронированный корпус шаттла окаймляли вспышки света и пара.

– Как скверно, – бросил Феликс.

– Я приземлялся и в более тесных пространствах, милорд, – ответил Дэл, напряженно сосредоточившись. – Правда, это бывало не так уж и часто.

Команда Дэла состояла из еще одного боевого брата примариса, чьи доспехи были выкрашены в красный цвет, и трех слуг ордена. Все они были столь заняты посадкой, что не могли говорить с тетрархом – лишь нервно поглядывали на приборы. Тронк, второй пилот и технодесантник, оставался неподвижен – лишь едва заметные движения его рук, корректирующих немногочисленные ошибки Дэла, свидетельствовали о том, что в багряный доспех заковано живое существо.

Из нескольких ближайших к ним помещений доносились трели аварийных сигналов. Установленные на носу корабля прожекторы осветили кусок стены.

– Воля Императора! С каждой секундой все хуже! – воскликнул Дэл.

Посадочный отсек получил катастрофические повреждения. Попытки запечатать пробоины сократили его пространство наполовину – помещение разделяла перегородка из пласта, закрепленная металлитовыми стяжками. Опорные балки,

удерживающие стену в вертикальном положении, стояли под углом, тем самым еще сильнее усложняя задачу Дэла.

– Почти получилось... – произнес пилот, обращаясь скорее к самому себе, чем к своим спутникам.

Феликс наблюдал, как мимо проносились куски разорванного металла. У «Эгиды» было множество посадочных палуб, но чудовища флота-улья Кракен уничтожили их все, как только взошли на борт. Лишь этот небольшой стыковочный отсек удалось хоть как-то восстановить для дальнейшей эксплуатации.

Тронк перераспределил энергетические потоки, готовясь к посадке, и силовое ядро «Повелителя» завывало ещё сильнее. Корабль покачнулся и технодесантник бросил взгляд на пилота.

– Это не моя вина, – ответил Дэл на немой упрек брата. – Гравитация здесь ни к черту, – проворчал пилот. – Тут почти ничего не уцелело. Тронк, запускай процедуру посадки. Это самое лучшее место для приземления, что мне удалось обнаружить.

В ушах Феликса щелкнула вокс-бусина. Дэл открыл общий вокс-канал.

– *Сержант Комин*, – сказал пилот. – *Подготовиться к высадке.*

– *Принято. Открывайте носовую аппарель*, – ответил Комин.

– *Разгерметирую трюм. Здесь нет кислорода. Надеюсь, ты уже в шлеме?*

– *Дэл, мне надоело повторять – меня раздражают твои шуточки.*

– У парня чувство юмора совсем отсутствует, – хмыкнул пилот. Убедившись, что Комин услышал его, воин закрыл вокс-канал.

– Он хороший солдат, – ответил Феликс.

– Но, думаю, даже ему бы не помешало иногда улыбаться, – продолжил Дэл. – Наша жизнь – это не одна лишь строевая подготовка и служба.

Удерживающее внутреннюю атмосферу поле отключилось, и ангар разгерметизировался. Дэл потрянул штурвалом, компенсируя изменение тяги, возникшей из-за потоков воздуха, вырвавшегося из двух десантных отсеков. Стоило двигателям судна начать стихать, как немедленно упали рампы. Крыло правого борта задело перегородку, издав громкий визг, и Феликс стиснул зубы.

– Я же говорил – тут очень узко, – пробормотал Дэл.

«Повелитель» едва успел опуститься на посадочные шасси, когда из десантного отсека стремительно выбежали восемь космодесантников с винтовками наготове, и заняли позиции в разных концах ангара. Каждый воин был облачен в силовую доспех модели Марк X «Заступник», украшенный геральдическими символами. На левых же наплечниках Астартес красовался богато украшенный символ тетрарха Веспатора.

Комин гораздо сильнее выделялся среди бойцов своей манерой поведения, нежели красно-белыми доспехами и сержантскими знаками отличия. Он стоял перед носовой частью «Повелителя», отдавая многочисленные команды телохранителям Феликса, и держал у груди свой болтер.

Двигатели захрипели. Корабль опустился на гидравлические шасси и замер.

– Вот мы и прибыли, – сказал Дэл.

Тронк щелкнул по дюжине кнопок. Слуги ордена выдохнули и начали послеполетную проверку. Силовая установка корабля умолкла до тихого жужжания. Доспехи Дэла зашипели, когда пилот отсоединился от пуповины, встроенной в спинку сиденья. Броня пилота выглядела громоздкой, но он с легкостью повернулся и развернул свой шлем в сторону Феликса.

– Добро пожаловать на борт «Эгиды», милорд. Добро пожаловать на Соту.

***

Процессия, возглавляемая Комином, вышла из ангара. Сержант настоял на том, чтобы идти первым – он делал так каждый раз, когда тетрарх покидал свой дворец на Веспаторе. Феликс последовал за своими людьми, чьи синие доспехи в цветах ордена Ультрамаринов поблекли на фоне стен плохо освещенной станции.

Феликс не любил помпезность, но мирился с присутствием телохранителей. Воина его мастерства мог бы раздражать постоянный контроль – ведь это означало бы, что он не может позаботиться сам о себе, но тетрарх был достаточно прагматичен, чтобы не переживать по этому поводу. Он ясно отдавал себе отчет о том, что его гнев никак не мог повлиять на сам факт присутствия стражи, а потому повелитель Веспатора часто благодарил своих охранников за службу. Именно по этой причине немногословность и официоз поведения Комина не вызвали у него отторжения: Феликс изо всех сил старался во всем следовать примеру лорда Жиллимана и видеть во всем лишь потенциальную пользу, а не концентрироваться на эмоциях.

Когда же он все-таки задумывался о своих чувствах, Феликса пронзало возмущение – его положение способствовало тому, что его всегда должны были оберегать. Впрочем, подобные минуты слабости лишь укрепляли решимость тетрарха вести себя так, как того желал бы лорд Жиллиман. У телохранителей и прочих многочисленных слуг Феликса на Веспаторе была своя цель, и именно по этой причине требовалось им позволять ее выполнять, а не мешать или критиковать лишь за то, то они существовали.

Теоретически и практически путь Ультрамарина сослужил ему хорошую службу.

Но эмоции непослушны, и сейчас Децим испытывал радость от того, что в данный момент телохранители были с ним. Не меньше тетрарха радовала возможность отдохнуть от своих многочисленных слуг. С тех самых пор, как Роберт Жиллиман назначил его одним из четырех лордов Великого Ультрамара, Феликс делал все возможное, чтобы посетить каждый вверенный ему сектор, но Дециму впервые удалось забраться так далеко в старую Сотарианскую систему. Как-то его лорд-кастелян на Веспаторе многозначительно заметил, что Феликс путешествует столь часто лишь для того, чтобы избежать политики.

Возможно, в этом и присутствовала доля правды.

Тетрарх прервал свои размышления и начал осматривать развалины станции. Чем ближе они подходили к командному центру, тем очевиднее становились признаки недавней повторной оккупации.

Владыку Веспатора невольно захлестнули эмоции.

– У меня странное чувство, – обратился он к брату-ветерану Кадму из Кос Императора – ордену, которому и принадлежала станция. – Нам известно не так уж и много о том, что здесь произошло, но то, что сохранилось, наглядно свидетельствует о случившемся словно застрявший в костях скелета клинок. И если рассказ об убийстве – это всего лишь набор предположений, то окровавленный труп может поведать куда как более жуткую историю...

Они продолжили путь по коридору, освещенному люменами, установленными на столбах и соединенными подвесным кабелем. Здесь не было ни воздуха, ни гравитации, а потому все одиннадцать воинов активировали магнитные зацепы и теперь шли странной, неторопливой походкой.

– Я всюду вижу следы биологического оружия: разорванный металл, кислотные ожоги, следы зубов и когтей... но нигде нет никакой органики. Я полагаю, что все поглотил Кракен.

– Таков путь ксеносов, мой повелитель, – ответил Кадм. Хотя формально воин и входил в состав Кос Императора, но он относился к Астартес нового поколения, и поэтому ему ещё не доводилось бывать на Соте. Его голос звучал спокойно и немного отстраненно – Феликс заподозрил, что телохранитель также боролся со своими чувствами.

– Тебе когда-нибудь приходилось сражаться с тиранидами? – спросил тетрарх.

– Мой орден считает своим священным долгом уничтожить их везде, где они появляются, – ответил Кадм. – Я сталкивался лишь с отбившимися группами. Ни один из них не мог сравниться с флотом, который сожрал Соту – впрочем, они тоже представляли смертельную опасность.

Феликс кивнул в ответ. Впереди, сквозь огромную брешь в корпусе, просачивался солнечный свет – попадание оружия тиранидов деформировало металл обшивки.

«Любопытно. Но палуба осталась нетронутой», – подумал Феликс. Настил действительно не был поврежден попаданиями обычного оружия, но когда процессия поравнялась с дырой, тетрарх увидел, что стало причиной пробоины – металл был сожран и поглощен, а по его краям все еще виднелись следы крошечных зубов.

– Они потребляют не только органику, – бросил Кадм, проследив за взглядом своего повелителя. – Тираниды пожирают все.

– Тогда почему они не поглотили всю станцию? – спросил Феликс. Он остановился в проеме. Охранники тут же последовали его примеру и выстроились в идеальном оборонительном построении.

– Этот вопрос вам стоит задать архимагосу, когда он сюда прибудет, – ответил Кадм.

Повелитель Веспатора кивнул.

– Если кто и знает ответ на этот вопрос, то именно он. Сколько ты прослужил в Косах Императора, прежде чем присоединился к Избранным тетрарха?

Кадм уставился в космос. Абсолютная темнота при столь сильном освещении выглядела странно-бархатистой и казалась нереальной каждому, кто смотрел на нее.

– Шесть лет, если считать по сотарианскому летоисчислению.

Конечно же, Феликс знал это. Он лично отбирал каждого кандидата, но по возможности предпочитал получать информацию лично. В холодных данных не было никакой души, но командир мог научиться многому, слушая своих воинов, даже если они говорили то, что он мог бы с легкостью прочесть; то, как они рассказывали свои истории, как вели себя и как обращались с определенными предметами, раскрывало их самые сокровенные мысли так, как не могла сделать ни одна запись. Речь выдавала истинную личность человека, которую даже не могло притупить возвышение в Адептус Астартес.

– Я был там, на Хамагоре. Большая часть моего боевого опыта заключается в борьбе с предателями и их демонами, милорд. Ксеносы же... это нечто другое, – Кадм сделал паузу, пытаясь подобрать слова получше. – Невозможно оценить ту ненависть, которую испытывают мои братья и мой орден к тиранидам. Ветераны зациклены на их истреблении, и это касается и нас, братьев-примарис... эта ненависть заразительна и она определяет наш путь.

– Значит, следует этим воспользоваться, – заметил Феликс.

– Согласен, – кивнул Кадм. – Ненависть – это острый клинок, но есть кое-что, что касается лично меня... Скажем, некоторая дистанция между нами, братьями-примарис, и изначальными Косами Императора, – телохранитель посмотрел на Феликса. – Прошу прощения, милорд, если я сказал что-то лишнее. Мое положение не позволяет критиковать столь великого человека, как магистр Фракиец.

– Ты можешь говорить, что пожелаешь, Кадм, – возразил тетрарх. – Я понимаю твою сдержанность, но в делах, связанных с Косами Императора, я прошу быть моим советником, а не просто защитником. Если у тебя появиться хоть толика сомнений, ты должен ими со мной поделиться. Не все ордена легко приняли своих братьев-примарис...

– Дело не в этом, – ответил телохранитель. – Нас приветствовали, словно спасителей, милорд. Нас чествуют и почитают даже сверх наших достижений!

Станция медленно вращалась. Из-за движения «Эгиды» в поле зрения воинов оказалась мертвая Сота. Лишенная жизни, она сияла белым зеркальным светом, словно отполированный череп.

– Значит, источник твоей тревоги лежит куда глубже, так?

Кадм кивнул.

– Их осталось так мало, милорд... лишь горстка, и последние из первоначальных Кос скрытны и мрачны.

– Они многое потеряли. Я изучил все имеющиеся записи, и, если быть честным, то они скверно проявили себя в бою и сами повинны в своем почти полном уничтожении.

– Я соглашусь с вами, но в них есть нечто большее, нежели простой стыд, – ответил Кадм. Он снова замолчал, не желая высказывать свои сомнения вслух.

– Что же тогда? – настаивал Феликс.

– Мне кажется, они что-то скрывают, милорд.

В глаза воинам ударил ослепительный солнечный свет, когда движущаяся «Эгида» обогнула планету и пронеслась мимо солнца. Затем коридор вновь погрузился во мрак. Алые линзы шлема Кадма засветились, и во тьме Феликс увидел глаза позади них: сетчатка воина словно бы отливала серебром – то был эффект, вызванный прямым лазерным считыванием данных. Когда Кадм признавался в своих человеческих переживаниях, воин отчего-то выглядел существом, чрезвычайно далеким от человечества.

Такова была судьба Адептус Астартес.

Они все еще оставались людьми, но были слишком отстранены от своей расы, пока сражались с монстрами во тьме...

– Я услышал тебя, – кивнул Феликс. – И я благодарю тебя за твой совет, брат Кадм. Вперед, – приказал тетрарх остальным телохранителям. – В центральный узел. Давайте же лично встретимся с героями ордена и составим о них свое собственное мнение.

Процессия двинулись дальше, держа оружие наготове.

Подход к стыковочной площадке был испещрен шрамами от попаданий биологического оружия. Целые участки помещения были выгрызены разрывными снарядами болтеров – на станции шли тяжелые бои. Еще дальше следы кислоты и когтей исчезали под свежей обшивкой. Временный воздушный шлюз перегородивал коридор рядом с командной палубой, к которой были приварены новые секции стен, а снаружи в бездействии стоял сервитор на гусеничном ходу. Пара сдвоенных плазменных пушек-стражей, установленных на треногах и выкрашенных в красный цвет Марса, следили за космодесантниками. Орудия несли на корпусах клеймо своего создателя – Велизария Коула, и светились зарядными катушками, которые обозначали полную боеготовность.

Проход был широким и высоким – достаточно большим, чтобы вместить громоздкий корпус дредноута, но вот воздушный шлюз оказался весьма узким – через него мог пройти лишь один космодесантник. Впрочем, это было временной мерой.

Ожил череп, установленный на вершине арки, которая находилась над воздушным шлюзом. Окулярные сенсоры в глубине его глазниц вспыхнули с

неожиданной для машины бдительностью. В лишенную плоти челюсть был установлен вокс-передатчик – будь в коридоре хоть какая-то атмосфера, щелчки устройства напоминали бы треск костей.

– *Имя и цель визита*, – проскрежетал прямиком в вокс-передатчики шлемов резкий машинный голос.

Глава стражи тетрарха шагнул вперед.

– Сержант-ветеран Комин, откомандирован из ордена Адептус Астартеc Сыновой Орара в подразделение по обеспечению безопасности тетрархов. Командир отделения Избранных Веспатора, приписан к тетрарху Дециму Феликсу.

– *Требуется подтверждение старшего офицера. Тетрарх Феликс должен явиться лично*, – ответил череп. – *В допуске отказано.*

Комин продолжал настаивать на своем, пока командир не приказал ему отступить.

– Я тетрарх Децим Андродин Феликс из ордена Ультрамаринов, уроженец Лафиса, повелитель Веспатора и его восточных границ, – Феликс послал машине верительные грамоты и печати своего дома. – Разрешите нам войти.

– *Минуто*, – ответил череп. Свет в глазах устройства погас, а челюсть отвисла.

– Как дружелюбно, – весело хмыкнул Дэл. Он указал на плазменные пушки и серворуки техnodесантника моментально отследили его жест. – Они очень, очень хорошо сделаны, – воин наклонился так, чтобы лицевая пластина его шлема оказалась на одном уровне с оружием, и повел головой из стороны в сторону. Турели отслеживали каждое движение космодесантника. – Прекрасная чувствительность.

Сердечники реакторов повернулись, а катушки орудий засветились ярче.

– Ты слишком много рискуешь, – упрекнул его Комин.

– Я тщательно взвешиваю каждое свое действие на весах вероятностей, – ответил Дэл, выпрямившись. – Нужно рассчитывать каждый свой шаг теоретически и практически. Диалектика Ультрамаринов – это образ мышления, который стоило бы усвоить вашему ордену. Не стоит на меня злиться лишь потому, что я оцениваю риски лучше тебя.

Комин лишь пренебрежительно хмыкнул в ответ. Глаза черепа вновь вспыхнули, вызвав молниеносную реакцию Избранных – болтеры плавно нацелились на двери и орудия.

– *Личность подтверждена*, – произнесла машина. – *Тетрах, пожалуйста, проходите.*

Дверь шлюза отъехала в сторону. Комин уже было собрался войти первым, но Феликс опередил его и шагнул в помещение. Эта комната была перестроена из коридора, и была достаточно большой, чтобы вместить сразу одиннадцать человек.

Архаично выглядящие взрывозащитные двери выходили в воздушный шлюз – на них виднелись следы ремонта, но поверхность все еще испещряли многочисленные огромные выбоины, оставленные тиранидским оружием ближнего боя. Остатки

оборонительных башен вокруг входа были обложены свежими бронепластинами, вокруг которых также виднелись отметины огромных когтей.

Воздух проникал в помещение из недавно установленной трубы, ведущей к командной палубе, и к авточувствам брони Феликса вернулся звук.

Двери со скрежетом откатились по деформированным рельсам.

***

Для того, чтобы восстановить командный центр станции до состояния, пригодного для эксплуатации, пришлось изрядно потрудиться. Помимо подачи воздуха были установлены гравитационные плиты, а разрушенные механизмы вырезаны – оставшиеся после их удаления дыры покрыли заплатами, что сияли швами свежего металла. Из-за этих манипуляций мало что в помещении осталось нетронутым.

Центральный помост и галерея вокруг зала были неотъемлемой частью «Эгиды» – поэтому их залатали и оставили, но большая часть остального оборудования исчезла, оставив после себя много пустого пространства. Тусклая пласталь закрывала самые большие повреждения конструкции. С помощью незакрепленных плит палубного настила были проложены мосты над инженерными каналами, в которых велся ремонт. Временные рабочие леса выстроились вдоль одной из стен – от них змеились силовые кабели, пропущенные сквозь свежие отверстия, вырезанные для обеспечения доступа к функционирующему энергетическому каналу. В альковах по всему периметру комнаты стояли статуи десяти лошадей в различных позах – каждая из них несла на себе следы повреждений. Некоторые были разрушены полностью и представляли собой груды осколков из бронзы, перемешанные с обломками тел скакунов. Эти статуи отчего-то напомнили Феликсу о мерзостях Хаоса, и тетрарх отвернулся от них прочь.

Большая часть стены командного зала была вырвана. Дыру еще не залатали, по этому брешь закрывал атмосферный энергетический экран, растянувшийся от одной стороны помещения до другой. За мерцающим голубым щитом виднелись останки платформы, покрытой вечной мерзлотой космоса.

Тетрарха ожидали тринадцать Астартес. В комнате также находились еще пять человеческих существ: четверо из них были неразумными сервиторами – двое были снаряжены для ближнего боя, а вторая пара представляла собой стандартные боевые модели. Пятое существо также обладало многочисленными аугментациями, но в отличие от своих собратьев имело свободу воли – то был адепт Культа Механикус. Его гуманоидное тело полностью состояло из пластстали, хотя венчающее металлическую шею лицо было из плоти и крови. На нем не было видно никакой защиты – лишь обезоруживающая улыбка, а под одеянием беспокойно постукивали несколько маленьких вспомогательных рук.

Большинство космодесантников стояли лицом к двери, ожидая появления Феликса. Те же, кто находился спиной ко входу, немедленно повернулись как только он вошел.

Насколько можно было судить по их опознавательным знакам, они разбились на небольшие группы согласно личным предпочтениям, а не отрядам.

Избранные выстроились в ряд и встали лицом к лицу с Косами Императора. Феликс никогда еще не видел столь большой разницы между двумя группами преданных ему Астартес: его братья-примарис носили отполированные доспехи с идеально выведенной геральдикой. Боевое же снаряжение Кос выглядело потасканным и помятым, а желтая и черная краска была нанесена поверх плохо состыкованных компонентов, взятых от силовой брони различных моделей. Среди них присутствовали аптекарий и технодесантник – последнего выдавало заметно лучшее состояние снаряжения, а также геральдика и красный цвет доспеха.

Отсутствие единообразия в экипировке было обычным делом в подразделениях Астартес, вынужденных долгое время проводить на поле боя, но Косы Императора дошли до крайности. Четверо воинов ордена носили терминаторские доспехи, и если у троих из них броня выглядела ухоженной, то доспехи четвертого представляли собой уродливую смесь компонентов от различных комплектов, многие элементы которой несли следы поспешного ремонта.

«Не будь столь острой нужды», – подумал Феликс. – «Четвертый комплект не покинул бы арсенал».

Даже его собственный воин из Кос Императора, Кадм, выделялся среди своих предполагаемых собратьев – несмотря на их общую геральдику, он казался столь чистым, что боец выглядел, словно бы самозванец.

Феликс невольно вспомнил о ветеранах Ультрамаринов, прошедших войны с тиранидами: все Косы Императора щеголяли трофеями из костей ксеносов и хитиновыми частями тел ксеносов, выцветших до оттенков малинового и кремового цветов. Все стоящие перед ним космодесантники являли собой индивидуальность – одни стояли вытянувшись, другие же словно бы приготовились к бою, а прочие нагло сутулились. Тетрарх понял, что перед ним находились остатки умирающего братства – и хотя силы ордена были восстановлены благодаря притоку братьев-примарис, эти Астартес были последними в своем роде.

Во главе воинства стоял магистр. Его доспех был увешан многочисленными клыками и когтями – останков ксеносов на офицере было куда больше, чем на остальных Косах, и они скрывали его стандартные знаки отличия под своим ужасающим видом.

Мягкий звон в шлеме Феликса возвестил о том, что атмосфера в этом помещении пригодна для дыхания, а температура хоть и была ниже нормы, но также являлась приемлемой. Он едва успел подумать о том, чтобы обнажить голову, как Комин немедленно связался с ним по личному вокс-каналу.

– *Тетрарх, не советую вам снимать шлем.*

– Такие встречи стоит проводить лицом к лицу, – сказал Феликс вслух.

Он неловко поднял руки к голове – движения стесняла латная перчатка с закреплённым на ней штурмовым болтером. Еще одной проблемой был латный воротник, что был общей чертой доспехов, но у тетрарха было много практики в снятии шлема, и он с легкостью избавился от него. Уплотнения зашипели и поток ледяного воздуха проник в его силовую броню. Феликс зажал шлем под мышкой и выставил на всеобщее обозрение свои грубые, но мягкие черты лица, присущие многим Астартес. Феликс обладал бледно-коричневой кожей – она была последним напоминанием о разряженной атмосфере его родного мира, – волевой челюстью и носом, похожим на нос лорда Жиллимана, а также пронзительными серыми глазами и черными волосами. Не будь черты его лица столь огрубевшие процессом перерождения, тетрарха можно было бы назвать красивым. Сняв шлем, Феликс явил себя и, вне всяких сомнений, за этой внешностью скрывался острый ум.

– Не стоит беспокоиться о благополучии вашего лорда. Уверяю вас, господа – установленный мной и моими слугами атмосферный щит функционирует просто превосходно, – произнес техноадепт.

– Кто вы? – спросил Феликс.

– Я Кво-87, – Механикус почтительно склонил голову. – Архимагос послал меня подготовить эту станцию к вашей встрече. Я приношу свои извинения – нам пока что не удалось полностью восстановить её работоспособность. Нанесенный ущерб оказался существенным, и нам потребуется немало времени, чтобы вернуть «Эгиду» в первоначальное состояние.

– Это и так было известно, – Феликс посмотрел на голубое поле, парящее в воздухе. – Вы проделали потрясающую работу в столь сжатые сроки...

– Пока этого достаточно, – Кво-87 вновь склонил голову. – Вот уже десять тысяч лет «Эгида» стоит на страже Соты и мы ее восстановим.

– Магос Кво, вы заслужите мое искреннее уважение, если добьетесь этого, – одной из задач тетрарха была оценка станции на предмет ремонтпригодности. Быть может, Сота и была мертва, но «Эгида» все еще обладала огромной стратегической ценностью. После просмотра отчетов он было поверил, что станцию невозможно восстановить, но то, что Феликс увидел воочию, выглядело многообещающе...

– Должно быть, вы Фракиец, магистр ордена, – произнес тетрарх, поворачиваясь к лидеру Кос Императора.

В ответ на его слова Фракиец снял свой шлем и открыл тетрарху грозное лицо, покрытое шрамами.

– Да. Это я, – ответил магистр. Его левый глаз был молочно-белым от ожогов кислоты, которая также изуродовала щеку воина.

– Я благодарю вас за то, что вы прибыли сюда и дали разрешение использовать станцию.

– Вряд ли я смог бы отказать одному из тетрархов, – хмыкнул Фракиец. – Вы обладаете авторитетом самого примарха.

– А у вас репутация верного слуги Императора, и я абсолютно искренне высказываю свою благодарность.

Фракиец пожал плечами. Его залатанная броня прохрипела в такт движениям магистра.

– В галактике полный беспорядок, а Сота уничтожена, – грустно произнес магистр. Он посмотрел сквозь атмосферное поле – туда, где вновь показался голый череп планеты. – Сам примарх передал вам эту часть Империиума, дабы вы управляли ею так, как считаете нужным. Я не смею вам отказать.

Моря Соты напоминали опустевшие чаши, а голые континенты обнажили сети пересохших водных каналов и цепи похожих друг на друга горных хребтов. То, что открылось воинам на командной палубе, более походило на точную геологическую модель мира.

– Так узрите же богатство вашего царства... – с горечью процедил Фракиец.

Бесплодная поверхность Соты полностью заполнила собой брешь. В резком свете звезды, что отражался от окружающего мира, командный зал выглядел абсолютно монохромным, безжалостно обнажив каждую царапину и трещину на керамитовой броне Фракийца. Лак, которым были покрыты самые сильные повреждения, побелел, а глазницы черепов, что украшали доспехи магистра, жадно воззрились на тетрарха, напоминая ночные пещеры. Лицо Фракийца было потрепанным, морщинистым и грубым, а лысая голова отражала свет, отчего он казался живым духом мертвой планеты.

– Это все ваши силы? – спросил магистр.

– Как вы и просили, я взял с собой лишь своих телохранителей. Полагаю, остальные ваши люди находятся на борту крейсера?

– Это все мои силы, – рассмеялся Фракиец. – Молодая кровь, братья-примарис, бороздят просторы космического пространства по приказу Жиллимана. Они на борту «Сердца Кроноса». Те немногие ветераны, которых вы видите здесь – все, что осталось от прежних сил Кос Императора. У нас есть дело, которое мы должны завершить сами.

– Кадм действительно сообщил, что под вашим руководством находится не так уж и много изначальных космодесантников, – Феликс нахмурился. – Но как это произошло? По последним оценкам Муниториума, на момент прибытия пополнения численность вашего ордена составляла две роты...

– Эти цифры устарели на целый век, – бросил Фракиец. – Остальных поглотила тьма. Мы – последние. Когда мы умрем, наше геносемя будет похоронено вместе с нами, и тогда десантники-примарис займут наше место. Они – будущее, и Император должен быть благодарен за дар Велизария Коула. Мы же... мы – это прошлое.

– И вы не привели с собою ни одного из своих новых воинов?.. – недовольно процедил Феликс.

– Мы приветствуем прибытие собратьев в наши ряды и чтим их, но эта миссия не для новичков, – из-за вращения удаляющейся прочь планеты на лице Фракийца плясали тени. – Сота – наш мир, и она никогда не принадлежала детям Коула. Пусть же у них будет новое начало, когда мы исчезнем. Признаться, мне очень жаль, что вы привели нашего брата Кадма – теперь и он узрит источник нашего позора, – Фракиец смотрел, как планета проходит мимо. – Остальные члены нашего ордена ничего не помнят о Соте, и я не хочу рисковать возрожденными Косами в этой экспедиции в прошлое. Крепость Дозора ныне не принадлежит никому из нас. Те времена давно минули...

– Какие вы предвидите риски?

– Мои воины имеют огромный опыт борьбы с тиранидами, лорд тетрарх, – ответил магистр. – Когда эти твари собирают урожай с планеты, они часто оставляют на ней небольшой контингент. Мы предполагаем, что подобным образом ксеносы сообщают своему коллективному разуму о возвращении жизни – зачастую генократы обустриваются возле поселений, выслеживая тех, кто придет к ним на помощь, или же для расследования инцидентов, – грозно процедил Фракиец. – Это чрезвычайно вероломная раса.

– Что ж, мы имеем двадцать четыре Астартес плюс мы можем рассчитывать на некоторый контингент воинов архимагоса, – задумчиво произнес Феликс. – Некоторые миры завоевывали и меньшими силами. А ещё бывало так, что гораздо большие по численности силы исчезали без следа.

– А еще бывало так, что гораздо большие по численности силы исчезали без следа, – Фракиец указал на огромный диск планеты. Он направил руку на одинокую гору у высохшего моря, чьи склоны скрывали под собой мертвый город. – Когда мы одолеем тех монстров, что оставил после себя Кракен, архимагос пожелает потревожить Фарос, и это не самая лучшая идея. Так что да, «риск» это подходящее слово.

Лидер Кос Императора тяжело вздохнул. Сота тем временем продолжала свое путешествие вдоль пролома в обшивке командного зала, миновав половину пути по разрушенной стене. Свет планеты становился все более тусклым, и цвета вновь вернулись на доспехи Фракийца.

– Я предлагаю вам вернуться назад, пока еще есть возможность. Десять коней Соты будут скакать для Императора, и мы в большом долгу перед Коулом за воскрешение нашего ордена – поэтому я охотно исполню его пожелания. И если архимагос желает сыграть в кости с судьбой, то так тому и быть. Но я обращаюсь к вам, как космодесантник к космодесантнику – Децим Феликс, прошу вас, поверните назад. Наследие Кос Императора находится в полной безопасности, – магистр мрачно улыбнулся. – Но кто сохранит ваше наследие, если вы здесь падете? Не входите в ту гору...

Услышав предостережение, Феликс недовольно прищурился.

– Я живу, чтобы служить и не забочусь о своем наследии! Я сражался с демонами и падшими примархами подле самого лорда Жиллимана! – воскликнул тетрарх. Проходящая мимо планета уступила командную палубу свету люменов. – Меня ничто не пугает и не сможет испугать!

Фракиец вновь печально улыбнулся. На его лице застыло странное выражение – он напоминал дядю, смотрящего на чересчур самоуверенного племянника. Фракиец взглянул вниз, а когда вновь поднял глаза, то ощутил, что его переполняет властность магистра ордена. Фракиец вновь заговорил, и его голос загредел по палубе. Даже тетрарх, некогда стоявший по правую руку от самого Робаута Жиллимана, ощутил, как волосы на его шее встали дыбом.

– *«Они станут моими лучшими воинами»,* – процитировал Фракиец слова Императора. – *«Люди, что полностью отдадутся мне. Словно глину, я вылеплю их и выкую в горниле войны. Они будут обладать железной волей и стальными телами. Я облачу их в доспехи и вручу им самое мощное оружие. Им не будет страшна чума или болезни, и никакая хворь не погубит их»,* – магистр повысил голос. – *«Я обучу их тактике и стратегии, и дам машины, дабы ни один враг не смог превзойти их в бою. Они – мой оплот против ужаса. Они – защитники человечества. Мои космодесантники не будут ведать страха».*

Когда Фракиец закончил цитату, повисло молчание. Магистр Кос вновь заговорил:

– Прекрасные слова, но я знаю – в них нет правды. Мне известно, что есть существа, которых не сможет превзойти ни один космодесантник. И мне не стыдно признаться вам – я познал страх.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Оплаченный долг

Около 10000 лет назад

– Велизарий Коул! Я – Велизарий Коул! – мужчина отпустил кнопку вокса. – Зубья и шестеренки! – выругался он. – Оно не работает!

Вокруг маленького окулюса «Силенсии» разверзся энергетический взрыв, покрыв все окружающее пространство смесью всполохов пустотного щита и языков пламени. Корабль сильно накренился, задетый ударной волной.

Фридиш Адум Силип Кво вскочил со своего места и, пошатываясь, побрел по дрожащей палубе к посту Коула.

– Что ты творишь, Фридиш?! – закричал Коул. – Ты же ушибеешься! Немедленно сядь на место!

– Ты поставил меня перед выбором – или же схлопотать удар по голове, или же закончить жизнь неминуемым атомным распадом. И, поверь, я лучше знаю, что мне по душе, – он оттолкнул руки своего спутника от пульта управления воксом. – Дай я попробую.

– Убирайся отсюда! – раздраженно крикнул Коул.

– Дай я попробую! – огрызнулся в ответ Фридиш, судорожно перебирая кнопки и нажимая их до тех пор, пока встроенный гололитический дисплей на консоли не показал открытый вокс-канал.

– Я делал тоже самое буквально минуту назад! – прорычал Велизарий. – Мне удалось заполучить их идентификационный маяк, только и всего!

– Ты не настолько хорошо разбираешься в межпланетных вокс-системах, как я.

– И с каких это пор ты знаешь об этом больше меня?

– С этого момента, – пробурчал Фридиш.

Он вытащил информационный кабель из гнезда на запястье и подключил его к пульта. Несмотря на кипящее внутри недовольство, Коул признал – его слегка поражала способность Фридиша сохранять вертикальное положение, пока корабль содрогался под орудийными залпами.

– Пожалуйста, прошу вас, перестаньте стрелять! – закричал аколит.

– Фридиш, я не думаю, что мольбы помогут, – недовольно бросил Коул – Они нам не отвечают!

– Но ведь канал открыт! – настаивал жрец.

Прогремел еще один взрыв, и на мостике повисла тревожная тишина. Тез-Лар, третий присутствующий на мостике, стоял, будучи прикованным к палубе магнитными замками, и совершенно не обращал внимания на грозящую им опасность. Мозг

киборга, искусно реконструированный Коулом, был неспособен воспроизводить эмоции – его пресное лицо не выражало ничего, кроме идиотского равнодушия.

Впрочем, такого нельзя было сказать о техножрецах – они завопили в панике, когда на корабль обрушился сильный удар. По коридорам разнесся мучительный визг генераторов пустотных щитов. Фридиш ухватился за Коула, пытаясь устоять на ногах, и тем самым вызвал еще большее недовольство у своего спутника – Велизарий оттолкнул товарища конечностями, сокрытыми в мантии.

– Еще одно такое попадание, и щиты упадут. И тогда мы умрем! – прокричал Коул.

– Но это же Риза! Риза же вроде осталась на нашей стороне, не так ли? – испуганно пропищал Фридиш.

По кораблю пронеслась громкая и пронзительная трель из генераториума.

– У тебя работает вокс? – крикнул Велизарий.

– Что?

– Вокс! Вокс! Воксмиттер всезнающего Бога-Машины! – завопил Коул. – Он работает?! Ты трижды подключался к неисправной штуке!

– Да, нет, я не знаю! – закричал в ответ Фридиш. Его аугметический глаз сверкнул из-за быстрой загрузки данных. – Духи машины говорят, что мы потеряли мачту связи, еще когда бежали со станции «Септа»! Вот почему они нам не отвечают!..

– Потрясающе, – проворчал Коул. – Теперь моя очередь! Я попробую перенаправить сигнал через магнитный щит. Если я правильно проанализировал их частоту, то мы находимся достаточно близко, – через кабели, связывающие его с умиравшим коллектором корабля, Коул активировал палубные вокс-громкоговорители, добавив к вою сигналов тревоги и воплям страдающих механизмов яростный рев статики. – Хорошо... уже хоть что-то. Монитор Механикум... – Коул тихо выругался и начал снова. – Монитор Адептус Механикус «Архей», прекратите огонь! Мы беженцы с Трисолианского добывающего комплекса «Момус», обозначение Фи-9120, Сегментум Солар. Мы бежим от сил Магистра Войны, и мы – верные члены Культа Машины, присягнувшие Марсу и Терре! Мы просим пощады!

Тон вокс-передачи изменился. После короткого импульса раздался новый звук. Магосы было поверили, что им пришел ответ, но затем импульс превратился в нарастающую трель высокоэнергетических помех...

– Их индукционные катушки выходят на полную мощность! – испуганно закричал Фридиш.

– Я это знаю! – рывкнул Коул. – Я еще не оглох!

Корабль поглотил поток плазмы – столь же бело-голубой, как и самая яркая звезда. Щит окулуся захлопнулся, но экран и трехмерный дисплей продолжали работать. Яркость на мониторах начала нарастать, и жрецы вздрогнули, когда все экраны испустили ливень искр и острых осколков. Застонал металл. Коул начал моргать, пытаясь убрать болезненные остаточные образы – из-за них он не мог понять,

какие части «Силенсии» перестали функционировать после удара. Единственное, что видел адепт – бессмысленный набор данных, поступающих в его процессор памяти от перегруженных когитаторов корабля.

Пульт рядом с Коулом испустил эффектный веер искр.

– Не нравится мне это! – Фридиш вскинул руки, пытаясь защититься, но его откинуло назад, и аколит ударился запястьем о некачественную аугметику, встроенную в лицо. Придя в себя, он заковылял по дрожащему мостику. – Ой! – завыл жрец, когда его информационный трос дернулся в сторону.

– Дорогой Фридиш, спешу тебе сообщить, что в этой галактике не так уж много людей, которым нравится, когда в них стреляют!

– Мы сейчас умрем! – вновь завопил спутник Коула. Задние части его коленей соприкоснулись с креслом, и он тяжело рухнул в него, после чего сложил руки для молитвы. – О, Омниссия, подготовь меня, дабы я мог попасть в анналы Величайшего труда! Подготовь мои знания... мои знания, чтобы... – его глаза широко распахнулись. – О, нет! Мои записи! Моя работа... все это осталось на станции! Дело всей моей жизни утеряно!..

– И что это за дело всей твоей жизни? Ты же никогда ничего не делал и даже не начинал! – с недоверием бросил Коул.

– У меня были, – завопил Фридиш, – поразительные озарения!

– Успокойся, все будет хорошо! – рявкнул Велизарий так громко, что им обоим вдруг стало ясно – адепт сам не верил в свои слова. Впрочем, Коул тем временем заставил вновь открыться окулус.

– Я не верю! Не верю! – Фридиш посмотрел в обзорный экран. – Смотри! – жрец указал на единственный пустотный щит корабля, который выходил из строя. Осветив все яркой вспышкой фиолетового света, он окончательно погас под слабое жужжание вокса.

– Все кончено... – захныкал Фридиш. – Мы мертвы...

– Всегда есть какой-то выход! – яростно воскликнул Коул.

Это был принцип, которому он следовал всю свою жизнь – впрочем, в этот раз Велизарий не был в нем так сильно уверен. На мостике «Силенсии» вспыхнули красные огни – их стало так много, что они ослепили адепта. Три резких возгласа же сообщили обитателям мостика о том, что навигатор поднялся на борт своей спасательной капсулы и катапультировался. словно бы дразня жрецов, модуль пролетел над умирающим звездолетом. Удалившись на безопасное расстояние, он передал навигационные сигналы и вопли о нейтралитете, пытаясь защитить себя от нападения.

– Прекрасно... – выдохнул Коул. – Просто очаровательно.

– Это ты во всем виноват!

– Ты ведь сам полетел со мной!

– У меня не было выбора!

– Да, потому ты сам выбрал это!

– Мне пришлось! Велизарий Коул, знай – хоть ты и мой самый близкий друг, я всегда ненавидел тебя! – выплюнул Фридиш.

Что-то ударило по корпусу. После смертоносной бури плазмы, что ранее обрушилась на щиты «Силенсии», удар показался слабым. Целый сонм тревожных ревунгов добавился к оркестру сигналов бедствия, вопящих на мостике звездолета – самый продолжительный и громкий из них оповещал об утечке плазмы.

– Реактор поврежден! – Фридиш вжался в кресло. – Вот и все! Прощай!..

– Я так не думаю, – ответил ему Коул. Он посмотрел на дисплей и добавил с возрастающим волнением. – Я так не думаю...

«Силенсия» начала медленно вращаться из-за плазмы, вытекающей из реактора.

– Это был точечный выстрел! – закричал Велизарий. – Они хотели обездвигнуть судно! Они не хотят нас убивать! – корабль вдруг резко остановился. – Как я и думал! Теперь они держат нас магнитным лучом, – выпалил он с облегчением. – Нас собираются взять на абордаж.

– И это хорошо? – взвизгнул Фридиш. – Что же, во имя трех в одном святом, в этом может быть хорошего?!

Звездолет покачнулся из-за подлетающего к нему более крупного судна. На них упала тень. По корпусу корабля раздалось несколько громких звуков, прозвучавших звучно, словно гонг.

– Ну, я бы сказал, что это лучше, чем распасться на атомы, ведь так? – ответил Коул. – Ведь так? Давай, давай Фридиш, скажи, ведь так? – его настроение вновь поднялось. Адепт был уверен, что они спасены.

– Как же я тебя ненавижу, Велизарий! – взвыл Фридиш.

Беспорядочное вращение корабля остановилось. Прозвучало еще несколько лязгающих ударов металла о металл. Звездолет резко замер, а сигналы тревоги смолкли.

Повисло молчание, и на палубный настил посыпались искры.

– И что теперь? – выдохнул Фридиш. – Мы сейчас умрем?

– Они скоро будут здесь, – сказал Коул. – Войдут в эту дверь...

– Да, – сказал Фридиш, немного успокоившись. – Да, – он опустил взгляд на свою растрепанную одежду. – Клянусь Омниссией, они не должны узреть меня в таком виде!

Техножрецы встали. Коул вынул свои входные дендриты из портов консоли, пока Фридиш возился со своей одеждой. С другой стороны двери, ведущей на мостик, доносилось множество неприятных звуков.

– Сейчас придут низшие служители Наватой, – нарушил молчание Коул. – Если мы представимся адептами, которыми являемся... ну, – он сделал паузу. – Каковым являюсь я... тогда все будет в порядке. Это всего лишь слуги Василикона Астры...

– Да заткнись ты уже, Коул! – выпалил Фридиш. – У тебя вообще есть опыт в общении с Наватоями?

– Я бы сказал...

– Никакого! Его нет! Вот что – позволь мне хоть раз самому со всем разобраться! Фридиш в последний раз разгладил свою мантию, а затем, глубоко засунув руки в рукава, выпрямился во весь рост.

Они вздрогнули от раздавшегося грохота. В центре мостика появилась небольшая щель, а затем пара прямоугольных клешней с грохотом пролезла через дымящуюся дыру. Они начали дергаться, пока крепко не ухватились за металл и не сомкнулись на нем. Заскрипели мощные поршни высокого давления, и дверной проем распахнулся.

Три киборга Адептус Механикус, снаряженные для войны в открытом космосе и облаченные в кроваво-оранжевые цвета мира-кузни Ризы, вошли на командную палубу. У всех троих были маломощные плазменные карабины, из которых можно было вести огонь на борту космического корабля. Наватой-Альфа, чей статус определялся по опознавательным знакам его подразделения и боковому гребню, держал свое оружие на плече – другой стальной рукой он сжимал небольшое устройство с широкой воронкой.

Посмотрев мимо воинов, Коул мельком увидел ужасающий ущерб, который они нанесли украденному судну. Адепт ощутил печаль – «Селенсия» была очень хорошим кораблем.

– Ну так начинай, Фридиш, – прошептал Коул. – Ты же хотел поговорить с ними... Фридиш глубоко вздохнул.

– Приветствую вас, Наватой из Адептус Механикус, – произнес он нараспев. – Я техник-аколитум Фридиш Адум Силип Кво из...

<Цели обнаружены>, – быстро выпалил Наватой-Альфа на бинарике.

Из устройства на его руке вырвался конус бледно-голубой энергии. Он поразил сразу обоих техножрецов. Фридиш, испустив девичий визг, задергался, словно человек, пораженный током, а затем тяжело рухнул на палубу. Его тело напряглось, словно прут, а из аугметики вырвались небольшие завитки дыма. Аколит издал болезненный стон.

<Цель номер один обезврежена>, – произнес Наватой-Альфа и удивленно уставился своим бронированными глазами рубинового цвета на Коула.

– Здравствуй, – обратился к нему Велизарий.

Воин вновь нажал на спусковой крючок своего воронкообразного устройства. Синий свет ударил Коула во второй раз, но ничего не произошло.

Велизарий посмотрел на свое тело, а затем перевел взгляд на киборгов и виновато улыбнулся.

– Я боюсь, ваше оружие не подействует на меня. Понимаете...

<Обнаружена нестандартная модификация. Незаконная модификация. Технологии Темного Механикума. Богохульство>, – выпалил строку кода Наватой-Альфа.

– Нет, нет, нет! Все это прекрасно вписывается в наши законы! – завопил Коул, поднимая руки.

Сканирующий луч скользнул по адепту снизу вверх.

<Обнаружена одна единица оружия. Местоположение – сбоку. Угроза – ничтожная>, – Альфа сделал три лязгающих шага вперед, убирая свое устройство в кобуру.

– Да будет вам известно, что это оружие – волкит! – воскликнул Коул, оскорбленный словами киборга о духе своего пистолета. – Отойди назад – я не побоюсь им воспользоваться!

<Эта оценка относится к носителю, а не к оружию>, – Альфа склонил голову набок.

– Мой друг, прошу вас. Если бы вы только позволили мне все объяснить... – начал Коул.

<Отказано>, – ответил Альфа, повысив голос, который теперь походил на жужжание бетономешалки. – *<Основной узел не реагирует на протоколы подчинения. Требуется физическая нейтрализация>*.

С этими словами киборг изо всей силы ударил Велизария прикладом карабина в лицо.

Нос Коула с хрустом сломался, и он рухнул, словно набитый болтами мешок.

***

Модель актуария-юдициума была довольно заурядной, но сейчас именно он удерживал судьбу Коула в своих разнообразных механических псевдоруках. Это устройство представляло собою мозг в цилиндре со слабо светящейся жидкостью, который поднимался из стола при активации и ускользал внутрь обратно по окончании своей работы. В нем не было ничего напоминающего харизму даже в специфическом понимании Культа, и Коул не имел ни малейшего понятия, находилась ли конструкция в этой комнате постоянно, или же перемещалась на некоем шасси между камерами – впрочем, не мог он предположить и к какому полу оно принадлежало. Это существо было столь далеко от подобных понятий, что его гендер едва ли имел хоть какое-нибудь значение – но Коулу не давал покоя этот вопрос. Во время каждого сеанса с актуарием адепт размышлял на данную тему, пытаясь отвлечься от скуки – впрочем, едва он мог делать что-то еще – пленители приковали Велизария к стулу в комнате для допросов, полностью лишив возможности перемещаться по камере. Им потребовалось не столь уж и много усилий, чтобы удержать жреца на одном месте – для его тела было достаточно пары наручников, ведь оно, по большей части, все еще оставалось человеческим.

Восемь гнезд-портов окружали верхний узел актуария, где под гладким металлическим кольцом из той же стали, что и столешница, находились различные механизмы жизнеобеспечения. Из семи портов выходили длинные металлические информационные тросы, соединяющие актуарий со стаей сервочерепов, которые

вопили, жужжали и метались из стороны в сторону. Они взирали на Коула холодными стеклянными глазами и по очереди пускали в его сторону различные импульсы. Восьмой порт был запечатан специальной крышкой, на которой были начертаны символы, гласящие о его бездействии. Это было сделано по совершенно очевидным причинам – после Великой Ереси восьмерка стала непопулярным числом, ибо ее почитали отступники Темного Механикума. Лоялисты же всеми силами пытались избежать даже малейшего намека на предательство.

Именно по этой причине у Коула возникло множество неприятностей.

Многочисленные нервные окончания актуария, словно корни дерева, подключили к остаткам позвоночника Коула – каждое из них было изящно закреплено золотой проволокой. Самым пугающим, впрочем, было другое – несмотря на отчаянное желание очистить себя от всякой плоти, актуарий предпочел оставить свои поразительно-зеленые глаза, которые теперь плавали в суспензионной жидкости, присоединенные к передней части мозга тщательно сохраненными зрительными нервами. К налитым кровью белкам глаз крепились крошечные канальные пропеллеры – таким образом, оставаясь неподвижными, глаза могли смотреть по сторонам. Впрочем, данную модификацию едва ли можно было назвать удачной – яблоки зрительных органов плавали не рядом друг с другом, а на разных уровнях. Коул находил это весьма неприятным, но изо всех сил старался сохранять самообладание и выдерживать немигающий взгляд устройства.

– Субъект 3199875, – проревел актуарий.

За него говорил сервочереп, снабженный вокс-передатчиком. Языковой процессор был резок, а динамик скверно отмодулирован. Камера Коула же представляла собой совершенно безмолвное пространство, наполненное белым шумом и электромагнитными волнами – делалось это, дабы блокировать проекции данных любого вида: начиная от человеческого голоса и заканчивая лазерными импульсами. И если при обычных обстоятельствах голос актуария показался бы Велизарию неприятным, то сейчас, после долгих и вынужденных раздумий, он был просто невыносимым.

– Появились данные, которые касаются вашего заявления о невиновности.

– Это не заявление! – раздраженно проворчал Коул. – Это факт, – адепт изо всех сил старался не отрывать взгляд от плавающих в колбе шаров, но неправильное расположение глазных яблок вызывало у него головные боли.

– Вы узнаете этого индивидуума?

Один из сервочерепов открыл хромированные челюсти. С щелчком из них выскочил компактный гололитический проектор, и в пространстве между Коулом и устройством появилось некачественное изображение сильно модифицированного адепта Механикус. Велизарий начал внимательно рассматривать снимок.

– Вы не узнаете его? – вновь рявкнул актуарий. – Он из Мирмидонов, культ Разрушителей.

Велизарий сосредоточил все внимание на пикте адепта.

– Вы его не узнаете, – голос актуария казался разочарованным. – Ваше прошение отклонено...

– Стойте! Дайте мне минуту! – воскликнул Коул. – Он выглядит знакомым, но мне трудно определить, кто это – ваша проекционная матрица плохо отлажена, и, если быть абсолютно честным, с вашего разрешения, как адепт адепту, я замечу, что качество изображения очень низкое...

– Так вы его узнаете или же нет?! – раздраженно возопил актуарий.

– Да, – ответил Коул и откинулся на спинку стула. Звякнули кандалы, которыми его запястья были прикованы к обеим сторонам стула. – Я знаю его. Я бок о бок сражался с ним и его мирмидонским кланом в агрополях на Трисолиане А-4, пока Эстер Асперия Сигма-Сигма не предала нас и не передала власть Магистру Войны. Он спас меня от Повелителей Ночи, а я починил одного из его последователей.

– Вы сделали это из благодарности или же это было частью предательства?

– Я просто выполнял свой долг! – Коул сжал челюсти так сильно, что они заболели. – Мы сражались против Луперкаля!

Актуарий издал довольный смешок.

– Вы знаете его имя?

– Я... – начал было Коул. – Я уверен, что он говорил мне его, но я запомнил... после нескольких проверок данных, большинство из которых провели ваши нерадивые сотрудники...

– Это были следственные проверки, а не чистка.

– Вам стоило бы сообщить об этом своим адептам, – проворчал Коул. – У меня болит аугметика – я даже не знал, что такое возможно!

– Ваше центральное ядро представляет собой нестандартную конструкцию. У нас возникли некоторые осложнения.

– Ага, так и было, пока оно работало. Но не сейчас.

– Значит, вы не помните данного адепта.

– В числовом коде – нет, но я помню его своей органической частью! Почему вы спрашиваете? Неужели он тоже предатель? Неужели это очередное доказательство того, что я проклят в глазах Адептус Механикус?! Я уже говорил вам ранее – когда мы прибыли сюда, я даже не знал, что война окончилась! Я говорю вам чистую правду...

– Мы взяли этот образ из вашего собственного центрального ядра.

– Тогда зачем вы спрашиваете, помню ли я его?! – раздраженно закричал Коул. Каждая его встреча с актуарием имела тенденцию следовать одной и той же непостижимой, совершенно сводящей с ума логике.

– В рамках судебного процесса против вероотступников-членов культа Механикус, все данные тщательно собираются и будут храниться вечно. Да будет так по воле Омниссии и движущей силы Бога-Машины! Данный человек был обнаружен. Мы связались с ним по поводу вашей предполагаемой невинности.

– И что же? – устало спросил Коул, который желал как можно скорее покончить с допросом.

– Его имя – Теодул Паллисар. Он занимает ранг брата-Разрушителя в культе Иерофантов.

– Это и есть его нынешнее звание? – спросил адепт.

– Да, – самодовольно ответил актуарий.

– Это высокий чин? – рискнул узнать Велизарий.

– Да, – ответил актуарий.

– И... он же не предатель?

Сервочереп вплотную подлетел к лицу пленника и посмотрел ему прямо в глаза.

– Никак нет, Велизарий Коул. Он герой войны, – ответил актуарий. Внутренности черепа вспыхнули в такт словам.

Устройство вновь взмыло вверх. Ряд автоматов за столом издали громкий стук.

– Он поручился за вас. Инквизиция назначила вашей истории девятый ранг. Наивысший, – актуарий сделал многозначительную паузу. Властью, данной мне правящим синодом Ризы, который, в свою очередь, получил власть из самого священного покровительства самого Бога-Машины... вы свободны.

Наручники разомкнулись и с грохотом упали на пол. Коул потер затекшие запястья – кандалы были сцеплены с портами на его запястьях, отчего кожа вокруг имплантатов болела.

– Куда же мне идти?

– Это не мое дело. Меня беспокоила лишь ваша виновность. Вас признали невиновным. Более я не отвечаю за вас.

Дверь бесшумно отворилась.

– Прошу, уходите.

– Но я никогда ранее не был на Ризе...

– Меня это не заботит.

– Расскажите мне хоть что-то, прошу вас! Я не могу отправиться отсюда в мир, о котором совершенно ничего не знаю!

– Меня это не заботит. Вы должны уйти.

Сервочерепа актуария-юдициум отделились с семью металлическими скрежетами. Они улетели на зарядные станции, волоча за собой кабели. В это же время колба с мозгом начала медленно опускаться обратно под стол.

– Стойте!..

– До свидания, Велизарий Коул, – произнес актуарий. Его вокс-череп устроился на своем порте подачи питания и более ничего не говорил.

Колба со свистом скользнула на свое место. В дверной проем шагнул тяжеловооруженный сервитор и направил свой радиевый карабин в голову Коула.

– Я получил ответ, – Велизарий уставился на стол. В его голове начала складываться полная картина происходящего. – Но как же Фридиш?..

***

Когда Коул увидел, где они держат его друга, он ощутил чудовищное чувство вины. Будучи лишь аколитом, а не посвященным адептом, Фридиш был заключен в битком набитый тюремный блок общего пользования, в котором содержались всевозможные отбросы Механикус. В зале настолько сильно воняло немытыми телами, разлагающимися органическими компонентами и старым маслом, что Коул закашлялся. Его провели мимо стальных клеток, заполненных неисправными сервиторами и технократами-ренегатами, которые каким-то образом умудрились избавиться от контроля своих управляющих программ. Кругом шумно гудели плохо обслуживаемые стазисные резервуары, в которых содержались чрезвычайно опасные существа. Пока Коул проходил мимо, преступники кричали и выплескивали на него непристойные потоки анти-логичных слов. Те же самые противокommunikационные системы, которые ранее окружали камеру Велизария, формировали и нерушимую стену вокруг этого блока – впрочем, здесь их мощь была усилена в несколько раз, дабы изолировать десятки заточенных разумов от ноосферы Ризы, отчего воздействие систем было особенно пагубным: гнетущие магнитные волны замедляли сознание Коула, нарушая связь между аугментикой и человеческим телом. Он одновременно чувствовал себя больным, сонным, раздраженным и безумно радостным.

– Какое ужасное место... – пробормотал Велизарий себе под нос.

Альфа-скитарий, который привел его к камере Фридиша, был специально модифицирован, чтобы не ощущать противокommunikационног воздействия. Киборг остановился и жестом указал на клетку. Внутри нее, на полу вокруг нарисованной мелом схемы, сидели несколько низших чинов Культа и громко спорили друг с другом о начертанной на настиле конструкции. Среди них был и Фридиш, стоявший спиной к двери.

– Фридиш, – ласково позвал адепт.

– Коул? – товарищ повернулся и посмотрел на него. Он выглядел истощенным, а раздражение кожи вокруг его аугментированного глаза только усилилось.

– Мы свободы – ты и я, – Велизарий из последних сил улыбнулся другу. – Давай выбираться отсюда.

Фридиш улыбнулся в ответ.

Наше время

– Интересно, – задумчиво произнес Велизарий Коул. Его аугметический глаз вспыхнул, когда он очнулся. – Очень интересно.

Его огромное модифицированное тело вышло из док-станции технического обслуживания. Кабели отсоединились и втянулись обратно в бронированный корпус. Пройдя вперед, он развернулся и выпрямился во весь свой внушительный рост. Велизарий выбрался из дока полностью обнаженным, выставив на показ множество механизмов, которые он прикреплял к своему телу на протяжении тысячелетий. Его торс был единственной оставшейся человеческой частью тела – впрочем, даже от него сохранилась лишь верхняя часть. Обнаженные кости были переплетены с алмазием, а вокруг аугметики сморщилась иссохшая кожа. Плоть Коула была необходима ему, подобно плащу – но не более.

Он оставил ее лишь по одной причине, и ею была сентиментальность.

В мумифицированной грудной клетке сиял голубой свет, исходящий от активно работающих органов, каждый из которых во всех отношениях превосходил оригинал. Ребра Велизария были прикреплены напрямую к бронированным пластинам, защищающим главный стык между нижним узлом и туловищем, которое гордо восседало на длинной нижней части тела – она также было полностью механической и негуманоидной. Коул передвигался с помощью многочисленных ног, и за ним тянулась бахрома кабелей передачи данных, напоминающих шлейф невесты из безумно постукивающих металлических щупалец. Велизарий более походил на членистоногого кентавра с лицом человека, сморщенном от жизни, что длилась более десяти тысячелетий. Из головы архимагоса торчали клочья седых волос, а вокруг интерфейсных портов сияла зарубцевавшаяся ткань. Он покачивался, распространяя вокруг себя аромат старой кожи и антисептических гелей.

Затхлый и терпкий запах, как в морге.

По людским меркам Коул был уродлив и безобразен.

– И что же тут интересного, повелитель?

Одинокий космодесантник-примарис стоял на страже док-станции, в которой происходило техническое обслуживание тела Коула. Долг Астартес состоял в том, чтобы пробудить архимагоса, но он не приложил никаких усилий, чтобы вернуть к жизни древнего ученого – Велизарий не нуждался ни в какой помощи. Другие люди скорее были аудиторией, свидетелями его жизни – а он, в свою очередь, всегда был действующим лицом.

Словом, роль космодесантника в этом процессе скорее можно было назвать церемониальной.

– Видения, – ответил Коул. В отличие от тела, его голос сохранил свою человечность и прежний энтузиазм. – Точнее, воспоминания. Воспоминания, которые я считал давно утраченными... навеки утерянными.

Велизарий с грохотом пронесся мимо воина, который проследил за ним задумчивым и печальным взглядом. Лицо Астартес было сильно изуродовано шрамами – казалось, будто его разрезали, а затем в спешке склеили. На доспехах

космодесантника не присутствовало никакой геральдики или окраса – они несли лишь цвет неокрашенного и необработанного серого керамика.

– Что это значит, повелитель? – последовал воин за Коулом, когда архимагос устремился сквозь лабиринт из машин. Далеко не во всех лабораториях Коула царил такой беспорядок, но когда архимагосу требовалось вдохновение, а его мышление принимало более хаотичный облик, он предпочитал это рабочее место остальным.

– Значит? Значит?! Еще рано спрашивать о смысле, Альфа Примус! – ответил Велизарий.

Сервачерепа спикировали вниз из леса машин, покрывающих высокий потолок, и встали на страже вокруг Коула. Под ними тянулись длинные кабели, свисавшие с тех мест, где должен был быть их позвоночник – они предназначались для соединения с телом архимагоса. Впрочем, устройства появились слишком рано, и Велизарий отмахнулся от них. Он остановился у шкафа, потянулся, взял мантию магоса и накинул ее на себя, скрыв большую часть своих механизмов. Затем Коул взял плащ, чтобы прикрыть то, что осталось от его органического тела, и спрятал голову под капюшоном. Отдельно стоило бы отметить, что вся одежда Велизария была окрашена в священные красные цвета Марса.

Механические конечности, установленные на подиумах, стибались под неестественными углами, пытаясь поправить мантию, чтобы она совпала со всеми входными портами. Коул тем временем остановился под лебедкой и начал нетерпеливо постукивать когтями, ожидая, когда сверху опустят его верхний узел. Бронированные пластины покрыли плечи архимагоса и при помощи шипов соединились с портами, идущими сверху вниз по его хребту. Часть спинномозгового сенсора с громким лязгом встала на место, после чего силовой агрегат устройства осторожно сместился к нужной точке, а длинная рука, которая опустила механизм, бесшумно отпрянула прочь.

Коул, ожидая пока сомкнется ядро, снова погрузился в свои мысли. Реактор включился, мигнув люмен-индикаторами, и наполнил аугметику архимагоса новой силой. Велизарий деловито зашагал по палубе, нижняя часть его тела вздрагивала от каждого движения. Пока ноги Коула передвигались по настилу, торс архимагоса, казалось, безмятежно скользил впереди, напоминая мифического лебедя старой Терры. По мере того, как Велизарий проходил через мастерскую, к нему присоединялись все новые части тела: дополнительные конечности, генераторы поля, диагностические инструменты – все, что могло понадобиться ему в экспедиции на Соту. К челюсти он прикрепил одну из своих аугемиттерных решеток со встроенным генератором щита. Коул вставил устройство на место и мощные магниты громко щелкнули. Архимагос протянул руку, и его огромный топор Омниссии пронесся сквозь комнату, звякнув в металлической ладони, а гроздь пластин брони поплыли вниз, присоединяясь к нижней части его одеяния и бедрам многочисленных ног.

– Вы не ожидали подобных видений? – спросил Альфа Примус.

– Мой дорогой мальчик, не стоит строить из себя невежду! – рассмеялся Коул. – Тебе прекрасно известно, что происходит. Мы же это обсуждали! Воспользуйся своим трансчеловеческим разумом на полную мощность, – архимагос обернулся и ухмыльнулся из своего громкоговорителя. – Ты же знаешь – меня более впечатляет великолепие моих собственных творений, а не подхалимство.

Началась функциональная проверка аугмиттера и голос Велизария исказился. Модификация перевела слова архимагоса на множество языков и скрипучий визг бинарного кода.

Альфа Примус поднял взгляд к потолку – это движение можно было истолковать, как закатывание глаз.

– Это и есть та сама гора? Она уже говорит с вами? – поинтересовался космодесантник.

– Вот именно! – ответил Коул, указывая на своего слугу множеством пальцев. Он с грохотом подошел к стазисной трубе: изнутри на него смотрел высокий металлический механоид с единственным стеклянным глазом. Существо было отключено и находилось в стазисе, но каким-то непостижимым образом казалось, что оно все осознает. – Благодаря знаниям, что мне удалось вывести у нашего друга, мои новые имплантаты теперь функционирую просто великолепно. Первый контакт с машинами древних, Примус! Это просто потрясающе. Я учел функционал транс-варп-возможностей этого устройства, но даже так... – он восхищенно покачал головой. – Искусная работа! Мне удалось добиться долгосрочного соединения с ней. И, в свою очередь, гора возвращает прошлое к жизни.

Он отвернулся от своего гостя и, стуча конечностями, двинулся дальше.

– Если подумать, то большая часть моих воспоминаний мне недоступна или же утеряна навсегда. Но в абсолютном выражении прошлое все еще существует. Время – это река. Устье и источник существуют независимо от того, видим мы их или нет. Просто поразительно, что квантовая эмпатия устройства способна без особых усилий настроить мое энергетическое состояние на получение прошлых эманаций моей волновой формы – и все это без обращения к эмпириям! – Коул поднял вверх свой палец, увенчанный трехзубым информационным входом. – Нам еще столько всего предстоит узнать! Такая чистая наука! Такое мастерство исполнения! Это только начало, Альфа Примус, только начало!

– Как скажете, повелитель.

– Ах, какое ехидство, – пробурчал Коул. – Но твой сарказм меня забавляет.

– Я не пытался быть остроумным, повелитель, – ответил Астартес. – Я всего лишь вас не понимаю.

Коул усмехнулся. Он добрался до оружейной комнаты лаборатории. Архимагос поднял свои основные и дополнительные наборы рук, обнажив интерфейсные гнезда своих третичных конечностей.

– Так-так... оружие, оружие, оружие. Что же мне взять с собой? Что-то дельное, что-то, что пригодится в этой экспедиции... Что-то смертельное опасное. Как ты думаешь?

– Все, что вы сочтете нужным. Может быть, ваш любимый выбор, повелитель? То, что вы берете всегда.

– Даже у меня могут быть любимчики, Альфа Примус. Принесите их сюда!

Воин щелкнул гигантским выключателем. Коул просиял, глядя как его электродуговой бич и солнечный распылитель опустились вниз и встали на свое место. Орудия закрутились и загорелись, издав многочисленные щелчки и урчание во время самотестирования. Гул реактора немного усилился. Забрав смертельно опасные орудия, Велизарий Коул закончил свои приготовления. Он поднял вверх все свои руки, зонды, оружие и механодендриты.

– Ну, и как я выгляжу?

– Устрашающе, повелитель, – отозвался космодесантник.

– Правильный ответ, – Коул снова сгорбился.

– Повелитель?..

– Да, Альфа Примус?

– Так что же вы вспомнили? Что вам показала гора?

– То, что случилось очень давно, Альфа, – тихо ответил Коул. – Он показал мне моего друга.

Никто из них более не произнес ни слова. Жужжание кибернетики Коула было единственным звуком в лаборатории.

– Нам стоит быть осторожными, – сказал, наконец, Велизарий. – Это устройство намного мощнее, чем я предполагал. Я позволил себе открыться ему и рад, что интерфейс функционирует... – он постучал себя по голове. – Но мне стоит быть куда более осторожным и открываться не столь сильно. Чтобы сосредоточиться я отключил большую часть своих суб-разумов, – архимагос скорчил гримасу. – Но я уже сомневаюсь, не ошибся ли я в выборе личности для этой задачи...

– И какую из них вы выбрали для своего первичного сознания? – спросил Примус. – Мне просто любопытно, повелитель.

– Разве ты не понял?

– Моя способность читать людей несколько притупилась, – ответил космодесантник.

– О, – разочарованно протянул Коул. – Ну что же, я отвечу тебе – оптимистичный, добродушный и прямолинейный. На данный момент, думаю, будет достаточно трех данных определяющих характеристик.

– Одна из ваших любимых комбинаций...

– Совершенно верно, – сказал Коул. – В конце концов, мы же спешим к юному Дециму.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Зар Квезитор»

Около 7000 лет назад

Феликс был привязан к каталке, которую везли по ледяным коридорам, казалось, бесконечного корабля. Ему думалось, что это будет продолжаться снова и снова – поездка по бескрайнему пространству из боли и льда... Повсюду стояла гнетущая тишина – густая, словно металоновый туман, что клубился над палубой. Стужа окутывала конечности и органы юноши, пронзая тело столь сильно, что Феликс инстинктивно понимал – холод мог убить его.

Децим не видел, кто толкал каталку. Он знал, что это делали люди-машины, обладающие огромной силой – впрочем, несмотря на весь свой ужасающий вид, они никогда не причиняли ему вреда

Это удовольствие доставалось чудовищу.

Однажды Феликс сбежал из палаты для осмотров и бродил по кораблю, но краткие часы его свободы закончились, когда он поговорил с этим существом. Тогда оно показалось ему очень добрым, но из-за мучений, что монстр причинял Дециму все последующие годы, юноша возненавидел его. Существо обещало, что однажды боль пройдет, каждый раз повторяя, что он, Децим Андронин Феликс, возвысится и станет великим слугой Императора.

Просыпаясь, Феликс надеялся, что обещание чудовища будет исполнено, но каждый период сна приносил все больше лжи и все больше мучений.

Он никогда не сможет возвыситься.

Он навсегда останется в этой ловушке.

Впрочем, изменить что либо Феликсу было не по силам – стоило ему начать проявлять излишнюю двигательную активность, как его тут же накачивали наркотиками. Юноша, в свою очередь, предпочитал оставаться в сознании, а потому был неподвижен.

Промежутки между процедурами являли собой вечность в холоде, где время ползло, словно вор, уносящий его существование крошечными, мучительными отрывками, которые, казалось, растягивались в столетия, но Феликс желал увидеть как можно больше, прежде чем его вновь погружали в сон.

Децим быстро пришел в себя: это немедленно заметили и прокомментировали. Феликсу показалось, что чудовище одобряло пробуждение, словно признак силы.

Юноша очнулся задолго до того, как они покинули большие суспензионные баки. Каждый раз, когда Децим просыпался, он наблюдал, как мимо проносятся почти бесконечные ряды стазис-гробов. Трюм представлял собой сплюснутую сферу, каждый клочок которой был покрыт подобными колбами: прозрачными, голубыми и

светящимися; дети внутри них плавали в настолько густом геле, что на фоне сияния машин можно было различить только их силуэты. На лицах одних юношей застыли выражения безмятежности и покоя, на других – страха, а некоторые же просто-напросто мирно спали. Каждый мальчик был подключен к системам жизнеобеспечения через толстую пуповину, которая погружалась во внутренности.

От центра пола и потолка в стороны расходились полосы света, очерчивающие дорожки – впрочем, верх и низ здесь были понятиями сугубо относительными: низкая гравитация позволяла эффективно использовать все пространство гигантского корабля. Перед Феликсом стояли такие же каталки, на какой лежал и он сам – их было немного, и каждая находилась на большом расстоянии друг от друга. Пассажирами были дети, которых точно так же увозили в другие комнаты, чтобы заставить испытать еще большую боль.

Феликс прекрасно знал, куда его катят, и знал, что его ждет нестерпимая боль, но никогда не испытывал страха.

Децим начал пересчитывать колбы, это уже вошло у него в привычку. Его местоположение никогда не менялось – он всегда находился на расстоянии в 9863 баков от входа, и в этом было что-то успокаивающее.

Но если местонахождение юноши никогда не менялось, то этого нельзя было сказать о его теле: каждый раз, когда его доставали из капсулы, Феликс становился все больше, его мысли формировались стремительнее, а действие наркотиков проходило намного быстрее.

Чудовище снисходительно посмеивалось над этим, будучи довольным его успехами, а затем вновь причиняло ему боль.

– Я сделаю тебя сильным и создам достойного слугу Омниссии. Когда-нибудь ты скажешь мне спасибо, Децим, – всегда повторял монстр. – Не сейчас – я понимаю, хоть и сожалею об этом, – но поблагодаришь. И когда-нибудь, возможно, мы с тобой станем друзьями...

Впрочем, извинения существа ничуть не мешали ему терзать Феликса дальше.

Мимо проплывали последние ряды стеклянных капсул. По краям трюма – на потолке и полу, всего в нескольких ярдах друг от друга – стояли контейнеры. Феликс уставился на силуэты спящих детей – от трюма до медицинских кабинетов, где начиналась боль, было девяносто семь секунд пути.

Там с улыбкой и рукой, сулящей нестерпимую боль, его ожидал монстр.

Монстр, которого звали Велизарием Коулом.

Наше время

Феликс проснулся и издал болезненный стон. Он редко позволял себе полноценный сон – у него было слишком много дел, – но как только осмотр «Эгиды» окончился, а прибытие архимагоса-доминуса затянулось, тетрарх решил предаться

человеческим привычками, которыми он, по обыкновению, пренебрегал. В конце концов, каталептическая дрема была лишь временной, но не полной заменой естественного сна.

Прошло много времени с тех пор, как ему снился этот сон.

– Кошмар, – поправил себя Феликс. – И хватит спать, – мрачно пробормотал тетрарх.

Он свесил ноги с края койки и тяжело оперся на нее, сжав металл массивными трансчеловеческими руками. Каркас кровати был толщиной в целый дюйм, но Децим мог бы с легкостью его согнуть.

Коул не солгал, пообещав, что сделает его сильным – впрочем, Феликс не был уверен, благодарен ли он за этот дар или же нет.

Тетрарх убедил себя в том, что увиденный сон пришел к нему из-за сочетания необычных факторов: затянувшегося ожидания, эмоционального воздействия мертвого мира, меланхолии Фракийца, давления от возложенной на него роли... Феликс был космодесантником, но все же оставался человеком – и он часто повторял себе это.

Кряхтя, тетрарх поднялся на ноги, прошелся по ледяному настилу палубы и налил стакан воды. До падения Соты это помещение было чем-то вроде парадного зала – впрочем, как спальня оно не сильно годилось: Феликсу комната виделась слишком большой и богато украшенной. Однако, выбор был невелик – кровать была просто огромной, и на станции не нашлось места, в котором бы ее можно было аккуратно разместить. Не так уж и много на борту «Эгиды» осталось и помещений для оперативной работы – на «Повелителе Веспатора» имелись куда более удобные каюты, но Феликс настоял на своем и остался на станции – он желал присмотреть за Косами Императора.

Опасения Кадма казались вполне оправданными: в ветеранах ордена было что-то неправильное. Впрочем, даже в этом случае они все равно являлись второстепенной проблемой – Феликс считал, что в первую очередь необходимо приглядывать именно за слугами Коула.

Он залпом осушил стакан. Вода оказалась такой холодной, что обожгла горло; кроме того, в ней чувствовался резкий привкус химикатов.

Жиллиман лично отдал тетрарху приказ следовать за Коулом. В последние годы архимагос-доминус стал невыносимо неуловимым: жрец отвергал или же игнорировал все призывы и требования Мстящего Сына о немедленном возвращении, а теперь же Феликсу предстояла личная встреча со своим старым учителем. Лорд Жиллиман желал получить ответы, и именно Дециму было поручено их найти.

И Феликс пока не знал, как к этому относиться.

Его боевое снаряжение хранилось в импровизированном оружейном складе, который Дэл обустроил в одном из углов каюты. Тетрарх оставил свои доспехи на подставке – вместо этого он облачился в свободную тунику и брюки, натянул сапоги и

пристегнул к поясу болт-пистолет. На станции стояла стужа, но Феликс ее не чувствовал – ничто не могло сравниться с тем холодом, во власти которого он находился на протяжении тысячелетий, проведенных на борту корабля Коула. Кроме того, Децим радовался тому, что хоть ненадолго освободился от своей силовой брони – он испытывал неприязнь к тому ограничению личной свободы, какую накладывали на него латы.

Слуги Коула начали свою работу в центре станции, а посему все функционирующие части «Эгиды» теперь располагались вокруг ее оси, между командным центром и коридором среднего кольца. На данный момент почти все борта платформы были открыты космосу, но восстановление шло с поразительной скоростью. Проходя по среднему кольцу, Феликс миновал множество машин и сервиторов. Ярко горели плазменные сварочные аппараты и мертвецы со стеклянными глазами приваривали пластины – это была временная мера, но каждый подобный ремонт позволял расширить ту часть станции, которая могла поддерживать пригодную для жизни атмосферу. В специальных технических лазах под палубой сновали полуавтономные дроны, и Феликс поморщился, когда мимо его ног пронесся один из таких отвратительных экземпляров. По форме он напоминал многоного паука – впрочем, некогда это был человек: на его спине в исцарапанном бронестекле плавал мозг, погруженный в специальную питательную жидкость.

Технологии Механикус вызывали у Феликса отвращение. Его собственная боевая экипировка и даже усиленное тело выглядели эстетично, словно лучшие образцы человеческого искусства, но устройства, которые Адептус Механикус производили для собственного использования, выглядели уродливо: на их телах не было никаких украшений или же защитных пластин, которые хоть как-то могли бы скрыть внутренние механизмы. Тетрарх предполагал, что подобный облик был вызван желанием адептов видеть свои машины в действии – возможно, это даже должно было подтолкнуть к большему доверию и самого Феликса – в голых шестеренках и проводах присутствовала некая честность.

Но он все равно не доверял им.

Тетрарх был дитём старого Империиума, рожденным тысячи лет назад, когда грёзы Императора только начинали медленно превращаться в кошмары. Его беспокоила та мертвая хватка, с которой марсианский культ ухватился за технологии.

Впрочем, несмотря на свои причудливые манеры, жрецы были весьма эффективны. С тех пор, как Феликс прибыл на «Эгиду», прошло уже две недели: там, где ранее ему приходилось идти в полностью запечатанных доспехах, теперь он мог шагать в обычной одежде. Воин повернул направо, к мостику, и попал в зону еще большей строительной активности: выставленное там на всеобщее обозрение технологическое мастерство было неоспоримо.

С проема, ведущего на командную палубу, демонтировали временный воздушный шлюз – новый был установлен в дальнем конце коридора. В дальнейшем

планировалось убрать и его, но пока предстояло произвести надлежащий ремонт прохода. Впрочем, импровизации уже заменялись на постоянные решения: старые бронированные двери были сняты, а на их месте находились свежечелюстные адамантовые врата. В новых защитных башнях многозначительно вращались тяжелые болтеры. По всему коридору лязгали десятки работающих сервиторов, управляемых Кво-87, отчего улучшенным чувствам Феликса пришлось бороться с ослепительным блеском искр и пронзительным воем электроинструментов.

Феликс быстро миновал просторный проход, ведущий к командной палубе. С левой стороны находилась панель-святилище, из которой при приближении тетрарха раздался механический голос и двери бесшумно открылись. Все это служило напоминанием того, как должна была выглядеть орбитальная платформа – впрочем, оно быстро исчезло, стоило вратам откатиться в сторону: на мостике все еще царил беспорядок.

Тем не менее, как только Кво-87 привлек своих последователей для работ по восстановлению «Эгиды», активность внутри станции не утихла ни на минуту.

Тетрарх не удивился, увидев в зале за работой Дэла и Тронка. Технодесантники скучали столь же сильно, как и остальные Избранные, но обладали навыками, которые Кво-87 с удовольствием готов был использовать. А вот присутствие закованного в броню Фракийца стало для Феликса неожиданностью: магистр о чем-то оживленно спорил с Кво-87. Космодесантник, казалось, немного оживился, и теперь с энтузиазмом описывал, как он видит расположение приборных панелей стратегических инструментов управления на палубе мостика.

Феликс обошел вибрирующего колесного сервитора и присоединился к магистру ордена и техножрецу.

– Я был готов уничтожить эту платформу, магос, – признался Децим. – И даже не мог подумать, что она может принести хоть какую-то пользу.

– Все можно починить, милорд тетрарх, – несколько самодовольно ответил Кво-87. – Нужно проявлять осмотрительность, прежде чем отказываться от ресурсов.

– Принято. Я это запомню, – кивнул Феликс.

– Подобно тому, как ослабленный Империиум может – и будет – возвращен к своей былой славе, так и эта станция восстанет из руин, – продолжил адепт. – И все восславят того, кто Три-в-Одном...

– Я сам не особо верил в такой исход, – с удивлением хмыкнул Фракиец.

– Славно, что вам это нравится, – Феликс поджал губы. – Ваш орден многое потерял.

Магистр кивнул.

– Если бы мы имели достаточно ресурсов, то несли бы здесь службу. Да, скорее всего Соту уже никогда не заселят вновь, но ее защита была нашей обязанностью на протяжении тысячелетий. Я не желаю бросать наш вековой долг.

«Скорее всего...», – подумал Феликс. Это был весьма странный выбор слов для разговоре о мертвом мире. – *«Скорее всего» означало неуверенность. Неуверенность же Фракийца означала то, что в нем еще теплится надежда. Теоретически»*, – постулировал он. – *«Верит ли магистр, что Сотта имеет шанс возродиться?.. »*.

Что же касалось практики, то тут мысли тетрарха немедленно обратились к Коулу. Его несколько озадачило то, с каким энтузиазмом Косы Императора восприняли желание архимагоса изучить Соту.

«Без сомнения», – подумал Феликс. – *«Косы высоко ценят Коула за то, что он вернул их ордену былую силу, но спешка, отсутствие церемоний, отчаяние, что сквозит в манерах Фракийца – что же это значит...»*.

Децим мог только гадать, что же именно архимагос-доминус пообещал магистру Кос Императора.

– Вы выглядите рассеянным, тетрарх. Все в порядке? – спросил Фракиец.

Феликс понял, что все это время он смотрел на другого космодесантника. Владыка Веспатора улыбнулся, стараясь избавиться от беспокойства.

– Мне приснился сон. Но я никак не могу понять его смысл...

– Ну, вы же человек, – хмыкнул магистр. – Все люди видят сны, но мало кто может найти в них смысл.

– Я не часто сплю, а когда это все же происходит, то очень редко вижу сны, – ответил Феликс. – И когда я их всё-таки вижу, то обычно они связаны с событиями прошедшего дня.

– Но не в этот раз?

– Да, сегодня мне снилось то, что случилось очень давно... – задумчиво произнес тетрарх, а затем резко сменил тему. – Я хочу получить отчет о реконструкции станции, – обратился он к Кво-87.

– Я предоставлю устный отчет, – ответил Кво-87, и его голос зазвучал монотонно, словно у неразумного устройства. – Я стабилизировал вторичные энергетические ядра. Ремонт основного двигателя завершён, и как только запасы топлива пополнятся, я начну повторное освящение перед новым запуском. Я сосредоточил свои усилия на ядре станции – это самая древняя ее часть, ее святость даже выше нежели у периферийных узлов, и в ней присутствуют машинные духи редкого вида. Питание и системы жизнеобеспечения теперь доступны во всех девяти секциях. Вскоре я начну установку новых приборов на командной палубе. После этого я переключу внимание своих слуг на....

Кво-87 замолчал. Его голова склонилась на окаймленной аугметикой шее.

– Доклад прерван. Прошу прощения. Ожидаю... – произнес он более человеческим голосом.

На частично восстановленных приборных панелях была установлена система оповещения. Дэл подошел к пульту и взглянул на дисплей.

– Эфирный монитор. Что-то приближается... что-то большое, – он присмотрелся повнимательнее. – О Трон Терры, что-то очень большое!

Станция затряслась. По рабочему столу пополз гаечный ключ, скользнул по поверхности и упал на пол.

Феликс уставился на дребезжащий инструмент – лицо тетрарха отчетливо выдавало его раздражение.

– Приготовиться! – рыкнул Децим. Он ухватился за перила и широко расставил ноги.

– Он ведь не собирается делать этого, правда? – спросил Дэл у Тронка, на что тот в ответ пожал плечами.

– Лорд Феликс? – обратился Дэл уже к тетрарху.

– Он это сделает, – ответил Децим.

– Достопочтенный тетрарх, неужели вы ожидали от архимагоса-доминус чего-то меньшего? – спросил Кво-87.

– Как всегда опрометчиво, – Феликс покачал головой. – Коул может и считает себя спасителем Империи, но его позерство ставит нас всех под угрозу.

– Архимагос-доминус? – переспросил Фракиец. – Он уже здесь?..

По всей командной палубе от металла отскакивали незакрепленные предметы.

– Всем приготовиться! – приказал Феликс.

– Что происходит? – требовательно спросил Фракиец.

– Архимагос приближается, – ответил ему Кво-87 с виноватой улыбкой.

– Коул пытается осуществить внутрисистемный переход в реальное пространство, – процедил тетрарх. – Сюда. К станции.

– Это безумие! – воскликнул магистр Кос Императора.

– Технологии архимагоса-доминус многочисленны и искусны. Все будет в порядке, вот увидите, – Кво-87 говорил, словно фанатик.

Завизжали системы оповещения. По всему мостику сервиторы переходили в режим аварийного отключения. На голую металлическую палубу посыпались пурпурные искры, и нарастающий рев разнесся по всей станции.

– Трон! – крикнул Фракиец. – Он идет прямо на нас!

– Все будет хорошо! – повторил Кво-87.

Законы гравитации утратили силу, и инструменты взмыли вверх. Сквозь пробоину в корпусе, запечатанную силовым полем, Феликс видел, как небо наполняется свернувшимися масляными красками неминуемого варп-перехода.

Космос разверзся, и яркие огни обожгли его глаза. Хор взывающих голосов затопил его разум и тетрарх ощутил горечь, ликование и горький привкус сожаления.

Вспыхнула яркая вспышка молнии, и рядом с «Эгидой» появился гигантский корабль. Вокруг его силуэта мерцал черный огонь. Разряды в форме светящихся пучков струились со всех сторон, а затем варп-брешь схлопнулась.

Инструменты с грохотом посыпались на пол, а отвратительное бормотание смолкло. Все вернулось на круги своя – лишь одинокий сигнал тревоги продолжал звенеть снова и снова.

Феликс разжал побелевшие костяшки пальцев.

Аугметика Кво вспыхнула, и сервиторы ожили. Люди-машины продолжили двигаться там же, где остановились, будто ничего и не произошло.

Огромный красный корабль занял пространство между платформой «Эгиды» и поверхностью опустошенной Соты – звездолет, не похожий ни на один другой, один из редких исследовательских Ковчегов Механикус. Даже среди себе подобных чудовищ он считался самым большим – огромный город в космосе, ощетинившийся оружием и содержащий под своей адамантиевой кожей производственные и исследовательские лаборатории, способные конкурировать с миром-кузней.

Феликс слишком хорошо знал его, ибо провел в его недрах более десяти тысячелетий.

Его имя было гордой легендой, написанной на лингва-техноязыке Иерофантов.

«Зар Квезитор».

Корабль, дом и исследовательская база Велизария Коула.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Гипотеза Трех Медведей

Наше время

Феликс стоял около переднего левого трапа «Повелителя». Ангар был битком набит космодесантниками, сервиторами и техножрецами, которые пытались погрузить свое оборудование на борт корабля. Феликс настаивал, чтобы на планету высадились незначительные силы – он не желал пробудить арьергард тиранидов или же активировать защитные системы крепости-монастыря, если таковые все еще функционируют.

«Повелитель» был большим десантным кораблем – он был более чем способен вместить в себе команду Кво-87 и людей Фракийца, но упорядоченная погрузка пассажиров стала для Избранных тяжким испытанием.

Феликс наблюдал за «Зар Квезитором» через небольшую часть ангарного проема, видневшуюся за корпусом «Повелителя». Последователи Коула все еще передвигались целыми шеренгами шаттлов вдоль ковчега. Они наводнили орбитальную станцию «Эгида», значительно увеличив число тех, кто уже работал под управлением Кво-87. Со всех сторон заброшенной станции доносились звуки кипящей там работы. По другую сторону разделяющей ангар перегородки, усердно трудились Адептус Механикус, и от их напряженной работы по палубе распространялась ощутимая вибрация. За короткими крыльями «Повелителя» Феликс увидел сборную секцию корпуса, выходящую из ворот литейного цеха «Зар Квезитора». Освещенная ослепительным светом кузнечных палуб ковчега, секция дрейфовала в открытом космосе, пока небольшие флотилии кораблей-сервиторов не окружили ее, не захватили и не начали тащить к платформе.

– Мой господин, – голос Фракийца отвлек его от наблюдений. – Мы почти закончили погрузку нашего оборудования.

По правому погрузочному трапу четыре ветерана из Кос Императора сопровождали ларец из металона. Техножрецы, загружавшие собственные инструменты, прекратили работу и вознесли молитвы проплывавшему мимо устройству. Густой дым, вырывавшийся из выхлопных отверстий, причудливо завихрялся, попадая в поля суспензоров, удерживающих механизм над землей. Ларец несколько отличался от подобных устройств, которые можно было увидеть на борту корабля Коула, но тетрарх узнал его. Сердце Феликса сжалось от одного его вида.

– Генохранилище, – произнес Феликс. – Ты решил взять с собой запасы геносемени?

– Это семя старых космодесантников. Когда-то это была жизненная сила моего ордена, – Фракиец выглядел подавленным. – А теперь, это просто реликвия, которую я обязан похоронить. Теперь оно бесполезно, его вытеснили, но оно все еще достойно нашего уважения. Я хочу отнести его в склеп героев и увидеть, как его похоронят со всеми почестями рядом с останками моих павших братьев.

Было очевидно, что это далеко не вся правда. Но прежде чем Феликс успел вывести, что скрывалось за словами Фракийца, позади него раздалась тяжелая поступь

космодесантника-примариса. Его сигнум-транслятор указывал, что он был союзником. Но не для Феликса.

– Альфа Примус, – произнес Феликс и повернулся лицом к гиганту Коула.

– Я прослежу за окончательной погрузкой моих воинов, – произнес Фракиец, разворачиваясь к выходу.

Примус печально проследил, как тот удаляется.

– Вы звали меня, тетрарх, – мрачно сказал он, когда Фракиец скрылся из вида.

Альфа Примус не походил ни на одного космодесантника, которых Феликсу доводилось встречать. Он был просто огромен, даже по меркам примарисов, и выглядел странно во многих других отношениях. Его бледная, покрытая ужасающими шрамами кожа отливала медью. Глаза были поразительно черными, с огромными зрачками и едва заметной светлой окантовкой белка. Голову и подбородок воина, обычно начисто выбритые, сейчас покрывала быстро растущая щетина. Примариса окружала аура огромной силы, от которой Феликсу было не по себе всякий раз, когда они встречались.

То, что Коул прислал вместо себя Примуса, раздражало и оскорбляло тетрарха. Феликс никогда не питал теплых чувств к этому человеку, и его присутствие приносило болезненные воспоминания. Коул все еще не показывался лично. Феликс, больше всего на свете, желал побыстрее покончить с этой встречей.

Поэтому он был на взводе.

– Где архимагос? – недовольно спросил Феликс. – Когда он посвятит нас в свои планы?

Примус мрачно посмотрел на него сверху вниз.

– И снова этот вопрос, милорд... Могу лишь повторить, что он встретит вас на поверхности планеты.

Уголки его пухлых пурпурных губ всегда были опущены вниз, из-за чего воин всегда казался мрачным.

«Хорошо отражает его душу», – промелькнуло в голове Феликса.

– Архимангосу-доминусу предстоит сделать множество приготовлений, прежде чем мы высадимся на планету.

Тетрарх взглянул на «Зар Квезитор» и окружавший его флот кораблей сопровождения. Космос буквально бурлил вокруг корабля.

– Передай ему еще раз, что примарх Робаут Жиллиман приказал ему срочно явиться ко мне. Архимангос годами не выходил на связь. В условиях недостатка информации лорд-регент ожидает от меня полного отчета о Коуле и его деятельности. В самое ближайшее время.

– Я уверен, что все вскоре прояснится, – без особого энтузиазма произнес Примус. – Я не в силах заставить его прийти к вам.

Пришел вокс-сигнал с командной палубы станции, где Дэл принял командование, после того как люди Фракийца начали подготовку к возвращению на Соту.

– *Тетрарх. На корабле Коула что-то происходит.*

– Подробнее, – потребовал Феликс.

– *Я бы с удовольствием предоставил подробности, если бы только у меня они были. Я фиксирую огромный скачок энергии в реакторах «Зар Квезитора». Наиболее вероятным теоретическим предположением является то, что он собирается открыть огонь по Соте. Но, уверен, за этим кроется нечто большее. Я проведу*

дальнейшее сканирование и попробую разобраться. Но не знаю, удастся ли мне это – на корабле архимагоса установлены все известные человечеству авгурные дефлекторы.

– Я вроде бы просил вас передать ему, что эта миссия должна быть выполнена со всей осторожностью, – гневно произнес Феликс, повернувшись к Примусу.

Гигант печально посмотрел на него в ответ.

Дэл вновь связался с тетрархом по воксу.

– *Милорд, дело не только в разогреве орудий... Вы видите переднюю часть ковчега?* – спросил технодесантник.

– Оттуда, где я нахожусь – нет.

– *На вашем месте, я бы выглянул наружу. Не думаю, что вам понравится то, что собирается сделать Коул.*

Феликс раздраженно фыркнул и нырнул под свисающий нос «Повелителя». Согнувшись почти пополам, он прошел под центральным фюзеляжем и направился ко входу в ангар. Он вновь выпрямился во весь рост под двигателями «Повелителя», расположенными внутри поля, удерживающего атмосферу.

– Клянусь Троном... – выругался Феликс.

«Зар Квезитор» разделялся на части. Его тупой, агрессивный нос отсоединился, оказавшись автономным вспомогательным кораблем. Это была всего лишь малая часть ковчега, но тем не менее она была достаточной, чтобы нести на борту целое отделение рыцарей. Зажимы разжались, и клубы газа окутали судно, оттолкнув его от основного корпуса. Оно скользнуло вперед, а затем отсоединилось от удерживающего рычага, отстрелив все примыкающие трубы и кабеля, которые тут же втянулись обратно в ковчег.

Альфа Примус с трудом выбрался из-под «Повелителя».

– Не потрудишься объяснить, что вытворяет твой хозяин? – спросил Феликс.

– Я этого не знаю. И могу лишь извиниться, – произнес Альфа Примус. – Что еще сказать? Велизарий Коул это Велизарий Коул. Он – главный проводник Омниссии, сам себе закон.

Сотни кораблей-сервиторов вылетели из ангаров ковчега и устремились вслед за гигантским посадочным модулем, сопровождая его. Двигаясь в безвоздушном пространстве, флотилия неуклонно приближалась к поверхности планеты.

– Если там внизу что-то есть, то оно теперь точно знает, что мы идем, – недовольно сказал Феликс. – И, если хоть какая-то часть защитной системы крепости-монастыря осталась активной, Коул рискует попасть под ее огонь.

– Я уверен, что мой повелитель учел это, – ответил Альфа Примус.

– *Лорд Феликс, оружие «Зар Квезитора» заряжено и готово открыть огонь.*

По всей подфюзеляжной части корабля из орудийных портов выдвинулись огромные энергетические пушки. Они выстрелили единым залпом, накрыв огромную площадь вокруг горы Фарос квадратом нестерпимо яркого белого света.

– А, понятно, – протянул Альфа Примус. – Нейтронные излучатели. Все, что находится в зоне высадки, будет немедленно уничтожено, – сказал он. – Я бы не беспокоился. У моего повелителя на все есть ответ.

– Да, – ответил Феликс, раздраженный реакцией Примуса на действия Коула. – Похоже, что и у тебя тоже.

– Таким он меня создал, – сказал Примус.

Феликс протиснулся мимо более крупного космодесантника и окунулся в суматоху, царящую вокруг передней части «Повелителя». Ему требовалось скоротать время до того момента, когда он сможет высадиться вслед за Коулом.

***

К тому времени, когда оборудование Кво-87 полностью погрузили на «Повелителя», Коул уже провел два часа на поверхности. Феликс, находящийся уже на грани, был готов броситься на Кво из-за задержки и обвинить его в том, что тот намеренно тянул время. Но как только тетрарх уже собирался это сделать, Кво-87 сам подошел к нему и принялся извиняться и заверять, что вынужденная задержка была следствием того, что пришлось перепрограммировать и перепрошить редких каперских сервиторов, которых ни в коем случае нельзя было оставлять на борту.

И вот, наконец, Дэл вывел «Повелителя» из тесного гнезда и направил к поверхности. Феликс и Фракиец находились в кабине пилота, проигнорировав привычные причитания Комина относительно повышенного риска.

– Если бы он только мог, то запер бы меня в ящике, – признался Феликс Фракийцу.

«Повелитель» вновь отважился выйти в космос. Когда корабль вышел из дока, космодесантники увидели, что ремонт главного ангара на нижней стороне станции близится к завершению. Он был значительно больше по размерам, и гораздо лучше подходил для боевого корабля типа «Повелитель», чем соседний маленький вспомогательный док.

– Вернуться на станцию будет проще, – заметил технадесантник. – Кво-87 работает быстро.

– Это чудо и дар, который нам преподнесли Адептус Механикус, – произнес Фракиец.

Феликс не разделял благоговения Фракийца. Коул мог одарить его всеми возможными технологическими чудесами галактики, но и этого бы не хватило, чтобы компенсировать те годы, что Феликс провел на его ковчеге в качестве подопытного. Ему не будет покоя, пока он не закончит все дела с Коулом. И так было каждый раз, когда они сталкивались друг с другом.

С большим нетерпением Феликс наблюдал как приближается поверхность Соты.

После нашествия флота-улья от атмосферы не осталось и следа. Хотя другие миры системы также пострадали, их повреждения не казались критическими, так как тираниды лишь слегка затронули два газовых гиганта и облако кометной пыли. Живые миры всегда страдали больше всего, так как прожорливые ксеносы всегда жаждали поглотить генетический материал, игнорируя примитивные формы жизни.

На поверхности Соты не осталось ничего живого. С высокой орбиты планета выглядела как бесплодный садовый участок с торчащими из пыли несколькими пучками высохших стеблей. Когда «Повелитель» опустился ниже, стало понятно, что это остатки кормовых башен. Ксеносы сняли с них весь оставшийся биологический материал, оставив после себя лишь минеральную структуру, которая удерживала их в воздухе. Остовы башен выглядели очень прочными, так как стояли вертикально без дополнительной обвязки мускулатурой и плотью. Но очевидно, что для флота-улья было достаточно проблематично поглотить и их, поэтому скелеты гигантских пищепроводов просто оставили.

Если не брать во внимание эти чужеродные нагромождения, то мир выглядел девственно чистым. В разуме Феликса вновь всплыло сравнение с моделью, созданной для демонстрации планетарной геологии. Вся топография мира была как на ладони. Феликс еще никогда так ясно не видел континентального шлейфа или океанических равнин, кроме как на геологической сфере. «Повелитель» с ревом несся над равнинами пересохших морей к Сотополису, столице мира и единственному крупному городу, над мертвыми улицами которого высоко вздымалась гора Фарос. Мелькавшие на ретинальных дисплеях пикт-файлы изображали покрытую зеленью Соту. Все это исчезло, было сожрано.

– Они оставили после себя только голые камни, – мрачно произнес Фракиец. Магистр ордена выглядел настолько опустошенным, что по меркам Адептус Астартеc это было удивительно. Но это был его родной мир, и его защита считалась главной обязанностью ордена. Редко когда космодеcантник терпел такое сокрушительное поражение. И сейчас, когда Феликс увидел опустошенную Соту, он разделил подавленное состояние Фракийца.

Они приближались к Сотополису. Когитатор боевого снаряжения Феликса использовал пикты, чтобы наложить изображение изумрудных океанов на потрескавшийся камень. Тетрарх одновременно видел мир таким, каким он стал сейчас, и каким он был раньше. Пустоши иссохших морей поднимались от равнин к мелководу, и достигали берега, где когда-то жители богатых районов наслаждались прекрасным видом на безбрежный океан. Теперь же, лишь слепые окна смотрели на бескрайние пустоши. Феликсу уже приходилось видеть миры, опустошенные тиранидами – их было прискорбно много на востоке Большого Ультрамара – но почему-то состояние Соты казалось особенно ужасным. Повсюду виднелись признаки того, что некогда это был процветающий, богатый жизнью мир. Корабли лежали в океанской пыли, лишенной любого признака органической жизни, словно выброшенные игрушки. Пирсы тянулись по голым скалам до причалов. «Повелитель» пролетел над береговой линией, и Феликс обнаружил, что смотрит вниз, на разрушенный город. Целые кварталы сравнялись с землей в результате битвы за планету. Следы от биологического оружия массового поражения тиранидов проедали целые плечи в пригородах, но это было скорее исключением. Излюбленной тактикой тиранидов было наземное вторжение. Имперские ученые предполагали, что при таком нападении на планету, тираниды исключали риск нанести наибольший ущерб своему источнику пищи. Когда ксеносы захватывали города, они оставляли всю инфраструктуру нетронутой. Сотополис был относительно небольшим городом, но даже в нем остались целые, нетронутые районы, где на крышах домов все еще блестели стекла, а наземные транспортные средства ожидали пассажиров, которые более никогда не придут.

Гора Фарос доминировала над ландшафтом. Некогда величественно возвышающаяся, покрытая зеленью гора, ныне уподобилась упокоенной мумии. На ее вершине возвышалась крепость-монастырь Кос Императора. На востоке стояли Скалы Черного камня, из гряды которых гора Фарос выделялась издали. Хребты вырисовывались на горизонте, словно чьи-то зубы, а опустошенный монастырь казался клыком, из-за чего у Феликса сложилось впечатление, что он смотрит на открытую пасть, готовую сомкнуться на корабле в любой момент.

Состояние Соты испортило настроение Феликсу. Предстояло так много сделать. Опустошение, причиненное флотом-ульем Кракен по-прежнему являлось наименьшей проблемой сектора. Войска Мортариона все еще осаждали Ультрамар, и огромные участки драгоценного царства были безвозвратно отравлены. На восстановление того, что еще можно спасти, уйдут целые десятилетия, если даже не столетия. Что он, один человек, мог сделать?

Треск рад-сенсоров прервал его размышления. Они пролетали над территорией, стерилизованной смертельными лучами Коула. Потрескивание многократно усилилось и не смолкало.

– Мы приближаемся к зоне отчуждения крепости-монастыря, милорды, – произнес Дэл. – Признаки активности со стороны оборонительных систем отсутствуют. Щиты опущены. Фиксирую минимальные показания мощности у генераторов монастыря.

– Наши орбитальные орудия вышли из строя, – тихо сказал Фракиец. – После этого наше ПВО продержалось недолго. Кракен эволюционировал, улучшая свои навыки атак с воздуха. Когда мы уходили, не оставалось ничего функционирующего.

– Тем не менее, нам стоит проявлять осторожность, – ответил Феликс. – Брат технодесантник, подведи нас как можно ближе к горе, – приказал он. – Достаточно близко, чтобы сработали защитные протоколы. Если реакции не последует, то проверим, сможем ли мы приземлиться прямо в крепости-монастыре. Это сэкономит нам много времени и сил. – Треск радиационных сенсоров резко усилился, когда они пересекли какую-то невидимую, смертельно опасную черту. – Будь проклято высокомерие Коула. Это излучение только усложнит нашу миссию.

– Оно находится в пределах допустимых параметров, милорд, – произнес Дэл и заложил «Повелителем» вираж.

Горы от берега отделяла равнина, которую они быстро пересекли. Теперь перед «Повелителем» была только гора Фарос, с ее высокими утесами. Дэл направил корабль вверх, и судно начало медленно подниматься по спирали. Феликс смотрел в окно и наблюдал за проносящимся мимо миром через ретинальный дисплей. Авгуры духа машины «Повелителя» направляли информацию прямо в сенсоры брони тетрарха. Любого смертного, кроме, может, самых хорошо подготовленных, такой поток информации мог повергнуть в шок, но космодесантник с легкостью его усваивал.

Охранявший столицу отдаленный каstellум лежал в руинах. От развалин вверх ползла узкая подъездная дорога, проходившая мимо сотен округлых пещерных устьев, покрывавших склоны горы от ее самого подножия до вершины.

– Невероятно, – прошептал Фракиец. – Так много пещер. Мы даже не подозревали, что их *так* много. Они стали видны только сейчас, когда исчезли все деревья и поросль.

– Они не были отмечены на картах?

– Только некоторые, – ответил Фракиец. – Мы собирали все картографические данные из первых рук. У горы были свои секреты. Она устойчива к сканированию. Кто-то из наших рассказывал, что пещеры перемещаются. Даже есть легенды тысячелетней давности. Я не верил большинству из них, но...

Сигнал тревоги перекрыл трещание рад-сенсора.

– Наше присутствие замечено, – произнес Дэл. – Я получаю сигналы. Авгуры замка пытаются навести на нас оружие.

– Остаемся на том же расстоянии, – приказал Феликс. – Что нас там ждет?

– Батареи орудий малой и средней дальности. Похоже, что все основные орбитальные орудия выведены из строя. Но я вижу лазеры, плазменные пушки и ракетницы, которые следят за нами... Так, стойте. Все еще функционирует один защитный лазер. Вероятно два.

– Как такое возможно? – удивленно воскликнул Феликс. – Ты же сказал, что пушки отказали.

– У меня нет ответа, – произнес Фракиец. – Но я не врал.

– Никакой связи...странно, – Дэл убрал руку с рычага управления кораблем и уставился на экран. – Тронк, возьми штурвал.

Второй пилот Дэла, как всегда безмолвный, взял управление на себя.

– Что это такое? – спросил Феликс.

Дэл продвинул свое кресло вдоль рельсов к сенсориуму, расположенному рядом с местом пилота. Управляющий им смертный отодвинулся в сторону, освобождая технадесантнику подход.

– Возможно, эти помехи вызваны уничтожающими лучами Коула, но их энергетические показатели несколько необычны, – ответил Дэл.

– Необычны? А конкретнее? – потребовал ответа Феликс.

– Неимперские сигнатуры, – произнес Дэл. Он быстро работал за пультом управления. – Я пытаюсь отключить защитную сеть, но система не отвечает. Она должна признать в нас союзников, но почему-то все равно игнорирует наши идентификационные коды. Хотя все должно работать.

– Это древняя система, – сказал Фракиец. – Сота пала прежде, чем вернулся примарх. Наша ноосфера и когитаторная инфраструктура не совместимы с таинством нео-тетрархии. Оно не знает вас. А как насчет кодов Кос?

– Уже пробовал. Они также неэффективны, – рассеяно ответил Дэл.

Вокс пронзительно взвизгнул потоком помех. Непрекращающийся треск рад-сенсоров прорезал громоподобный машинный голос.

– Вы входите в закрытое воздушное пространство. Косы Императора приказывают вам – развернитесь или будете уничтожены. Вы входите в закрытое воздушное пространство. Косы Императора приказывают вам – развернитесь или будете уничтожены.

– Какой великодушный охранный маяк, – хмыкнул Дэл.

– Если вы заметили, то наша крепость находилась недалеко от гражданского поселения, – сказал Фракиец. – Главный космопорт всего в нескольких милях на север.

– Оставшиеся в работе системы выглядят слабыми, милорд, – сказал Дэл, откинувшись в кресле. – Дайте приказ, и «Повелитель» спокойно уничтожит их. Я не думаю, что нам грозит хоть какая-то опасность.

– В каком состоянии находятся ангары крепости-монастыря?

– Заблокированы, милорд. Двери закрыты на трех главных ангарах, ни на одну из них не подается питание. Но пара верхних посадочных площадок вполне жизнеспособны. Остальные разрушены, – ответил Дэл. – Можно попробовать этот ангар. – Он постучал пальцем по экрану. – Я бы мог пробиться сюда. Или же на посадочную площадку в северной части.

– Если внутри бастиона Императорского Дозора есть враги, ты мы можем угодить в засаду. Проходы в цитадель из посадочных портов проектировали так, что их

спокойно могла удерживать даже горстка человек, – произнес Фракиец. – Большинство входов были заблокированы.

– Тогда я бы мог приземлиться во внешнем дворе замка, за главными воротами. Это единственное оставшееся место, не являющееся отвесным обрывом. Там конечно будет тесновато, но просторнее чем в ангаре «Эгиды».

– Тебе придется делать это под огнем. Пока остаемся на месте, – приказал Феликс. – Я не стану рисковать понапрасну. Фракиец, у тебя есть протоколы более высокого уровня доступа, которые ты бы смог нам предоставить?

– Я отдал все, что у меня было, твоему брату-технодесантнику, – ответил Фракиец. – Но я могу попробовать отключить систему самостоятельно, возможно, она распознает мой голос. – В воксе брони Феликса послышался щелчок, когда Фракиец переключил канал. – Командир Императорского Дозора нексус, подтвердите открытие канала связи.

Яростный треск помех заполнил палубу.

Вновь зазвучало автоматическое предупреждение.

– Вы входите в закрытое воздушное пространство. Косы Императора приказывают вам – развернитесь или будете уничтожены...

– Никакой реакции, – воскликнул Дэл. – Я засек перенаправление энергии от реакторов на систему вооружения.

– О почтенные машинные системы моего ордена, с вами связывается магистр Мансирий Фракиец. Подтвердите открытие канала связи и приготовьтесь начать отключение систем безопасности по моей команде, сразу после обмена шифрами.

На вершине горы сверкнула зеленая вспышка. Лазерный луч ударил в «Повелителя», но полностью поглотился пустотным щитом корабля.

– Тронк, ты подвел нас слишком близко! – крикнул Дэл.

Второй пилот покачал головой и скорректировал курс.

– Вы входите в закрытое воздушное пространство. Косы Императора приказывают вам – развернитесь или будете уничтожены. Вы входите в закрытое воздушное пространство. Косы Императора приказывают вам – развернитесь или будете уничтожены.

– Система не слушает меня, – констатировал Фракиец.

– Каковы дальнейшие приказы, тетрарх? – спросил Дэл. – Трон! – воскликнул он прежде, чем Феликс успел ответить. Тронк дернул рычаг корабля, и судно опасно накренилось набок.

Рубиновый луч света пронзил пространство в том месте, где только что находился корабль.

– А вот сейчас стрелял защитный лазер. Я рекомендую отказаться от этой затеи, – крикнул Дэл.

– Уходим, – Феликс посмотрел на монастырь сквозь бронестекло кабины пилота. Гора удалялась...

– Милорды, я получил вокс-сообщение от Архимагоса Доминуса Велизария Коула, – сообщил им один из смертных членов экипажа. – Он просит тетрарха явиться к нему и советует прижаться ближе к земле.

– Вот это сюрприз, – резко произнес Дэл. – Он находится на посадочных площадках Порт-Одессы. Но я могу сесть где-нибудь в городе.

– Нет, встретимся с ним, – приказал Феликс после секундного раздумья. – Отдайте приказ нашим транспортникам доставить снаряжение туда же. Чем скорее мы с этим покончим, тем лучше.

Феликс и сам не знал, имеет ли он в виду миссию или же встречу со своим мучителем.

***

Порт-Одесса был еще в более плачевном состоянии, чем сам город. Тираниды дошли до того, что разрушили многие из его ангаров и перемололи их, чтобы извлечь минералы. Опустевшую землю усеивали широкие ямы, наполненные полупереваренным металлом и рокритовой крошкой, из которой удалили весь кальций. Сами посадочные площадки все еще оставались пригодными для использования, и именно на их широкое пласткритовое пространство и совершил посадку огромный красный корабль Коула.

– Похоже, что архимагос расположился здесь как у себя дома, – произнес Дэл, ведя «Повелителя» над этим местом.

Из-под днища корабля Коула змеились сотни толстых кабелей. Экскаваторы рыли глубокие отвесные ямы, в грубом механическом подражании тиранидскому процессу потребления. Они складывали извлеченные обломки в приемники специальных устройств, которые скрежеща зубьями и шестернями размельчали камень и проталкивали его глубоко в свои утробы, где алхимические процессы раскладывали его на простейшие составляющие. Из других механизмов, прикрепленных трубопроводами к измельчителям, подобно гейзерам периодически вырывались столбы газа, добываемого из породы. Восемь крупных излучателей полей – четыре из которых были прикручены к рокриту, а оставшиеся четверо висели высоко в воздухе под действием антигравитации – создавали идеальный мерцающий защитный куб вокруг посадочной площадки с кораблем. Одиноким рыцарь Механикус, окрашенный в цвета дома Таранис, шагал по периметру лагеря, в то время как вокруг корабля техножрецы в пустотном снаряжении дистанционно выводили машины зондирования на посадочные площадки за пределами энергетического куба.

– Вокруг посадочного модуля Коула есть атмосфера, – произнес Фракиец.

– Коул очень честолюбив, – ответил на его слова Феликс. – И простых решений не любит.

– Мне приземлиться внутри поля? – спросил Дэл.

Феликс кивнул.

– Да, попытайся сесть как можно ближе к посадочному модулю. Давайте не дадим архимагосу-доминусу возможности избежать встречи со мной.

***

Когда трапы «Повелителя» опустились и космодесантники высадились наружу, Коул уже ожидал их. В кубе стоял жуткий холод, а состав атмосферы был скуден. В воздухе преобладал углекислый газ с высоким содержанием кислорода и немногочисленными другими газами, присутствующих на похожих на Терру мирах. Улучшенные органы Феликса пришли в действие, пытаясь переработать газовую

смесь. Высокий уровень углекислого газа делал его вялым, но тетрарх пренебрег всеми мерами защиты от неблагоприятной окружающей среды, встроенным в его броню, и оставил шлем пристегнутым к поясу. Он понимал, что все, чем он являлся, что все снаряжение, которое сейчас было надето на нем – все это было связано с Коулом. Смотреть собственными глазами, которые хотя и были изменены технологиями Коула, но с которыми он, по-крайней мере, родился, было предпочтительнее, чем смотреть через линзы шлема, разработанные и изготовленные магосом, в то время как еще больше изобретений Коула посылали данные на его сетчатку.

Велизарий стоял рядом со своим посадочным модулем, и вокруг него суетились его последователи – огромная червеобразная королева-матка со своим выводком рабов-трутней. Магос стал еще более чудовищным, чем помнил Феликс. С их последней встречи тело Коула претерпело множество новых улучшений. Но улыбка, частично скрытая за лицевой пластиной, наполовину насмешливая, наполовину вызывающая, осталась неизменной.

Подойдя ближе Феликс подавил дрожь. Где-то глубоко внутри него закричал маленький мальчик.

«Каждый человек», – подумал он. – *«Чего-то да боится».*

– Архимагос-доминус Велизарий Коул, я тетрарх Децим Андродин Феликс из королевства Ультрамар, правитель восточных границ. Я благодарю вас, за...

Коул поднял единственный металлический палец, заставив Феликса замолкнуть.

Магос с грохотом двинулся вперед. Из под спрятанного под его одеждami внешнего дыхательного устройства со свистом вырывались потоки газов, тут же превращающиеся в кристаллы льда на морозном воздухе.

– Примарис 10-079-983. Я никогда не забываю номера, – произнес он.

– Меня зовут...

– Децим Феликс, да, я помню... Из Лафиса. Воин-примарис, затем капитан, затем советник. Герой Империиума, ныне повелитель разрушенного графства. – Торс магоса опустился ниже, и его лицо оказалось на одном уровне с лицом Феликса. Между лоскутами синюшной плоти Коула жужжали крошечные шестеренки и шипели поршни. – Я прекрасно помню наши более поздние встречи. Но я с нежностью вспоминаю и то время, когда мы встретились впервые. Наши беседы были весьма приятны и разбавляли скуку, сопутствующую моему тысячелетнему труду. Спасибо тебе за это. Ты был таким энергичным мальчиком. Я рад, что ты так хорошо справился. Я всегда знал, что ты пойдешь далеко.

Феликс нахмурился.

– Спасибо, – неохотно ответил он.

– О, не стоит благодарности! – воскликнул Коул, не обращая внимание на чувство дискомфорта Феликса. – Когда ты видишь, что твои творения преуспевают, это само по себе является наградой.

Раздражение Феликса усилилось. Коул ничего не заметил, так как смотрел мимо него на Избранных Веспатора.

– Итак, кто это у нас здесь? – произнес он, сканируя каждого воина с помощью широкополосных авгуров. – 09-372-8872, 09-372-7643... – начал он, скандируя номера телохранителей Феликса.

– Милорд! – громко провозгласил Феликс, считая, что теперь настала его очередь перебить архимагоса. – Позвольте мне лично представить Избранных Веспатора, моих

защитников и помощников. Он указал рукой на своих космодесантников-примарис. – Сержант-ветеран Комин из Сыновей Орара, техnodесантник Дэл из Ультрамаринов, техnodесантник Тронк из Защитников Ультрамара, брат-ветеран Кадм из Кос Императора, брат-ветеран Туллио из Новамаринов, брат-ветеран Остен из Орлов Рока, брат-ветеран Иксен из Аквилонского Братства, брат-ветеран Диамед из Серебряных Черепов, аптекарий Янсар из Возрожденных, эпистолярый Гатейн из Мстящих Сынов, – он сурово посмотрел на магоса. – Каждый из этих воинов – герой. Каждый отличился в бою и образцово соблюдал высшие заповеди Кодекса Астартес. Они гораздо больше, чем просто цифры, архимагос-доминус Коул. У них есть имена.

Коул добродушно усмехнулся.

– Совершенно верно, совершенно верно. Конечно же, у них есть имена! У всего есть свое имя. Так приятно видеть всех вас. Я горжусь вами. Всеми до единого. – Коул потер ладони нескольких рук и снова посмотрел на Феликса. – Жиллиман истинный политик, не так ли? Все эти воины набраны из преемников Ультрамаринов, но не все они из десяти орденов стражей. – Коул поцокал языком. Через его вокс-передатчик этот звук прозвучал резким, как выстрел.

– Тщательно взвешенное решение, милорд, – ответил Феликс. – Чтобы способствовать сотрудничеству между сыновьями лорда Жиллимана.

– Без сомнения, – произнес Коул. Он с грохотом двинулся вперед, проходя вдоль шеренги космодесантников-примарис и вглядываясь в каждого из них. Сопровождавшие его серво-черепа кружились и подпрыгивали вокруг них, возбужденно пища и звеня. – Хорошие послужные списки, безупречно справлялись с возложенными обязанностями. Они получились довольно неплохо, как думаете?

– Это одни из величайших воинов в...

И вновь Коул перебил его.

– Я имею в виду не только этих людей, хотя они и являются образцами этого типа. Я имею в виду всех космодесантников-примарис. Они вышли довольно таки удачными.

– Да, милорд.

Коул обернулся, свернувшись клубком, словно змея.

– О, Децим, – предостерегающие произнес архимагос. – Давайте будем вежливы друг к другу. Я понимаю, что вы питаете ко мне некоторую личную неприязнь. Я отнял у вас детство. Сон в гипер-заморозке в металоновом саркофаге, боль от процедур в процессе апофеоза... И я признаю, – продолжил Коул, подняв несколько конечностей и повысив голос, чтобы не дать Феликсу возможности возразить, – Что я был вам очень плохим отчимом, хотя и старался изо всех сил. Все вы – мои дети. – Обратился он к остальным. – Так давайте же посмотрим, чего нам удалось достичь вместе, вам и мне. – В такт своим словам, он ударил своей сморщенной органической рукой по ладони на своей металлической правой, и придвинулся к Феликсу. – Стабилизация ситуации в Империи. Возвращение примарха. Создание совершенно нового вида космодесантников. – Он остановился рядом с Децимом и посмотрел в сторону горы. – И сегодня нам предстоит сделать нечто гораздо большее.

– Если вы ожидаете от меня вежливости, сначала проявите ее сами. Скажите мне, что именно вы ищете под горой Фарос, – потребовал Феликс.

– Возможно, магистр ордена Фракиец сможет ответить на этот вопрос, – бодро ответил Коул, указывая на приближающегося воина.

– Мой господин, архимагос-доминус, – произнес Фракиец. Он опустился на одно колено и склонил голову. – Прошу прощения за вмешательство, тетрарх, но я должен поблагодарить архимагоса. Без его гения, мой орден бы погиб, а наше наследие было бы безвозвратно потеряно. Я не представляю, чем я могу отплатить вам.

Коул подмигнул Феликсу, а затем посмотрел на обращающегося к нему воина.

– Ну будет, будет, – произнес он. – Поднимитесь, магистр. Если бы меня благодарили за все, что я когда либо сделал, это заняло бы удручающе много времени. Считайте, это моим подарком.

– Я... – Фракиец явно был обескуражен легкомыслием Коула.

– Вот именно, вставайте, – произнес Коул. – Это я вам должен быть благодарен. Этот мир – ваши владения. Я благодарен вам за то, что вы позволили мне тут работать. Здесь вы никогда не должны преклонять колени.

– Хорошо, – ответил Фракиец и ненадолго замолчал. – Ваше предложение... – начал он недоверчиво. – Это возможно?

– Разумеется, – Коул раскинул все три свои левые руки, обвел ими окружающий их пейзаж, перебирая ногами по рокриту. – Исцеление вашего мира начнется сразу после того, как я получу то, что мне нужно. Мы же не хотим потревожить дух горы, своими неуклюжими попытками восстановления?

– Постойте, – воскликнул Феликс. – Вы хотите сказать, что намерены восстановить Соту?

– Да, намерен, – непринужденно ответил Коул.

– Невозможно, – отрезал Дэл.

– Вы разочаровываете меня, друг мой. Вы же послушник Бога-Машины. Сота – это средний медведь! Будет совсем несложно.

Феликс перевел взгляд на Дэла. Технодесантник пожал плечами.

– Я чиню танки и делаю оружие, – ответил он. – Понятия не имею, что он имеет в виду, говоря об этом среднем медведе.

– Вы, без сомнения, должны знать о гипотезе Зла То Власки о Трёх Медведях? – Коул повернулся ко всем. – Нет? Кто-нибудь? Да как так... – спросил он, удивляясь непонимающему взгляду Феликса. – Ну ладно. Требуется некоторые разъяснения. Зла То Власка была ученым древней Терры, – начал он. – Также она была одной из тринадцати Апполианцев, которые увели человечество с Терры десятки тысяч лет назад. Первым местом, где они высадились, была Луна. Она сыграла ключевую роль в определении пригодности чужих миров для обитания человечества. Ее величайшая теорема заключалась в том, что некоторые миры занимают определенные позиции в звездной системе, позволяющие жизни процветать, так называемая зональность Зла То Власки¹. Позиция – это самое важное. Начинаете припоминать, да?

---

¹ Обитаемая зона в астрономии — условная область в космосе, определённая из расчёта, что условия на поверхности находящихся в ней планет будут близки к условиям на Земле и будут обеспечивать существование воды в жидкой фазе. В англоязычной литературе обитаемую зону также называют зоной Златовласки (англ. *Goldilocks Zone*, у Хейли *Gul Du Lac*). Это название представляет собой отсылку к английской сказке *Goldilocks and the Three Bears*, на русском языке известной под названием «Три медведя». В сказке Златовласка пытается воспользоваться несколькими наборами из трёх однородных предметов, в каждом из которых один из предметов оказывается по какому-либо параметру избыточным (большим, твёрдым, горячим и т. п.), другой — недостаточным (маленьким, мягким, холодным...), а третий, промежуточный между ними, предмет приходится «в самый раз». Аналогично, для того, чтобы оказаться в обитаемой зоне, планета не должна находиться ни слишком далеко от звезды, ни слишком близко к ней, а на «правильном» удалении (*прим. переводчика*).

– Нет, милорд архимагос, – ответил Феликс.

– Неужели? Тогда, прошу вас, представьте себе, как это формулировала Гюль Ду Лак много веков назад. Три Медведя.

– Три Медведя? – переспросил Дэл.

– Три. Медведя, – повторил Коул. – Каждый на завтрак ест кашу. Первый получает кашу, которая слишком горяча, не может ее есть и, как следствие, голодает. Третьему медведю достается слишком холодная каша, и он отказывается от нее. Но вот средний медведь! – Коул возбужденно размахивал всем множеством своих бионических конечностей. – Его каша в самый раз! Гюль Ду Лак использовала эту аналогию для классификации миров. Мы видим вокруг себя опустошение и полагаем, что все потеряно. Действительно, на первый взгляд все выглядит очень печально. Тираниды поглощают все живое, газы, жидкости, некоторые минералы, но все это исчезает только с поверхности.

– Разработками шахт они не занимаются, это уж точно, – сказал Дэл. – Они не копают. Даже при таком плачевном состоянии, имперскому поселению понадобились бы тысячелетия, чтобы полностью истощить такой мир, как этот.

– Именно! – воскликнул Коул, как будто Дэл был лучшим учеником в классе. – Тираниды – это поверхностные пожиратели, они очищают поверхность планеты и двигаются дальше. Сота – это активный мир. В недрах такого мира заключено столько же воды, сколько можно было найти в океанах. А теперь, может ли мне кто-нибудь ответить, откуда берется атмосфера?

Тишина.

– Ну, давайте же! – воскликнул Коул. – Для того, чтобы чему-то научиться, нужно думать! Давай, Комин, покажи своим воинам, почему ты носишь сержантские знаки отличия, а они – нет.

– Атмосфера распределяется по миру во время формирования планеты, – ответил Комин.

Коул издал двусмысленный звук.

– До определенного момента. Атмосфера также исходит и отсюда, – он топнул ногой по земле. – Ее можно высвободить и из минералов, как мы это делаем с известняковыми породами этой местности. – Он указал на машины, изрыгающие газ. – С помощью алхимии можно добавить кислорода, для получения приемлемой смеси. Хотя мне, конечно, не хватает азота, чтобы сделать этот воздух совершенно пригодным для дыхания. Через несколько сотен тысяч лет из-за вулканической активности Сота вновь будет покрыта газами. Тут можно вспомнить времена перед терраформированием Венеры, чья собственная, поистине экстремальная вулканическая активность, наделила ее сокрушительным давлением вкупе с невыносимо жаркой температурой, что делало ее непригодной для живых организмов.

И вновь Дэл пожал плечами, глядя на Феликса.

– Кстати о жизни, – продолжал Коул. – Этот мир выглядит мертвым, но это не так. И вновь нам стоит посмотреть себе под ноги. Как я уже говорил, тираниды – это поверхностные пожиратели. В камне любого живого мира в изобилии содержатся микроскопические организмы. И несмотря на то, что все высшие формы жизни исчезли, а многие из этих бактерий не смогут выжить здесь, на поверхности, уникальность генома Соты не уничтожена полностью. Так что, как мы все видим, все не так безнадежно, даже если мы просто оставим все как есть – чего я не собираюсь

делать, ибо какая польза могущественным Адептус Астартес от мира камней, без атмосферы и микробов? Никакой! – произнес он, активно жестикулируя механическими руками. – Если мы сверх того добавим воду и газы, позаимствованные из других частей системы Соты, и восстановим флору и фауну, клонировав образцы из хранилищ библиотеки Птолемея на Макрагге, то я думаю, что нам удастся восстановить гидрологический цикл лет за пятьдесят, а рудиментарную экосистему – примерно за столетие. Восстановление полноценной жизни сможет произойти уже в течении трехсот пятидесяти лет, плюс-минус столетие. Довольно быстро, я бы сказал!

– Но это невозможно, – воскликнул Комин. – Имперская доктрина предписывает оставлять миры, сожранные тиранидами.

– А когда Имперская доктрина имела значение? – пренебрежительно бросил Коул. – Ты меня не слушаешь? Этот мир занимает положение среднего медведя. Мир ведь пуст, да?

– Я с вами согласен, архимагос, но при всем моем уважении... – начал было Дэл.

– Но положение этого мира *не изменилось*, – перебил его Коул, хлопнув тыльной стороной одной металлической ладони по другой. – Излучение звезды *не изменилось*. А оно является ключевым фактором, позволяющим зародиться жизни или успешно терраформировать мертвый мир. Все остальное произойдет само. Не волнуйтесь, командер Фракиец, все будет хорошо.

– Если все так просто, то почему этого не сделали раньше? – спросил Феликс.

– Феликс, Феликс! – произнес Коул. – Никто и не говорил, что все *так просто*. Это *возможно*. Но только потому, что что-то сложно, не значит, что и пытаться не стоит. Спроси своего генетического отца. Примарх знает, что если у человека есть желание что-либо сделать, то его ничто не остановит. Я Велизариус Коул! Если я говорю, что что-то можно сделать, то это возможно, даже если у меня это займет десять тысяч лет. И при всем моем уважение к тебе, Сын Орара, по сравнению с продолжением работы Императора и разгадыванием секретов Чернокаменной, возвращение этого удачно расположенного камня к жизни – детская игра.

Коул направился к краю атмосферного поля, чтобы получше рассмотреть гору. Двигался он на удивление быстро.

– Значит ли это, что вы сможете вернуть к жизни и другие миры? – спросил Феликс, пытаясь его догнать.

– А? В этой системе? Да, да, если ты того пожелаешь. Однако у меня несколько поджмает время. Хотя технологиями я, конечно же, поделюсь. Смогут ли только ваши техножрецы их постичь... – Его пренебрежительно отношение неожиданно сменилось юмором, когда он улыбнулся Феликсу. – Вы и сами можете постичь эту науку. Я старался сделать вас всех настолько умными, насколько смог.

– Что вы рассчитываете получить взамен за этот труд?

– Децим, я делаю это не ради награды, – ответил Коул. Он остановился прямо перед границей защищенной площадки, достаточно близко, чтобы протянуть одну из своих чувствительных конечностей сквозь мерцающее голубое поле энергии. Пара серво-черепов пронесли мимо архимагоса и вылетели в безвоздушное пространство. Земля содрогалась от поступи рыцаря дома Таранис, патрулирующего периметр. – Я делаю это потому, что могу, и потому, что это правильно. Каково бы ни было ваше отношение ко мне, а я знаю, что и примарх мной недоволен, я на вашей стороне. Я хочу, чтобы Империиум выжил. Я хочу, чтобы он процветал. – Коул устремил свой

взгляд и множество других чувствительных приборов на гору. – Именно по этой причине я сюда прибыл. Во тьме, под горой Фарос, находится информация, которая, вполне возможно, позволит мне спасти всех нас.

Замерев, он смотрел на гору. Его тело стало таким же неподвижным, как и сама скала, а механодендриты на его спине двигались, как когда-то качались на ветру деревья на горе Фарос.

– Завтра мы выступаем. Готовь своих людей, Децим. – Коул с серьезным видом посмотрел на тетрарха. – Миссия будет очень трудной.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дальнейшие действия Коула

Около 10000 лет назад

Бах.

Металл выгнулся на горном ветру, приблизившись к поверхности валуна, словно дразня его, а затем сильно ударил по нему с новым порывом ветра.

Бах.

В лабораториях Императора существовало не так уж много мест, где можно было отдохнуть. А так, чтобы можно было попасть во внешний мир – еще меньше. Безопасных так вообще единицы. Коул, как директор отдела, отвечающего за подкожные интерфейсы, обладал некоторыми привилегиями, и ему позволялось покидать пределы помещений и избегать бесконечные проверки безопасности. Как только появлялась возможность, он любил выходить на Гималайское плато с его разреженной атмосферой и ощущать на своей спине жар древнего солнца, вдыхать запах воздуха, который не проходил через сотни тысяч фильтрующих установок.

Главная лаборатория Императора располагалась высоко, почти на самой вершине горного массива, но кроме нее существовали еще множество других. Все они были соединены сквозными тоннелями, проходившими глубоко под поверхностью Терры, подобно тайной паутине. База Коула располагалась на краю Гималазии, на границе с выжженными землями королевства Миамар. С высоты гор он мог разглядеть покинутый город Путу и остов его заброшенного улья. Коул был достаточно стар, чтобы помнить это место, когда оно еще было наполнено жизнью. С каждой новой эпохой человеческая цивилизация строила все более крупные и грандиозные сооружения, с каждым разом все сильнее разграбляя то, что осталось от природы этого мира. И каждый цикл оканчивался тем, что все больше из этих зданий гнили, разрушались и покрывались пылью. Коул верил, что когда-нибудь здесь останется только пыль и более не будет никаких построек.

Император предложил разорвать этот порочный круг. Именно поэтому Коул и служил ему.

Любимым местом Коула был мост, перекинутый через пересохший овраг, когда-то служивший руслом небольшой речке. Примитивный каменный мост... Но ему, тем не менее, удалось пережить тысячелетия, тогда как другие вещи из более совершенных материалов, как например добывающие металл механизмы, уже перестали существовать. Глина, камень, кучи земли – все это сохраняется веками. Профилированный металл заржавел. Углеволокно разлетелось вдребезги. Органика погибла. Стекло вновь превратилось в песок.

Бах.

Над мостом поднимались иссушенные горные утесы. Дно оврага устилала галька, форму которой придал давно исчезнувший водоем. Между камнями застрял мусор из

дюжин предшествующих эпох: пластовые обломки, металл, кость, резной камень, груды сложных составных механизмов, походивших теперь на природный мусор, и множество компонентов непонятного назначения и происхождения. Коул уставился на лист металла, колотящийся на ветру о валун. Должно быть древний поток принес его на это место незадолго до того, как река окончательно пересохла, а гидрологический цикл Терры атрофировался, иначе бы металл уже проржавел до основания.

Но вместо этого он болтался на горячем, иссушающем гималазийском ветру. Одну тысячу лет, две тысячи, три... Кто знает? Сам Коул к тому времени уже был глубоким стариком.

Металл был старше.

Бах.

Пластина уже так много раз билась о камень, что оставила на его гладкой поверхности уродливые выбоины.

Бах.

«Этот кусок металла здесь со времен последнего потопа», – подумал Коул. – «Торчит здесь, зажатый в каменных тисках, и не может освободиться».

Он взирал на него с возвышенности над речным руслом, как и множество раз до этого. Коул очень хорошо изучил эту железную пластину, хотя так никогда и не спускался к ней с моста. Он был бесстрастным наблюдателем. Сродни Богу. Бог металла! Он улыбнулся этой мысли – нелепость, достойная Марса. Коул презирал техножрецов. Бормочущие шаманы, которые поклонялись созданным ими же вещам. Его приводило в ярость то, что Император сотрудничал с ними, когда стоило их покорить и вернуть науку более просвещенным умам.

Бах.

Сталь покрывали большие вмятины, но даже они не смогли полностью стереть линии и форму, которые некогда придали металлу. Коул мысленно восстановил его. Он увидел гладкие изгибы и выгравированные символы. Форма обломка наводила на мысль, что пластина раньше была частью какого-то кожуха. Коул часто мысленно воссоздавал машину, частью которой мог быть этот кусочек металла. Сегодня он представил себе быстрый наземный автомобиль, мощный, объединяющий в себе достижения науки и искусство скульптора. Прекрасная машина, так редко встречающаяся в те дни. Она была публичной демонстрацией богатства и совсем не подходила для нового мира, который строил Император. Коулу было интересно, какому принцу какой эпохи принадлежала машина, которую покрывала эта сталь, и думал ли когда-нибудь ее владелец о том, что будет с ней, когда он исчезнет. Или же тот человек не думал о ее конце, чтобы избежать мыслей о собственной смерти.

– Ты заблудился в своих мыслях.

Коул вздрогнул от этого голоса и повернулся. Слишком быстро.

Невыносимый свет ударил ему в глаза.

Коул перенесся в другое воспоминание.

***

Около 10000 лет назад

Риза кишела беженцами со всех концов Империиума. Как и все миры-кузни, она всегда находилась на грани вымирания от голода. И даже все её высокие технологии вместе взятые не спасли бы планету, если бы поставки пищи и воды с других миров когда-либо прекратились. Служители Бога-Машины гордились своими знаниями. А еще они все понимали, но никогда не говорили вслух о том, что все миры-кузни были своего рода заложниками фортуны.

Фридиш и Коул пробивались сквозь толпу. Прежде громоздкое тело Тез-Лара в большинстве случаев играло им на руку, но в последнее время, наоборот, начинало становиться обузой. Районы, которые им нужно было проинспектировать, находились в самом худшем секторе, под установками переработки белка Гамма-Каппа. Со всех сторон на них напирала толпа, настолько уставшие и обезвоженные, что единственное, что они могли делать, так это стонать. Их стенания терялись в общем шуме. Незнакомый акцент едва удавалось разобрать, но смысл всегда оставался один: вода, вода, дайте нам воды.

– Воды не осталось! – Коул пытался перекрыть причитающую толпу. – Вы уже получили свой паек на сегодня! Прошу вас, отойдите в сторону. Мы здесь, чтобы провести вашу перепись, чтобы вас смогли обеспечить должным образом. За этим мы здесь. Чтобы помочь вам!

– Мы не водоносы! Отойдите назад! – крикнул Фридиш. – Отойдите назад! Вы не видите, мы пытаемся вам помочь?

Люди не подходили ближе, но и не отступали назад. Путь вперед, извилистый проход между трубами, уходящими в недра завода, был заблокирован.

Десятки измученных, отчаявшихся людей уставились на них.

– Мне это не нравится, – произнес Фридиш. Его пальцы легли на кобуру лазпистолета.

– Не доставай его, ради Триединого! – прошипел Коул. – Ты бунт хочешь устроить?

– Но они же не отступают, – прошептал Фридиш.

– А еще они не пытаются забить нас до смерти, – ответил Коул.

Тез-Лар стоял перед ними. Громадный киборг отпугивал тех, кто мог бы осмелиться причинить вред техножрецам. Но с каждым днем отчаявшиеся люди подходили все ближе. С каждым днем угроза беспорядков росла. Это было очевидно. Для Коула вся эта ситуация была неким числовым рядом, который с определённым шагом стремился к вполне предсказуемому и ожидаемому значению.

– Отдайте нам свою воду. Всю.

Внезапно шум толпы стих, а люди попятнулись в страхе. Но не перед Коулом, Фридишем и Таз-Ларом, а перед десятком людей, окруживших троицу. Они были так же грязны, как и все остальные, но выглядели значительно лучше, и на их лицах не было заметно признаков водной лихорадки, которая коснулась всех остальных.

Вокруг группы Коула образовалось открытое пространство. Толпа отошла, оставив мужчин позади, как отлив обнажает прибрежные камни.

– О нет, – прошептал Фридиш. Он вытащил свой лазпистолет, и скрежет металла о кожу громко прозвучал в тишине. Коул уже привел свой волкитный пистолет в боевую готовность и тот тихонько жужжал, набирая мощность.

Предводитель мужчин выступил вперед. На нем была потрепанная форма ныне не существующего полка имперской армии, грязная и промасленная. На лацкане кителя

поблескивали заслуженные на службе медали. Они были единственной чистой вещью на теле мужчины. Редкие волосы грязным пушком покрывали его голову, борода спуталась. Глаза, такие же яркие, как медали, сверкали из-под нависающих волос и слоя грязи на лице. Перенесенные лишения сделали этот взгляд острым и жестоким. В руках он сжимал самодельную дубинку, вырванную из машины, и потрепанный автоматический пистолет. Восемь других членов банды сжимали такое же дальнобойное оружие. И у каждого была дубинка.

«У нас ни единого шанса», – передал Фридиш в имплантаты Коула. – «Я вызвал подмогу».

– Мы здесь по поручению Технархии Ризы и Священного синода, – произнес Коул. – Отойдите в сторону, либо завтра никто не получит паек.

– Я сказал, – закричал мужчина. – Отдайте свою воду.

– У нас ее нет, – ответил Коул. – Мы проводим перепись населения, чтобы убедиться, что все беженцы в этом секторе обеспечены надлежащим продовольствием. – Он повысил голос, обращаясь к толпе. – Если вы нам не поможете, то воды не будет!

– Они тебе не помогут, – ответил мужчина. – Они нас боятся. – Он шагнул вперед и указал импровизированной булавой на Коула. – Это ваша вина. Я не желал быть преступником. Вы сделали нас такими. Мы вынуждены грабить ради выживания. Я сражался на войне, чтобы защищать этих людей. Я воевал за Империум! – воскликнул он. – А теперь посмотри на меня! Да я хуже самого Хоруса. Мне приходится красть воду у младенцев, потому что вы, поклоняющиеся винтикам ублюдки, не заботитесь о нас. Вам плевать на обычных людей. Но с меня довольно. Дайте нам воды. Дайте нам поесть.

– Мы здесь, чтобы помочь, – произнес Коул, пытаясь вложить в свою интонацию максимум сочувствия. – Я вас понимаю. Правда...

– Сомневаюсь. Все вы, винтикопоклонники, одинаковые, – прошипел мужчина. Он с нескрываемой ненавистью смотрел на входные порты Коула, на электрический глаз Фридиша, на Тез-Лара и на красные одежды, в которые все они были облачены. – Вам насрать на нас, потому что мы люди, а не машины. Это твой последний шанс, – прорычал главарь.

– Прошу вас, – проговорил Коул. – Отступитесь. Нам нечего вам дать.

– А мне нечего терять, – ответил мужчина.

Числа, которые управляют плавной работой Магнум-Опуса Бога-Машины, завершили свое жужжащее продвижение. Вселенная покатила по новой колее. Насилие было доказательством этого утверждения.

– Убейте их! – закричал мужчина.

Ветеран умер, прежде чем эти слова успели разнестись по воздуху. Его пронзил обжигающий тепловой луч из пистолета Коула, который выжиг внутренности мужчины изнутри. Фридиш убил еще одного. Тез-Лар встал перед третьим и раздавил ему горло механической клешней.

Демонстрация силы, произведенная жрецами, не привела ни к чему хорошему.

Толпа издала коллективный стон. Их индивидуальность утонула в стадном инстинкте. Коул буквально ощущал, как людей покидает сознательность. Это было равносильно наблюдению за тем, как умирает человек.

Толпа хлынула вперед. Коул успел сделать еще пару выстрелов, каждый из которых стал смертоносным, но теперь он стрелял не в отдельных людей, а в чудовище,

состоящее из множества частей, и которому было совершенно наплевать на потерю своих крошечных конечностей.

Зловоние немых тел заполнило все чувства Коула. Толпа тянула его вниз, разрывая одежду. Люди были настолько ослаблены голодом и жаждой, что их удары почти не чувствовались. Грязные ногти царапали его мемкор-штекер и кожу головы.

«Они просто задавят меня массой», – подумал Коул. – *«Выдавят воздух из моих легких, и я задохнусь».*

Фридиш закричал. Тез-Лар издал предсмертное бормотание из своего вокс-передатчика, перед своей второй гибелью.

Вот он, конец Велизария Коула.

Что-то шевельнулось в его голове. Все смешалось.

Он опять оказался на мосту, перекинутом через пересохший ручей, где на ветру стучал лист металла. Река света устремилась прямо к горизонту, заполненному гигантскими машинами. Чей-то голос спросил:

– Какое последнее предупреждение Шестнадцати Вселенских Законов?

Доброе лицо, черты которого каждый раз были другими, с печальными карими глазами, которые никогда не менялись. Тогда, десять тысяч лет назад, над ним стоял примарх, бедный Робаут Жиллиман, всегда серьезный, всегда задумчивый, не знавший радости в своей жизни, целью которой всегда был долг.

– Ты уверен, что это единственный выход? – в отчаянии спросил Жиллиман. – Ты уверен?

Оглушительный треск энергетического оружия заглушил крики толпы. Какая-то машина издала сигнал тревоги. Давление на Коула ослабло. В его сторону протянулась кибернетическая рука и вытащила из груди тел. У каждого трупа на спине дымилась аккуратная рана.

Дрожащий Фридиш стоял окруженный кольцом основательно модифицированных воинов. Рядом с трубами лежали десятки мертвых беженцев. Справа разгорался пожар. Люди разбежались во все стороны.

– Они пришли, Велизарий! Они пришли! – радостно воскликнул Фридиш. – Спасибо главному архитектору!

Коул окинул взглядом одежду солдат. Они выглядели как скитарии культа Механикус, но он был уверен, что это не они. Если все-таки это скитарии, то прибыли они явно не с Ризы, потому что их легкие доспехи были выкрашены в жемчужно-белый, а плащи отливали серыми и черными цветами.

– Вы Велизарий Коул? – обратился к нему женский голос из-под одного из шлемов. – Неаугментированная рука потянулась, чтобы снять его, и теперь на него смотрело неаугментированное лицо.

– Кто спрашивает? – ответил он вопросом на вопрос. На голове огнем горели царапины.

– Велизарий Коул, уровень адепт, изучение множества дисциплин, которые по меркам Марса граничат с ересью?

– Это весьма лестно, но вы не ответили на мой вопрос.

– Отвечай, или я оставлю тебя здесь, – недовольно сказала она. Девушка выглядела не очень дружелюбно. – Как только мы уйдем, вероятность того, что тебе удастся покинуть это место живым значительно уменьшится.

С этим было не поспорить.

– Я – Велизарий Коул, – подтвердил он.

Девушка кивнула; она знала это с самого начала.

– Тогда пойдем со мной.

Земля задрожала. Ни женщина, ни кто-либо из ее приспешников, ни Фридиш, казалось, не замечали этого, хотя Коул потерял равновесие и отчаянно махал руками, пытаясь устоять на ногах.

– Коул, – послышался голос Фридиша, хотя тот не произнес ни слова. – Милорд Коул. Это происходит снова.

***

Наше время

– Милорд.

Визуальные сенсоры Коула вновь вспыхнули зеленым светом. По внутренним пространствам его сознания потекли потоки данных.

Перевозка. Бак. Транспорт. Энергетические транспортные клетки класса Прайм-семь. Пункт назначения – гора Фарос. Обнаружена временная психическая диссоциация. Причина неизвестна. Скорость пять миль в час. Наружная температура девяносто семь градусов. Угол наклона хода девять градусов от горизонтали. Направление – четырнадцать градусов северной широты относительно местного полюса планеты.

– Мой господин? Ваша функциональность в порядке? – спросил не-Фридиш. Коул сфокусировался на окружающей обстановке.

– Фридиш?

Но он уже понял, что это не Фридиш, а некто, снабженный факсимильной копией голоса Фридиша. Более того, несовершенной копией.

– Ответ отрицательный. Я зовусь Кво-87, милорд, – ответил Кво-87.

Коул немного выдвинулся из своей транзитной колыбели. Что-то отсоединилось от его туловища и настойчиво запищало. Он заглянул в водительское отделение, где Альфа Примус уверенно вел машину вверх по невысоким холмам. Предгорья Фароса оказались непродолжительными – три волнистых склона, а за ними вздымающиеся ввысь стены голых серых скал. Их колонна состояла еще из четырех танков: двух «Репульсоров» Адептус Астартес, одного древнего «Ленд Рейдера» и «Секач» Кос Императора.

Коул знал Архана Лэнда. Лэнд никогда не был доволен именем, данным его танку.

Обрывок воспоминаний из далекого прошлого всплыл в голове Коула.

– *Не «Ленд Рейдер», чтоб их!* – недовольно воскликнул Архан Лэнд и странное, обезьяноподобное псибер-существо, которое он сам лично смастерил, энергично запрыгало у него на плече. – *Рейдер Лэнда!*

Феликс настоял на том, чтобы его люди шли первыми. Первый танк в колонне уже миновал кастеллум и направился к крепости-монастырю. «Репульсор» Феликса, чей кобальтово-голубой корпус был щедро покрыт слоем могильной пыли Соты, как раз обогнул разрушенный форт и исчез из виду.

– Докладывай, – произнес Коул.

Кастеллум возвышался над городом и охранял дорогу к вершине. Его стены были разрушены. Рокритовую поверхность усеивали проеденные кислотой кратеры, расширившиеся от дальнейших попыток тиранидов переработать строение. Другие повреждения оказались кинетическими, но, как это всегда бывало при нападении прожорливых ксеносов, снаряды также были поглощены в процессе переваривания. Коул часто задавался вопросом, почему ксеносы не поглощают больше инертных минералов, когда нападают на мир. У многих построек в корпусе присутствуют сложные металлические структуры, и мириады базовых элементов поспособствовали бы размножению, но феррокритовые части кастеллума, с огромной долей металлов в своей структуре, оказались лишь едва обглоданы.

Эти мысли молниеносно пронеслись в его голове. Кво-87 даже еще не успел заговорить. В то же время, Коул думал и о многом другом. Он все время думал.

– Произошло еще одно землетрясение, – ответил Кво-87.

– Когда? – Коул попытался сосредоточиться, перенося свои размышления о приоритетах в питании тиранидов глубже в подсознание.

– Завершилось три секунды назад, пока я будил вас. Продолжительность – четыре целых семь десятых секунды. Самое продолжительное за все время нашего нахождения здесь.

Коул проверил свой внутренний хронометр.

– Как и прежде, синхронное начало и точное совпадение продолжительности со временем, в течение которого я находился под влиянием, – произнес Коул. – Интересно. Субъективная длительность видения не соответствует сейсмическому событию, но они, вне всяких сомнений, совпадают.

Танк дернулся в сторону. Широкая куча щебня, которая некогда была северной башней кастеллума, преградила дорогу. Альфа Примус начал медленный подъем. Осколки рокрита заскребли по корпусу.

– Логирую инцидент. Третье землетрясение с момента прибытия. Третье событие фуги, – произнес Кво-87. Из порта в его боку появился инфопланшет. Из указательного пальца одной из меньших конечностей вытянулось автоперо и коснулось поверхности планшета. – Изображение термических остатков и недавний кристаллический разрыв в породе наводят на мысль о возникшем напряжении земной коры одновременно с вашим первым видением на «Зар Квезиторе».

Всеми своими глазами Коул смотрел мимо кастеллума на мертвую серую громаду горы Сота.

– Весьма настораживающе. Действительно, очень настораживает. Я не ожидал такой активности так скоро.

– Ваша гипотеза, архимагос-доминус? – спросил Кво-87. – Для протокола.

– Очевидно, что этот механизм пробуждается, – ответил Коул. – Период покоя подошел к концу.

– Подтверждаю, – произнес Кво-87, хотя Коул и не нуждался в согласии своего слуги. Коул считался истинным гением, а Кво... Даже у себя в голове он едва мог это произнести.

Кво был очень хитроумной и сложной *вещью*.

– В последнее время я много думаю о Фридише, – резко произнес Коул.

Кво-87 медленно повернул голову и посмотрел на Коула. Он действительно обладал проницательным умом, но его возможности были ограничены. Кво не мог понять эмоциональной подоплеки в словах Коула.

– Я подумал, что тебе стоит знать, – продолжил Коул.

Кво-87 терпеливо смотрел на него.

– Гипотеза о реактивации машинного духа ксеносов. Запись в протокол, – перо царапнуло по экрану.

– Должно быть, разлом имеет к этому какое-то отношение, как и в случаях с другими подобными сооружениями, – заметил Коул снова переключаясь на рабочий настрой. – На других территориях династии также была достигнута своего рода критическая масса, требуемая для пробуждения, так что, как я подозреваю, уничтожение имперских поселений на Соте стало катализатором. Гипотеза – это устройство выжидает своего часа.

– Первые действия машинного духа ксеносов, – произнес Кво-87. – Для протокола.

– Только гипотеза.

– Диктуйте, – сказал Кво-87.

– Самовосстановление, – начал Коул. – Возобновление функционирования. Запуск технической части. Конечная цель – открытие маяка и восстановление сверхсветовой сети в сегменте Ультима.

– Гипотеза относительно видений Велизария Коула?

Коул забарабанил металлическими пальцами по внутренней стороне обшивки корпуса.

– Либо Фарос пытается со мной связаться, либо хочет напасть. Оба варианта вызывают беспокойство. Варианты не взаимоисключаемы. Конец гипотезы.

Прежде чем спрятать свой инфопланшет Кво-87 кивнул. Коул спроектировал его так, чтобы он мог подражать человеческому поведению.

Альфа Примус дернул за рычаги управления. Танк преодолел завалы и двинулся по дороге к Императорскому Дозору.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Покинутые

Антигравитационный двигатель пульсировал со страшной силой, однако исходившей от него вибрации было недостаточно, чтобы сотрясти металл. А вот чтобы заставить дрожать тело человека, ее хватало вполне. Феликс ощущал пульсацию энергетической установки машины глазами, зубами и даже желудком. «Репульсор» был оборудован несколькими рядами тяжелых антиграв-двигателей. Из-за своих огромных размеров и тяжелого бронирования, ему требовалось гораздо больше энергии, чем большинству других левитирующих транспортных средств, а из-за смещенного центра тяжести он раскатывал и разглаживал все, над чем пролетал, словно гигантский утюг. Легкие корабли, удерживающиеся в воздухе на таких же полях, грациозно плыли. Можно сказать, парили в воздухе. «Репульсор» нельзя было назвать ни легким, ни грациозным – пропитанный злобой своего машинного духа, он буквально рычал, поднимаясь по дороге к крепости-монастырю Кос Императора.

Еще громче взревел задний блок двигателей. Количества энергии, потребляемого для перемещения такого веса, могло бы хватить, чтобы привести в движение космический истребитель, но танк двигался медленно, а двигатели перегревались. В кормовой части салона натужно гудели системы охлаждения. Пассажиры десантного отсека, Феликс и половина его телохранителей, страдали от невыносимого жара.

– Крутоват подъем для танка, – проворчал Дэл. Как техническому специалисту Избранных, ему выпала честь управлять этим транспортом Феликса, так же, как и «Повелителем». Тронк вел головной танк, а Комин, настояв, чтобы тетрарх находился во второй машине в колонне, ехал впереди вместе с остальными. Феликс наблюдал за продвижением группы через многочисленные экраны танка. Брат-ветеран Остин управлял башней «Репульсора» Комина. Его шлем сверкал на солнце каждый раз, когда он поворачивал орудия, следя за изгибами дороги.

Феликс провел несколько попыток сканирования окружающего их пространства. Гора, казалось, блокировала любые попытки ауспика проникнуть за каменную поверхность. Точное расстояние сканирования варьировалось от десяти до пятидесяти метров, но независимо от глубины, на которую удавалось пробиться, анализ всегда внезапно прекращался, и экраны приборов показывали только зловещую пустоту. Тип сканирования значения не имел. Каждая попытка стабильно приводила к одному и тому же результату. Сонар был также бесполезен, как и нейтронные импульсы.

Остальные три космодесантника-примарис наблюдали за работой Феликса, предлагая по возможности свою помощь. Все, кроме Кадма, который пристально вглядывался в окружающее их пространство, и тем глубже погружался в себя, чем ближе они подъезжали к монастырским воротам.

– Дальше этой точки ничего нет, – сказал Феликс, указывая на экран. – Я ничего не вижу внутри горы.

– Это невозможно, – ответил Янсар, его скрипучий голос был хорошо слышен даже через вокс-передатчик.

– Фраза, которую мы слишком часто слышим в последнее время, – задумчиво протянул Диамед.

– Ты что-то чувствуешь, брат? – спросил Феликс Гатейна. Пальцы эпистолярия сжались вокруг силового посоха.

– Ничего, – ответил он. – Я вижу то же, что и машины.

– Материал, что непроницаем для всех методов сканирования, материальных и нематериальных, – задумчиво сказал Феликс. – Я уже сталкивался с этим ранее.

– Черный камень, – произнес Гатейн. – Ничто другое не обладает такими свойствами. И Коул говорил что-то о пробуждающихся структурах...

– Значит, некроны, – подытожил Диамед. Он был из Серебряных Черепов, и драгоценные камни, украшавшие его броню, мерцали при тусклом освещении внутри десантного отделения танка. Воин пнул ногой основание скамьи напротив себя. – Куда ни глянь, под каждым проклятым камнем прячутся некроны.

– *Стоять*, – передал по воксу Комин из головного танка. – *Вперед препятствие*.

Избранные принялись готовиться к бою. Шлемы тут же были надеты на головы, а оружие снято с креплений. Они двигались с профессионализмом, отточенным за годы тренировок, и, несмотря на стесненные условия, приготовились за считанные мгновения.

Танк резко остановился. Дорога в этом месте была достаточно широкой, чтобы два «Репульсора» смогли встать рядом. Но больше ничего сделать бы не смогли – не оставалось места для открытия дверей десантного отсека. Именно по этой причине Дэл остановил танк чуть в стороне от ведущего транспортного средства и немного позади него, так, чтобы обе башни могли контролировать дорогу.

Феликс посмотрел на передний видеозэкран. За массивным боком транспорта Комина виднелся завал, перегородивший дорогу. Остатки сторожевой башни рассыпались по горному склону. В прямых линиях каменной кладки, что осталась закрепленной на скале, угадывалось расположение комнат. Стены были толщиной в несколько метров. Но этого оказалось недостаточно, чтобы остановить наступление Кракена. Остальная часть сторожевой башни обрушилась на дорогу, которую она охраняла, перегородив путь.

– Гатейн, Кадм, Янсар – со мной, Диамед в башню танка, Дэл, остаешься на месте, – приказал Феликс.

К оружейным системам подали энергию из реактора и они загудели. На контрольных приборах замигали сигнализирующие о готовности огоньки. Духи машины пробудились и их обуяла жажда битвы. Диамед вскарабкался наверх, и его силовой рюкзак тут же был снят со спины автоматическими роботизированными манипуляторами. Из-под погона башни выдвинулись силовые кабели, подключая воина напрямую к танку.

Завыли сигналы, предупреждающие о разгерметизации отсека. Воздух, под давлением, начал всасываться в специальные баллоны. Двери на обоих бортах машины с лязгом опустились, образовав трапы, по которым тут же выбежали космодесантники. Пейзаж за бортом оказался тихим, холодным и унылым. Словно они высадились в потрепанное временем пикт-изображение реального места. Волны антигравитационного поля от работающего на холостом ходу танка ударили Феликса по ногам. Его рад-сенсоры потрескивали под дождем субатомных частиц.

Космодесантники-примарис рассредоточились, держа оружие наготове.

– *Чертовски хорошее место для засады*, – провозгласил Диамед. Он навел осадную пушку Гатлинга на завал и приказал духу машины медленно повернуть башню к склону горы. Дорога была продолжена в склоне под острыми углами. Тысячи лет эрозии стерли базальтовую облицовку, но утес все еще оставался отвесным.

Странный транспорт Коула остановился позади. За ним – танки Фракийца.

Сторожевая башня развалилась на массивные кубические валуны, ошестившиеся сверхплотной углеродистой арматурой. Феликс сделал несколько шагов вперед. Комин уже вышел из своего транспортника, воины его отряда держали завал под прицелом. Под прикрытием своих братьев, Тулио опустился на колени у основания завала и его встроенный в предплечье ауспик испустил веер света на куски рокрита.

Феликс остановился рядом с сержантом-ветераном.

– Обойти сможем?

– Нет, – ответил Комин. – Тут целая коллекция танковых ловушек, которыми мог бы гордиться военный инженер.

– Я кое-что нащупал. В пустотах есть органика. Вон там, – указал Тулио пальцем.

Иксен двинулся к указанному месту. Благодаря своей сверхчеловеческой физиологии, он с легкостью отбросил в сторону огромный кусок рокрита, как будто это была пустая коробка. Воин топнул ногой по земле.

– Тиранид, – произнес он, направив свой болтер в дыру.

Из-под обломков торчала чудовищная голова. Какой-то симбиотический паразит прилепился к морде твари, обвившись вокруг ее плеч. Его кожу, как и кожу существа-хозяина, покрывали ожоги от радиации.

– Мертв, – констатировал Иксен.

– Этот да... – произнес Тулио. Он захлопнул панель ауспекса и поднял болтер. С кучи щебня начали соскальзывать осколки рокрита. Сначала небольшие осколки, щебень, потом камни покрупнее, а затем и целые валуны. – А вот этот – нет.

Космодесантники открыли огонь по чудовищу, выбравшемуся из-под завала. Феликс не смог распознать разновидность, хотя и изучал угрожающих его владениям ксеносов с особым усердием. Монстр был шестипалым, как и все тираниды, и напоминал обычных массивных штурмовых тварей, хоть и был несколько меньше и худее. Четыре конечности существа заканчивались костными симбионтами, приспособленными для ближнего боя. Дальнобойного оружия у твари не было. Споровые трубы были рудиментарными, без видимых отверстий. И у него также был симбиот, состоящий в основном из мешочков, которые надувались и сдувались в определенной последовательности. От симбионта отходили толстые хрящевые трубки, ведущие в дыхательные пути своего носителя.

Он поднырнул под шквал болтерного огня. Заработали орудия танков, пронзая тело ксеноса сфокусированными пучками света и градом пуль. Диамед направил огонь Гатлинга на симбиотическое существо, дышащее за атакующего зверя, разрывая его хрупкое тело. Но монстр не упал, а продолжал двигаться вперед, разбивая шипастыми копытами обломки разрушенной башни. Собственный

огромный вес мешал существу выбраться из рыхлой насыпи, и он провалился по самые коленные суставы.

Танки изготовили к стрельбе весь свой арсенал. Пара из них были оборудованы богатым набором как противопехотного, так и противотанкового оружия. Экипаж и духи машин щедро использовали сразу оба типа, поражая зверя пулями и разрывными снарядами.

Наконец, выстрел из сдвоенной лазпушки пробил твари голову, и она упала, испустив беззвучный крик.

– Не такой уж и страшный, – произнес Иксен. Он двинулся в сторону монстра с пистолетом наизготовку. На всякий случай воин всадил в глаз поверженного тиранида болт-снаряд.

– В развалинах еще кто-нибудь остался? – спросил Комин.

– Никак нет, – ответил Тулио, снова сверяясь со своим ауспиком. – Все чисто.

– Эпистолярый?

– Я ничего не чувствую, – ответил Гатейн.

Феликс шагнул к зверю. Все тело ксеноса покрывали язвы.

– Лучи Коула сделали свое дело, – произнес он, намеренно избегая взглядом транспортное средство архимагоса.

Янсар провел над трупом медицинским сканером.

– Сильно облучен, – признал он. – Но все еще был жив. Если кто-то еще закопался на глубину, как этот – у нас будут неприятности.

– Просканируй местность, посмотрим, есть ли тут еще кто-нибудь, – приказал Феликс.

– Можно смело ставить на то, что эти существа разбросаны по планете, – сказал Фракиец, который только что присоединился к ним. – Мне уже приходилось видеть эти арьергардные организмы. Их будет еще больше. Они скрываются в своих охотничьих логовах, разбросанных по всему миру. Но, думаю, что мы не в том количестве, чтобы спровоцировать отправку призывающего послания.

– Тираниды могут вернуться? – озабоченно спросил Янсар.

– Если будет достаточно биомассы, – ответил Фракиец. – Но эти организмы – не единственная угроза. Когда мы зайдем внутрь, то нам нужно будет быть очень осторожными, – указал он на гору.

– Если речь о генокрадах, то мы их наверняка встретим в монастыре, – сказал Феликс.

– Это их стандартное поведение после охоты, – добавил Фракиец. – Видите этот придаток? – Фракиец низко склонился и приподнял свисающий с дыхательного симбиота лоскут кожи. – Это утилизатор атмосферы. Генокрады не нуждаются в воздухе. Они могут вести активный образ жизни и не дышать неделями, а в спячке пребывать так вообще веками.

– Нет такой уловки, к которой бы они не прибегли. Все ксеносы заслуживают нашу ненависть, – произнес Иксен. – Но я начинаю ненавидеть тиранидов сильнее чем кого-либо другого.

– Тогда ты понимаешь, что чувствуем мы, – обратился к нему Фракиец.

– Начинайте копать. Если мы выровняем верх насыпи, то сможем переправить танки, – приказал Феликс. Он связался по воксу с Дэллом. – Есть признаки активации системы обороны ордена?

– Нет, милорд, – ответил техnodесантник. – Мы вне зоны поражения орудий как орбитальной, так и противовоздушной обороны. Пушки на стенах также не проявляют активности.

Феликс кивнул.

– Оставайся начеку, продолжай сканирование. И не прекращай попытки установить соединение с системами обороны. Я бы предпочел не попасть под обстрел.

– Эта груда щебня чиста, милорд, – произнес Тулио, отступив назад. – В радиусе пары километров от нашего местоположения нет ничего живого.

– Тогда разбираем завал, – приказал Феликс. – Мы и так задержались.

Космодесантники начали сбрасывать валуны с края отвесной горной дороги.

– Милорд, – воксировал Диамед. – У вас гости. Существо Коула.

Альфа Примус вышел из транспорта Коула и направился к остальным. Неокрашенный керамит его простых доспехов был сер, как окружающий пейзаж. Шлем воина, хоть и был в идеальном состоянии, каким-то образом умудрялся передавать уродство его истерзанного лица.

– Отойдите в сторону, – сказал он. – Архимагос приказал мне разобраться с этим препятствием.

– В одиночку? – недоверчиво спросил Тулио. – Давай мы поможем тебе копать, брат.

– У меня нет братьев, – ответил Альфа Примус. – Я уникален. Первый из нашего вида. И мне не нужно копать. Отойдите.

Воины на куче камней остановились и повернули головы к тетрарху.

– Отойдите, – приказал Феликс. – Позвольте ему попробовать.

– Да, и чем быстрее он потерпит неудачу, тем скорее мы сможем прорыть себе путь, – передал по воксу Диамед. Он совершенно не скрывал своего презрения к слуге Коула. Феликс был уверен, остальные чувствовали тоже самое. Да и у него самого от одного его вида бежали мурашки по коже.

Альфа Примус встал перед обломками и расставил ноги.

– Назад, – крикнул он. – Еще дальше! Я не хочу причинить вам вред.

Обменявшись взглядами, космодесантники-примарис отступили к своим машинам. Люди Фракийца последовали за ними. Гатейн оглянулся. Альфа Примус поднял руку, разведя пальцы, и силовой посох Эпистоляррия вспыхнул, ощутив колдовство.

– Кости Императора, – воскликнул Гатейн. – Он же...

Из Примуса вырвалась волна псионической силы, ударив по воинам и заставив парящие над землей танки пошатнуться. Земля вокруг ног слуги Коула покрылась паутиной фиолетового света. Из руки Примуса вырвалась огненная плеть того же цвета, и там, где она коснулась рокрита, произошел взрыв. Осколки взлетели вверх, закружились в воздухе и упали в пропасть. Большая часть завала вздымалась, будто бы под нее поместили плоскую доску и подняли. Светящийся пузырь, сквозь который открывался вид на дорогу впереди, толкал обломки сторожевой башни вверх и вбок. Примус сжал кулак. Пузырь взорвался, высвободив силу, и камни полетели с дороги вниз по склону горы.

Сделав свое дело, Примус повернулся к группе. Его глазные линзы светились угасающей силой. Воин направился к транспорту Коула.

Гатейн связался с ним по воксу, когда он проходил мимо.

– *Почему я не чувствовал твоей силы?* – спросил он.

Примус, не сбавляя шага, прошел мимо него и даже не взглянул в сторону Эпистолярия.

– Император одарил космодесантников множеством даров, – ответил Альфа Примус ледяным тоном. – Мне досталось больше, чем остальным.

Группа оперативно вернулась к своим машинам и продолжила подъем.

***

Дальнейший подъем прошел без проблем. Им встретились еще несколько сторожевых башен, стоявших рядом с дорогой, но все они оказались целыми и безмолвными, лишь их врата были разрушены или снесены с петель. Дважды колонне приходилось останавливаться из-за преграждавшей путь разбитой бронетехники. Но каждый раз Фракиец давал свое согласие на то, чтобы танки просто сбросили с горы, дабы не задерживать продвижение. Феликс отметил про себя его спешку. Для космодесантников все боевое снаряжение являлось священным. Кроме того, его было крайне трудно заменить или восполнить.

– *Неужели дар Коула их ордену настолько велик, что Фракиец так легко отказывается от своих реликвий?* – спросил он Дэла по личному вокс-каналу.

– *Он спешит попасть в свой монастырь,* – ответил Дэл. – *Это очевидно. Должно быть, там остались гораздо более ценные предметы. Им пришлось покинуть планету в спешке.*

– *Возможно,* – задумчиво произнес Феликс. Ответ технокосмонавтика его не убедил. В голове тетрарха вновь прозвучали слова Кадма.

«Они что-то скрывают».

Феликс наблюдал, как «Хищник» упал с края дороги и разбился на куски о камни внизу.

Вблизи вершины дорога сворачивала в тоннель, пробуренный прямо в горной породе. Во внешней стене были прорезаны оконные проемы, открывающие захватывающий дух вид на раскинувшийся далеко внизу Сотополис. Все бронестекла были разбиты, как и многие колонны между ними. Лица статуй, украшавших тоннель, были изуродованы кислотными ожогами. На другой стороне бессильно повисли в своих гнездах защитные орудия. Но внимание Феликса привлекла внутренняя поверхность туннеля, находящаяся под орудиями справа от колонны.

Сквозь покрывавший гору базальт проступал второй слой горы. Небольшая трещина, сначала тонкая словно нить, постепенно расширялась, обнажая камень, который оказался настолько глубокого зеленого цвета, что в тени казался черным. Истинный его цвет можно было увидеть только лишь в тех местах, где на него падало солнце. Именно сквозь это вещество и не могли проникнуть сканеры.

– Черный камень, – произнес Феликс.

«Репульсор» с грохотом пронесся мимо группы пещер, уходящих вглубь горы. Самая высокая из них представляла собой овальный провал двадцати метров в высоту, который окружали десятки других, гораздо меньших размеров. Все они были завалены горами феррокрита. После этого количество видимой черной

породы пропорционально увеличивалось, пока чернота не заполонила стену целиком.

Сенсориум танка отключился.

Феликс постучал по приборам. В воксе нарастал настойчивый, пульсирующий треск.

– Фракиец? Фракиец? – передал по воксу Феликс. Не получив ответа, он крикнул Дэлу. – Технодесантник, вокс не работает, нужна диагностика.

Голос исказили помехи. Вокс-передатчик, встроенный в доспех, тоже сбоил.

– Все вышло из строя, тетрарх. Вмешательство извне.

– Из-за радиации Коула?

– Никак нет, – ответил Дэл.

– Это исходит от горы, – прокомментировал Гатейн.

Танк вынырнул из туннеля на открытое место. Черный камень скрылся под поверхностью горы. Приборы сенсориума замерцали индикаторами и снова включились.

– *Магистр ордена Фракиец, ответьте*, – снова попытался связаться с ним Феликс.

– *Тетрарх*, – ответ Фракийца пришел мгновенно и не был искажен помехами.

– *У меня отключилась связь. Здесь это обычное явление?*

Фракиец ответил не сразу.

– *Нет*, – произнес он наконец.

Танки преодолели последний поворот дороги. Впереди, под защитой внешнего двора, виднелись огромные ворота крепости-монастыря. Хотя внешние стены и двор частично закрывали обзор, главные ворота, обладая высотой в пятьдесят метров, отлично просматривались с дороги. Они изящно сужались, образуя готическую арку, окружность которой была выполнена в виде покрытых листвой раскидистых ветвей. Раньше ворота украшал барельеф, изображающей картины крестьянской работы – мужчины и женщины в поле убирали траву косами, – но более ничего нельзя было разглядеть.

Несмотря на то, что ворота были отлиты из высококачественного адамантия, они оказались разбитыми. Одна из створок согнулась почти пополам от удара непостижимой силы, другая – просто деформировалась и была покрыта вмятинами. По-прежнему не было видно ни трупов, ни останков – только неорганические материалы. Все, что осталось.

– Тормозите, – приказал Феликс. Зловещий вид горы насторожил его. – Скорость три четверти от максимума. Оружие наизготовку.

Солнце клонилось к западу и опускалось за нижние пределы крепости-монастыря. Самая высокая башня на вершине купалась в золотистом свете, как это было каждый вечер с тех давних пор, когда еще Император ходил и дышал на Терре. Оборонительные сооружения отбрасывали длинные черные тени, которые ползли навстречу конвою. Цилиндрические башни внешних ворот встречали их прохладной темнотой. Внутренние меньшие ворота представляли собой искореженные обломки, а сам проем ворот был забаррикадирован. Судя по всему, здесь сдерживали атакующих после первого прорыва. Поскольку тела погибших отсутствовали, о ходе сражения судить было сложно. Как же странно было видеть такое поле битвы, еще свежее, сохраненное вакуумом, усеянное обломками и гильзами, но полностью

лишенное бойцов. Это был образцовый батальный пейзаж до того, как на нем появились главные действующие лица.

Танк Комина отбросил в сторону остатки баррикад. В какой-то момент их преодолели и местами разрушили ксеносы, так что теперь они не представляли никакой преграды для парящих танков. То, что осталось, было расплющено гравитационными полями.

– *Стоп!* – прокричал по воксу Комин.

Квадратный корпус танка загородил Феликсу обзор на двор.

– Замечены признаки угрозы?

– *Врага нет*, – произнес Комин, посылая Феликсу пикт-изображение того, что ждало их впереди. – *Мы входим во владения почтенных мертвецов.*

– Ты правильно сделал, что остановился. Дэл, медленно продвись вперед, – приказал Феликс.

– Я уважаю технику больше, чем Фракиец, – ответил Дэл, на этот раз без тени шутки. – Я буду осторожен.

Боевое снаряжение – вот и все, что осталось. Пустые комплекты силовой брони были раскиданы по всему двору, больше всего – перед главными воротами. Тела из них забрал Кракен, и хотя некоторые комплекты были разорваны во время жатвы, многие лежали в тех же позах, в каких пали их носители. Пустые перчатки все еще сжимали рукояти пистолетов и мечей, а обвисшие армированные подлатники удерживали боевые доспехи вместе.

– Почтим боевое снаряжение мертвых, – нараспев произнес Дэл. – Почтим память тех, кто остался позади...

– Дэл, останавливай транспорт, – приказал Феликс. – Ничего не трогать. Мы должны позволить Фракийцу забрать вещи павших, если на то будет его желание.

Дэл мягко остановил танк, и хотя пульсирующие волны гравитационных генераторов сотрясли несколько покинутых боевых доспехов, ни один из них не был поврежден.

– Колонна стоять, – передал по воксу Феликс. – магистр ордена, я выражаю вам свое соболезнование и уважение. – Он обратился к своим людям. – Я выхожу наружу. Иксен и Янсар следуют за мной.

– Угрозы не обнаружено, милорд, – произнес Дэл.

– Ты знаешь что делать, если кто-то появится, – ответил ему Феликс. – Задний трап.

Он стоял и ждал, пока опустится пандус. Прежде чем он успел спуститься, с ним связался Комин.

– *Оставайтесь внутри. Землетрясение. Очень сильное.*

Антигравитационное поле танка смягчило толчки, но снаружи, задрожали пустые боевые доспехи, а с поврежденных зданий посыпались пыли и обломки.

– Гора неустойчива, – воскликнул Дэл. – Как только мы выведем из строя систему обороны, нам стоит привести в боевую готовность наши воздушные средства, на случай вынужденной эвакуации.

Феликс не слушал. Он не мог слышать его слов. К тому времени, когда толчки достигли наивысшей амплитуды, он был уже совсем в другом месте.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Предложение, от которого невозможно отказаться

Около 6500 лет назад

Играла странная музыка, будто посредством звучания мягких струн пытались передать сложную математическую последовательность.

Тело Феликса начали резать и он закричал. Боль почти не ощущалась, ведь Коул не был садистом. Но некоторые процедуры, тем не менее, требовали, чтобы его подопечные оставались в сознании. Феликса приводил в ужас запах собственной горячей плоти, которую разрезали лазерные скальпели. Отсутствие человеческого общества только усугубляло ситуацию. Феликс остался сам по себе, окруженный бесчувственными машинами, которые двигались вокруг него по заранее заданным траекториям. Роботы-мучители не способны были понять его ужас и не знали милосердия. Мимо него проплывали механические паучьи конечности с лезвиями, лазерными резаками и маленькими склянками с трясущимся органическим желе.

Сегодня они резали его череп. Голова Феликса была надежно зафиксирована, и он не мог пошевелиться. Он почувствовал, как резиновые кончики безжалостных пальцев откинули скальп и услышал скулящий скрежет лезвия, вгрызающегося в кость. Феликс ощутил, как мягкая присоска прилипла к черепу и сняла его верхнюю часть, словно это была крышка от банки.

Другие машины запустили туда свои манипуляторы, втыкая что-то в его мозг. Мир окрасился странными цветами. Он чувствовал несуществующие запахи. И когда самое его естество, самые глубины его души начали тыкать, резать и анализировать, он разразился рыданиями. Конца мучениям не было...

Сотни других молодых людей проходили те же процедуры. Он слышал их крики, доносящиеся извне его запертой стерильной палаты. Сотни других мальчиков, которые, на самом деле, уже не были мальчиками, а стали накаченными гормонами существами на полпути к зрелости, будущими воинами. Многие из них кричали и плакали. Феликсу не нужно было стыдиться своего страха.

– Интеграция пятой стадии на девяносто семи процентах. Примарис номер 10-079-983, показатели оптимальны.

Мозг Феликса окутал холодный антисептический туман.

– Прошу вас, пожалуйста, отпустите меня, – взмолился он.

Бах.

С мягким ударом черепная крышка встала на место. Скрипящий сварщик костной ткани деловито двигался вокруг его головы. Феликсу нестерпимо захотелось чихнуть от ударившего в ноздри запаха горячей кости. Его кости. Мысль об этом повергла Феликса в панику. Он представил себе, как его мозг расслаивается и разрушается.

– Прошу вас, – всхлипнул он, Обритый скальп юноши наложили обратно на черепную коробку и очередная мехрука начала его пришивать.

Холодное сопло прижалось к изгибу его руки и коротко зашипело.

– Пожалуйста... – он проваливался в сон.

– *Будьте храбры, мои маленькие воины,* – произнес чудовищный голос, перекрывая звуки музыки. – *Я предлагаю вам то, чего никто другой не сможет*

получить. Силу, что позволит вам послужить людям, как никто другой. Вы обретете славу, выполняя свой долг перед человечеством.

– Но я не... – пробормотал Феликс. – Мне не нужна эта сила.

Бах!

– Именно поэтому ты и получишь ее, – произнесло чудовище у его уха.

Опустилась темнота. А затем:

– Куда мы идем? – спросил голос, который принадлежал чудовищу, но и не ему одновременно. – Неужели ты мне не можешь ответить хотя бы на это?

– Нет, – ответил другой, женский голос. – Проявите терпение, прошу вас.

Бах!

– Но я не...

Около 10000 лет назад

– ... не понимаю, почему ты не можешь хоть что-нибудь нам объяснить.

Женщина остановилась так резко, что ее сапоги закрипели по черному мраморному полу, а Коул и Фридиш чуть не врезались в нее. Сопровождавшие их солдаты синхронно остановились.

– Моя информация подтвердилась. Вы невыносимо болтливы.

Они были далеко от жилых кварталов, где обитали беженцы, и находились на верхних уровнях Ризы. Здесь повсюду расстилались великолепные проспекты, украшенные драгоценными камнями и увешанные символическими золотыми схемами. Прекрасные колонны удерживали высокие потолки, а жрецы культа Механикус, охраняемые киборгами с полированной аугметикой, вели дебаты на возвышенные темы. Коул воспринял эти перемены спокойно и вел себя так, словно бы ему тут было самое место. Фридиш же, испуганный из-за окружавших его могущественных лордов культа, сжался и шаркался от каждого устремленного в его сторону взгляда.

Коул вкрадчиво улыбнулся.

– Речь – это первый способ обмена информацией. Вся моя жизнь, как и вся культура, связана с получением информации. Вам стоит простить мне несколько невинных вопросов, – произнес Коул.

– Культ Механикус... – выговорила женщина, сурово посмотрев в его сторону и покачав головой. – Императору не следовало связывать свою судьбу с такими, как вы. Вы – анафема Имперской Истины. Боги! Поклонение знанию... Полное безумие.

Она продолжила свой путь.

– Без наших знаний не было бы возможно ни одно из усовершенствований ваших воинов! – ответил ей Коул и махнул в сторону охранников женщины. – Благодаря нашему почитанию истин Бога-Машины, Его дары удалось сохранить.

Она снова остановилась.

– Моих воинов создала наука, – едва скрывая презрение сказала она. – Не суеверия. Не мольбы несуществующему богу. Не песнопения. Я – ученый. Ты же – колдун.

Она снова продолжила путь, на этот раз ускорив шаг, из-за чего Коулу и Фридишу, чтобы не отставать, пришлось перейти на легкий бег.

– Значит, мы с тобой придерживаемся одного мнения, – произнес Коул. – Мы, ты и я, ищем истину.

– Вовсе нет, – возразила она. – Я стремлюсь к правде. Вы следуете религии. Во всей Вселенной нет пропасти шире, чем та, что разделяет наши мнения.

– Я думаю, ты ошибаешься, – ответил Коул, который никогда не позволял хорошим спорам угаснуть. – Вера в рационализм остается верой.

– Я считаю, что ты представляешь угрозу для Империи, – выкрикнула она. – Никогда не было и не будет истинной религии, кроме той, что появилась в результате пришествия Великого Врага. Все кроме нее – зло в чистом виде, и основаны они на лжи и миллиардах заблуждений. – Она не обращалась к ним, а кричала вперед, словно не могла себя заставить даже просто взглянуть на техножрецов. – И все же, мы, рационалисты, вымираем, в то время как ваш род процветает. Включение Адептус Механикус в Совет Терры – это успокоительная для разума. Так что в ближайшие годы вы сможете наслаждаться своим моральным превосходством сколько угодно, – сказала она. – Я хочу, чтобы вы запомнили мои слова, потому что мое мнение будет беспокоить вас всегда.

Она свернула в боковой коридор, меньший по размерам, чем основной проход, по которому они шли ранее. Их тут же озарило светом знаний – со стен мерцали сотни оптических экранов, заполненных различной информацией.

– Но почему? – спросил Коул.

– Потому что я верю – ты знаешь, что это правда.

Они подошли к золотой двери в два человеческих роста высотой, охраняемой воинами-киборгами почти такого же размера.

– Зачем ты привела нас сюда, на верхние уровни улья, если так ненавидишь нас?

– Мне приказали, – буркнула девушка. – Я делаю свою работу.

Она стояла неподвижно, пока сканирующие лучи тяжелых боевых сервиторов пробежали по ее телу от макушки до пят.

– Я не желала тебя видеть, – произнесла она. – Будь на то моя воля, мы бы никогда не встретились. Вас приглашает на аудиенцию Лорд Генетик, директор Иезекииль Седейн.

– Я знаю это имя! – воскликнул Коул удивленно. – Иезекииль Седейн. Он здесь, на Ризе?

– Вы можете войти, Альтрикс Эрминия, – в унисон прогудели сервиторы.

– Не здесь, – ответила Альтрикс Коулу. Двери открылись, обнажив ангар, где располагался небольшой гладкий шаттл, предназначенный для путешествий с поверхности на орбиту. Над входом сиял атмосферный щит. Они находились настолько высоко над пейзажами Ризы, что дымчато-коричневая атмосфера вверху казалось черной, а покрытая стальной «кожей» планета внизу, закругляясь, тонула в нефтехимическом мраке. – Он на Терре, и хочет встретиться с тобой там.

– Терра? – переспросил Фридиш. – Мы летим на Терру?

– Не ты, только он, – ответила ему Альтрикс. – Ты остаешься здесь.

В ангаре что-то глухо стукнуло.

– Минуточку, – произнес Коул, подняв палец. Он одарил Альтрикс своей самой обаятельной улыбкой. – Я никуда не поеду без Фридиша. Если директор Седейн желает меня видеть, то Фридиш летит тоже.

Бах.

– Что это за шум? – спросил Фридиш.

Эрминия раздраженно вздохнула.

– Хорошо. Но я предупреждаю тебя, ты не в том положении, чтобы торговаться. Не злоупотребляй моей добротой. Я бы на твоём месте приберегла возможность просить об одолжении или снисхождении до того момента, когда мы прибудем на Терру и вы начнете переговоры с директором Седейном.

– Торговаться? – спросил Фридиш. – Мы что, заключаем сделку? Что за переговоры?.. Да что там стучит? – Он выглянул наружу.

Бах!

– Прекращай, Фридиш, – Коул обернулся к провожатой. – К чему эти недомолвки? О какой сделке идет речь?

Альтрикс крайне неприятно улыбнулась.

– У лорда Седейна есть предложение к вам. И я настоятельно советую вам его не отвергать.

Бах!

– Один из ваших сервиторов неисправен, – произнес Фридиш, указывая на киборга, который бился в стену, пытаясь пройти сквозь нее. – Я могу починить его.

Бах! Металлический корпус с глухим стуком врезался в металл.

– А что будет, если мы решим остаться здесь? – спросил Коул, как и Альтрикс игнорируя Фридиша.

– Для этого уже слишком поздно, – ее воины рассредоточились позади жрецов, и подняли оружие. – Вы идете со мной, нравится вам это или нет.

БАХ!

Около 10000 лет назад

Металл ударил по валуну два раза подряд.

Бах! Бах!

Утесы тянулись к сланцево-серым небесам. Мир состоял из пыли и песка. Повсюду виднелись признаки того, что мир не всегда был таким. Вода отполировала камни, оставив на них плавные волнистые следы, разительно отличающиеся от отметин, появившихся от воздействия ветра. Давно мертвые, высушенные корни, извлеченные из земли потоками воздуха, с тщательностью, присущей археологу – вот и все, что осталось от органической жизни.

Бах! Бах!

Ветер набирал силу, поднимая в воздух прах тысяч мертвых цивилизаций, бросая пригоршни могильного гравия на валун, дробя его камень за камнем, в такт ударам металлической пластины, обнажая и выставляя на показ останки сорока тысяч лет человеческой цивилизации.

– Я вас побеспокоил? – спросил мужской голос.

Естественной реакцией было обернуться и посмотреть. Коул попытался, но так и не смог этого сделать. Простейшее действие. Все, что ему следовало сделать, – это начать двигаться: каскад синаптических импульсов, рожденных бессознательно, еще до принятия осознанного решения, пронесется по мозгу. Бессознательный рефлекс обманывает разум, что позволяет людям существовать не существуя, активируя

конечности и приводя тело в движение без сознательного выбора, но с иллюзией такового.

Повернуться.

Просто.

Но он так и не обернулся.

Бах!

Бах! Бах!

Коул склонил голову и опустился на колени, отвернувшись от мужчины. Он не любил вставать на колени, никогда не любил. Вдобавок ко всему, он был так высок, что это выглядело просто-напросто нелепо. Но существо требовало этого. Сам Человек этого не говорил. Он не любил преклонение и поклонение. Но Его сущность, Его душа, являлась настолько могущественной, что возможно было ощутить Ее жар на своей коже. Это вызывало уважение.

У Него не было имени, по крайней мере того, которое Он признавал, но Мужчина называл себя Императором Человечества. Наглость от именованья себя таким титулом казалась безмерной, но при встрече с Ним все вставало на свои места. Любой, кто когда-либо встречался с Ним, знал, что этот титул не был присвоен из-за пустого тщеславия. Он не являлся порождением высокомерия. Он просто был уместным.

– Ты можешь встать, – произнес Император. – Тебе незачем становиться на колени. Знание не должно преклоняться перед силой. – Он улыбнулся. От его улыбки по телу Коула прокатилась волна тепла и моментально поднялось настроение. – Все должно быть наоборот. Увы, на деле все обстоит не так, но нам нужно постараться относиться друг к другу с уважением и сделать это утверждение истинным.

– Я и сам не сказал бы лучше, – ответил Коул и поднялся на ноги, по-прежнему не поднимая на Него глаз. Мельком он увидел смуглую руку и отвернулся от нее.

Бах!

Металл не заботили дела людей, какими бы могущественными они ни были. Для него существовала только его вражда с куском скалы.

Бах!

Около 100 лет назад

Бах! Бах! Бах!

– Отступаем! Внешние ворота захвачены! Отступаем к стенам!

Фракиец стоял на дороге к бастиону, примыкающей к главным воротам, и смотрел вниз, во внутренний двор, где безраздельно властвовала смерть. Справа от него, перед внешней башней главных ворот, яростно гроыхала четырехствольная пушка «Икар». Позади него вздымались в небо стены, которые должны были быть достаточно крепкими, чтобы сдержать любого врага.

Но построившие их люди не учли нападение флота-улья.

Карнифекс в ярости встал на дыбы и принял смерть от выстрела из лазерной пушки практически в упор. Зверь широко взмахнул похожими на молоты кулаками и повалился на землю, скрипя хитином по рокритовым плитам. Но свою задачу он уже выполнил. Баррикады по ту сторону врат были разбиты, и двор остался незащищенным. Еще два карнифекса неуклюже прошли в проем ворот по остаткам своего павшего собрата. Массивные когти врезались в толпу людей. Один из зверей нес

на себе био-пушку, мешочки с зарядами от которой пульсировали, будто в нетерпении ожидая выстрела. Встроенный в пушку глаз блуждал по многочисленным мишеням. Карнифекс поднял оружие, мешочки сжалась, и поток сверхъедкой желчи поглотил двух космодесантников. Агонию, которую они испытали, когда кислота проев мягкие сочленения их доспехов, начала пожирать плоть, оказалось достаточно, чтобы заставить избранных сынов Императора закричать.

Воины Фракийца сражались вдоль всей стены. Твари запрыгивали на мертвецов, сваленных у подножия укрепления, и использовали их в качестве трамплина чтобы бросаться на защитников. Они не заботились о собственном выживании. Большинство из них тут же разрывало на куски, но на каждую сотню, бросившихся на верную смерть, находился один, которому удавалось прорваться. Орда ксеносов насчитывала миллионы...

В их числе были сотни тысяч крылатых тиранидов. Гигантская стая заполонила небо, раскрасив его в малиново-кремовые цвета. Твари вопили в воздухе, как будто испытывая невыносимую боль, и их резкие голоса сливались в один нескончаемый вопль, настолько оглушительный, что казалось, что он разносится по всей вселенной. Непрерывный шквал орудийного огня из крепости пробивал дыры в сплошной пелене роя, из-за чего с неба сыпался дождь из крови и плоти. На пустотный щит обрушилась бомбардировка цитоспорами и он замерцал, пульсируя переливами фиолетового света. Несколько тысяч зверей задело колеблющимся полем и их моментально разорвало на части. Другие летели настолько быстро, что сами врезались в защитное поле. Но каждая пробитая в живых облаках дыра, большая или маленькая, мгновенно исчезала, как будто воды озера смыкались над попавшим в него камнем.

На Фракийца спикировала горгулья, извергающая изо рта биоплазму. С ее передними лапами было связано оружие, которое, дергаясь и извиваясь, изрыгало поток ядовитой слизи и яростных жуков. Насекомые, совершенно не причиняя вреда, соскальзывали с брони Фракийца. А вот биоплазма чуть не снесла ему голову.

Воин выпустил один единственный болт и нырнул в сторону. Его точный выстрел попал горгулье прямо в грудь. Реактивный снаряд разорвался глубоко внутри, полностью уничтожив туловище твари. Стая огибала место взрыва. Оторванные кожистые крылья плавно опускались вниз по спирали, словно кленовые семена, и распадались на мелкие частицы.

По всей длине стены космодесантники в желто-черных доспехах стреляли вверх. Выставленные в автоматический режим болтеры рявкали, подрагивая в руках. Воины выпускали шквал огня, показывая безупречную боевую выучку, прикрывая друг друга каждый раз, когда брату нужно было перезарядить оружие. Дождь из жидкости и ошметков плоти забрызгал людей, укрепления и машины так, что все вокруг было скользким от чужеродной крови. Слуги ордена, пригибаясь, сновали вдоль крепостных валов, чтобы передать своим хозяевам обоймы с болтами из своих тележек с боеприпасами. Тележки постепенно пустели – у ордена заканчивались боеприпасы. В самом начале вторжения арсеналы ломались от пуль и снарядов. Их растратили так быстро... Если бы у Фракийца вдруг оказалось время и возможность проверить количество снарядов у своих людей, то он бы увидел ряды тревожно-красных цифр, стремящихся к нулю. Но времени у космодесантника было еще меньше, чем болтов.

Внимание Фракийца привлекли множющиеся руны, оповещавшие о гибели братьев. Его глаза металась по стенам в поисках их источников. Брата Бастэйбла

утащили три гаунта. Брата Геноуса поглотил взрыв плазмы. Брат Фродан оказался погребенным под стаей крылатых потрошителей. Куда бы не бросал взгляд Фракиец, везде умирал кто-то из его воинов. Его аптекарии метались по полю боя, пытаясь спасти драгоценное геносемя. Одного из них только что оторвали от земли и унесли в небо. Стая ксеносов набросилась на другого, оттесняя его от братьев, корчащихся под роем крошечных зубастых организмов.

Косы Императора умирали. Очень быстро.

– Отступаем к главной стене! Оставить внешние укрепления! – проревел Фракиец в свой вокс-передатчик. Он дублировал это сообщение по общему вокс-каналу роты и посылал своим людям срочные руны отступления и перегруппировки. Основная стена крепости-монастыря возвышалась над ними и казалась неприступной.

Недостаточно. Совершенно недостаточно.

Карнифексы у ворот, несмотря на плотный огонь, двинулись вперед, сотрясая землю своими шагами. Словно пули, вытащенные из раны щипцами хирурга, один из них протиснулся во двор, затем второй, а за ними выплеснулся поток смерти, красный, как кровь.

– Назад, к основным стенам!

Дверные проемы ввели к главным сторожевым башням, расположенным со стороны внутреннего двора. Там у них появится шанс продолжить бой, по крайней мере, на некоторое время. Но люди Фракийца были подавлены, да к тому же обещанное подкрепление из Сотополиса не спешило на помощь.

– Отступаем! – крикнул Фракиец.

Косы Императора, расположенные на левой стене, тянущейся до самых скал горы Фарос, начали прорубать себе кровавый путь сквозь стаю горгулий. Они направлялись к бронированным воротам. Фракиец пропустил своих людей вперед, чтобы прикрыть их, с отеческим облегчением отсчитывая каждого, кому удалось благополучно оказаться внутри стен.

– Быстрее, быстрее! Пошли! – кричал он, хлопая своих воинов по наплечникам и отстреливая зверей, пытавшихся до них добраться. Миллионы монстров следовали за ними, приземляясь на стены. Хотя крылатые тираниды были беспомощны на земле, их повелители все равно заставляли их бросаться на зубчатые стены, где они падали, визжали и кусались. Головы с костяными гребнями трескали и превращались в кровавую кашу под тяжелыми саботонами космодесантников. Оружие обрывало сотни жизней ксеносов. Под руководством Фракийца удалось произвести отступление с левой стены.

С правой же стороны ситуация была безнадежной. Стены там поднимались над утесами и заканчивались отвесным обрывом в тысячи футов, выходящим на далекие крыши Сотополиса. Утес не давал никакой защиты. Враги роились на стенах. Косы Императора оказались изолированы друг от друга и разделены на две или три части. Существа с костяными лезвиями вместо лап бесконечным потоком карабкались вверх по отвесному склону горы и перепрыгивали через зубцы. Воины на главной стене были слишком заняты бесконечными толпами врагов, и не могли обеспечить прикрытия. Те, кто оказался слева, были заняты своим спасением. А справа люди Фракийца умирали. Достаточно близко, чтобы это хорошо видеть, но слишком далеко, чтобы хоть как-то им помочь.

Гасли руны его бойцов. Пиктографический дисплей его роты, едва превышающий по размерам ноготь, запульсировал янтарным и красным. Его люди гибли целыми взводами.

Что-то сотрясло крепость. Что-то изнутри. Небольшая, но вполне ощутимая дрожь.

Пушки смолкли.

Фракиец уставился в небо.

Пустотный щит замерцал и погас. Рой беспрепятственно хлынул вниз.

– Командование, оборонительные батареи прекратили огонь, – произнес Фракиец. Впервые за сто лет ощутив панику. – Щиты отключены! Запрашиваю немедленную эвакуацию! Командование, прием!

Он отошел в сторону, уворачиваясь от падающей горгульи. Она с влажным хрустом ударилась о дорогу у стены, где он только что стоял. Фракиец застрелил еще троих из своего болт-пистолета.

Вокс-связь из цитадели пискнула, привлекая его внимание. В шлеме появилась строчка текста обозначающая капитана Мерсирии.

– Главные орудия отключены. Вплоть до мелких башен. Отступить со стен. Мы будем сдерживать их, пока не вернутся остальные. Ждите подкрепление от сил обороны Сотарана.

– Нам нужно эвакуироваться! Подкреплений не будет! – закричал Фракиец. Шипение и визг тиранидов казались оглушительными, несмотря на все усилия авточувств его брони заглушить их. – Торсира бы не хотел этого! Мы будем уничтожены. Мы должны оставить Соту!

– Торсиры здесь нет. Вы должны отступить. Удерживайте цитадель, пока остальная часть ордена не ответит на призыв.

– Это самоубийство, – прорычал Фракиец. – Сота потеряна. Наша оборона уничтожена.

– Наши братья идут. Жители этого мира идут. Мы не можем бросить их, чтобы они столкнулись с этим в одиночку.

– Наши братья мертвы. Сообщение ушло слишком поздно. Сухопутные силы Сотарана скорее всего уничтожены. Мы обречем орден на вымирание, если останемся. Ты обрекаешь всех нас, брат, – Фракиец выпустил четыре снаряда один за другим, и сенсориум доспеха зафиксировал четыре уничтоженных противника.

– *Командую я,* – отрезал Мерсирия. – *Отступить в цитадель.*

Фракиец выругался. Небесный рой начал редеть. Он слишком хорошо разобрался в тактике разума улья, чтобы принять это за отступление.

Тираниды видели, что щиты пали.

– Начинается высадка спор! – проревел он. Последние из его людей, которые смогли отступить, прошли через порталы башни. Семеро воинов остались отрезаны во дворе, кишащем ксеносами. Фракиец посмотрел на небо. Горгульи и сорокопуты кружились в вихре, который растянулся до самого космоса, создавая свободный тоннель до самой земли. Он увидел в небе очертания огромных кораблей-ульев, белоголубых, словно дневная луна при солнечном свете. От них отделились черные фигуры.

– Противовоздушные настенные орудия, открыть огонь по падающим спорам! – скомандовал он. Последний из его людей прошел через левый дверной проем. Дверь закрылась, с хрустом раздавив горгулью, попытавшуюся пролететь вслед за воинами.

– Запечатать ворота левой стены! – Специальные механизмы в стене выпустили быстро застывающую ферропену в проем ворот. Фракиец спустился по лестнице во двор и побежал к правому входу, чтобы помочь отступающим воинам. Рядом с ним возвышалась громада главных ворот. В его сторону бежали двое воинов, по очереди открывавших огонь и прикрывающих его движение. Фракиец кинулся спасти еще одного из братьев, только чтобы увидеть, как того нанизал на острые когти сорокопут и унес прочь. Споры падали во двор. Первая в цель не попала, а врезалась в скалу, разбрызгав повсюду жидкость и останки гаунтов. Последний из его людей, оставшихся во дворе, упал на колени. Воин застонал – его плоть плавилась под струями сверхъедкой кислоты, брызгающей со всех сторон.

Фракиец тщательно прицелился и послал болт ему в голову. Мерцали красные контуры в визуальной схеме его роты. Он потерял больше половины.

Посыпались новые споры. У них не было тормозных механизмов, и они врезались в землю на полной скорости, разрываясь при ударе. Из них вырывались воины-тираниды, покрытые амортизирующим гелем. Как только их оружие освобождалось от дряблой оболочки спор, они тут же открывали огонь.

Фракиец поднялся по правой лестнице к двери в башню. Оттуда он смог увидеть Сотополис. Его улицы заполняла бурлящая масса ксеносов.

Несколько выживших космодесантников, прихрамывая, вошли в помещение.

– Всем отрядам приготовиться к перегруппировке.

Фракиец посмотрел на цитадель, окружавшую вершину горы Сота, и на древнюю башню в самом ее центре. Вокруг нее бушевали черные рои тиранидов. Они кружились и падали с жуткой синхронностью. Фракиец на мгновение замер, принимая важное решение.

– Всем ротным «Грозовым Ястребам» приготовиться к немедленной эвакуации. Рота, отступаем в главный ангар. Мы уходим. Да хранит нас всех Император, – произнес он.

Он повернулся, чтобы уйти. Между ним и дверью продолжала вести огонь четырехствольная пушка «Икар», ее машинный дух плавно вращал орудие на лафете, выслеживая существ в небе. Она выплевывала смерть короткими очередями по четыре снаряда.

Бах-бах-бах-бах! Бах-бах-бах-бах! Бах-бах-бах-бах!

Этот звук разнесся в голове Фракийца. Шум битвы стих. Он понял, что не может пошевелиться. Воин медленно опустил оружие. Что-то стояло позади него. Что-то огромное и холодное.

Фракиец медленно повернулся и посмотрел в мертвые черные глаза сорокопута. Тварь возвышалась над ним, сложив верхние крылатые конечности. Его биопушка пульсировала, ожидая высвобождения.

Но тварь не стреляла; вместо этого она наклонилась, издав зловещее шипение. С другой стороны его мертвых глаз на Фракийца смотрело нечто неизмеримо более древнее и злое.

Существо всей тьмой своей души коснулось разума космодесантника. Оно оценивало его. Оно пригвоздило воина к месту. Фракиец понял, что не может пошевелиться, такова была сила этого взгляда.

Внутренности существа взорвались фонтаном желтой крови и ошметков плоти. Разрывные болты порвали монстра пополам. Верх туловища отлетел в сторону, а ноги сложились сами собой. Чары развеялись.

Брат Скэдус из третьего тактического взвода двинулся вперед. Его тяжелый болтер лязгнул, досылая новые патроны по ленте из тяжелого рюкзака за спиной воина. Скэдус схватил Фракийца за наплечник.

– Милорд! – произнес он. – Через стену! Назад, за главные укрепления!

Братья втащили в дверь воина без ног. Керамит лязгнул об алмаз, пол окрасился кровью.

– Я... – неуверенно начал Фракиец.

– Вы приказали нам отступить! Фракиец!

– Я...

Наше время

– Магистр ордена, – произнес Феликс.

Фракиец моргнул. Он стоял на стене. Четырехствольная пушка молчала у него за спиной.

Не тогда, а сейчас.

Мертвые исчезли. Тиранидов не было. На месте заполоненного роем неба горели холодные звезды. Перед ним стояли тетрарх с архимагосом-доминусом Коулом.

– Что ты видел? – настойчиво спросил Феликс. – Скажи, что ты видел?

– Я видел конец света, – заторможено произнес Фракиец.

– А я – тот день, когда был сотворен, – сказал Феликс.

– То есть не я один такой?

– Мы все что-то видели, – ответил Феликс. – Но твое видение было самым долгим. Ты прибежал сюда. Никто из нас не мог остановить тебя.

– Где мои воины?

– В безопасности, хотя все пережили видения.

– Ходили слухи... – начал Фракиец. – Истории о горе...

– Интересно, – произнес Коул.

– А ты, что видел ты? – вдруг спросил Фракиец.

Велизарий Коул улыбнулся.

– Что-то почти столь же интересное, как и это.

Он указал на настенное оружие и яркие серебряные нити, соединяющие его с черной породой горы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Маяк

– Вот этот металл соединяет пушку с устройством ксеносов в глубине горы, – произнес Коул. Его бионические пальцы постукивали по соединению, в то время как остальные конечности сканировали поверхность с помощью сенсорных устройств. Металл походил на какой-то заостренный органический гребень. Подобно корням дерева он разветвлялся, обвивался вокруг подиума орудия и проникал в него в нескольких местах.

– Видите, как недра скалы Фарос пробиваются сквозь местный базальт? Эта пушка оказалась достаточно близко, чтобы до нее смогли дотянуться эти нити. – Из отверстия на боку Коула появился маленький плазменный резак, и зажегся с тихим шипением. Магос отрезал кусочек серебристого металла. Вещество испустило зеленый свет, а затем вновь слилось воедино.

– Занимательно, – протянул Коул.

– Ты что-то говорил о старых историях, – обратился к Фракийцу тетрарх.

Магистр ордена кивнул.

– Предания, различные мифы. Они гласили, что под горой что-то есть. И именно за этим и было приказано присматривать нашему первому магистру ордена, Обердею. Есть и другие истории, еще более древние, в которых говорится, что гора живая. Мы всегда считали их выдумками и суевериями, возникшими из-за странных свойств местного камня. Были и те, кто считал, что порода как-то воздействует на человеческий разум и насылает странные сны. Естественно, мы не придавали этому значения.

– Здесь очень много пещер, – произнес Феликс. – Ваш орден никогда их не исследовал?

– Главные проходы были заполнены феррокритом еще до основания ордена. Изнутри пика есть доступ только к самым верхним тоннелям. Именно там мы хоронили наших павших братьев. Наш священный долг заключался в том, чтобы ни одна пещера никогда не была открыта, и чтобы люди Соты держались от горы подальше. Эти обязанности всегда были основополагающей частью веры нашего ордена. Мы никогда не подвергали их сомнению и послушно исполняли. Ни больше, ни меньше. Наша галактика полна чудес. Зачем бы нам обращать внимание на гору с закупоренными пещерами? Да, она не подавалась сканированию. Ну и что с того? За время службы я видал и более странные вещи.

– В записях встречались упоминания о видениях?

– Нет, – ответил Фракиец. – Ни разу за девять тысяч лет.

– Землетрясения?

– Ничего необычного. Сота тектонически активна, так что периодически бывали толчки. Иногда извержения. Но ничего из ряда вон выходящего.

Коул что-то бурчал себе под нос, пристально вглядываясь в металлические нити. Тонкие как волос сверла просверлили металл, и архимагос на мгновение замолчал.

Феликс покачал головой. Он попытался просканировать гору и крепость, но авточувства его брони захлебнулись от потока статических помех.

– Радиация все глушит, – тихо произнес Феликс.

Коул выпрямился.

– Я тут ни при чем. Ваши устройства глушатся энергией изнутри. Гора просыпается. Она соединилась с настенными орудиями, но пока слишком слаба, чтобы реактивировать весь арсенал. Конечно, многое вполне может оказаться несовместимым с технологиями ксеносов, но точно можно быть уверенным, что она попытается привести в действие основные орбитальные батареи, чтобы создать первую линию обороны. – Коул улыбнулся за защитным полем, удерживающим его запасы воздуха. – Рекомендую нам этому помешать.

– И как же мы это сделаем? – спросил Фракиец. – Я отрезан от системы. Вы можете подключиться к ноосфере ордена? Возможно, таким образом, вам удастся деактивировать крепостные орудийные батареи.

– Я сделаю все, что в моих силах. Но это может оказаться непростой задачей.

– Вы сказали, что это только первая линия обороны, – обратился к нему Феликс.

– Да, именно. Гора пробуждается, но еще не проснулась. Однако активность реанимированных объектов ксеносов возрастает в геометрической прогрессии, особенно тогда, когда есть какая-либо угроза. Они заменят ваши орудия на более совершенное вооружение, как только смогут его синтезировать.

– Вы говорите о ксеносах, – воскликнул Фракиец. – И говорите, что их древние игрушки более могущественные, чем весь арсенал целого ордена Адептус Астартеc? Разве это не богохульство? Разве это не идет вразрез с вашей религией?

– О да, – весело ответил Коул. Пока он говорил, многочисленные маленькие конечности осуществляли сбор образцов из металла, как будто его собственная аугметика обладала отдельным разумом и жила своей жизнью. – Я никогда не следовал правилам. Создателям этой горы ваше оружие показалось бы чрезвычайно примитивным. Может это и ересь, но, тем не менее – это чистейшая правда.

– Мы можем это остановить? – спросил Феликс. – Сота мертва, и это ужасающий позор сам по себе. Что еще хуже – теперь это пробуждающейся мир ксеносов на самом краю владений лорда Жиллимана.

– Возможно и сможем, – задумчиво произнес Коул.

– Задам вопрос по-другому, а вы вообще хотите это останавливать? – спросил Феликс. – Архимагос, я полагаю, что вы здесь не только для обычного осмотра.

– Это правда, – невозмутимо ответил Коул. – Я не преувеличивал, когда говорил, что это гора может стать нашим спасением, но для этого она должна пробудиться.

– Я не могу этого допустить по... – начал Феликс, но его перебили.

– Ты хоть представляешь, что лежит у нас под ногами, Децим?

– Не особо, – неохотно ответил Феликс. – Но я знаком с некронами. Этот металл, зеленый источник энергии... Черный камень. Все это технологии некронов. Здесь мир-гробница, и это полная катастрофа. Мы должны уничтожить его прежде, чем он полностью восстановится.

– Не понимаю. Здесь никогда не было ни единого признака присутствия некронов, – произнес Фракиец.

– Самые невероятные места в разное время оказывались мирами-гробницами, – ответил ему Феликс. – Вот мой приказ: если обнаружатся первые признаки пробуждения мира-гробницы, мы уходим с поверхности и уничтожаем гору Фарос.

– Одну минуту, Децим, – возразил Коул. – Пункт первый: это не мир-гробница. Пункт второй: хотя это и объект некронов, его создало нечто еще более древнее, чем они, – произнес Коул. – Хотя, если по-честному, то во втором пункте я просто уточняю.

– Вы все время говорите загадками, Коул, – вышел из себя Феликс. – Если вы это делаете, чтобы покрасоваться своим интеллектом, то... Bravo! Мы впечатлены! Но я прошу вас, прекратите. Скажите прямо. Каждая уходящая минута может решить судьбы многих.

– Ну хорошо. Попробую объяснить попроще, – Коул скрестил руки на груди, а его зонды втянулись обратно в бронированный торс. – Давным-давно была Война в Небесах, – начал он. – Так ее называют альдари. И хотя это произошло задолго до того, как человечество эволюционировало, и даже до того, как альдари начали господствовать в межзвездном пространстве, в их преданиях упоминаний о ней предостаточно. Из тех кусочков информации, которую мне удалось собрать, я пришел к выводу, что некроны выиграли эту войну. Но победа далась им нелегко, силы их были истощены, и они погрузились в сон. И как мы все успели ощутить на себе, они начали пробуждаться. Эта гора стоит здесь еще со времен их бывшего величия. Внимательно посмотрите на ее форму. Обратите внимание на покрывающий ее базальт. По всей видимости, она простояла под водой в течении многих веков. Должно быть, ранее гора была частью морского дна и ее покрытие образовалось в результате остывания продуктов вулканической активности. На протяжении всей геологической истории этого мира она двигалась и перемещалась вместе с тектоническими плитами. Но она всегда приспособливалась и поддерживала работоспособное состояние.

– Что же это такое? – спросил Феликс. – Вы должны нам рассказать. Не усложняя.

– Это квантовый эмпатический резонансный маяк, – ответил Коул. – Некронов можно назвать хозяевами физического мира. Их понимание материи и природы всего материального настолько глубоко, что они могут творить такие чудеса, для достижения которых другим расам приходится использовать варп. Я пришел к выводу, что их способность путешествовать быстрее скорости света и общаться на межзвездных расстояниях, должно быть, осуществлялась с помощью сети маяков, таких как гора Фарос. Как именно это происходит, я не знаю, но подозреваю, что в центре каждого из них находится запутанный сверхмассив изолированных частиц, связанных на квантовом уровне с другими такими же частицами, рассеянными по галактике. Эти связи странные и запутанные. Они не только влияют друг на друга, обеспечивая мгновенную передачу данных, но и могут изменять симпатические частоты других частиц, находящихся рядом с ними, и коррелировать их с другими связями, целенаправленно достигая необходимого эффекта.

– Еще проще можно? – попросил Феликс.

– Это устройство использует фундаментальные законы физики, чтобы соединить множество частей реальностей вместе, минуя варп. Это самое простое объяснение, что я могу вам дать, – ответил Коул.

– Повторяю, мы ничего подобного не замечали на протяжении девяти тысяч лет, – возразил Фракиец.

– Вы только что рассказывали Феликсу о легендах, окружающих эту гору, – произнес Коул.

– Да, рассказывал.

– Согласитесь, что девять тысяч лет – ничто по сравнению с шестьюдесятью пятью миллионами.

– Если сравнивать, то конечно, – неохотно ответил Фракиец.

– Что вы скажете об историях, о «горных грезах»? – спросил Коул.

– Легенды. Мифы. Бабушкины сказки, – ответил Фракиец, теперь гораздо менее уверенно, чем раньше.

– По всей видимости нет. Сами видите, мы все их только что испытали.

– Видения, – задумчиво произнес Феликс. – Они пришли с горы.

– Так и есть. Но это не видения. Это прямая связь с прошлым. У каждого со своим, как вы несомненно заметили. Совмещение настоящего физического состояния индивидуума с состоянием прошлым – это изысканная работа, гениальная, можно сказать. Целенаправленное разделение прошлого поражает меня. – Он засмеялся. – Надо же, я, Велизарий Коул, поражен! – Он сунул руку под капюшон и с легким щелчком вытащил что-то из затылка. Коул показал на ладони маленькую черно-зеленую бусину. – Я установил его перед прибытием, чтобы иметь возможность общаться с Фаросом. Теперь очевидно, чтобы услышать зов горы, это приспособление не требуется. Устройство оказалась сильнее, чем я думал. Но, возможно, мое изобретение поможет мне наладить с ним более глубокое взаимодействие. – Он вернул бусину на место. – А может, и нет.

– Это опасно, – нахмурился Феликс.

– Так и есть, – ответил Коул. – Многое из того, что я делаю, опасно. Децим, я должен поддерживать свою репутацию. Так что прошу простить меня.

– Неужели она все это время спала? – спросил Феликс.

– Записи в библиотеке Птолемея свидетельствуют о большей активности перед нападением восьмого легиона во время событий Великой Ереси. После этого, ее функционирование и обнаружили.

– Ее когда-нибудь пытались восстановить?

– Отнюдь. Скорее наоборот, – ответил Коул. – Мои братья в те дни буквально выпотрошили гору и вынесли все механизмы. Я так думал, по крайней мере, – он сделал паузу. – Вполне возможно, что я тогда даже был среди них.

– Вы не уверены, – проговорил Феликс. – Архимагос, многое из того, что вы говорите, настораживает. Не только происхождение этого маяка, но и то, как безрассудно вы относитесь к этому мероприятию, не придаете ему должного значения.

– Я не совсем безрассуден, поверьте мне. Если я и был здесь раньше, то попросту не помню этого. Моя память... неоднородна, если говорить на Ультрамарском наречии.

– Он снова сделал паузу. – Однако это может измениться, если гора продолжит начатое.

– Продолжайте, – требовательно сказал Феликс.

– Эти обрывочные воспоминания характеризуются случайным доступом к фрагментам памяти, или, точнее, переплетением нашего настоящего сознания с фрагментами нашего прошлого. В моем случае, все эти моменты были для меня утеряны. Возможно, вас это удивит, тетрарх, но в моей памяти множество пробелов. Враги стирали мне память как минимум единожды. А может и дважды. И хотя я все храню в архивах в качестве резервных копий для своих внутренних баз данных, мне все равно приходится чистить себе память каждые пять столетий из-за ограничений вместимости моей физической оболочки. Невосполнимые потери памяти имеют место быть. Некоторые из моих архивов утеряны, какие-то уничтожены, а часть украдена. Несмотря на мои усилия сохранить весь свой опыт и знания, я потерпел неудачу. Мое существование – незавершенная книга, даже для меня, ее автора. – Он скромно поклонился.

– Мое пребывание на борту вашего корабля – единственная часть жизни, которую я не помнил отчетливо, – произнес Феликс. – А теперь я вновь вижу эти события.

– Нет, не просто видишь, – возразил Коул. – Ты снова *переживаешь* их. Это все делает устройство.

– Но почему? – спросил Фракиец. – Зачем ему это?

– Возможно одна из форм нападения, открывающая нам потерянные частицы наших жизней. – Коул пожал плечами, совершив сложное движение, включавшее в себя одновременный подъем множества конечностей. – Мне это тоже интересно. Я подозреваю, что это какая-то продвинутая форма воздействия на сторонние организмы. Насколько мне известно, на Фаросе нет ноосферы, в том смысле, как ее понимают мои коллеги. Но эти-то вообще мало что понимают. В конце концов это – машина, а к любой машине можно получить доступ. Весь фокус в том, чтобы узнать, как это сделать. – Он постучал себя по затылку, где находилась бусина, затем указал на ворота крепости-монастыря. – И я знаю. Я заплатил за это знание определенную цену. Но по-другому со знаниями и не бывает. Вскоре Фарос обнаружит, что он не единственный, кто может проникать в другие разумы.

– Мне это не нравится, – произнес Феликс. Он уставился на паутину серебристых нитей, связывающую настенное орудие с инопланетным устройством. – Я не уверен, что нам вообще стоит находиться здесь.

– Позвольте мне изложить суть дела. Вам стоит понять, насколько важна эта установка. Хотя я и предполагаю, что эта сеть маяков имеет ключевое значение в овладении некронами пространством, число подобных узлов не так уж и велико, ибо за всю свою жизнь я смог найти только один из них.

– Ну да. Или просто не помните о других, – недоверчиво буркнул Феликс.

– Согласен, хотя такие важные события я предпочитаю записывать сразу в несколько мест, – сказал Коул. – Был еще один, но он был полностью разрушен изнутри. Он был мертв. А этот цел и восстанавливает себя. Возможно, он уже полностью закончил ремонт. – Он посмотрел на вершину горы. – Ценность данной находки непередаваема. Однако какими бы чудесными не были эти маяки, секрет их технологий не является моей главной целью, хотя я и подчеркиваю, что любое знание было бы очень кстати. Каждая из таких гор представляет из себя поистине огромное хранилище мудрости. Безусловно вы в курсе о черном камне, также известном как ноктолит.

– Эта гора сделана из него, – произнес Феликс.

– Да, верно.

– Значит, вы желаете его добыть? – спросил Фракиец.

– Нет, нет, определенно нет, – рассмеявшись ответил Коул. – Я не какой-то отсталый сборщик данных из культов Металла! Я – главный проводник Омниссии! – он произнес это с долей иронии, оставив остальных членов группы в недоумении гадать, всерьез ли Коул воспринимает данный титул. – Ноктолит, возможно, величайшее изобретение некронов. Во время той их войны, варп использовался в качестве оружия их врагами, создателями альдари. Некроны нашли способ противостоять ему. – Коул качнулся вперед. – Феликс, с тех самых пор, как вернулся твой отец, Адептус Механикус ведут свою собственную войну – кампанию по сбору и пониманию субстанции. Пониманию того, как настроить ее так, чтобы усилить варп или же полностью его закрыть. Черный камень может спасти нас. В этой горе я ожидаю

найти информацию о том, как именно это сделать, и подробные карты прежней империи некронов, которые позволят мне найти еще больше таких устройств. Возможно, нам удастся найти нечто такое, что поможет нам закрыть Великий разлом и навсегда изгнать Хаос из нашей галактики. Вот чего я добиваюсь. Это мой величайший труд. Новая сеть пилонов, вроде тех, что были утеряны на Кадии, но гораздо более разветвленная и масштабная. Я имею в виду ни что иное, как спасение всего рода человеческого.

Фракиец и Феликс переглянулись.

– Тетрарх, ты позволишь ему это сделать? – спросил Фракиец. – Использование инопланетных технологий запрещено Адептус Механикус.

– Только некоторыми из их сект, – ответил Феликс. – Не забывай, что именно технология чужаков спасла нашего примарха и именно она так долго удерживала Кадиянские ворота закрытыми. Это твой мир и тебе решать. Но независимо от того, разрешишь ли ты Коулу войти ли нет, я уничтожу эту гору, как только он закончит.

– Не раньше, чем будет похоронено наше геносемя, – ответил Фракиец. Он прислонился к парапету и посмотрел во двор. Его люди с великим почтением собирали боевые доспехи павших. – Если Архимагос сможет восстановить Соту и честь моего ордена, то я позволю ему делать то, что он хочет. Но если вы, милорд, которого лорд-регент Жиллиман назначил повелителем восточных секторов, считаете это опасным, то тогда я прислушаюсь к вашему мнению, и вы сможете сравнить это место с землей, как только наши ритуалы закончатся. Выбор за вами. Это мой мир, но ваши владения.

– Я вижу как выгоду, так и риски, – кивнув, произнес Феликс.

– А что же подсказывает прославленная диалектика вашего отца? – любезно спросил Коул.

Феликс посмотрел на создавшего его человека.

– Что мы войдем туда со всей осторожностью.

Коул удовлетворенно кивнул.

– Превосходно и очень мудро, юный Децим. Ваше участие в этом деле не будет забыто.

– Сперва нам стоит восстановить контроль над защитной матрицей ордена. Или же отключить ее, если управление вернуть не удастся, – произнес Феликс.

– Согласен. Мастер кузни Себастион! – провозгласил Фракиец.

Мастер кузни поднялся со двора и присоединился к ним.

– Расскажи свой план тетрарху, – приказал Фракиец.

– Как пожелаете, – Себастион открыл панель на своей перчатке и вызвал небольшую картолитическую проекцию крепости. – Мне нужно добраться до стратегиума оборонных систем. Он расположен глубоко в горе, под Императорским Дозором. Единственная точка доступа – из башни. Стратегиум – единственный центральный узел управления, это лучший способ отключить орудия, – произнес Себастион. – Иначе, нам придется обойти каждый бункер по отдельности и уничтожить их. Но на это уйдет больше времени.

Пока он говорил, на карте загорались точки, отмечавшие местоположение упоминаемых объектов.

– Как только мы вернем крепость под наш контроль и обследуем окрестности на предмет ксеноугрозы, Коул сможет начать работу. Договорились? – спросил Феликс.

Коул склонил голову в знак согласия. Фракиец кивнул.

– У меня есть вопрос к архимагосу, – произнес Себастион.

– Спрашивай, брат-послушник, – ответил Коул.

– Если устройство под горой Фарос – ксенотехнология, то как вы планируете извлечь нужную вам информацию? – спросил Себастиан. – Как мы можем быть уверены, что вы не будете осквернены инопланетной заразой?

– Очень просто, Мастер кузни, я ожидал этого вопроса, – Коул снова улыбнулся.

– Очень просто. – Коул постучал себя по затылку. – У меня есть пара тузов в рукаве, вы видели мое устройство. Я понимаю, Децим, что это выглядит как ненадежный план, но вы должны доверять мне. Я знаю, что делаю.

– А разве у нас есть другой выбор, кроме как довериться вам? – спросил Фракиец.

– Честно сказать, нет, – ответил Коул.

Тени удлинялись, будто впитывая свет. На планете становилось все темнее, с каждым поглощенным ими лучом местной звезды.

– Время уходит, – произнес Феликс.

– Будем осторожны, – сказал Коул. – Я рекомендую оставаться за главными воротами. Если в крепости присутствуют генокрады, как предполагает лорд Фракиец, то нам следует дожидаться рассвета. Этот вид ксеносов известен тем, что более активен по ночам. Лично я бы предпочел встретиться лицом к лицу с одним врагом, а не с двумя одновременно. Лорд тетрарх?

Феликс смотрел как последние лучи солнца пробегают мимо Императорского Дозора. Без преломления в атмосфере, закат выглядел жутко. Четкая линия между днем и ночью прорезала каменную кладку – черные тени с одной стороны, убывающий свет с другой.

– Привал, – сказал Феликс. – Утром заходим в крепость-монастырь.

Космодесантники приступили к выполнению своих задач. Было решено организовать отдых в десантных отсеках танков, а вместо полноценного сна для восстановления сил использовать каталептическую полудрему. Но прежде всего требовалось установить периметр, выставить часовых на стенах и проверить окрестности на наличие маскирующихся ксеноорганизмов. К тому времени, как приготовления были закончены, звезды уже сияли в жестком вакууме неба.

Феликс приказал бойцам отдохнуть и подготовиться.

Ночью толчки возобновились.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Горный сон

Около 10000 лет назад

БАХ!

Одиночный выстрел.

Руки Фридиша сжали запястья Коула. Коул прижимал свои к огромной дыре в груди Фридиша. Под его ладонями трепетали разорванные органы.

– Тебе не удастся... не удастся остановить кровь, – прохрипел Фридиш. – Я уйду, Велизарий. Я воссоединюсь с Махиной Опус, с великой работой Бога-машины, и стану чистыми данными! – человеческий глаз Фридиша от был в удивленн расширен. Его дешевая аугметика расфокусировалась и смотрела вдаль, в многообещающую бездну. Фридиш, такой легкомысленный в жизни, встретил смерть без тени страха. – Уходи. Оставь меня. Мой путь окончен.

– Фридиш, прошу тебя, Фридиш! Держись, мой друг! Мой единственный друг, – взмолился Коул.

– Он умирает, – Седейн встал со стула, поставил свою трость на ковер и намерено стучал ей по полу в такт словам, чтобы Коул ощутил всю их серьезность. – Но вместе, мы сможем спасти его.

Альтрекс Эрминия держала свой пистолет в руке, направив его на двух техножрецов, лежащих на земле. Из ствола оружия все еще сочилась струйка дыма – последний выдох смертельного выстрела. Из пистолета стреляли с близкого расстояния, из-за чего кровь Фридиша теперь стекала по блестящей одежде девушки.

– Ты ошибаешься! – прорычал Коул. – Он не может умереть.

Но все понимали, что Фридиш умирает. Заткнуть рану от болта было просто невозможно. Это было то же самое, что окунать руки в чашу, полную крови. Коул еще раз свернул мантию Фридиша и опустил ее вниз – она мгновенно пропиталась и приобрела насыщенный красный цвет. Слишком маленькая роба для такого обширного ранения.

– Он убил меня, – едва слышно произнес Фридиш. Он слабо улыбнулся, и из уголка его рта стекла струйка крови.

– Я сожалею, что до этого дошло, – сказал Седейн. Он медленно обошел вокруг Коула, постукивая тростью по ковра. Мужчина старательно избегал растекающегося пятна крови Фридиша. – Но вы сами виноваты. Надеюсь, теперь ты понимаешь, что я настроен серьезно.

– То, что не можешь взять просьбой, ты забираешь силой, – прошипел Коул. – Просто прекрасный способ убеждения.

– Я говорю искренне – это единственный способ спасти твоего друга.

– Велизарий, – прошептал Фридиш. – Велизарий, не делай этого. Прошу тебя. Не ради меня. Спасай себя.

– Пойдем со мной в комнату обработки. Прошу тебя, – продолжил Седейн. – У нас с тобой осталось не так уж и много времени.

Седейн подал ему руку, обтянутую кожей похожей на пергамент. Коул посмотрел ему в лицо. Действия омолаживающих препаратов постепенно ослабевали, и за покровами украденной ложной молодости уже можно было различить череп.

– Коул, – произнес Фридиш. Его хватка ослабевала. – Больно, Коул. Как же это больно...

Его руки соскользнули с запястий Коула. Человеческий глаз Фридиша закрылся.

– Это единственный выход, – продолжил Седейн и протянул руку ближе к Коулу. Велитарий замер.

Информация из настоящего вторглась в прошлое.

Событие: сейсмические толчки. Статус: происходит в данный момент. Магнитуда: семь целых семь десятых. Западная башня крепости-монастыря под угрозой обрушения. Происходит событие погружения в воспоминания. Обнаружены интрузивные процессы квантовой синхронизации.

Коул изо всех сил старался следовать за машинным голосом своих встроенных когитаторов. Это походило на заплыв против естественного потока времени.

Плыть против потока...

Реки...

Плыть в реке света.

Около 100 лет назад

Ослепительный свет ударил в глаза Фракийца. Ему показалось, что в его голову врезалось что-то тяжелое. И хотя усовершенствованное тело отреагировало мгновенно, но этого оказалось недостаточно, чтобы унять боль, лишь немного притупить. Смертный потерял бы зрение. Фракиец пожалел, что не надел шлем.

– Я предупреждал, что будет больно, – произнес Эдриос. – Предлагаю закрыть веки.

– Я оставлю глаза открытыми, – ответил Фракиец, закрываясь от яркого света рукой. – Я тебе не доверяю.

Эдриос кивнул, как будто это было само собой разумеющееся.

– Постой, – сказал Фракиец. Правой рукой он снял с пояса шлем и надел его на голову. Как только системы шлема соединились с боевым доспехом, линзы потемнели, понизив яркость до приемлемого уровня. Комната все еще сияла, словно самый яркий из дней, но Фракиец видел достаточно ясно.

– Пойдем, посмотрим на наше проклятие, – произнес Эдриос, приглашая его войти.

Фракиец вошел в комнату. Она оказалась среднего размера, помещение глубоко в недрах корабля.

Два космодесантника стояли на страже у подвешенного над землей саркофага. Сквозь смотровую пластину была видна лишь тьма. Одному только Императору было известно, как Эдриосу удалось затащить эту штуку на борт.

– Хочешь посмотреть на него?

– Нет, – ответил Фракиец. – Нам стоит убить это.

– Не сейчас. Оно еще может принести нам пользу, – ответил Эдриос. – Из-за света оно впало в спячку. Это не чистокровный штамм, но гибриды обладают множеством сходств с родительскими существами. Генокрады предпочитают обитать в тенях.

– Зачем вы принесли это на борт? – спросил Фракиец. – Как ты мог это сделать, после того, что тираниды сделали с Сотой?

– Мне пришлось, – ответил Эдриос. – Оно нужно нам.

– Неужели? – воскликнул Фракиец. Он оставался настороже. Что-то было не так. Когда он впервые встретился с Эдриосом несколько часов назад, Фракийца поразила чистота его доспехов. Он вновь задумался. Участвовал ли он вообще в сражении? Фракиец уже прикидывал пути к отступлению. – Почему я тебя не знаю, Эдриос? – Он внимательно посмотрел на воина, жалея, что не может снять его шлем и увидеть лицо человека, скрытое за ним. – Нас было меньше тысячи. Не так много, и все же, я вижу тебя впервые. Я никого из вас не знаю. – Он повернулся, чтобы оглядеть космодесантников, охранявших гроб.

– Наши личности скрыты намеренно, но я уверяю тебя, что я верный слуга Кос Императора. Пришло время посвятить тебя в тайны ордена.

Фракиец фыркнул:

– Мы истинные сыны Ультрамара. Потомки Жиллимана. У нас нет секретов.

– Они есть у всех орденов, – Эдриос положил руку на гроб. – Некоторые из них открылись мне совсем недавно. – Он посмотрел на Фракийца. – Хорошо ли ты знал капитана Аргуса?

– Он был моим братом-капитаном, – ответил Фракиец.

– Но знал ли ты его? – настаивал Эдриос. – Он был для тебя просто сослуживцем или же другом?

Первым желанием Фракийца было согласиться и сказать, что он его хорошо знал. Он нахмурился, поскольку это было бы неправдой, и вновь посмотрел на гроб. Мысли путались. Какая-то исходившая от ящика сила затуманивала разум.

– Нет, – ответил он. – Не думаю, что его кто-то знал. Он был весьма скрытным.

Эдриос вновь кивнул. Он казался таким спокойным перед лицом этого ужасающего знания. Фракиец чувствовал, что скатывается в безумие.

– Этот гибрид с самой Соты, – произнес Эдриос. – Аргус посвятил меня в члены внутреннего конклава. Моя должность благословлена капелланом и одобрена аптекарионом. Я наделен большой ответственностью, но и скрывать должен многое. Мы – инструмент капелланов, и не находимся под контролем магистра ордена. Нас было пятеро. Осталось трое. – Он указал на двух других космодесантников. – Основной нашей задачей было не допустить осквернения владений ордена.

– Сота была осквернена? – спросил Фракиец, уставившись на гроб. – Это невозможно.

– Факты говорят об обратном.

– Мы оберегали население на протяжении тысячелетий. Они были нашей семьей и нашими братьями по оружию. Я не могу в это поверить.

Ощущения от нахождения рядом с ящиком усиливались. Недоверие Фракийца также росло.

– И все же, они напали на нас.

– Это не правда! – воскликнул Фракиец. – Их сожрали.

– Ты был там. Никто не пришел тебе на помощь, не так ли?

– Ты хочешь сказать, что капелланы ордена и аптекарии знали об этом?

Эдриос вновь кивнул, медленно и спокойно.

– Они знали. Они пытались искоренить заразу, и поэтому нам приходилось быть такими скрытными. Достаточно всего одного генокрада, капитан. Всего одна тварь способна осквернить целый мир, даже если это дом ордена Адептус Астартес.

– Сота, – Фракиец принялся нервно мерить шагами комнату. – Восстание на Браур Доминус. Другие случаи беспорядков среди гражданского населения, до того, как флот прибыл в систему.

– Вся Сотарианская Система кишела генокрадами. Брат, наш мир был основной целью. Нас должны были уничтожить. На Соте под самым нашим носом существовал культ.

– Нет. Это не может быть правдой, – возразил Фракиец. – Мы бы знали.

– Но тем не менее, вы не знали. Как думаешь, почему? – продолжал давить на него неумолимой логикой Эдриос. – Мы были неосторожны или же нам не дали ничего увидеть? Разве тебя не поразило, как легко пала Сота? Нас застали врасплох? Отсутствие координации при обороне? Отказ пустотных щитов и орбитальных орудий в самом начале сражения?

– Тогда почему вы действуете без распоряжения Торсиры?

– Как я уже говорил, это был приказ капелланов ордена. А что ты думаешь о том, как Торсира пришел сюда, на Мирал Прайм, чтобы держать оборону вопреки всякому здравому смыслу? Вместо того, чтобы отступить и перегруппироваться?

– Таково решение магистра ордена, – ответил Фракиец. – Наш долг подчиняться ему.

– Тем не менее, ты считаешь его приказы неразумными. Между орденом и правительством Соты существуют прочные связи. Старейшины Соты всегда давали советы магистру ордена. И по-прежнему дают. Те из них, кто остался жив. Как думаешь, почему им удалось выжить? Почему они предложили это место? Ты видел Торсиру? Я надеялся сообщить эти новости ему. И я боялся того, чем это может обернуться. Но увы, когда магистр отказал мне в аудиенции мои опасения подтвердились. Он паникует, ведь такого разгромного поражения достаточно, чтобы сломить даже нас. Он должен быть решительным, вместо этого он возвращается к традициям.

– Осторожнее со своими намеками, брат.

– Разве это не очевидно? – спросил Эдриос. – Косы Императора скомпрометированы. Разум улья победил нас потому, что он среди нас. Он использовал заботу о наших соотечественниках как оружие. Лазутчики все еще здесь, среди флота, строят козни против Империиума. Торсира этого не видит.

– Тогда нам стоит казнить совет старейшин, всех до единого.

– Все не так просто, – возразил Эдриос. – Если мы будем действовать опрометчиво, они нанесут ответный удар. Нас осталось слишком мало, орден обескровлен. Наши слуги мертвы. Они все прошли тщательный отбор, но кто знает, сколько врагов прячется среди экипажей космических кораблей или скрывается среди сотен тысяч беженцев, которые отступили вместе с нами? Кроме того, – Эдриос замолчал и посмотрел на гроб. – Неужели ты откажешься от наших традиций и уничтожишь все, что нам дорого? Мы были созданы, чтобы защищать простых людей, а не чтоб уничтожать их. Все можно сделать деликатнее. В этом и заключается истинная цель моего братства. Брат-капитан, помоги мне продолжить мое священное дело и очистить наш народ от скверны.

Даже сквозь шлем Фракиец чувствовал, что собеседник не сводит с него взгляда.

– И что ты предлагаешь?

– Я продолжу работу Аргуса и внутреннего конклава. Я начну прочесывать корабли беженцев, которые следуют за нами. Я проверю тех, кого набирают в слуги ордена. Также стоит проверить геносемя, доставленное на Мирал.

– У тебя есть какие-то подозрения?

– Возможно, что его подменили во время отступления.

– Это нелепо.

– Разве? Послушай меня, Фракиец. Мы – гаранты будущего нашего ордена. Торсира ведет нас всех на верную смерть. Мы должны отступить под любым предлогом, и нам не стоит возвращаться.

Фракиец уставился на Эдриоса. Он не хотел соглашаться. Он отказывался верить, что его братья и сестры оказались осквернены. Странная аура, исходившая от саркофага, давила на него. И так много света...

Около 10000 лет назад

...течет по каналам с квадратным сечением. Выкачиваемая из глубин планеты, магма направлялась по специальным каналам на металлургические заводы Сарума. Заводы выкачивали все полезные минералы, какие только могли, а затем сбрасывали остывающий шлак обратно в сердце планеты.

Коул знала об этом лишь в общих чертах. Ее единственной страстью были бои. Лавовый канал, вне всяких сомнений, являлся чудом света, но для нее он был лишь частью пейзажа, тем, что нагревало арену для битв, на которой она тренировалась каждый день под многоглазым взглядом военачальника Сорена.

– Вот так, девочка! Сильнее! Сбей его с ног! – Сорен жужжал над ее головой на своих антигравитационных генераторах. Самой поразительной частью тела военачальника являлись четыре руки, полностью состоявшие из плоти. Пара клонированных конечностей приращенных рядом с его родными руками. Среди учеников не угасали споры, какие из них были родными, хотя те, кто был более сведущ в тайнах и традициях культа, задавались вопросом, почему он вообще их сохранил, так как руки Сорена оставались единственной частью, состоящей из плоти. Все остальное тело было металлическим, цилиндрической формы, с различными хитроумными устройствами, окулярами и прочими вещами, угодными Богу-Машине. У Сорена полностью отсутствовала голова, а мозг был помещен в колбу, которая была у него вместо тела. Полностью механическое существо с четырьмя органическими руками смотрелось крайне странно и гротескно.

– Хватай его! – крикнул Сорен. – Давай, Эстер Аспертия! Ударь его! *Ударь его!*

Послушники сражались электрическими посохами, настроенными на самый низкий заряд. Но даже при таких уступках хорошим ударом можно было сломать руку, да и сами разряды были весьма болезненны. Противник был старше Коула и превосходил ее в размерах. Кадиллэйн-8-Опир был на голову выше и получил свою первую боевую аугметику в довольно юном возрасте.

Из-за этих преимуществ он стал весьма высокомерным.

Коул взмахнула посохом со смертельной точностью. Генераторные капсулы столкнулись друг с другом и искры брызнули во все стороны.

– Ты шустрая, малышка, – прошипел Каделлэйн-8-Опир. – Но одной скорости маловато.

– Может, и нет, – процедила она сквозь зубы. Ее косы качались перед лицом. Они придавали дополнительный вес, из-за вплетенных в волосы кабелей данных. Девушка колола и рубила, и каждый раз когда орудия послушников сталкивались, на боевую платформу сыпались снопы искр. Гневно вскрикнув, она стала наносить удары все быстрее и быстрее, а затем, развернувшись, прыгнула и попыталась обрушить свой посох на голову Каделлэйна-8-Опира с воздуха, вызвав на лице того противную ухмылку.

– Хорошая попытка, – усмехнулся он, отпрыгнув назад.

Она ответила ему шквалом атак, которые тут же заставили его умолкнуть.

– Правильно, Эстер, – крикнул Сорен, пролетая над ареной и окатывая своих учеников волной энергии от антиграва. – Правильно, почувствуй силу своего оружия. Слейся с ним, стань с ним одним целым. Да, твой противник больше тебя, что с того? Повали его! Если Омниссия пожелает, у тебя все получится!

Она быстро и стремительно приблизилась к своему сопернику. Каделлэйн-8-Опир вновь занял оборонительную позицию. Коул злилась, ей надоело проигрывать тем, кто больше ее. Она нанесла удар своим оружием, и Опир оттолкнул ее. Девушка проклинала свои слабые мускулы и мечтала о стальных сухожилиях да медных суставах, которые никогда не устают.

Внезапно поединок закончился. Каделлэйн-8-Опир увидел крошечную возможность и использовал ее со всем мастерством. Он действовал весьма аккуратно. Оружие Опира аккуратно коснулось ее головы. Тем не менее энергетический импульс, который потряс ее блок памяти и вспомогательные системы, сбил девушку с ног.

Наблюдавшие за поединком с многоярусных скамеек послушники сочувственно поморщились. Она слышала их напряженные вздохи сквозь треск разрядов, пробегающих по имплантатам. И ее это разозлило.

После полученного удара двигательные функции еще полностью не восстановились. Она с болью открыла глаза и увидела стоящего над ней Каделлэйна-8-Опира, который непринужденно держал посох на сгибе левой руки, а трехпалую металлическую правую дружески протягивал ей.

– Давай, помогу тебе встать, – произнес он.

Она стиснула зубы, но схватилась за протянутую руку.

– Когда-нибудь я побью тебя, – ответила она. – Я вас всех побью.

Событие: сейсмические толчки. Статус: происходит в данный момент. Опасность. Магнитуда шесть целых и четыре десятых. Продолжается квантовое взаимодействие.

Каделлэйн-8-Опир улыбнулся, обнажив металлические зубы, и потянул ее вверх. – Возможно. Может тогда мы увидим...

Около 100 лет назад

...зеленый мир. Брат Тилиф, стоявший на стене, моргнул и выпрямился. Это была Сота, какой он ее помнил.

Дом.

Только что он смотрел на пыль и руины, а в следующий миг уже стоял под теплым ночным ветром. Автосенсоры доспеха передавали ему запахи цветущих деревьев, из-за чего он ощутил укол грусти. Все это было потеряно.

Но нет же. Не было. Вот оно, лежит прямо перед ним. Тилиф прошелся вдоль стен. Он выполнял эти обязанности тысячи раз. Обход стен был его любимым занятием. Ему доставляло удовольствие смотреть на Соту ночью, на её грязно-белые гребни волн на черном фоне, огни Сотополиса, сияющие на побережье и отражающиеся в морских водах. Знать, что в его власти защитить людей, которые спят в своих постелях. Быстрорастущие деревья скрипели, вырастая за ночь почти на метр. Как говорили – если иметь терпение, то можно увидеть, как они растут. В шумящем лесу фантинский бык проревел свой брачный клич.

«Далековато...» – подумал Тилиф.

Крики разносились на многие мили вокруг. Берег усеивали маленькие бусины света других поселений, в то время как Порт-Одессой был окутан светящейся дымкой. Вдали от берега же, по другую сторону горы, Сота оставалась погруженной во тьму, как любой первобытный мир. Это было особое место.

Он вспомнил ночь, похожую на эту. Ночь, когда он снял свой шлем вопреки всем правилам, чтобы вдохнуть мягкие ароматы леса, запахи, исходившие от остывающих острых скал, и едва доносящиеся с морского побережья успокаивающие запахи города.

Было ли это воспоминанием, или он переживал это сейчас?

Реальность накладывалась одна на другую, сбивая его с толку. Тилиф едва ощутил, как пистолет примагнитился к бедру. Его руки поднялись вверх, чтобы отключить крепления шлема. Это нужно было сделать, этому суждено было случиться.

Слабое шипение вырывающегося воздуха сопровождалось запахом живого мира. Тилиф стоял, вдыхая его в течении долгих минут. Как же хорошо наслаждаться простыми вещами.

Его поглотила тьма.

Наше время

В «Репульсоре» завывали сигналы тревоги, из-за чего Феликс вышел из каталептического транса. Он ощутил дискомфорт, когда дремлющая половина его мозга стряхнула сон и полностью воссоединилась с бодрствующей. Вместе с этим пришло обострение чувств и интеллекта, а также понимание того, что произошло.

– Нас атакуют, – произнес он, обращаясь ко всей экспедиции. Феликс вышел вместе со своими воинами в безвоздушное пространство укрепленной площади перед башней. Вокс-связь ожила, когда начали переговариваться его люди, Косы и люди архимагоса. Голоса прерывались импульсными помехами, создаваемые многократными сканированиями. Над головой зажглись огни, когда серво-череп Адептус Астартес осветили ночь.

– Там, на стене! – крикнул Комин.

Избранные Веспатора бежали по южной стене вправо от главной сторожки. Темный силуэт космодесантника в боевом доспехе Марк X склонился над фигурой поменьше. На шлеме Феликса вспыхнул идентификационный номер Кадма. Другие столпились вокруг.

– Закрыть ворота. Охранять периметр, – приказал Феликс. Его доспех был весьма тяжелым, но благодаря встроенным в него двигательным установкам, он с легкостью взбежал по настенной лестнице.

– В этом нет необходимости, милорд, – произнес Кадм, глядя на приближающегося Феликса. – Врагов нет. Он покончил с собой.

Феликс подошел ближе. На земле лежал мертвый космодесантник. Его кожу покрывал иней, а глаза затянуло ледяной корочкой.

Подошел Фракиец со своим аптекарием. Кадм отступил в сторону, чтобы освободить подход к трупам.

– Он умер не насильственной смертью. Похоже, что он снял шлем, – произнес аптекарий. Судя по идентификационной руне, его звали Арат.

– Простой вакуум не может убить космодесантника, – произнес Феликс. Он посмотрел вниз через стену. Каменная кладка заканчивалась отвесной скалой. Лежащая внизу земля представляла собой безжизненный камень.

– Я не думаю, что он понимал, что умирает, – произнес Арат. В воксе вместе с его голосом раздавался вой бура, вгрызающегося в керамит. – Он не наполнил свое мультилегкое и задохнулся.

– Не осознавал? Как это? – задумчиво спросил Кадм.

– Гора, – ответил Фракиец. – Это сделала гора.

– У меня на этот раз не было видений, – произнес Феликс. – У кого-нибудь было?

– Он посмотрел на своих воинов, из числа тех, что не рыскали по окрестностям в поисках врагов.

– Толчок был пятнадцать минут назад, – сказал Комин.

– У меня было видение, – произнес Фракиец. – То, которого я желал бы не видеть.

Феликс буквально физически ощущал за спиной черную громаду Фароса. Ему казалось, что гора наблюдает за ним.

– Можно предположить, что она испытывает нас, выявляет наши слабости одну за другой. На практике – стоит предупредить архимагоса. Он оказался прав. Мы подверглись нападению. Я хочу, чтобы вы постоянно следили друг за другом. Разбейтесь на пары. Отныне никто не должен оставаться один.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Извилистая лестница

День вернулся безжалостно, разгоняя тьму, словно лезвие светового меча. К рассвету экспедиция была уже готова. Ночью они более не отдыхали. Хотя подземных толчков больше не было, космодесантники все равно оставались в состоянии повышенной боевой готовности.

Фракиец стоял рядом с Феликсом и Коулом. За ними, выстроившись в два ряда, стояли остальные Косы Императора: четыре воина в терминаторских доспехах, сопровождающие саркофаг с геносеменем, и еще четверо братьев, которые несли на импровизированных носилках тело Тилифа. Комин возглавлял восьмерых Избранных Веспатора, расположившихся за Косами Императора. Диамед и Остен остались у танков, чьи машинные духи были выведены на уровень повышенной осознанности. Построение замыкали Альфа Примус и Кво-87.

Они стояли молча, каждый из них был готов к содроганиям почвы под ногами и насылаемым горой грёзам. Но все было тихо. Ни земля, ни их души не были потревожены. Феликс велел им расположиться перед разрушенными главными воротами крепости-монастыря и ожидать, пока солнце вновь не взойдет над вершиной горы и не осветит двор. Свет пополз вверх по их спинам, а затем резко ворвался в цитадель и озарил внутренний двор и то, что осталось от главного входа.

– Экспедиция, выдвигаемся, – скомандовал Феликс.

– Наш путь ведет к просветлению, – пафосно изрек Коул. Его глаза за мерцающим атмосферным полем горели в предвкушении. – Но все же лучше нам быть осторожными. На всякий случай. – Он привел в боевую готовность массивное оружие на нижних конечностях и приготовился открыть огонь при первой же необходимости.

Феликс активировал силовой меч и силовую перчатку с установленным на ней штурмовым болтером. Машинный дух оружия наводил прицел на каждый объект в поле зрения, в нетерпении ожидая приказа к атаке. Феликсу пришлось осадить его.

Косы Императора затянули заунывный молебен о павших героях, и процессия двинулась через разрушенные ворота, вниз по длинному туннелю в самое сердце обороны крепости-монастыря.

На мостовой во дворе лежало еще несколько пустых доспехов, разорванных, словно панцири ракообразных.

Из-за того, что монастырь находился высоко на горе, пространство было ограниченным. Двор был маленьким и треугольным, и с него открывался вид на крытые укрепления со множеством бойниц, расположенных на стенах. Вершина треугольника находилась немного в стороне от ведущих в туннель ворот. Справа от вершины находились ворота поменьше, которые открывали проход к вершине горы. На противоположной стене виднелся широкий и приземистый транспортный портал, ведущий вниз, в оружейные ордена. Это направление оказалось зоной настоящей бойни. От убитых не осталось и следа, но на стенах виднелись последствия ожесточенной битвы: огромные царапины от когтей, воронки от разорвавшихся болтов, выжженные следы, оставшиеся от попаданий лазеров, а также целые куски стен, разъеденные химическими снарядами, выпущенными из биооружия тиранидов.

Фракиец остановился.

– Враги быстро захватили сторожку у ворот, а затем и галерею, и нам пришлось отступить, – прокомментировал он. – Здесь нам пришлось стрелять по своим собственным укреплениям. Отсюда – туда. – Он провел двумя пальцами воображаемую линию, указывая направление стрельбы. Одна из стен треугольного двора оказалась сильнее повреждена биологическим оружием, другая пострадала от огня имперцев.

– Как им удалось так быстро захватить это место? – спросил Феликс. – Даже с отключенными орудиями и вышедшими из строя пустотными щитами, это место все равно очень хорошо укреплено.

– Я не могу ответить на этот вопрос, – ответил Фракиец. – Мы были готовы обороняться, но ворота не выдержали, и нам пришлось отступить. Творилась полнейшая неразбериха.

– Самый быстрый способ взять крепость – изнутри, – задумчиво произнес Феликс.

– Ты хочешь сказать, что нас предали? – грозно воскликнул Фракиец. – Тетрарх, ты ставишь под сомнение нашу честь.

– А ты разве не рассматривал такой вариант? – Феликс продолжил развивать тему. – Неужели ты не задумывался о предательстве?

Глазные линзы шлема Фракийца блеснули на ярком солнце.

– Ты прав, – мрачно ответил он. – Я думал об этом.

Всем своим видом Фракиец дал понять, что разговор окончен.

– Сюда, – произнес он. – Основной проход закрыт. Остался только один путь к башне. Предупреждаю, подъем будет нелегким. Мы пойдем по Извилистой Лестнице.

Группа последовала за ним.

Они прошли через малые врата и направились вверх. Космодесантники поднимались по огромной лестнице, вырезанной прямо в базальтовом склоне горы и покрытой сводом из расписанного узорами кирпича. Каждый дюйм камня украшали барельефы, внушающие своей красотой благоговейный трепет. Лестница вела группу по непредсказуемой траектории, изобилующей неожиданными поворотами. Ширина также была непостоянной. На некоторых участках она оказывалась достаточно широкой, чтобы космодесантники могли маршировать по десять человек в ряд, а затем следовали резкие сужения. Высота потолков тоже постоянно менялась от крайне высоких, до давяще низких. В эстетическом плане лестница была очень неприятным сооружением и была абсолютно не приспособлена для обороны.

– Нашим предшественникам приходилось огибать те участки, где черная порода пробилась через базальт, – произнес Мастер кузни Кос Себастион. – Черный камень разрезать нелегко. Он начинает крошиться при обработке и, кроме того, ходили легенды, что если есть возможность, его лишней раз его лучше не трогать. Именно из-за черного камня дорога к цитадели так петляет. Ее не зря прозвали Извилистой лестницей.

Словно в доказательство слов Себастиона космодесантники, завернув за очередной угол, обнаружили потрескавшуюся каменную кладку. На земле лежала груда щебня, а из трещин выглядывал черный камень. Разбитые барельефы, изображавшие героев прошлого, захрустели под тяжелыми саботонами воинов. Черный камень светился изнутри чуждой жизнью, по его поверхности пробегали зеленые огоньки, исчезающие при попытках космодесантников их разглядеть.

– Гора сбрасывает кожу, – произнес Комин.

– Всю свою жизнь я считал, что строители монастыря напридумывали сказок. Я всегда презирал их, – проговорил Себастион. – Сейчас перестал...

Вскоре они подошли к груде доспехов, лежащих на небольшой площадке. Как и у снаряжения снаружи, в них отсутствовали какие-либо следы плоти или крови. Взрывы и массивный огонь из различных видов оружия оплавил скалу и обжег многие части брони, но, как и везде, нигде не было видно трупов.

Начался последний участок подъема.

Феликс дошел до конца лестничной площадки и не поверил своим глазам. То, что предстало перед ним, оказалось скорее стеной, чем путем наверх. Он поднял голову. Каменный тоннель изгибался перпендикулярно вверх и извилистый пологий подъем переходил в настоящую лестницу. Феликс поднял руку и ухватился за первую перекладину.

– Лестница Ангела, – произнес Фракиец. – Мы почти достигли цитадели.

– Эпистолярый Гатейн, – позвал Феликс.

Вперед вышел облаченный в синее псайкер и принялся осматривать пустое боевое снаряжение. Остальные молчали, пока космодесантник выполнял свою колдовскую работу. Гатейн завершил свои ритуалы и навалившаяся на воинов тяжесть внезапно исчезла. Он глубоко вздохнул и отступил назад.

– Они умирали в одиночестве, – печально произнес Гатейн. – Пытаясь не допустить вторжение в цитадель.

– Это и есть главный вход? – спросил Феликс.

– Существует множество туннелей, – ответил Фракиец. – Но ни один из них не является непосредственным проходом, и все они были разрушены еще до нападения. Их завалили камнями по тысяче тонн каждый.

– Когда Кракен последовал за нами, это оказался единственный доступный для них наземный путь, – продолжил Фракиец. – Этот проход имел церемониальное значение. Основное сообщение с Императорским Дозором осуществлялось по воздуху. Стремящиеся вступить в наши ряды должны были пройти по этой лестнице, чтобы завершить посвящение. Другого пути наверх не существует.

Феликс вновь поднял глаза.

– В таком случае крепость не должна была пасть, – произнес он. Вложив меч в ножны, он начал подниматься. Ступени, выбитые в скале, оказались недостаточно широкими, чтобы космодесантники могли за них ухватиться своими закованными в броню пальцами. Даже несмотря на всю их сверхчеловеческую силу, это был трудный подъем. Они не устали, но им не хватало ловкости. Ранцы с реакторами и широкие грудные клетки затрудняли подъем, и воинам пришлось оставить оружие внизу. Феликсу было особенно тяжело – его доспех типа «Гравис» оказался чересчур большим и массивным для такого крутого подъема. Косы были готовы к этому препятствию и карабкались относительно легко, но вот саркофаг с геносеменем, носилки с телом брата Тилифа и воины в терминаторских доспехах нуждались в помощи при подъеме. Несколько людей Фракийца поднялись первыми и спустили специальные тросы. Феликс наблюдал, как ползет вверх металоновое хранилище. Его работающий антигравитационный блок максимально облегчал задачу, но все же Косам Императора было весьма тяжело и они пели свои молебны сквозь стиснутые от напряжения зубы.

Коул вскарабкался вверх словно паук. Его многочисленные ноги легко вставали на ступени, руки хватались за поручни, а вспомогательные нижние конечности с

оружием в это время обводили верхнее и нижнее пространство шахты в поисках угрозы. Свой гигантский топор он держал на отдалении от тела в одной массивной руке, которая из всех его дополнительных конечностей более всего походила на человеческую. Казалось, что громадный вес совершенно не мешал Коулу, и вскоре магос скрылся из вида Феликса.

Кво-87 проследовал за ним, проплыв с едва слышным смешком на своем антиграве мимо занятых подъемом товарищей космодесантников.

Лестница Ангела поднималась вверх на четверть мили. Даже могучие Адептус Астартес вспотели в своих силовых доспехах к тому моменту, когда достигли вершины. Лестница в этом месте была самой простой формы и конструкции. Глазу было не за что зацепиться, кроме как за испещренные вдохновляющими девизами поручни. Но когда Феликс поднялся наверх, он оказался в зале, потрясающем своим великолепием.

Полированный мрамор, лишь слегка поврежденный при уничтожении планеты, устилал прямой коридор, ведущий к сводчатой арке с полуоткрытыми дверями из полированной бронзы. На подиумах вдоль дороги и в темных траншеях по обе стороны зала стояли статуи, которые возвышались на добрую сотню метров. Потолок был украшен хрусталем, ныне разбитым. Удивительно, но статуи изображали не только героев из числа космодесанта.

Несколько Кос Императора уже достигли вершины и закрепляли хранилище геносемени, чтобы затем отсоединить от него цепи и поднять своих тяжелобронированных братьев-терминаторов. Коул и Кво-87 стояли в дальнем конце зала. Феликс намеревался присоединиться к ним, но задержался, чтобы рассмотреть лица расположенных вдоль прохода статуй обычных смертных и представителей Адептус Астартес. Несколько постаментов были пусты. И ни одна из скульптур не несла на себе следы боевых повреждений.

К нему присоединился Фракиец.

– Это Дорога Первых Кос. Это первые из нашего ордена, а также мужчины и женщины, которые в древние времена Ереси сражались на нашей стороне, – произнес магистр. – С тех самых пор мы и заботимся о людях Соты. Они были героями для всех нас, как для людей, так и для космодесанта. – Он остановился перед человеком в героической позе. – Когда я был мальчиком, вот этот, Мерик, был моим кумиром. Говорят, он был настолько искусным воином, что сражался с космодесантниками на равных. – Он покачал головой при этих словах. – Кто знает, правдивы ли хоть какие-то из тех легенд. В этих же историях говорится, что когда этот зал еще был просто пещерой в скале, Робаут Жиллиман лично награждал выживших в войне нашим знаменем. – Он постучал по скрещенным косам на своем наплечнике. – Мне нравится думать, что это – правда, но кто может сказать наверняка?

– Магистр, когда ты встретишься с примархом, то сможешь спросить о тех событиях лично, – ответил ему Феликс. – Хотя мне стоит предупредить, чтобы ты сразу переходил к делу и не преклонялся перед ним. Это его раздражает. Но вполне возможно, что он раскроет тебе правду о тех днях. Истории, которые он рассказывает, зачастую очень удивляют.

– Я слышал, что ты из тех времен, – задумчиво произнес Фракиец. – Что ты знаешь об этих днях из древних легенд?

– Ничего. Когда меня забрали, я был лишь мальчишкой, – ответил Феликс. – А что может знать мальчишка?

– Децим! Децим! – раздался голос Коула, вернув Феликсу неприятные воспоминания о превращении в космического десантника.

– Архимагос.

– Мы готовы войти внутрь. Присоединяйтесь ко мне.

Феликс посмотрел в конец коридора – пока он осматривал статуи, Коул подошел к бронзовым дверям, ведущим в нижние помещения цитадели Кос Императора.

Коул говорил с Феликсом по личному вокс-каналу, и теперь Феликс обратился к Фракийцу.

– Архимагос что-то задумал, – произнес он, когда Коул и Кво прошли через ворота. – Пойдем со мной.

Фракиец проверил, чем заняты его воины. Мастер кузни Себастион лично наблюдал за тем, как по Лестнице Ангела поднимают терминаторов.

– Сколько еще нужно времени? – спросил своих людей Фракиец. Ответа тетрарх не услышал. Магистр Кос Императора повернулся к Феликсу.

– Потребуется еще некоторое время, чтобы поднять терминаторов по лестнице, – обратился к нему Фракиец. – И тем не менее, Коул вынуждает нас торопиться. Хоть я и дал ему полную свободу действий, но Зал Основателей – одно из наших самых священных мест. Я не отпущу его туда одного. Ему стоило подождать нас.

Фракиец и Феликс прошли сквозь бронзовые двери и вошли в большой зал. Избранные Веспатора и большая часть людей Фракийца проследовали за ними. Зал Основателей также был облицован мрамором, и в нем стояло еще больше статуй. Каждая из них изображала космодесантника в богато украшенных боевых доспехах. Установленный в центре зала железный рондель нес на себе изображение скрещенных кос, символа ордена, и был окружен мозаикой из граненого камня, изображающей десять стилизованных коней, которые символизировали роты ордена. В задней части комнаты находились два лестничных пролета, один уходил наверх, другой вел вниз. Оба были отделаны более искусно и казались менее крутыми, чем Извилистая лестница.

Проникающего сквозь двери дневного света оказалось недостаточно, чтобы осветить комнату, и в ней было темно, как и в любой другой пещере. Тем не менее, Зал Основателей был полон свидетельств ужасающей битвы. Он оказался сильно поврежден; большая часть мраморной облицовки была разбита, и обнажала черный камень горы, скрывавшийся за ней. Половина статуй лежала на земле. За пробитым подвесным потолком также сиял черный камень. По всему полу было разбросано более шестидесяти комплектов доспехов. От многих из них расходились паутины трещин, которые наглядно говорили о силе их падения. Боевое снаряжение оказалось сильно повреждено – разорвано огромными когтями, сожжено химическим оружием или пронзено костяными копьями. Облицовку стен и пол усеивали ожоги от кислоты, но, как и везде на Соте, не осталось ни следа органики. Каждый кусочек плоти и даже брызги ичора собрали для повторной переработки жнецы флота-улья.

Коул и Кво-87 выполняли непонятные манипуляции в центре зала. Какое-то время они стояли неподвижно, затем их искусственные конечности оживали и энергично двигались, а потом вновь замирали. Техножрецы выглядели чрезвычайно сосредоточенными.

Земля содрогнулась.

– Ты почувствовал? – спросил Феликс. – Очередные толчки.

– В этом есть какая-то закономерность, – ответил Фракиец. – Они случаются регулярно. Слишком последовательно.

Слабые, короткие всплески энергии пробивались сквозь камень. В отличие от предыдущих толчков, они не сопровождались видениями и были кратковременными, регулярными и мощными.

– Коул, – закричал Феликс. – Что бы вы ни делали, остановитесь!

Архимагос не обратил на него никакого внимания. Он выполнял дальнейшие эзотерические ритуалы своей техномагии, и его конечности двигались по воздуху, словно дирижируя оркестром. В это же время серво-череп кружились вокруг головы Коула.

Характер толчков изменился, превратившись в цикл из пяти коротких колебаний, за которыми следовал шестой, более сильный толчок.

– Коул! – крикнул в вокс Феликс. – Я знаю, что ты меня слышишь. Что ты творишь?

С потолка с грохотом обрушилась большая мраморная плита.

– Коул!

Фракиец указал пальцем вверх.

– Смотри!

В глубине черного камня зажигались огни. Он пульсирующих точек исходили прямые линии, которые с возрастающей скоростью огибали друг друга и складывались в узоры. Толчки набирали силу, пока гора не начала содрогаться целиком. Мелкие всплески сейсмической активности накладывались на более крупные, входили в резонанс и создавали ужасающую тряску.

В комнату вбежали остальные Избранные и ветераны Фракийца. Все они держали оружие наизготовку. Иксен отскочил в сторону, когда одна из статуй, наклонилась на своем помосте и, сломавшись в лодыжках, повалилась на пол.

– Тетрарх! Что происходит? – крикнул Комин. Вокс наполняли помехи, превратившие его сообщение в прерывистую тарбарщину. Каждый новый толчок отдавался все более сильными помехами.

– Коул, остановись! – закричал Феликс. Он двинулся вперед, но на его пути встал Альфа Примус. Тетрарх попытался обойти его, но космодесантник преграждал ему путь снова и снова

– Не стоит беспокоить архимагоса, – бесстрастно произнес Альфа Примус. – Ждите.

– Прочь с дороги! – недовольно крикнул Феликс. – Он собирается обрушить гору.

– Вы будете ждать, – отрезал Альфа Примус. Вокруг его головы разгорался колдовской огонь.

Болт винтовки и болтеры нацелились на гиганта. Альфа Примус обвел тусклыми зелеными линзами остальных космодесантников, словно бы они были пустым местом.

– Прочь с дороги! – крикнул Комин. – Отойди, или мы откроем огонь!

– Не угрожайте мне, – ответил Альфа Примус. Его рука опустилась на рукоять цепного меча. По плечам и голове десантника расползлась холодная энергия.

– Коул! – в очередной раз закричал Феликс.

Толчки перетекли в дрожь, затем стабилизировались, и гора начала постоянно вибрировать на низкой зубодробительной частоте. Еще одна мраморная панель треснула и сдвинулась, наполовину отделившись от стены.

– Приношу свои извинения, Децим, но это поистине потрясающе, – прокричал Коул. – Я лишь намеревался установить предварительную связь с машиной ксеносов, но уровень ее активности позволил мне сделать нечто гораздо большее. – Он слегка склонил голову. Свет его аугметических глаз потускнел, когда он направил свой взгляд вниз. – Мне доставит огромное удовольствие, показать вам некоторые из возможностей Фароса.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Зал Основателей

Зал наполнился светом, а затем появились воины: люди и Косы Императора, снующие взад и вперед по лестнице, и стреляющие во что-то позади себя.

Экспедиционный отряд отреагировал предсказуемо, направив оружие на вновь прибывших. Прошло несколько мгновений, и воины увидели, чем на самом деле являлись появившиеся люди. Хотя воины, ведущие бой, и казались настоящими, на самом деле таковыми они не являлись. Янсар охнул, когда один из них прошел сквозь него. Туллио отпрянул, давая пройти другому фантому.

– Не стрелять! – скомандовал Феликс.

– Это призраки. Они ненастоящие, – произнес Дэл. Его голос сорвался, и технадесантнику пришлось повторить слова еще раз.

– Спокойно! – крикнул Феликс, видя, как неловко себя чувствуют Косы Императора. – Это лишь изображения. Всего лишь запись.

– Колдовство ксеносов, – буркнул Комин, наблюдая за безмолвными движениями призрачных Астартес.

– Нет, – беспомощно произнес Фракиец. – Почему мы должны смотреть на это? Я не мог их спасти. Я ничем не мог им помочь.

– Я не вижу тебя среди них, – удивился Феликс. Сам того не желая, он вложил в эти слова обвинительные нотки.

– Меня здесь и не было, – ответил Фракиец. – Меня не было здесь, и я не мог им помочь. Я увел свою роту, – вокс-связь стабилизировалась, словно наслаждаясь позором Фракийца. – Я проигнорировал прямой приказ и мы эвакуировались. Мы оставили их умирать. Это последняя битва Кос Императора.

– Твой орден выжил благодаря тебе, – попытался подбодрить его Феликс.

– Мои братья погибли, – гневно воскликнул Фракиец.

По тому, как свет падал на космодесантников, можно было понять, что события, которые показывало видение, происходили в другое время суток и на потолке в тот момент работали люмены. По комнате проплывали тени от предметов, которые не могли видеть Феликс и его люди. Проекционное поле охватывало почти весь Зал Основателей, но около стен оно резко обрывалось. Воины инстинктивно переместились к краю дисплея. Как только участники экспедиции вышли из изображения, оно стало для них более реальным, а настоящее, наоборот, нереальным, чем-то вроде отдаленного тревожащего чувства на границе сознания. Феликсу казалось, что устройство ксеносов затягивает его в изображение, и что если он только прислушается, то сможет услышать крики воинов и выстрелы оружия.

В полном безмолвии призрачные воины собрались вместе, образовав круг вокруг пары капитанов, капеллана и трех знаменосцев роты, которые стояли у большого железного ронделя. Вездесущих тиранидов разрывало болтерным огнем, пока воины прикрывали своих братьев, закрывающих массивные бронзовые двери. Из-за ограниченности проекции Феликс не мог видеть того, что надвигалось на космодесантников, но он знал, что там было, вне поля зрения, и биение его сердец участилось. У многих Кос Императора, которых видел Феликс, отсутствовали шлемы, и тетрарх мог разглядеть как рты воинов открываются, произнося литании. И хотя эти

слова отличались от тех, что использовались в его ордене, увидев движения их губ, он узнал Литанию Смерти.

Коул с интересом наблюдал за космодесантниками прошлого и настоящего. Кво-87 делал заметки.

Болтеры Кос Императора заговорили, озаряя вспышками окружающее пространство. Реактивные следы от снарядов тянулись за край проекционного поля. Короткие очереди сменились полностью автоматическим огнем.

Тираниды ворвались в комнату, словно цунами кричащей чужеродной плоти. Феликс ощущал их призрачное присутствие, когда они проходили сквозь него. Обостренные чувства его модифицированного дарами Императора тела оживали, и впрыскивали в кровь боевые стимуляторы. То же самое происходило и со всеми остальными. Спутники Феликса напряглись. Они приготовились дорого продать свои жизни, когда погибнут их братья из обреченного ордена. Наземные тираниды появились на лестнице, поднимающейся снизу, а с лестничного пролета, спускающегося сверху потоком алого и бежевого хлынули крылатые твари.

Косы Императора были сокрушены в считанные секунды. Отчаяние на их лицах, печаль от падения ордена и стыд от поражения – все это ощущалось намного сильнее в гробовой тишине.

Феликс увидел, как на землю упал штандарт пятой роды, забрызганный алой артериальной кровью. Он видел, как один из разведчиков попытался поднять его и потерпел фатальную неудачу.

– Достаточно! – воскликнул Феликс.

Капеллан взмахнул своим крозиусом, и череп ближайшего к нему генокрада взорвался во вспышке молнии. Тут же на него набросилось трое монстров и мгновенно разорвали на куски. Воин упал рядом с тем местом, где до сих пор в реальности лежали его разорванные доспехи. Под натиском волны тиранидов рухнули статуи и остались лежать там, где они располагались в настоящем.

– Коул! Выключай! – приказал Феликс.

Еще больше смертей и крови. Верные слуги Императора скребли ногтями по земле, пока их превращали в сырье для биоферм тиранидов. Они не могли спастись. Ничего нельзя было изменить. Единственное, что мог делать Феликс, это смотреть, как их разрывают на части и пожирают.

– Это мерзко, – проворчал Комин.

Живые Косы были убиты горем. Узрев смерть своих братьев, они ошеломленно стояли на месте, опустив оружие.

Космодесантники были выносливее человека, тверже стали, невосприимчивы к шоку и сомнениям в любом из их проявлений, кроме разве что самых страшных ситуаций. Однако если разум Адептус Астартес ломался, это приводило к катастрофическим последствиям. Такого позора, какой пережили сейчас люди Фракийца, было достаточно, чтобы лишиться рассудка любого воина.

– Альфа Примус, отойди в сторону, – закричал Феликс.

Примус безучастно смотрел вниз.

– Прочь с дороги! Коул, вырубай эту чертову машину!

Коул не отвечал. Он стоял наполовину скрытый вихрем минувшей битвы. Сквозь него прыгали атакующие тираниды, и наносили удары острыми костяными лезвиями,

добивая последних оставшихся в живых Кос Императора. Конечности архимагоса подрагивали в экстазе.

Гора содрогнулась в ответ на очередные манипуляции Коула. Из глубины пошли толчки, сотрясавшие гору с такой силой, что зрение Феликса расплывалось после каждого удара. Но почему-то картина сражения постоянно оставалось столь же ясной, как безвоздушный день на Соте.

– Коул! Выключи ее!

– Он тебя не слышит, тетрах, – крикнул Дэл. – Он в полном восторге от машины. Устройство ксеносов поглотило его.

– Ты можешь что-нибудь сделать?

– Я ничего не могу сделать, милорд, – ответил Дэл, покачав головой. – Разве не понятно, что это далеко за пределами моих способностей?

– *Следи за своим тоном, брат,* – произнес Комин по воксу. Его упрек утонул в яростных чужеродных помехах.

– Дай мне пройти! – произнес вновь Феликс. Болтерные винтовки вновь нацелились на Примуса. На этот раз он отошел в сторону, пропуская Феликса к архимагосу. Тетрарх собрался с духом, прежде чем пройти сквозь призраков, сражающихся и умирающих в свете того рокового дня.

Гора содрогалась вокруг поверженных Кос. Облицовка зала продолжала разрушаться, обнажая еще больше ожившего черного камня. Зал терял свой первоначальный вид, превращаясь в заваленную щебнем темную пещеру, заполненную бегущими зелеными огнями. Огромные плиты падали с потолка и космодесантники отскакивали, уворачиваясь и выкрикивая предупреждения братьям. Их голоса стали еле слышны, а вокс-канал наполнился ревом помех.

– Коул!

Оказавшись в самом центре сцены из прошлого, Феликс не мог разглядеть настоящего. Перед его глазами был только очередной оплот Императора, гибнущий под напором ненавистных чужаков. Люди, умершие в этой комнате много лет назад, умирали снова. Двигаться сквозь толпу призраков оказалось физически тяжело, броня Феликса протестовала. Невидимая энергия изо всех сил пыталась оттеснить его назад, пока, наконец, тетрарх не был вынужден остановиться. Феликс стоял от Коула на расстоянии вытянутой руки, а его лицо оказалось всего в нескольких сантиметрах от покрытого потом воина, сражающегося против огромного зверя, состоящего исключительно из хитиновых пластин, соединительных хрящей и ненасытного голода.

Машина завывала. Вокс-сеть заполнили странные крики и завывания, доносящиеся из глубин крепости-монастыря.

– Коул! Выключай! Вырубай ее, чтоб тебя!

Слова Феликса слышал только лишь он сам. Гора содрогнулась.

– Коул! – он попытался пробиться вперед.

Генокрад обратил свои узкие желтые глаза на Феликса. Ксенос отделился от проекции и атаковал.

Около 10000 лет назад

Коул оказался в каком-то другом месте, где на него взирал огромный и отвратительный разум. Желтые и черные доспехи, красный и кремовый хитин,

безумная суматоха рукопашной – все это исчезло. Вместо этого осталась только тьма. Вездесущая, душная, давящая. Кто-то или что-то дышало ему в затылок. Коул с удивлением обнаружил, что сидит в кресле и сжимает в руках теплый металлический цилиндр в полметра длиной, на верхушке которого ровным зеленым светом горел огонек. Кроме светящегося индикатора, цилиндр был лишен каких-либо значимых деталей, за исключением сверхтонкого шва в том месте, где крышка ввинчивалась в сосуд.

Коул держал его в руках, которые все еще состояли из плоти. Он вздрогнул от неожиданности. Это было не его тело, по крайней мере не то, каким он его помнил. Оно оказалось маленьким, неудобным.

– Еще человек... – выдохнул он.

– Что? – за его спиной оказался Фридиш. Конечно он, а кто же еще... Ощущение присутствия другой сущности быстро развеялось.

Коул моргнул глазами, которые также были человеческими. Смятение исчезло.

– Перестань дышать мне в затылок, Фридиш. И давай потише, ты меня раздражаешь!

Фридиш отошел. Коул услышал тихое жужжание поддерживаемых в отличном состоянии систем и реальность вновь слилась воедино. Они сбежали от военного флота Хоруса. Они были в варпе. Не было злобных, кровожадных ксеносов и сражающихся космодесантников. Никаких жгучих амбиций.

– Молчание на «Селенции»²...

– Фридиш, ты никак пошутил? – Коул оторвал свой хмурый взгляд от цилиндра.

– Так и есть! – едва заметно усмехнулся Фридиш.

Коул покачал головой и вернулся к работе. Фридиш дружески сжал его плечо.

– Тебе всегда нужно быть лучшим во всем, Велизарий. Самым умным, самым одаренным, самым сообразительным.

– А обычно так оно и есть.

– Ага, и самым скромным в придачу, – добавил Фридиш, настроение которого было слишком добродушно, чтобы злиться на ворчание Коула.

– Я скромный!

Фокусирующие приводы технологического комплекса, надетого на Коуле, зажужжали, когда он осторожно повернул цилиндр в руках, с сосредоточенностью провидца считывая метки машинного кода с металла.

Его все еще тревожили обрывки воспоминаний. Он увидел образ космического десантника в броне незнакомого типа, умирающего в когтях отродья ксеносов.

Гораздо сильнее, чем он того хотел, Коул опустил цилиндр на скамью. Раздался жалобный звон.

– Велизарий, с тобой все в порядке?

Фридиш сел на стул позади Коула. Хотя «Селенция» была роскошной баркой, как и подобало статусу ее прежнего владельца. Эстер Аспертия Сигма-Сигма состояла в культе Механикум, а поэтому теперь на корабле имелась хорошая мастерская.

– Честно говоря, не знаю, – он взглянул вверх, словно ожидая найти ответ в завихрениях потусторонних энергий, окружающих корабль. Но все что увидел Коул,

---

² Игра слов. «Селенция» (Silencia) – молчание (прим. редактора)

это потолок, увешанный инструментами и бездействующими механизмами. – Может быть, так на меня влияет варп.

– Забавно, я как раз хотел об этом поговорить. Ты не заметил, как гладко идет наш полет?

– Нет, не заметил, – Коул вновь взглянул на цилиндр. Он был слишком увлечен сосудом с клоном. А может...

Зубами, когтями и умирающими людьми.

– Но ты прав, – произнес Коул, отгоняя видение. – На самом деле очень спокойно.

– В последний раз, когда я путешествовал по имматериуму, я думал, что умру. Или чего похуже, – задумчиво сказал Фридиш. – Но сейчас... – он нахмурился. – Все так, как было раньше. До войны, – тихо сказал он. – Как ты думаешь, почему?

– Я уверен, что мы все выясним, когда выйдем из варпа, – ответил Коул. – Нет смысла размышлять о неизвестном, не имея достаточного количества достоверных данных. Так мы не сможем прийти к верным выводам. Если мы позволим втянуть себя в дискуссию, то потеряем драгоценное время на недоказуемые гипотезы. В свое время мы все выясним.

– Не терять ни минуты, а, Велизарий? – Фридиш взял магнитный ключ, посмотрел на него и положил обратно. Он никогда не разделял фанатичной тяги Коула к работе. Ее вообще мало кто разделял.

– Фридиш, я знаю, что ты не разделяешь мое беспокойство по поводу пустой траты времени, хотя стоило бы. Из всех вещей на свете, оно – самое драгоценное. Даже ценнее знаний. Время – это единственное, что мы не в силах производить в нужных количествах. Время – ограничитель всего остального. Когда человек рождается, он сразу находится у него в рабстве. Мы глупо тратим его, тогда как должны хранить его как сокровище. Я не люблю тратить время. Его никогда не бывает достаточно, и, к сожалению, вокруг много воров, которые так и жаждут его украсть.

Он снова поднял цилиндр, внутренне содрогнувшись от того, как грубо он его ранее опустил.

– Мы можем умереть еще до прибытия, – произнес Фридиш. – Варп безжалостен.

– Умрем, так умрем. Но если выживем, а я потрачу эти часы на безделье, страх или пустые беседы, то время пройдет впустую. Смерть придет за всеми нами. Чем-то заниматься, пока она приближается – вот единственная свобода, которой мы обладаем. Мне есть над чем подумать сейчас.

– Есть прогресс?

– Значит, теперь заинтересовался?

– Я напуган, Велизарий, – признался Фридиш. – Но, кроме того, мне скучно. А еще я тоже из Культа, хотя ты об этом и забываешь периодически.

– Ну что ж, – произнес Коул. Он постучал пальцем по цилиндру. – Внутри находится наполовину сформировавшийся клон ныне покойной Эстер Аспертии Сигма-Сигма, вероломного магоса-доминус из Трисолиана.

– Разумный подход. Своеобразная гарантия бессмертия.

– Не очень разумный, – возразил Коул. – Даже несколько отчаянный. Она не возродится, потому что ее последняя копия оказалась у нас. А если бы она попала в руки наших коллег, ее почти наверняка уничтожили бы. Ужасающая недалечность и позор. Сигма-Сигма загрузила все свои знания в клонов. Вся эта информация просто

ждет, когда мы ее заберем. Только подумай, Фридиш... Она была проницательным тактиком. Мы сможем стать такими же.

– Но зачем? Я никогда не считал тебя военным.

– А я и не военный. Тактика и стратегия – это тоже знание. А все знания ценны. Все знания жаждут быть открытыми, а мы, члены культа Механикус, в свою очередь жаждем их познать. Знаешь ли ты, что я когда-то был учеником Диакома из Гестус Декорум?

– Признаюсь, я никогда не слышал ни о нем, ни о том, где находится Гестус Декорум.

– Я служил многим господам.

– Да, да, да... Ты так всегда говоришь мне, – Фридиш попытался спародировать голос Коула. – «Фридиш, пока ты усердно трудился над низшими и простейшими загадками, я бороздил просторы галактики! Давай, дружище! Учись! Учись! Учись всему, чему сможешь, и у кого сможешь». Ты же всегда так говоришь, верно? – Он повертел в руках очередной инструмент.

Коул нахмурился, услышав насмешку Фридиша, но все же продолжил:

– Диаком был магосом-аскетом. Отшельником. Кроме того, он являлся искусным биологом, – Коул улыбнулся. – Я думаю, что биология – моя любимая дисциплина.

– Органическая жизнь – это величайшее достижение Бога-машины в рамках его Великого труда, восславим Триединого, – согласился Фридиш. – Давая нам жизнь в органической оболочке, он дает нам средства и возможности для улучшения тела, так как в этом и заключается его Божественный план. Он наделяет нас органической слабостью, чтобы мы смогли познать силу металла и подняться до уровня машинного совершенства. – Он рассеянно почесал кожу вокруг своей аугметики.

– Таково великое испытание жизни, – подхватил Коул. – Так вот, связь разумов стала возможной еще в Век Технологий. Но есть определенные риски. Полная связь между живыми разумами неизбежно ведет к безумию, поскольку личности начинают вести между собой войну за господство. Отсюда и необходимость в ограничении самосознания в нашем Легио Титаникус. Как показывают такие технологии, невозможно достичь полного объединения между двумя живыми умами. Без сомнения, можно повысить мощь собственного мозга, подключившись к клонированному или перепрофилированному разуму, предварительно тщательно очищенному. Но хитрость в том, что подключаемый мозг не сформирован, и пользователь сам заполняет его данными. Но если бы кто-то хотел получить полный объем знаний из умершего или живого мозга, то у него бы ничего не вышло, ибо знание неотделимо от опыта. А личность – это и есть совокупность накопленного опыта. Следовательно, личность будет пытаться выжить.

– Получается, поглощение полного знания человека чревато конфликтом между личностями, и, в дальнейшем, приведет к безумию, – задумчиво произнес Фридиш.

– Что, в конечном итоге, приведет к смерти и потере знаний, – продолжил Коул. – И это совершенно точно. Диаком, однако, был уверен, что можно этого избежать. Существует множество межличностных кибернетических сетей, временных и постоянных, которые расширяют способности всех подключенных участников, однако они все равно не способны интегрировать человеческое знание в существующую личность, не повредив или не уничтожив ее при этом.

– Диакому удалось это сделать?

– Это умели во времена Темной Эры Технологий. Он был в этом уверен. Есть способ преодолеть ограничения человеческого тела. Знание возможно передавать.

– Диакон смог заново открыть это технологию? – не унимался Фридиш.

– Нет, – ответил Коул. – Но он приблизился к разгадке.

Рука Коула потянулась к мемкору. Его пальцы погладили теплый металл.

– И ты думаешь, что тебе удастся это сделать? – фыркнул Фридиш. – Ты серьезно, Велизарий?

– Я...

Бах!

– Что это было? – встревожено спросил Фридиш.

Бах! Корабль содрогнулся.

– Я думаю, мы выходим из варпа.

– Без предупреждения? – недоверчиво сказал Фридиш.

– Не думаю, что мы нравимся навигатору Эстер Аспертии, – произнес Коул. – Мерзкий маленький мутант...

По всему кораблю завывали сирены.

– О! А теперь он решил нам сообщить! – воскликнул Фридиш. – Как бы я хотел свернуть его тощую шею.

– Нет, ты этого не сделаешь, – сказал Коул. Он поместил цилиндр в хранилище, а затем, немного подумав, вытащил его, распахнул мантию и сунул в потайное отделение в животе. – Ты довольно миролюбив.

– Ты сейчас вставил его куда? – пораженно спросил Фридиш. – Себе в ж... В живот? Прямо внутрь?

– Мы уже несколько недель на этом корабле, друг мой. Пока ты хандрил, я работал.

Бах!

Корабль сильно вздрогнул.

– Пошли, нам пора на командную палубу, мы скоро прибудем к Ризе.

– Веди, Велиз...

БАХ!

Около 10000 лет назад

Коул нахмурился. Только что он был на корабле, а в следующую секунду уже нет. Что-то было не так. Он чувствовал...

«Высокий» – подумал он. – «Я стал выше?»

Бах! Звук глухого удара металла о камень. *Бах!*

Мысли о корабле покинули его разум. Он всегда был такого роста. Коул находился за пределами лабораторного комплекса, на мосту в горах, куда он любил приходить, чтобы подумать. Но на мосту был кто-то еще, но Коул не мог посмотреть на него. Как он мог забыть про это?

– Прошу прощения, что побеспокоил вас, – учтиво произнес мужчина. – Я оставлю вас наедине с вашими мыслями.

Бах!

– Не уходите, – взмолился Коул. – Я больше всего на свете желаю поговорить с Вами.

Бах!

– Тогда посмотри на меня, – сказал мужчина. – Тебе не стоит бояться.

Коул виновато рассмеялся.

– К сожалению, я не могу этого сделать.

Над их головами кружила облезлая птица. Ее черно-коричневые перья торчали в разные стороны под неестественными углами. Когда-то дикая природа на Терре была очень разнообразна. Лишь на горстке миров было нечто подобное. Аналоги земных видов были драгоценными, уникальными. Но человечество неизбежно уничтожало их, где бы они не находились. Как уничтожило и свой собственный дом. На Терре сохранилось всего несколько паразитирующих видов, в большинстве своем – мутантов. Планета была истощена, и это, увы, не было уникальным случаем.

– Я знаю, что Вы можете заставить меня, но... – пробормотал он. – Но я бы... – Коул сглотнул. – Я бы предпочел, чтобы Вы этого не делали. Мне надлежит самому это сделать. Вы так не думаете? – Его голос казался странным, словно не принадлежавшим ему, и звучал более глубоко и высокомерно.

– Я никого не заставляю делать что-либо, Велизарий Коул.

Почему этот человек так его назвал? Велизарий Коул – это не его имя.

Мужчина тихо усмехнулся мыслям Коула. Он слышал его мысли. Мужчина слышал, о чем думают все вокруг. Он подошел и встал рядом с Коулом.

– Мне тоже иногда нужно отрываться от работы. Я постою с тобой здесь некоторое время, и мы сможем вместе насладиться этим видом. Я считаю, что это поможет представить, как он будет выглядеть, когда мы восстановим его, и жизнь вернется в этот мир во всем своем многообразии. Хочешь, я расскажу, как тут все должно выглядеть? Я помню. Я могу показать тебе, если хочешь.

Коул все еще не мог повернуть голову, чтобы взглянуть на незнакомца, но он улыбнулся и позволил благодарности смягчить свой «чужой» голос.

– Мне бы этого очень хотелось.

– Тогда ты должен посмотреть на меня.

Коул нерешительно взглянул в карие глаза незнакомца. Он ожидал, что они будут карими, потому что они всегда были таковыми. Невероятные глаза, полные сострадания и силы. В остальном, Он казался таким непримечательным. У него были длинные каштановые волосы и кожа цвета светлого рекафа. По крайней мере, так было сегодня. Лицо Императора оказалось совершенно обычным и легко запоминаемым. Коул видел Императора много раз, но в промежутках между их встречами ему никогда не удавалось вспомнить, как тот выглядел. Будто Он был не человеком, а образом из постоянного повторяющегося сна, который забывается с первыми лучами солнца. Редко когда лицо Императора повторялось дважды.

Император Человечества улыбнулся. Улыбка у него была приятная. Обнадеживающая. Теплая. Она источала положительные эмоции с такой силой, что мысль о том, что Император мог нахмуриться, испугала Коула. Если эта эмоция была бы настолько же осуждающей, насколько была тепла улыбка, то Коул ни при каких обстоятельствах не желал ее видеть.

– Извини, – произнес Император, указывая на русло реки. – Я не хотел прерывать твой отдых. Иногда полезно просто остановиться и подумать, а не спешить с принятием решений, о которых потом можно пожалеть. Спешка – величайший враг человечества. Созерцание – это искусство, которым пренебрегают.

– *Бах!* – прогремел металл.

Тело Коула покалывало от напряжения из-за столь близкого присутствия Императора. Ни приятным, ни неприятным это ощущение назвать было нельзя.

– Я хочу тебя кое о чем попросить, – сказал Император. – Личное одолжение.

Коул был ошеломлен. Самый могущественный человек на свете чего-то хотел от него. Он разинул рот. Император счел это забавным. Его улыбка стала шире.

– Что угодно, мой господин, – наконец произнес Коул, придя в себя. – Вам стоит только сказать.

– Спасибо. – Он помолчал. Император подбирал слова. Когда Он наконец открыл рот, из него вырвалось...

Бах Бах Бах БАХ!

Ощущение чуждого присутствия вернулось. Это был не Фридиш, не Император, а другое существо – существо в теплой и успокаивающей темноте, которое неустанно наблюдало за ним. Ему было... скучно.

Наше время

БАХБАХБАХБАХБАХБАХБАХ

Феликс перевел штурмовой болтер на силовой перчатке в автоматический режим. Машинный дух ликовал от полной свободы нести смерть и разрушения, выражая это чередой разорвавшихся снарядов. Болты встретились со своей целью и вокруг Феликса полыхнул огонь от взрывов. По керамиту его брони застучали осколки, а в шлеме раздался предупреждающий сигнал, сообщая о слишком близком подрыве снарядов. Генокрада оторвало от земли и отбросило в сторону, разорвав на части. Чужеродная кровь забрызгала лицевой щиток Феликса, еще сильнее закрыв обзор на Зал Основателей.

Среди отголосков последней битвы Кос скрывались живые генокрады. Они выбегали из реконструкции, созданной Фаросом, и бросались на людей Феликса. В шлеме раздался очередной предупреждающий сигнал, сообщая об угрозе. Феликс выставил вперед кулак, и выпустил очередь вслепую. Его боевой когитатор, как и он сам, с трудом отличал прошлое от настоящего. Перекрестье прицела скакало от одного ксеноса к другому. Но большинство снарядов попадало в фантомов. Феликс активировал силовой меч и сделал им широкий взмах. Оружие, пройдя через нематериальное существо, врезалось в настоящее, прорубив ребра экзоскелета ксеноса и испарив его органы во вспышке света.

От удара Феликс потерял равновесие. Исходящие из центра зала силы вновь обрушились на него, из-за чего тетрарха развернуло и отбросило назад. Проекция битвы не позволяла увидеть эти вихри, но если ты стоял возле центра изображения, то на тебя неминуемо обрушивался весь гнев невидимых бурь.

– Коул! – прокричал Феликс. – Выключи ее! – Его вокс-передатчик был полностью заглушен излучением Фароса, которое создавало сильнейшие помехи, от которых у тетрарха звенело в ушах. Коул неподвижно стоял в центре зала, в то время как его послушник спокойно делал заметки. Из проекции выпрыгнул генокрад. Ксенос протянул свои когти, готовый выпотрошить магоса, но врезался в ослепительно вспыхнувшее энергетическое поле, отбросившее монстра назад. Шальные болты также

отклонялись защитным барьером. Несколько из них при столкновении с полем испарились, превратившись во вспышки энергии.

– Аккуратнее, там архимагос! – взревел Феликс. – Смотрите куда стреляете!

И вновь его слова были слышны лишь ему самому. Вокс не работал. Феликс развернулся и начал осторожно удаляться от центра проекции.

Остальные космодесантники делали то же самое. Они отступали от проекционного круга и призрачной реконструкции сражения. Генокрадов, отделяющихся от многочисленных фантомов, на расстоянии можно было легко заметить и успеть уничтожить. Встроенный в шлем Феликса дисплей выдавал неразборчивую мешанину символов, и тетрарх не мог определить статус своих воинов. Но он смог различить по крайней мере одну закованную в броню фигуру из настоящего, лежащую без движения среди мертвецов прошлого.

Феликс последовательно складывал пальцы окутанного молниями силового кулака в знаки, жестами отдавая приказы своим людям.

– *Два направления ведения огня, спиной к стенам, избежать попаданий в магоса. Шевелитесь!* – показал он.

Его люди и воины Фракийца стояли плечом к плечу, и их болтеры и винтовки выпускали непрерывный поток снарядов, от которого никто не мог укрыться. Генокрады вставали на дыбы и тут же умирали, разбрызгивая пурпурную кровь. Царила неразбериха, времени на раздумья не было, только на стрельбу. Терминаторы Фракийца двигались вокруг проекции, ведя перекрестный огонь и полагаясь на свои тяжелые доспехи, которые защищали их от острых когтей тиранидов.

Казалось, что существа материализуются прямо из проекции, но затем Альфа Примус и Гатейн начали метать во врага психические молнии, озаряя зал. В свете вспышек Феликсу удалось заметить, что источник угрозы находится в дальнем конце зала.

– *Они лезут с нижних уровней,* – показал он космодесантникам и приказал половине из них накрыть огнем вход. Брат Иксен несколько раз выстрелил из своего гранатомета, и ведущую вниз лестницу закрыло облако шрапнели и поднятой пыли. Свет от взрывов и вспышек психических молний осветил толпу ксеносов, отчаянно стремившихся к имперским воинам. Все происходило в абсолютной тишине вакуума. Вокс не работал, не было связи и внешних звуков. Только шум собственного дыхания и дрожь от взрывов, достаточно мощных, чтобы перекрыть исходящие из недр Фароса толчки.

Комин прекратил стрелять. Удерживая болтерную винтовку в одной руке, он сделал знак тетрарху.

– *Они убегают. Направляются к выходу.*

Феликс понял, что так оно и есть. Большинство проникших в зал тварей направлялись не к ним, а неслись к бронзовым дверям и Извилистой лестнице. Бегство ксеносов, скрытое за проекцией «Фароса», сначала ускользнуло от внимания Феликса, но теперь он все увидел.

Генокрады бежали прочь, прямо на оружие находящихся снаружи космодесантников.

Всплеск энергии от машины ксеносов вызвал громкий треск в воксе. Изображение погасло. Комната погрузилась во мрак. Бежавшая вдоль стены по направлению к двери стоя генокрадов погибла в мерцающих вспышках болтерного огня.

Вокс ожил.

– Коул! – вновь крикнул Феликс, шагнув вперед. Теперь, когда изображение погасло, зал казался меньше. Тела ксеносов хрустели под его ногами.

– А, тетрарх, – как ни в чем не бывало ответил Коул. Он улыбнулся, как будто отвлекся всего на мгновение. – Впечатляет, не правда ли? Гораздо активнее, чем я думал.

– Ты мог убить нас всех, – недовольно воскликнул Феликс. Позади него Янсар и Арат принялись за раненых. Системы Феликса вновь заработали. В его глазницах засветились две руны «мортис».

– Да, так и есть. Каждое исследование сопряжено с определенным риском – Коул казался рассеянным. Кво, продолжающий записывать все и вся, изрядно раздражал Феликса.

– Милорд! – окликнул его Янсар. – Брат Туллио тяжело ранен. Брат Тобиас и сержант Квинт из Кос мертвы.

Апотекарий Кос уже склонился над ними, чтобы извлечь геносемя. В это же время, Фракиец послал двух своих воинов, чтобы они проверили хранилище геносемени на Дороге Первых Кос.

– Твой прогноз по Туллио, – потребовал отчета Феликс.

– Я смогу вернуть его в строй, если удастся найти подходящее для лечения помещение.

– А если нет?

– Вероятность смерти составляет пятнадцать процентов. В любом случае, сражаться он не сможет, и его броня сильно повреждена.

– Ты можешь воспользоваться нашим аптекарином, – произнес Фракиец. Магистр ордена присоединился к Феликсу и Коулу. – Пока будет произведен осмотр брата Туллио, а Себастион будет выполнять свои задачи, мы сможем перегруппироваться и оценить ситуацию в Императорском Дозоре. Башню будет легко оборонять, если возникнет такая необходимость, а верхние помещения, с высокой долей вероятности, не будут затронуты тем, что находится под горой. Еще на заре существования Империиума, их очистил своим светом сам Император.

– У Императора нет власти над этим местом, – неожиданно произнес Альфа Примус. – Оно старо и зло.

– Брат, ты это чувствуешь? – спросил у него Гатейн.

– Я вообще ничего не чувствую. Вот поэтому так и считаю, – ответил Примус.

– Это все теории. На практике – мне нужно снять доспех с Туллио и поработать над ним в хорошо оборудованном помещении, – сказал Янсар.

– Я уверен, что мы сможем восстановить системы жизнеобеспечения в некоторых помещениях башни, – ответил ему Фракиец.

– Янсар? – спросил Феликс.

– Это будет намного лучше, чем спускать его вниз по лестнице и эвакуировать с горы, – согласился аптекарий.

– Нашей главной задачей остается отключение защитных систем, – сказал Феликс.

– Мы проследим за этим. Коул, в следующий раз, когда вы попытаетесь выкинуть что-то подобное, вам стоит посоветоваться со мной.

– Как скажешь, Децим. Но я уверен, что ты согласишься, что это просто потрясающе. Впечатляющие результаты! – Он отошел, чтобы переговорить с Кво.

– Теперь генокрады владеют Фаросом. Нам стоит быть осторожнее, – предостерег Гатейн.

– Ты чувствуешь их психическую сеть?

– Да, но она какая-то несвязная, – признался Гатейн.

– Разорвана, – согласился Примус. – Они напуганы.

– Они ослаблены, – вмешался Комин. Он склонился над изуродованным трупом генокрада. – Взгляните на это. Эти раны не от нашего оружия, – он поместил два пальца в идеально ровную дыру, прожженную в боку существа. – И эта тоже, – часть спинного гребня была чем-то идеально ровно срезана. – Похоже на раны от лучевого оружия.

– Они бежали, – произнес один из Кос. Его идентификатор гласил, что его зовут Келтру. Обе ноги воина были заменены бионикой.

– С Фароса, – согласился Феликс и посмотрел вниз.

– Устройство все еще работает, – произнес Дэл. Он передал тетрарху набор собранных данных. – Я повсюду считываю всплески энергии. Что натворил Велизарий Коул?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Владыки горы Фарос

– Я проверил системы монастыря. Мы сможем восстановить атмосферу вот на этих трех уровнях, – произнес Дэл.

Феликс наблюдал, как технадесантник проводит пальцем по гололитическому изображению, спроецированному с комmlinka на предплечье Комина – полупрозрачная схема показывала все уровни крепости-монастыря. Центральная башня Императорского Дозора находилась у самой вершины горы, и ее основание глубокого уходило прямо в базальт, окружавший черный камень. Прилегающие строения, выстроенные вокруг нее, не достигали уровня башни в высоту, но разрослись в стороны и вниз по горным склонам. Сам Фарос на карте отсутствовал, и выглядел непросканированной областью, темной глыбой под крепостью.

– На этих уровнях находятся апотекарион и верхние оружейные, – сказал Фракиец. – Заполнение этих уровней пригодной для дыхания атмосферой будет целесообразно как для Кос, так и для Избранных.

Они находились в Дозорном – цилиндрическом центральном зале, который поднимался почти на половину высоты башни. Над обрывом нависали галереи с балюстрадами, а у каждой из основных колонн были установлены статуи космодесантников. Соединяя между собой лестничные площадки, по внутренней стороне здания вилась лестница. Несколько тяжело бронированных отсечных дверей, в настоящее время запечатанных, вели на лестницу, выходящую к Залу Основателей.

– Что насчет энергии? – спросил Феликс.

– Реактор вышел из строя и остыл, – ответил ему Коул. – Чтобы его вновь запустить, потребуется несколько дней и много топлива. Однако я зафиксировал источники энергии, отличные от энергии горы. С имперскими волновыми сигнатурами. Скорее всего, это аварийные генераторы ордена. Их будет не сложно привести в рабочее состояние и они смогут снабжать нас энергией в течении нескольких дней. При условии, что их полностью зарядили до падения монастыря.

– Тогда восстановление энергии и систем жизнеобеспечения являются второстепенными. В первую очередь, нам необходимо наладить связь с флотом и с Порт-Одессой, – сказал Феликс. – Основной задачей все так же остается отключение систем обороны.

– Я считаю, что будет достаточно ввести коды арсенала в основные системы, – произнес Себастион. Он провел пальцем по изображению вниз и указал на самое подножье башни, где под более чем сотней метров скальной породы скрывался ряд помещений. – Центр Оборонительного Стратегиума находится здесь, значительно ниже вершины.

– Система не приняла коды дистанционно, – задумчиво сказал Феликс.

– А что если ваши главные системы были захвачены горой, как та пушка на стене? – спросил Дэл.

– Тогда я уничтожу все видимые следы вторжения ксеносов, перезагружу когитаторы и уничтожу системы управления, – ответил Себастион. – Оставлю оружие нетронутым. В таком случае, оружие можно будет использовать дистанционно, если наши усилия ни к чему не приведут.

– Сколько на это понадобится времени? – спросил Феликс.

– Часа два, может меньше, – ответил Себастион. – Здесь слишком много бронированных дверей. Если и они не откликнутся на коды доступа ордена, то мне придется буквально прорезать себе путь.

– Мы с Тронком поможем тебе, – сказал Дэл. – Я сочту за честь увидеть вас за работой, Мастер кузни.

Тронк кивнул. Себастион же покачал головой.

– Те из нас, кто сведущ в тайнах Марса, должны разделить усилия, – произнес Мастер кузни. – Выполнять все поставленные задачи одновременно. Вы – технопопсушники. Пока я буду разбираться с оружием, вам необходимо восстановить системы жизнеобеспечения.

– Это самый эффективный план действий, – подтвердил Кво-87.

– Кво-87 и я займемся энергетическими установками, – добавил Коул.

– Хорошо, тогда мы с Тронком возьмем на себя задачу по восстановлению систем ЖО, как и предложил брат Себастион, – произнес Дэл.

– Брат Исо сопроводит тебя, Мастер кузни. Брат Алас пойдет с отрядом Дэла, – приказал Фракиец. – Если я буду знать, что вы будете защищены должным образом, то это согреет мне душу.

– Я тоже пойду с Себастионом, – неожиданно произнес Альфа Примус.

– Брата Исо будет достаточно, – возразил Мастер кузни.

– Тогда я буду сопровождать группу Дэла, – настаивал Примус.

– А кто же тогда будет присматривать за архимагосом? – спросил Фракиец.

– Сам архимагос и будет! – усмехнулся Коул. – Я вполне способен защитить себя сам, – с этими словами он поднял в воздух свое вооружение и демонстративно покрутил им. – Мне не требуется защита Примуса. Источники питания в изолированных помещениях. Мы с Кво будем в порядке. Наилучшим решением будет, если Примус пойдет с Дэлом. Помещение управления системами жизнеобеспечения находится в самом центре, и поэтому эта группа сможет быстрее всего отреагировать на призывы о помощи. Будет логично, если их группа будет самой многочисленной, и тогда Примус сможет быстро вмешаться, если что-то пойдет не так. Он самый одаренный из вас. Мы с Кво-87 не задержимся надолго. Как только мы восстановим подачу энергии, мы присоединимся к основной группе.

– Будьте бдительны, – неохотно согласился Феликс. – Ауспик-сканирование показывает, что в башне не осталось живых существ, но это не значит, что здесь нет организмов в состоянии спячки. Отключите оборонительные системы. Пусть эти пушки молчат. Комин с Кадмом будут охранять нижнюю лестницу, – продолжил он. – Гатейн пойдет со мной к вершине башни. Мы проверим мачту связи цитадели, и подготовим все к открытию канала связи с флотом. Янсар уже отправился в аптекарион и начал стабилизировать состояние брата Туллио.

– Мы с остальными моими людьми отправимся в арсенал, чтобы забрать реликвии ордена, – произнес Фракиец. – Также мы подготовимся к погребению наших павших братьев и геносемени в гробницах. В случае нападения противника мои воины в оружейных смогут выполнить роль второй группы быстрого реагирования.

– Ты уверен, что мне удастся преодолеть помехи Фароса с вершины башни? – спросил Феликс.

– Наша основная система связи очень мощна, – ответил Фракиец. – Вы с легкостью свяжетесь с флотом с этой высоты, даже в случае, если Фарос окончательно пробудится. – Фракиец посмотрел на Себастиона, ожидая подтверждения своих слов.

– Так и должно быть, – подтвердил Мастер кузни. – Но я могу ошибаться. С вмешательством такого характера мне сталкиваться не доводилось. Скорее всего у нас ограниченное окно времени. Гора набирает силу.

– Тогда я немедленно выступаю. Как только мы установим контакт, я прикажу нашему десантному кораблю сразу после отключения оборонительных систем крепости-монастыря прибыть на северную посадочную площадку, – сказал Феликс. – Дэл говорит, что она наиболее пригодна для высадки.

– И тогда начнется настоящая работа, – произнес Коул.

– Встречаемся на этом же месте через три часа, – сказал Феликс. – Установить таймеры.

В дюжине шлемов космодесантников запустились миниатюрные хронографы.

– Выступаем, – приказал Феликс.

***

Дэл наблюдал за Аласом с помощью авточувств своей брони. Воин из Кос Императора прикрывал его.

Они что-то скрывают. Феликс рассказал им о предупреждении Кадма.

Коридоры казались ухоженными, словно бы крепость-монастырь все еще функционировал. Но затем они прошли мимо останков одного из сервиторов, обслуживавшего это место. Иллюзия нормальности разрушилась, как только космодесантники увидели металлический остов, полностью очищенный от органики.

Тронк следовал за трубопроводами, проложенными под потолком. Они достигли ответвления, и группа остановилась в ожидании пока Тронк вытаскивал компактный ауспик, чтобы снять показания. Затем он махнул рукой в сторону левого коридора, давая остальным знак следовать за ним.

– Твой брат немногословен, – мягко сказал Альфа Примус.

Технодесантник усмехнулся.

– Тронк вообще не разговаривает.

Дэл ждал следующего вопроса Альфа Примуса. Можно сформировать представление о разуме человека, позволив своим фразам повиснуть в воздухе и увидев куда заведет собеседника любопытство. Все хотят знать, что ты скрываешь. По опыту Дэла, именно то, как задавали вопрос, позволяло заглянуть в мысли спрашивающего.

– Но почему? – наконец спросил подручный архимагоса.

– Потому что когда Тронк встретил примарха, он оказался потрясен до глубины души. Он путал слова, невнятно лепетал и, в итоге, выставил себя дураком. Тронк решил, что слишком сильно опозорил себя, как технодесантника. Он спустился в оружейную ордена и выжег себе язык плазменным резаком.

– Да ладно? – спросил Альфа Примус. Несмотря на напускное безразличие, ему не удалось скрыть свой интерес.

– Да, – ответил Дэл. – Все мы знаем, что достаточно дать обет молчания, но Тронк никогда не удовлетворялся полумерами. Думаю, ты прекрасно можешь представить, во что может превратить лицо человека плазменный резак. Он запросто мог убить себя.

Его следовало казнить, но капеллан ограничился епитимьей и оставил Тронка в живых. Одному Императору известно почему. Возможно, нам не стоит этому удивляться. Жиллиман оказывает сильное воздействие на людей. Первая встреча с ним на меня тоже оказала большое влияние, – его голос стал задумчивым. – Я слышал, что некоторые смертные кончали жизнь самоубийством после аудиенции с ним из-за того, что им уже никогда не испытать чего-то столь же значимого, – его голос вновь обрел свой обычный веселый тон. – Не могу себе представить, каково это – встретить сразу несколько примархов. Должно быть, целые залы людей сходили с ума.

Тронк казался размытым пятном в темноте, механическим призраком, удаляющимся во мрак. Кратковременные отблески редких огней на его броне лишь усиливали это впечатление.

Примус внимательно следил за ним взглядом.

– Ты мне врешь? – неожиданно спросил он.

– А как ты думаешь? – бесстрастно ответил вопросом на вопрос Дэл.

– Я могу заглянуть в твой разум.

– Но ты же не станешь вторгаться в разум своего союзника? – вкрадчиво спросил технодесантник.

Примус фыркнул.

– Если идеальный технодесантник в представлении Тронка – безмолвный и мрачный, то что он тогда думает о тебе?

– Примус прав, – неожиданно вмешался Алас, нарушив настороженное молчание. – Такая болтливость граничит с неприличием.

– Братья! Я не обижаюсь, – воскликнул Дэл, рассмеявшись. – Тронк тоже считает, что я слишком много болтаю. Но я отвечаю ему: только потому, что мы приближены к машинам не значит, что мы должны любить их больше, чем наших братьев или больше, чем других людей. Машины созданы людьми. Если ты понимаешь разум человека, ты сможешь верно понять и их дух. Как и у людей, у машинных духов есть свои причуды. Я люблю поговорить, потому что посредством диалога можно многому научиться. Брат Тронк не опровергает мои домыслы, так что полагаю, я прав.

– Космодесантники не должны болтать, – возразил Алас.

– Предлагаю не спорить и остаться каждый при своем мнении, – Дэл замедлил шаг и провел рукой по стене. Рокрит изменял свой цвет там, где новые материалы соединялись с гораздо более старым основанием. – Видишь эту стену? – Он постучал по породе, потемневшей от древних бурь. – Эта поверхность изначально была внешней. Первоначально башня была намного меньше.

– Наша история гласит, что ее воздвигли великие герои во времена Императора, – произнес Алас. – Это самая древняя часть нашей цитадели, и самая почитаемая. Она – сердце нашей крепости-монастыря. Говорят, что однажды ее посетил сам Император Человечества

– И что с того? – неожиданно спросил Альфа Примус. У Дэла сложилось мнение, что Альфа Примус слишком усердно старается не проявлять интереса.

– Неужели ты не испытываешь даже малейшего благоговения, Примус? – спросил технодесантник. – Здесь творилась история. Сам Жиллиман ходил по этим залам во время событий Ереси. Возможно, и другие примархи. А что уж говорить о самом Фаросе, о его возрасте... Только подумай о тайнах, что он скрывает. Горе миллионы лет. *Миллионы.*

– Это машина ксеносов. Опасная. Нечестивая.

– Ты служишь Коулу, – возразил Дэл. – Он так не считает.

Светлый силуэт Тронка свернул за угол и исчез в темноте.

– Я не служу. Я принадлежу ему, – ответил ему Альфа Примус. – Это не значит, что я должен разделять его видение.

– Да, Коул хорош, – произнес Дэл. – Он создал нас всех.

– Он спас мой орден, – подхватил Алас.

– Вы не знаете его так, как я. Он создал меня первым, – возразил Альфа Примус.

– Я уже давно рядом с ним. Он дал мне слишком много. Его планы оказались чересчур амбициозны. Из-за этого я страдаю.

– Как же так? – спросил Алас. – Ты могуществен. Если бы каждый космодесантник-примарис обладал подобной силой, то тогда...

– Я испытываю боль, – перебил его Примус. – Везде. Мои сны наполнены мраком. Моя душа скована идеалами другого человека. Я вижу и знаю больше, чем должен знать человек. Создавая меня, Коул старался повторить достижения Императора. Не получилось. Я плачу за его высокомерие каждую секунду своей жизни. Я говорю вам это потому, что вы должны знать, что возможности архимагоса доминуса не безграничны. Я – подтверждение и живое свидетельство того, что и он может зарваться.

Альфа Примус грубо протиснулся мимо Дэла. Его сила оказалась феноменальной, и он с легкостью впечатал технадесантника в стену.

Когда они вошли в коридор, по которому уже прошел Тронк, на потолке зажглись люмены. Доспех Дэла зафиксировал появление стабильного потока энергии, заструившегося по стенам башни. Тронк вышел из двери дальше по коридору и подозвал их к себе.

– Великий Коул, – воксировал Дэл. – Вечный любимец машинного духа.

Тронк, как обычно, промолчал.

– Вот именно, – воскликнул Алас. – Ваш друг нашел центр жизнеобеспечения.

– Не пора ли запустить свежего воздуха в эти залы? – предложил Дэл.

***

Себастион наткнулся на очередной пустой доспех. Он потратил несколько минут на то, чтобы собрать его воедино. Когда доспех был аккуратно сложен, Мастер кузни поместил наверх шлем и отметил в своем когитаторе местоположение останков специальным тэгом. Все это время Исо наблюдал за ним.

– Брат Сидон, – печально произнес Себастион. – Кто теперь произнесет литанию павших над ним? Сейчас в рядах Кос Императора вновь появились капелланы, хорошие люди, с духом крепким, как боевой доспех. И хоть они и могут произносить правильные речи и чувствовать печаль, когда отправляют брата на покой, но их не было здесь, когда Сота пала. Они никогда не смогут понять, как сильно мы страдаем.

– Нам нужно двигаться дальше, – спокойно произнес Исо.

– Мы тратим время с пользой, – ответил Себастион. – Это реликвии нашего ордена и относиться к ним требуется соответственно. На стыке эпох нам не следует забывать кем мы были.

– Нас осталось мало.

– Но мы живы.

Себастион активировал метку и двинулся дальше. Встроенные в его боевой доспех фонари освещали воронки от разорвавшихся болтов на стенах. С кем бы здесь ни сражался брат Сидон, в самом сердце дома Кос Императора, от них не осталось ни следа. Таких поврежденных участков оказалось много. Битвы, которые никогда не будут записаны – битвы, где сражались воины, оставленные умирать в одиночестве.

Они подошли к лестнице, уходящей вглубь горы. Дорога, по которой они шли, вела вниз, в наиболее защищенные и изолированные части крепости-монастыря. Они были погружены во мрак. Фонари, установленные на доспехах космодесантников, являлись единственными источниками света. Четкие круги яркого белого света скользнули по фреске, которая украшала стену на всем протяжении лестницы. Она была очень древней – краска выцвела, а во многих местах изображение и вовсе отсутствовало – вместо него проглядывала голая штукатурка. Помимо множества батальных сцен на фреске были и длинные фрагменты, изображающие работающих вместе людей и космодесантников. Они расчищали быстрорастущие деревья, которые покрывали планету. Союзники выполняли эту работу постоянно, в труднодоступных местах даже приходилось работать вручную.

– Вот кем мы были, – произнес Себастион. – Владыками горы Фарос. Мы всегда были рядом. Как и положено космическому десанту, мы являлись защитниками слабых, щитом Империи.

– Орден будет помнить, – подтвердил Исо.

– Так и будет, – сказал Себастьян. – Все сохранится в пыльных томах и кристаллах данных. Орден будет помнить свою историю. Но это будет лишь история, Исо. Коллекция преданий и традиций, сохраненных и почитаемых. Слова, которые нужно произносить. Дела, которые нужно совершать. Только история. Чтобы что-то значить, традиция должна жить и ее нужно переживать постоянно. Я помню те времена, когда я отправился на Марс, чтобы обучаться под руководством Ауксилия Технологика Астартес. Тогда я узнал, как сильно техножрецы почитают знания. Однако я понимаю, что знание без опыта ничего не значит. Оно лишь украшает твой интеллект, и пользы в нем в данном случае меньше, чем, скажем, в пистолете. Знание – это тоже оружие, но только если оно не остается на бумаге. То же самое и с традициями. Даже если орден вновь вернется на эту гору и вновь займет эти залы, мир, который помнит эти образы, исчезнет навсегда. Космодесантники-примарис никогда не будут работать плечом к плечу с простым народом. Они не станут тренироваться в дикой местности, населенной фантинами. Они никогда не научатся любить дикость и жизнь этого мира во всем ее многообразии, как это делали мы, независимо от нашего происхождения. Наш народ пожрала. Леса исчезли.

– Фракиец верит, что Коул сможет его восстановить, – произнес Исо. Он повернул массивные плечи терминаторского доспеха, чтобы осветить стилизованное изображение горы Фарос. Вокруг ее основания был изображен Сотополис. Крепость ордена возвышалась над всем, доминировала. Она символизировала саму жизнь, была гарантом безопасности планеты.

– Коул сможет воссоздать копию. Прошлое не вернуть.

Каменная лестница сменилась железной, а облицовка стен сменилась на рельефную пласталь. В этом месте тоннели Императорского Дозора оставляли гору позади и уходили вниз, в неизведанную пустоту. Пункт управления оружием

батареями и системы контроля пустотных щитов находились в самом безопасном месте внутри пещеры.

– Я помню радость того дня, когда отряд примарисов присоединился к нам. Мы чувствовали, что наш орден спасен, что мы все спасены. Косы Императора уцелеют и станут чем то новым. Старые времена минули, Исо. И наша задача не в том, чтобы вернуть их, а в том, чтобы упокоить. У нас есть одна последняя миссия, которую необходимо выполнить. Мы должны найти источник зла, которое поглотило нас, и уничтожить его. Мы обязаны восстановить нашу честь.

– Думаешь у Фракийца получится? Его переполняет чувство стыда и гнева.

– Ты хочешь сказать, что это может затуманивать его мысли?

– Нет, Мастер кузни.

– И тебе не должно так казаться. Нет, ярость наоборот придает ему сил, – произнес Себастион. – Он взглянет в глаза нашему врагу, и тот не устоит.

– Тогда нам стоит поторопиться. Скоро нас останется слишком мало, чтобы стать свидетелями успешного завершения миссии.

Первая из нескольких тяжелых бронированных отсечных дверей преградила им путь. Когда она не открылась, Себастион отошел в сторону и принялся разрезать обшивку из пластали.

– Мы справимся, брат, хотя это и убьет всех нас, – отсветы плазменного резака играли на изгибах его шлема. – Когда мы, наконец, выполним финальную миссию Кос Императора, последние из нас смогут исчезнуть, оставив будущее другим. Помолимся же, чтобы наш позор так и остался незамеченным.

***

Фонарь Янсара, предназначенный создавать достаточное освещение при проведении полевых операций в условиях ведения боевых действий, очень хорошо освещал безжизненный апотекарион. Единственный пациент апотекария лежал на диагностической плите автохирурга, чьи тонкие конечности были поджаты, как у мертвого насекомого. Янсар еще не проверял, работает ли механизм. Хоть он и провел краткую диагностику машины собственными средствами, и на вид механизм казался целым, апотекарий не мог быть уверен, что его хранилища данных и программное обеспечение не пострадали. Техножрецом он не был, чтобы сказать наверняка. Вид остальных частей апотекариона также не внушал доверия и Янсар уже принял решение проводить операцию самостоятельно. Это место оказалось основательно разрушено захватчиками. Он слышал, что тираниды часто так делали.

– Столовые и медпункты... – пробормотал он себе под нос. Источники органики для захватчиков. Легкая добыча. В апотекарионах космического десанта содержалось большее количество генетического материала.

Туллио был в тяжелом состоянии. Когти генокрадов были острее скальпелей, а удары наносились с ужасающей силой. Они рассекали керамику, словно бумагу. Нагрудник Туллио превратился в месиво из осколков. Когти проникли глубоко. Если броня воина не остановила когти, то что уж говорить о том, что стало с его костями. Сканирование показало обширную травму тканей под сломанной грудной клеткой, но настоящая проблема заключалась в том, что пока системы жизнеобеспечения не заработают и не появится атмосфера, Янсар ничего не мог сделать. Пеннообразные

герметики, выделяемые клеточной субструктурой поврежденной брони, склеили раздробленные кости, разорванную плоть и керамит в кошмарное герметичное месиво. В данном случае, гениальная конструкция доспеха сработала против аптекаря.

Вокс-передатчик Янсара пискнул.

– Тетрарх, – отозвался он.

– *Янсар. Как там пациент?*

– Стабилен. Я пока мало что могу сделать. Объект сильно ранен, но я не смогу начать лечение, пока не сниму броню. Сейчас я дал ему обезболивающее. Так же я ввел ему лекарства, чтобы предотвратить активацию мукраноида и Велизарианской печи. Если он впадет в исцеляющую кому с кусками брони, застрявшими в грудной клетке, это его убьет. Мне нужна атмосфера.

– *Принято. Постарайся поставить его на ноги, если сможешь. Я добрался до коммуникационного блока и ожидаю восстановления питания.*

– С флотом связаться еще не удалось?

– *Нет. Система связи повреждена, а помехи от горы очень сильны. Без значительного усиления сигнала флот меня не услышит. Если Коул выполнит свою задачу, все будет хорошо. Если же нам не удастся восстановить энергоснабжение, я прикажу Иксену спуститься с горы и выйти из зоны помех, пока Гатейн будет пытаться установить психический контакт. Держи меня в курсе о состоянии Туллио.*

– Есть, милорд. Прежде чем мы закончим, я должен кое о чем доложить.

– *Слушаю.*

– Когда я принес Туллио сюда, я быстро обследовал помещения аптекариона.

– *Ты что-то нашел?*

– Когда я добрался до их хранилища геносемени, то обнаружил, что некоторые контейнеры удалены. Но не все. Те, что остались, оказались вскрыты, а материал в них был сожран врагом. Вопрос вот в чем, если у Кос было достаточно времени чтобы забрать хотя бы один контейнер с геносеменем, почему они не забрали их все? Почему они оставили некоторые из них здесь?

– *Янсар, я очень надеюсь, что скоро мы получим ответ на этот вопрос. Феликс, отбой.*

***

Феликс закрыл канал связи.

Он находился на самой высокой точке Императорского Дозора. Из главного здания вверх устремлялась башня. Конструкция была хлипкой и не слишком подходила для обороны, но являлась отличным местом для коммуникационной мачты. Антенна, собранная из стержней и резонирующих катушек, была достаточно высокой, чтобы передавать сигнал через холмистую местность вокруг и невысокие горные кряжи. Основные излучатели оказались уничтожены, разрезаны напополам биоплазмой. Из-за этого верхняя часть свободно болталась на перекрученных кабелях, которые Феликсу в итоге пришлось отрезать. Но, слава Императору, достаточное количество меньших антенн остались нетронутыми.

Тетрарх опустил на колени у основания башни. От открытой панели на его предплечье змеились провода, которые Феликс подключил к основному передатчику. После разговора с Янсаром, тетрарх связался с остальными группами внутри крепости-

монастыря. Дэл. Иксен и Остен. Затем Комин и Кадм. После Фракиец, и в напоследок – Коул.

– Вы починили ее, милорд, – произнес Гатейн, протиснувшись в люк после патрулирования верхних помещений башни.

– Да, – ответил Феликс. – Коул послал автоответ, Фракиец ответил мне самым небрежным образом, а Себастион просто щелкнул воксом. Не могу сказать, что мы демонстрируем образцовое имперское взаимодействие, но возможность поддерживать связь у нас теперь есть.

Гатейн кивнул. Его шлем, вкуче с психическим капюшоном, выглядел громоздко. Но кроме этого, он выглядел весьма внушительно, вызывая беспокойство у других, отличное по своей природе от того, что вызывал обычный космодесантник. Феликс, изучая свою реакцию на способности Гатейна, часто задавался вопросом, не испытывает ли он отголоски того же беспокойства, которые ощущают смертные, когда сталкиваются с ним самим. Библиарий вызывал недоверие и благоговение даже среди прочих Адептус Астартеc.

– Если мы сможем связаться с флотом, то окажемся в более выгодном положении.

– Связаться с кораблями не составит труда, – произнес Феликс. – Если Коул сможет обеспечить нас достаточным количеством энергии, чтобы усилить сигнал и перекрыть помехи Фароса. Мы выясним это через несколько минут.

– Я подготовлюсь установить психическую связь, если мы потерпим неудачу.

– Правильно, – кивнул Феликс. – Хотя я бы предпочел, чтобы ты поберег свои силы. Мы не знаем, чем ещё может удивить эта гора.

– Если я выбьюсь из сил, у вас останется Альфа Примус. Он настоящий талант.

– Он очень могуществен, – согласился Феликс.

– Гораздо сильнее меня, – продолжил Гатейн. – Я попытался заглянуть в его сознание, но он остановил меня. Не стал бы я ссориться с Коулом, мало ли как может отреагировать Примус. Что же он за существо?

– Он химера, – ответил Феликс, делая последние поправки. – Он хорошо известен в определенных кругах. Примарх знает о нем, я знаю. «Позор», вот подходящее для него слово.

– Из-за его поступков или природы?

Феликс ответил не сразу. Но в конце концов оторвался от панели связи и посмотрел на библиария.

– Я расскажу тебе, что о нем думает Робаут Жиллиман, а ты уже сам сделаешь выводы. Это информация имеет высший уровень секретности, но ты, как член моей охраны, должен знать о возможных угрозах. Никогда не говори о том, что я сейчас скажу.

– Значит, вы считаете его угрозой. Это правильно, – кивнул Гатейн. – Такой дар делает из него не самого надежного союзника. Даю вам слово, что я никому не поведаю о нашем разговоре.

– Примус был одним из первых, – начал Феликс – Коул утверждает, что вообще самым первым, но я подозреваю, что существовали и другие, а он просто первый успешный образец примариса. У лорда Жиллимана было устройство под названием Сангпримус Портем. Ты знаешь, что это такое?

– Нет, милорд.

– Это вместилище всей сохранившейся информации, относящейся к сотворению лорда Жиллимана и его братьев. Величайший труд Императора. Мне сказали, что информация там не полная, иначе вряд ли Жиллиман отдал бы это устройство кому-нибудь, не говоря уже о Велизарие Коуле. Ему было поручено использовать эту информацию для создания нового вида космодесантников, что, в принципе, он и сделал. Но Коул склонен увлекаться. Его честолюбие и амбиции непомерны. Например, ему было категорически запрещено использовать при создании новых воинов генофонд павших примархов...

– Он экспериментировал с этими образцами? – изумленно воскликнул Гатейн.

– Коул считает, что Император – это Омниссия. Он поклоняется Ему. Также он верит, что восемнадцать генеалогических линий являются частью священного плана. И чтобы план функционировал должным образом, нужно использовать все его компоненты. Лорд Жиллиман с этим не согласен.

– Примус – одна из этих мерзостей?

– Не совсем. Лорд Жиллиман считает, что Альфа Примус – нечто большее, чем просто прототип. Он – личный проект Коула, и у него есть определенные способности, которых нет ни у кого другого. Его экстрасенсорные способности это только малая их часть.

– Коул пытался повторить работу Императора?

– Я не сомневаюсь, что лорд Жиллиман убил бы Коула, если бы тот зашел так далеко. Примус – космодесантник. Возможно, не такой как мы, но, тем не менее, он верный слуга Императора и Адептус Астартес. Он не примарх. Даже Коул не осмелился бы вытворить что-то настолько дерзкое. И все же, он злоупотребил доверием лорда Жиллимана. Наш генетический отец не одобряет создание Примуса. Но возразить он не мог. Пока Коул работал, Жиллиман находился при смерти. Никто не знал о существовании Примуса, пока однажды он не появился рядом с Коулом. Ты же не участвовал в Иксианской кампании?

– Я не такой, как вы, милорд. Вы родились, когда Император был молод. А я – в этом веке. Я всего лишь немного поучаствовал в Неодолимом Крестовом походе. Но мало кто не слышал об Иксианской кампании.

– Примус тогда появился в первый раз, но когда я с ним столкнулся, то был уверен, что где-то встречал его раньше. Только приложив больше усилий, мне удалось вспомнить, что я иногда видел его на борту «Зар Квезитора», когда меня модифицировали. И если мои воспоминания верны, то Примус такой же древний, как и я. Более того, его активировали гораздо раньше, чем меня.

– Я запомню это и буду осторожен, – произнес Гатейн.

– Брат, любой человек, обладающий столь могучими способностями, представляет угрозу. Если история и научила нас чему-то, так это тому, что зачастую опасность исходит изнутри, а не снаружи.

Гатейн остановился у парапета и посмотрел вниз, на территорию Императорского Дозора, на многоуровневые дворы монастыря, на Сотополис и пересохший океан.

– Должно быть, раньше это был поистине прекрасный мир.

– Судя по всему, так оно и было, – подтвердил Феликс.

– Вы верите, что Коул сможет его восстановить?

– Кто знает, на что способен архимагос? Он весьма скрытен.

– Те, кто скрывает свои способности и намерения, представляют угрозу, – произнес Гатейн.

– Он опасен, никаких сомнений, – подтвердил Феликс.

В ушах Феликса затрещало вокс.

– *Мой господин, – сказал Дэл. – Коул активировал резервные генераторы. У нас достаточно энергии, по крайней мере на ближайшие двенадцать часов. Тронк близок к тому, чтобы запустить систему жизнеобеспечения. Пока он этим занимается, я собираюсь немного осветить монастырь.*

По всей крепости вспыхнули люмены, осветившие башню сверху донизу. На стенах цитадели загорелись источники света, озаряя окрестности спокойным светом. Имперские механизмы работали стабильно и ровно, в противовес дикой пульсации артефакта ксеносов.

– Насколько же уверены в своей силе тираниды, что не стали после захвата разрушать наши крепости, – задумчиво сказал Гатейн. – Это место может простоять еще миллионы лет.

– У всех есть слабости. Гордыня свойственна многим видам, даже самым чуждым, – ответил Феликс. – Помоги мне, брат. Мы должны настроить передатчик. Пришло время связаться с нашими кораблями.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Опрометчивое решение

Себастион и Исо спустились еще ниже. По пути им ещё несколько раз попадались заклинившие двери и каждую из них приходилось вскрывать, на что уходило время. То, что изначально казалось минутной прогулкой, растянулось на час, а потом и еще на дольше. Наконец, они добрались до самого низа.

За последней дверью находилась круглая комната. Несколько тяжело бронированных дверей вели в другие помещения стратегического назначения. Повсюду лежали тела, сохраненные вакуумом, и на всех них виднелись следы насильственной смерти. Их убили лазганами и болтерами, а не когтями и кислотой. Слуги ордена лежали среди воинов, облаченных в униформу сил планетарной обороны Соты.

– Предательство, – произнес Себастион. – Население планеты восстало против нас. – Он толкнул замерзшие остатки трехрукого чудовища. – Нет более подлого вида...

– Эти двери все еще запечатаны, – сказал Исо. – Нет никаких признаков присутствия врага.

– Вот то место, где пал наш орден – не на стенах, а здесь, – сказал Себастион, подойдя к одной из дверей и положив руку на металл.

Через несколько минут работы Себастион подключил дверные механизмы к своему силовому блоку и разблокировал двери шифровальными кодами ордена.

– Открыть, – приказал Себастион машинному духу двери.

В тот же миг, как створки отворились, изнутри вырвался порыв затхлого воздуха. Космодесантники прошли по коридору, охраняемому спящими пушками. Это место осталось нетронутым. Рой тиранидов так и не добрался до этой части монастыря.

Затем, Себастион и Исо прошли через следующую дверь, ведущую в центр управления батареями орудий и стали свидетелями результатов предательства. Хотя рой и удалось сдержать снаружи, оскверненным воинам Соты удалось проникнуть внутрь.

– Марионетки ксеносов пробились из пещер, разрушив стену, – произнес Себастион. Он указал на квадратную прорезь от мелта-резака в стене комнаты. – Вот так мы и пали. И только одному Императору известно, как им удалось пройти через гору.

Он шагнул вперед, на поле брани, сохраненное безвоздушным пространством. Многие из трупов были слугами ордена, их униформа выцвела от пролитой крови и покрылась инеем. Гораздо больше тел были облачены в униформу сил обороны Соторана. Среди трупов попадались и уродливые мутировавшие существа.

– Извращенная помесь человека и ксеноса, – выругался Себастион.

В центре комнаты над командным пунктом склонилась одинокая сверхчеловеческая фигура. В его затылке виднелась рана от лазгана. Выстрел был нанесен точно в то место, попадание в которое наверняка убило бы космодесантника. Рядом с раскрытой ладонью воина, на консоли, лежал опустевший болт-пистолет. Увидев его, Себастион остановился.

– Брат Бальтазар, – произнес он. – Командующий батареями. Исо, взгляни же на героя Империиума. Его тело сильно пострадало в одном из боев. И все же он продолжил свою службу. Я сам создал всю его аугметику. У Бальтазара не было ни ног, ни рук, а его позвоночник сломали. Он мог бы принять милость Императора. Мог бы попросить заключить себя в дредноут, но всему этому он предпочел уединиться здесь, где смог бы продолжать свою службу. Бальтазар всегда любил пушки покрупнее. – Себастион оглядел трупы в комнате. Все они умерли насильственной смертью. Несколько фигур, от которых остались лишь скелеты, держали друг друга за горло и лежали неподалеку от командующего батарееми.

– Триста лет верной службы. – горько прошептал Себастион. – И предательство в награду. Они отключили орудия и пустотные щиты. Мы считали, что находимся в безопасности. Как же мы ошибались...

На несколько мгновений Себастион замер, молчаливо обводя комнату взглядом, словно святыню. Затем приводы его брони неожиданно зарычали, и воин пришел в движение. Его серво-руки поднимали трупы и отбрасывали их в стороны. Замерзшие конечности отрывались от тел, а по полу покатались черепа, покрытые масками потрескавшейся застывшей кожи.

– Исо, помоги мне. Убери отсюда мертвых. Мне нужно получить доступ к панелям управления.

Гудение от восстановившейся подачи энергии застало их за этой работой. Под трупами, приклеившимися к поверхности кровью и льдом, начали загораться дисплеи.

– Архимагос выполнил свою часть работы, – произнес Себастион. – Пора и нам выполнить свою, – он подошел к столу и сдул замерзшую кровь из главного входного порта струей горячего сжатого воздуха. Из его рюкзака вытянулся мехадендрит, и из его вращающегося конца появился информационный шип, скользнувший в информационный порт.

– Любопытно, – проговорил Себастион. – Я не получаю никакого ответа от сети передачи данных крепости-монастыря.

– Мастер кузни, – позвал Исо. – Может причина в этом?

Себастион посмотрел туда, куда указывал Исо. Пока он поворачивался, его мехадендрит извлекся из порта, и втянулся обратно.

Недалеко от того места, откуда прорвались рабы ксеносов, зиял еще один пролом – от серебристого металлического копья, которое расщеплялось на мелкие нити, уходящие вглубь корпусов аппаратуры. Невидимые во тьме, теперь они зловеще поблескивали в свете загоревшихся люменов.

– Ксенонити управления, такие же, как и на парапетах. Очередное богохульство.

Себастион подошел ближе. Сканирующие лучи из его инструметра прошли по проводникам чужаков.

– Клянусь Марсом, они повсюду, – он подошел еще ближе к основанию серебристого металла. – Я не осмелюсь разорвать это. – Он прошел вдоль раскинувшихся нитей, проследив за одной из них.

– Вот она матрица защитного лазера, – произнес Себастион, протягивая руку к квадратному корпусу когитатора.

Из его спины появилась рука с разгорающимся плазменным резаком.

– Да простит меня дух этого механизма за то, что мне придется сделать, – произнес он нараспев. – Это будет не самый изящный ремонт, – обратился Себастион к Исо. –

Если я разорву эти нити, нам удастся разорвать связь ксеносов с главной батареей. И как только она будет уничтожена, мы дистанционно отключим орудия, и флот сможет приблизиться. У нас нет никакой возможности сохранить батареи, не навредив при этом нашим собственным кораблям, – он провел рукой над серебристым металлом, не осмеливаясь прикоснуться. – Повреждение ксенокабелей наверняка вызовет ответную реакцию от горы. Ты должен присматривать за мной. Не верь тому, что увидишь.

Себастион открыл общий вокс-канал.

– Братья, архимагос. Я добрался до командного пункта батарей и собираюсь начать отсечение нитей ксеносов. За этим последует разрушение систем орбитальной обороны. Приготовьтесь.

Он поднес плазменный резак к металлу.

Гора задрожала еще до того, как пламя коснулось серебристого вещества. Исо поднял свой штурмовой болтер и привел его в боевую готовность.

***

Феликс прервал связь с флотом.

– Дело сделано, – сказал он. – Транспортники готовы к прибытию. Флот готов к эвакуации. Мы можем идти внутрь.

Он и Гатейн зашли в башню и по металлическим ступеням начали спуск на верхний уровень цитадели.

– Эпистолярый, я бы хотел, чтобы ты еще раз просканировал гору с помощью своих сил, – обратился к Гатейну Феликс, когда они прошли уже полпути. – Я хочу знать, влияет ли наша повышенная активность на психическую проницаемость го... Что за?..

Он остановился на небольшой площадке. Гатейна нигде не было. Он не мог никуда деться. Внутри башня была полым кругом, без дополнительных помещений. Ведущая на крышу лестница тянулась вдоль стен бледно-красной змеей. Кабельные линии аккуратно шли по древнему рокриту, сходясь к соединительной коробке, украшенной стилизованным стальным черепом без челюсти. Если не считать этих незначительных деталей, помещение казалось совершенно безликим. Был только один вход и один выход. Гатейн исчез.

– Гатейн! – Феликс активировал свое оружие, послав мысленный сигнал. В тишине начало потрескивать силовое поле.

Тетрарх снова поднялся по лестнице к бронированному люку, ведущему на крышу. Он был плотно закрыт. Феликс ударил в него плечом, отчего тот заскрипел, но не сдвинулся с места.

– Гатейн! – закричал он в вокс.

Ответом ему был треск помех.

– Децим!

Мягкий голос окликнул его снизу. Он не мог звучать в вакууме, но Феликс все равно его слышал. Дверь в главный зал башни закрывалась. Феликс уловил какое-то движение, прежде чем она полностью захлопнулась.

– Гатейн? Гатейн, обнаружен контакт, я следую за ним на верхний уровень башни. Если можешь, следуй за мной.

Он спустился по лестнице и осторожно вышел, держа наготове перчатку со штурмовым болтером. Перед ним был еще один короткий лестничный пролет, который вел в зал в центре башни. На этом уровне располагалось несколько комнат, и все они пустовали. Феликс мало что знал о культуре и традициях Кос, но помещения выглядели словно изоляторы или отсеки для медитаций. Все они запирались только снаружи, каждый из них был оборудован простой койкой и краном с водой.

Феликс обыскал их одну за одной, и все они оказались пусты. Камеры, должно быть, во время вторжения пустовали, потому как следы каких либо боевых повреждений отсутствовали. Башня атаке не подверглась – тираниды всегда шли туда, где была настоящая добыча.

Тем не менее, Феликс оставался настороже. Он толкал двери своим силовым кулаком, и машинный дух его сдвоенных пушек был готов выстрелить в любой момент.

В башню начала поступать атмосферная смесь. Шипение становилось громче по мере того, как повышалась ее концентрация.

Феликс успел проверить пять камер, прежде чем услышал звонкий перелив смеха в конце коридора. Он выскочил из камеры, в которой находился, по инерции сильно ударившись о стену своей громоздкой броней. Дверь в последнюю камеру закрывалась. Он снова уловил какое-то движение.

– Подожди! – крикнул Феликс.

Дверь захлопнулась. Теперь он отчетливо это услышал. Звуки заполняли башню вместе с воздухом.

Феликс побежал по коридору. Дверь оказалась запертой и не поддавалась. Она была закрыта на простой скользящий засов, достаточно прочный, чтобы удержать космодесантника. Но как бы сильно Феликс не дергал его, он не поддавался. Ему нестерпимо захотелось попасть в комнату.

– Фракиец, Коул, Комин, отвечайте!

Вокс зашипел ему в ухо.

– Гатейн! – крикнул он. Его усиленный голос пронзил тишину. Казалось, башня сжималась вокруг него.

– Децим?

Мягкий голос донесся с другой стороны двери, и он узнал его.

– Нон?

– Ну же, Децим!

– Нон! – закричал Феликс. У него закружилась голова. Он не мог сосредоточиться, мысли путались.

Нон был мертв.

С момента его смерти прошло достаточно времени, чтобы родилась и умерла целая империя. Феликс знал это. Почему же тогда он, закричав, ударил кулаком по засову?

Дверь сорвало с петель, и она с лязгом ударилась о стену. Феликс нырнул внутрь. По лицу Децима хлестанули влажные листья папоротника.

– Децим!

Он бежал босиком. Он чувствовал как проминается дерн под ступнями.

– Децим, найди меня!

– Нон! – выкрикнул Феликс.

Он выбежал на знакомую поляну. Нон стоял в траве на коленях, перед ним лежали разложенные игрушки.

– Нон, – прошептал Феликс.

Он оторвался от своих игрушек.

– Ты пришел! Я так рад. Я скучаю по тебе. Пойдем, поиграем.

Феликс изумленно поднял руки. Они были простыми, неулучшенными. Более того, это были руки мальчика. Децим подошел к брату. Он был в том возрасте, когда Феликса забрали. В тот день, тысячелетия назад, он должен был отправиться в крепость Геры, но его сняли с транспорта за несколько мгновений до запуска.

– Это воспоминание?

Нон покачал головой.

Феликс осторожно двинулся вперед, рассматривая все с пронизательностью космодесантника. То, как он себя вел будучи в теле маленького мальчика, должно быть выглядело смешно, потому что его брат рассмеялся.

– Все именно такое, как я помню. Лесной купол парка Пембрия. Дендрарий, – он посмотрел сквозь заросли деревьев. Высоко над ним в солнечном свете поблескивали кристаллы агрокупола. Лафис был слишком сухой и жаркой планетой, чтобы на нем росли естественные леса. Было много лугов и степей. Леса были только в парках. – Я все это помню.

Он взял в руки маленькую игрушку – серийно выпускаемый космический корабль с символом XIII легиона. – Она была моей. Мне так хотелось присоединиться к ним.

Нон улыбнулся. Он был на три года моложе Феликса и смотрел на него так, словно Децим являлся центром его вселенной. Будущий тетрарх ощутил укол боли в своем единственном сердце.

– Я знаю.

Нон похлопал брата по колену и взял игрушку из его рук.

– А куда ты пропал? Ты должен был лететь на Макрагг, но ты исчез.

Феликс издал звук – нечто среднее между смехом и всхлипом.

– Куда я пропал? Это была не моя вина. Мне так жаль...

– Мы, конечно, не ожидали увидеть тебя снова, но нам даже не удалось узнать, что с тобой случилось. Мы никогда не получали новостей, как другие. Когда мы узнали, что ты пропал, нам было так грустно. Мама плакала каждый день в течении многих лет. Отец перестал улыбаться. Люди говорили о тебе. Они думали, что ты сделал что-то не так. Некоторые так и говорили маме, и от этого она плакала еще сильнее. Я старался развеселить ее изо всех сил, но она постоянно плакала, а отец никогда не улыбался. Я скучал по тебе. Мы так и не узнали, что с тобой случилось. Отец никогда не сдавался. Никогда. Он писал петиции к силовикам, к арбитрам, а когда это не помогло, самим Ультрамаринам. Он попал в беду. Пришел арбитр, и отчитал его. Но он никогда не сдавался. Ему было так грустно. Как и мне, до самой моей смерти.

– У тебя была хорошая жизнь? – спросил Феликс, страшась ответа.

– Да.

– Мне жаль, что меня не было рядом, чтобы разделить ее с тобой.

– Все в порядке. Теперь ты здесь, – Нон улыбнулся ему. – Девятый и десятый снова вместе.

– Она хотела иметь десять детей, – Феликс взъерошил брату волосы.

– А он всего двух.

– И она начала обратный отсчет.

Они засмеялись над своими именами³[1].

– Знаешь, отец сдался в конце-концов, – произнес Нон. – У нее появилось еще четверо детей, мои братья и сестры. Но тебя мы не забывали никогда, моего самого большого и лучшего брата.

Он улыбнулся Феликсу так, что у того защемило сердце.

– Мне очень жаль, – прошептал он.

– Ну вот, теперь ты здесь. Эй! – воскликнул Нон, внезапно повеселев и указывая вверх. – Давай залезем на большое дерево.

– На какое? – спросил Феликс. Все деревья в дендрарии были большими. Огромные Макраггские дубы и серебряные сосны.

– На самое высокое! – воскликнул Нон.

***

Сквозь вентиляционные отверстия в аптекарион с шипением проникал газ. Восстановление атмосферы до приемлемого уровня заняло всего несколько минут. Янсар принялся за Туллио, как только появилась такая возможность.

Из аптекариона Кос он взял все, что смог. В залах царил полный бардак, но Янсар смог собрать более универсальный набор инструментов для проведения необходимых процедур, чем встроенное в его боевое снаряжение оборудование. Пока Янсар ждал восстановления атмосферы, он активировал медицинские установки аптекариона, включая очистительные и стерилизационные шкафы, которые аптекарий использовал для обеззараживания инструментов. Как только давление стабилизировалось, Янсар принялся разрезать силовой пилой броню брата Туллио. Темная керамитовая крошка собиралась и отсасывались вакуумным насосом, соединенным с пилой специальной трубкой. Когда Янсар разрезал пластину, он достал баллончик с растворителем и облил ту область, где затвердевшие гели склеили разбитую броню воедино.

Все это заняло несколько минут. Пока Янсар ждал, он снял шлем. Ретинальные дисплеи облегчали некоторые процедуры, но аптекарий предпочитал видеть свою работу невооруженным глазом. И потом, снятие шлема давало возможность наклонять и поворачивать голову сильнее, что было важным в столь сложной операции, как эта.

Янсар проверил информацию на экранах машины, которую он до этого подключил к медицинским портам в броне Туллио. Прибор постоянно брал пробы крови космодесантника. Янсар с особой внимательностью отслеживал уровень псевдогормонов, которые управляли помещенной в грудную полость Туллио Велизарианской печью. Он нахмурился, увидев данные, и скорректировал количество контрпрепаратов, которые вкачивала в тело космодесантника машина.

– Еще рано, – прошептал он себе под нос. – Давай-ка сначала здесь хорошенько осмотримся.

Янсар отстегнул силовую установку Туллио, чтобы уложить его на медицинский стол. Питание его доспеха обеспечивалось аккумулятором большой емкости, расположенным под столом. Теперь аптекарий снял с Туллио и шлем.

---

³ Decimus – Десятый, Nonus – Девятый (прим. редактора).

Космодесантник находился в бессознательном состоянии, и его голова безвольно болталась. Янсар осторожно уложил ее на воротниковое кольцо его доспеха.

Затем он занялся болтами, которые скрепляли боевое снаряжение Туллио. Он выбрал подходящую головку для своего шуруповерта, установленного в перчатке. Ранивший Туллио удар был достаточно резким, чтобы разорвать нагрудник, но недостаточно сильным, чтобы его покорежить. Все болты, кроме одного, вышли как положено. Последний оказался согнут. Янсар недовольно цокнул. Он отложил шуруповерт и взялся за силовую пилу. Резать крепления было весьма трудно, и аптекарий почувствовал себя в большей мере технадесантником.

К тому времени, когда Янсар покончил с болтами, растворитель уже достаточно размягчил герметик. Поверхностное сканирование показало, что свернувшаяся кровь Туллио смешалась с пеной, которая склеивала искореженный нагрудник, нижнюю часть брони и наплечник.

– Я постараюсь быть аккуратным, брат, – произнес Янсар. – Но будет очень больно.

Он снял нагрудник. Поддоспешник был сильно деформирован и оторвался вместе с нагрудной пластиной. Большая часть тела Туллио оказалась открытой, обнажились многочисленные раны.

Потекла темная кровь.

Янсар нахмурился. Раны оказались тяжелее, чем он думал. Глаза Туллио заслезились, а голова перекатилась на бок.

– Спокойно, брат, – Янсар быстро срезал с тела остатки подкладки. Установленный на кибернетической руке аптекария хирургический лазер испарил остатки пластика в ранах. Кровотечение замедлилось. Клетки ларрамана ускорили скорость сворачивания.

Янсар выдвинул набор линз из защитного воротника своего доспеха. Они разделились, и одна из них опустилась перед его правым глазом, увеличив травмированное место и выделив зеленым цветом остатки керамики и пластика. Янсар достал их пинцетом и вытащил последние обрывки поддоспешника. Затем он снял с Туллио броню на животе, также удалив части подклада.

Туллио лежал обнаженный от шеи и до пояса. Рана была полностью открыта – две длинные борозды, которые шли по диагонали вниз, слева направо.

Порезы начинались всего в нескольких миллиметрах от пульсирующих на шее Туллио артерий, и пересекали область его основного сердца. Кости грудной клетки белели под разорванными лоскутами плоти. И более того, они были сломаны. Хотя скорее – разрезаны, так как когти ксеноса были ужасающе острыми.

Янсар заглянул в рану. Основная проблема заключалась во внутреннем кровотечении, которое бы уже давно прикончило обычного человека. Кровь космодесантника было намного легче остановить, но такое повреждение артерии все еще могло убить его, если оставить рану без должного внимания. Также опасность представляла и эмболия, которую могла вызвать циркуляция по венам и артериям брата Туллио гиперкоагулированной крови.

Янсару пришлось разрезать часть реберной коробки Туллио, чтобы добраться до раны. Он действовал быстро. Сквозь щель размером с квадратный дюйм открывался мир искусственно улучшенных органов.

Глаза Туллио вновь заслезились и он застонал. Янсар не стал повышать дозу обезболивающих. Аптекарий уже почти закончил.

Из нартеция Янсара выдвинулся зонд, который он опустил в рану. Сделав это, аптекарий изменил настройку линз так, чтобы они проецировали изображение внутренностей Туллио на его сетчатку так же, как это сделали бы системы шлема.

Так много было сокрыто в теле космодесантника – органы такой потрясающей конструкции и функций, что не один эволюционный процесс не смог бы их создать. Работая, Янсар ощущал благоговейный трепет. Мало кому удавалось видеть то же, что ему. Коул мог называть себя создателем космодесантников-примарис, но сейчас Янсар лицезрел труд самого Императора.

Аптекарий быстро обнаружил источник кровотечения – крошечный порез. Пять залпов из микро-лазера, прикрепленного к зонду, разорвали сгустки запекшейся крови вокруг. Из зонда выдвинулись крошечные щипцы, которые держали разрыв закрытым, пока Янсар разворачивал клейкую паутину, чтобы закрыть его. Как только он даст усиленным органам Туллио возможность работать на полную мощность, рана полностью заживет в течении суток.

Туллио зашевелился. Янсар ускорился. Аптекарий вытащил зонд, затем заменил отрезок удаленной кости и закрепил его, зафиксировав на месте. Он скрепил кости с помощью специальной сварки, которую он взял из шкафа аптекариона. Закончив, Янсар вернул кожу на место, зашил порезы и опрыскал их целебными бальзамами. Он еще раз осмотрел проделанную работу и позволил себе удовлетворенно улыбнуться.

Он повернулся к аппарату и отключил насосы, наполняющие тело Туллио гормональным супрессором. Через несколько мгновений дары Императора начнут свою работу и закончат проделанную Янсаром работу.

Раздался щелчок. Мягкий, но резкий звук снятия оружия с предохранителя.

Янсар быстро повернулся к Туллио. Космодесантник сжимал в руках болт-пистолет. Он медленно поднял его и навел на голову Янсара.

– Пригнись, – прохрипел Туллио.

Янсар повалился на пол.

Туллио выстрелил один раз. Звук и вспышка от выстрела и взрыв болта слились в один громкий рокот, который эхом прокатился по маленькой комнате.

Янсар оглянулся.

На земле лежали дымящиеся останки механизированного дрона.

Аптекарий подошел и толкнул его ногой. Шесть металлических ног сложились вокруг разорванной механической грудной клетки.

– Ксеносы, – произнес он. – Некроны. Он проник сюда через вентиляционное отверстие.

Янсар посмотрел вверх, туда, где вентиляционную шахту закрывала решетка. В ее центре зияло аккуратное отверстие.

– Тихо, – прошептал Туллио. – Ты слышишь?

За дверью аптекариона послышался шорох. Янсар вытащил свой пистолет типа «Избавитель».

– Помоги мне встать, – хрипло произнес Туллио.

– Оставайся на месте, брат. Прикрой меня с койки. Тебе нужно восстановить силы, на что понадобится еще час или даже больше. Позволь своему телу исцелиться.

– Времени нет, что-то надвигается.

– Не вставай! – Янсар подошел к двери и открыл ее, остановив на полпути повторным нажатием на кнопку.

Комната с другой стороны кишела маленькими шестипальными роботами. Их головы испускали плоские пучки зеленого света. Все, чего они касались распалось на частицы, которые всасывали другие члены роя. Роботы сновали повсюду, трудясь наподобие муравьев. Одна шеренга входила в комнату, в то время как другая покидала, унося свою добычу.

Они, казалось, не замечали Янсара, и аптекарий поспешил закрыть дверь.

– Их много...

– Принеси мне болтер, – попросил Туллио, ослабевшей рукой указывая на подставку, на которой лежало оружие. Янсар пересек комнату, поднял его и протянул воину. Ветеран проверил его и загнал в патронник снаряд.

– Если они нападут, от гранат будет больше пользы, – заметил Янсар. – Их там очень много.

– А где мои доспехи? Трудно будет сражаться в таком виде.

– Их нужно починить, – ответил Янсар. – Если мы хотим выбраться отсюда, нам понадобится помощь. – Он активировал вокс. – Тетрарх, это Янсар, ответьте.

Ответом ему послужило зловещее шипение статических помех.

– Тетрарх, у нас проблемы.

– Не отвечает?

Янсар поднял руку.

– Аптекарий! – крикнул Туллио, прицелившись в сторону двери.

Сквозь металлические створки двери начали пробиваться десятки пятен зеленого света.

– Похоже, тебе действительно лучше встать, – пробормотал Янсар, помогая Туллио подняться.

Вокс ожил.

– *Это Фракиец.*

– На нас напали. Мы заперты в четвертом зале аптекареона.

– *Тогда мы идем к вам.*

Дверь начала рассыпаться в прах, и на месте светящихся точек образовались воронки.

– Поторопитесь, – закричал Янсар.

***

– Мастер кузни, что-то приближается, – Исо передал данные с сенсориума своего доспеха Себастиону. В одном из мест на карте перемещался целый рой из красных точек. – Местонахождение и характер врага неизвестны, – добавил Исо.

– Кем бы они ни были, они сейчас находятся с внешней стороны Стратегиума, – спокойно ответил ему Себастион. – Приготовься. Я почти закончил. Машинная инфекция ксеносов слишком сильно распространилась, поэтому я не смогу восстановить контроль. Все органические вспомогательные компоненты систем крепости исчезли, но вторгшиеся нити ксеносов заменили их. Мне нужно подготовить первичный узел когитации к детонации, чтобы предотвратить восстановление контроля над системами обороны, а затем уничтожить сами орудия. – Он взглянул

наверх. Многочисленные конечности его серво-рук продолжали работать вокруг него. – Прикрой меня, пока я буду этим заниматься. Если мы оставим оружие активным, я подозреваю, что они восстановят его функциональность и вновь подчинят горе. Тогда наш флот окажется в опасности. Необходимо полностью разрушить систему.

– Как прикажете, Мастер кузни, – произнес Исо.

Нити живого металла лежали по всей площади основного когитационного узла. На данный момент, Себастиону удалось очистить его, но скорость, с которой нити приходили в движение и начинали срастаться вместе, говорила о том, что они скоро восстановят связь. Удалив все нити с поверхности, Мастер кузни обнаружил еще больше под ней. Он сжег все, до чего смог добраться.

На картолите Исо по прежнему высвечивалась информация о передвижениях неизвестного противника.

– Они группируются над нами. Основная концентрация в этой точке, – он послал координаты Себастиону и, подняв свой штурмовой болтер, прицелился в потолок. – Фиксирую сильное увеличение энергетических импульсов. Они проходят сквозь потолок.

Силовой кулак Исо с треском ожил, осветив комнату мерцающим синим светом, пляшущие тени на стенах создавали впечатление, что давно мертвые тела снова шевелятся.

Себастион снял со своего бедра мелтабомбу и активировал ее. Он нажал на панель сбоку, чтобы открыть входное гнездо для дистанционного детонатора. Все это он делал своими человеческими руками, в то время как его серво-конечности метались и резали нити металла ксеносов, пытавшиеся вторгнуться обратно в систему. Установив детонатор на место, Себастион повернул ручку на верхней части бомбы, чтобы взвести ее, а затем поместил устройство в машину.

– Мастер кузни, – спокойно произнес Исо. – Я их вижу.

Часть потолка осветилась зеленым светом. Небольшой квадрат, более яркий в центре. Затем появилась черная точка, которая начала быстро расширяться.

– Гаусовы лучи, – сказал Себастион, взглянув на брешь. – Я предполагаю, что это первая волна каноптеков. Брат мой, мы разбудили хранителей горы.

Металл и рокрит распадались на черные зернистые частицы, которые сыпались с потолка, словно песок в песочных часах.

– Мы никогда не сможем вновь занять это место, – прошептал Исо. Яркая зелень распространилась до самых краев квадрата. Чернота следовала за ней неотступно, только подчеркивая ее яркость и насыщенность. Хоть зеленое свечение и темнота черного провала были круглой формы, они каким-то образом не выходили за границы квадрата. Еще больше разрушенной материи осыпалось на пол.

– Иницирую контрольную имплюзию в главных батареях, – множество рук Себастиона мельтешили над пыльной консолью. Из-за экрана поднялся первый из четырех цилиндров.

Раздался писк, и за ним последовал машинный голос.

Предупреждение. Система самоуничтожения оборонительной системы активирована.

На крышке первого цилиндра открылся маленький колпачок, обнаживший порт данных.

– Отключить питание первого защитного лазерного устройства. Выполнять. – Информационный штырь Себастиона вонзился в порт, повернулся и вдавил цилиндр. Считыватели кодов прозвенели в знак подтверждения. Раздался хлопок, и комнату сотрясла короткая дрожь.

Первый защитный лазер выведен из строя.

Вверх поднялся второй цилиндр и открыл свой порт данных.

– А вот это вызвало у нас такие неприятности при первом приближении к крепости. Активное орудие, которое открыло огонь по тетрарху, – произнес Себастион.

И вновь интерфейс данных захлопнулся. Прогремел второй хлопок. Еще один грохот от взрыва.

Второй защитный лазер выведен из строя.

Третий цилиндр уже начал подниматься, когда заговорил Исо.

– Они прорываются.

Квадрат превратился в идеальную шахту, прорытую сквозь десятки футов многослойной брони. Наверху что-то шевельнулось, и по полу заскользил зеленый свет, испускаемый механизмами.

Поток роботизированных дронов хлынул внутрь.

Исо открыл огонь, стараясь поддерживать ровный темп стрельбы. Штурмовой болтер был разрушительным оружием, но стремительно расходовал боеприпасы.

– Поторопись, – произнес он сквозь зубы.

Он не мог убить их всех. Многие насекомоподобные воины взрывались, но гораздо больше падали на пол, где они собирались в подобие живого ковра серебряного цвета. Они хлынули во все стороны, покрывая пол своими телами. Засветились тысячи зеленых глазных сенсоров. Дроны устремились к ногам Исо, и воин принялся яростно их топтать. Тех, кому удавалось забраться выше, Исо срывал и давил своим силовым кулаком. Они взрывались с оглушительным грохотом. Мандибулы дронов дергались, испуская лучи смертоносного света на броню космодесантника. Керамит и пласталь растворялись, превращаясь в ничто. Обнаженные внутренние системы искрились от коротких замыканий, прежде чем тоже распасться на частицы. И все же, Исо продолжал стрелять.

Четвертый защитный лазер выведен из строя.

Себастион спешил. Живой металл горы быстро восстанавливался, ускоренный присутствием дронов. Верхние серво-конечности Мастера кузни метались по узлу когитации, разрезая и выжигая серебристые нити. Нижняя пара серво-рук повернулась, переключившись на плазменные резаки малой дальности, и открыла огонь.

– Теперь малые орудия, – процедил Себастион. Осталось еще восемь цилиндров. Два опустились, и пушки, за которые они отвечали, взорвались в глубине крепости-монастыря пропахав огромные борозды и разрушив при этом системы управления. Исо застонал от боли.

Его захлестывал рой дронов. Серебро покрывало его с головы до ног, подсвечивая вспышками света от гаус лучей. Штурмовой болтер космодесантника пробил последнюю брешь в теле роя и замолчал.

Размахивающая руками фигура Исо простояла еще мгновение, а затем, рассыпавшись, обрушилась на землю. Рой распределился по полу и направился в сторону Себастиона. Все больше дронов проникало в помещение через брешь в потолке.

Себастион оставил последние шесть цилиндров, взял болтер и повернулся лицом к своей судьбе.

– Разрывать связь с вашим хозяином было опрометчивым решением, но дело сделано. Вам не завладеть нашими орудиями.

Он открыл огонь.

Дроны окатили его словно волна. Он разрядил в них магазин своего болтера и разнес первый ряд в клочья. Его серворуки бешено вращались, убивая сотни механизмов энергией плененных звезд.

Их было слишком много.

– Детонация, – приказал Себастион.

В узле когитации среагировал мельта-заряд. Термоядерное свечение осветило сражающегося мастера-кузнеца. Огонь выжиг стратегиум, и Фарос снова погрузился во тьму.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

На службе у человечества

Около 10000 лет назад

Возникла очередная проблема. Никогда ничего не проходило гладко.

Коул откинулся на спинку кресла. Велизарию было настолько комфортно и уютно в этом механическом чуде техники, что он усомнился, было ли ему так же хорошо в колыбели родной матери столетия назад. Бархатная обивка нежно обволакивала кожу Коула там, где он с ней соприкасался. Упругие пружины поддерживали тело. Блок очистки воздуха успокаивающе урчал.

Но он был установлен прямо над столом, и его всегда выставляли на самую низкую температуру. Это все портило.

Коул не мог сосредоточиться ни в своем кабинете, ни на экспериментальных линиях. Было либо слишком шумно, либо слишком холодно, либо появлялся еще какой-нибудь отвлекающий фактор. Любой, вариантов были сотни. Коулу всего лишь требовалось чуть больше времени, чтобы разобраться с последней проблемой, но никто не торопился ему его предоставить.

Тихо запищал сигнал оповещения. Прежде чем Коул успел ответить, дверь отворилась и в его убежище ворвался приглушенный шум экспериментального центра. Даже этот негромкий звук был просто невыносимым, и он застонал.

– Нездоровится, директор Седейн?

Коул убрал длинную руку с тонкими пальцами от своих глаз. Его голова раскалывалась. Деспин Крез победоносно улыбнулся ему.

– Нет. Тебе обязательно так ухмыляться?

Коул выпрямился. На его стеклянном столе лежало небольшое устройство со времен, предшествующих Темной Эре Технологий. Велизарий поднял его и начал с ним возиться.

– Я сожалею, что мое хорошее настроение раздражает тебя, – добродушно ответил Крез. Он прижимал к груди включенный инфопланшет. Коул видел только его заднюю часть, но активный экран освещал белый халат Креза и бликовал на металле письменных ручек, аккуратно выглядывающих из его нагрудного кармана.

– Чего тебе надо? У тебя там плановые сроки? – недовольно пробурчал Коул.

– Так и есть.

Крез опустил на стол планшет с выведенными на него диаграммами.

Коул взглянул на экран и хмыкнул.

– Ты отстаешь от графика, – произнес Крез. – Причем значительно.

– Я стар, Крез. Три столетия жизни отягощают человека. Мне нужен отдых.

– Покоя нам не видать, – Крез бросил на Коула взгляд, полный притворного сочувствия. У него был совершенно лысый череп и крохотные глазки, которые терялись в больших глазницах с фиолетово-черными кругами под ними. – На твоём месте, я бы не стал поднимать перед Ним вопрос возраста. Говорят, что Он старше всех нас.

– Ну, Он не выглядит старым, и не похоже, что таковым себя чувствует, – ответил Коул. Он положил древнее устройство на стол и показал на него рукой. – Это создано

людьми, которые гораздо более сведущи в научных вопросах, нежели мы. Ни один человек из тех, кого мне доводилось встречать, не может точно сказать, для чего оно было создано. Хотя на первый взгляд все так просто... Подпружиненный рычаг, теперь уже без пружины, но она там, без сомнения, была. Диск из прото-пласетека, чтобы удерживать что-то еще, возможно, диск побольше. Вот эта канавка. – Он провел по ней пальцем. – Я думаю, она была заполнена каким-либо защитным материалом. Чем-то вроде войлока. И вот это. – Он поднял устройство и перевернул. – Я уверен, что сюда вставлялся привод. А в этом отверстии возможно стояла какая-то линза.

– Устройство для записи данных?

– Многие так говорят, – Коул указал на Креза. – Но никто из не может объяснить, почему они так считают и как оно работало.

– Может, Он знает, – Крез пожал плечами.

– Возможно, знает. Вероятно, Он видел эту чертову штуку, когда она работала, – Коул посмотрел на свое отражение в стеклянной столешнице. Оттуда на него смотрел другой человек. Вытянутое лицо, высокий лоб, рот с опущенными уголками и длинный, тонкий нос, который был бы похож на орлиный, если бы его кончик не задирался кверху. На мантию техножреца спадали длинные черные волосы, явно подкрашенные. Это было лицо тщеславного человека. Тщеславного не по происхождению. – Но ведь Он не скажет, так ведь? Он не раскрывает свои секреты. Он знает так много, пока мы барахтаемся во тьме невежества. Но поделится ли он с нами? Нет.

– Ты что, разочарован?

– Я устал.

Крез поднял планшет и сурово посмотрел на Коула.

– Неважно, устал ты или нет. У тебя есть задание. Он избрал тебя. Он считает, что ты сможешь его выполнить, и Он ждет, что ты это сделаешь.

– И я это сделаю! – рявкнул Коул. – Но мне требуется больше времени. Есть проблемы с секвенированием белков. Последовательности, предоставленные генархами Камбона, неверны. Мне пришлось перебрать всю цепочку несколько раз, начиная все с самого начала. Винить не меня надо.

– Тогда работай быстрее!

– Скольких подопытных ты хочешь, чтобы я убил? – ядовито спросил Коул. – Я уже проверил четыре партии добровольцев и бесчисленное количество заготовок. Панцирь стабилен ровно до имплантации. И всегда одна и та же проблема, меняется лишь причина смерти.

– Что в этот раз?

– Последний образец неконтролируемо растекся и преждевременно затвердел, – прокричал Коул, раздраженно размахивая руками.

– Полгода назад он вообще распадался на частицы.

– Но подопытные, в любом случае, умирают, Крез.

– В следующий раз к тебе зайду не я. Проверить придет сама Амар Астарта.

– Меня тошнит от этого имени, – проворчал Коул. – Скажи ей, что мне нужно вернуться к базовому кодированию. Ошибка кроется там. Я её найду, но мне требуется больше времени!

– У тебя его нет, директор Седейн, – произнес Крез, наклонившись ниже. – Работай быстрее, или Император заменит тебя. Я тебя предупредил. Я уже видел подобное.

– Ты хочешь сказать, что *она* заменит меня?

– Ты, прежде всего, служишь человечеству, а не Ему лично. И уж тем более не ей, – упрекнул его Крез.

– Тогда я удвою свои усилия ради блага человечества, – кисло ответил Коул.

– Смотри, чтобы так оно и было, – он огляделся. – Хороший кабинет. Было бы весьма прискорбно потерять его.

Крез поклонился и удалился с нарочито вежливым «Доброго дня».

Коул издал долгий раздраженный вздох. Человек, называющий себя Императором, требует слишком многого. Ему нужно отдохнуть. Коул так желал пойти на мост. Посмотреть на восход солнца над старым Миамаром. Услышать шум ветра и шум воды...

БАХ.

– Коул.

БАХ

– Велизарий Коул.

БАХ.

На руках Коула умирал Фридиш. Когда он попытался заговорить, из его рта пошла кровь.

– Велизарий, не делай этого. Прошу тебя. Не ради меня. Спаси себя.

БАХ.

На объятom пламенем подземном плато по нему открыли огонь космодесантники предатели.

БАХ.

Металл на ветру...

Неважно.

БАХ.

Иди ко мне.

Наше время

Коул открыл глаза.

Он находился в узле управления силовой установкой. По кругу вокруг платформы находились угловатые, размеренно гудящие батареи. На них и на контрольных приборах светились индикаторы активности, освещая их и машины, которые ими управляли.

– Я Велизарий Коул, – произнес он. – Это я!

– Конечно, архимагос-доминус.

Коул моргнул.

– С вами все в порядке, архимагос-доминус?

– Да? – рассеянно переспросил Коул. – Да, – подтвердил он. – Крепость-монастырь Кос Императора. Императорский Дозор. Сота после нападения улья тиранидов.

– Все верно, – подтвердил Кво-87. Его ограниченный ум был обеспокоен поведением Коула. Он неуверенно протянул руки, в жесте беспокойства или, возможно, утешения. Тем не менее, Кво все равно продолжал все записывать. Дополнительные руки быстро работали под его мантией, стилус плясал по поверхности инфопланшета.

– Я слышал голос, – прошептал Коул. – Это было что-то новенькое.

Он снова моргнул. Он привел свое гигантское тело в движение. Такое неуклюжее и незнакомое.

– Повелитель?

– Фарос пытался установить контакт. Реальный контакт. Я думаю, он хочет поговорить. Нужно полное погружение.

– Наше оборудование скоро прибудет, повелитель, – Кво-87 сделал паузу.

– На это нет времени. Дело идет к развязке.

– Милорд, вы уверены, что с вами все в порядке?

– Лучше не бывает, мой дорогой Фридиш.

– Я не Фридиш, магос, – Кво-87 сочувственно улыбнулся.

БАХ!

Шум отвлек Коула. Но только на мгновение, даже по меркам Механикус. На долю секунды. На йоту времени. Прежде чем шум стих, он успел сформулировать дюжину гипотез, и даже выбрал ту, которую он будет использовать через миллисекунду после того, как звук стихнет.

– Это был взрыв? – спросил Коул.

***

Янсар быстро закрепил силовую установку Туллио, и тот обессиленно прислонился к стене. Тем временем аптекарий расшатал и перевернул хирургический стол. Вдвоем они укрылись за импровизированной баррикадой. Янсар сложил все боеприпасы, которые у них были, и разместил все гранаты в пределах быстрой досягаемости.

Дверь почти исчезла. Под жвалами дронов твердый металл превращался в кружевную скульптуру. Они облепили дверь со всех сторон, цепляясь ногами за стены и испуская изо ртов конусы зеленого света, растворяющие материю. Хотя теперь у роботов и открылось множество путей внутрь аптекариона, они полностью игнорировали космодесантников и сосредоточились на дезинтеграции двери.

– Скарабей некронов, – произнес Туллио. – Мне довелось сражаться с такими же в Безмолвной войне. А тебе?

– Мой орден был занят вторжением Чиканти. Ты сражался с их повелителем?

Туллио сухо усмехнулся и тут же поморщился от боли.

– Лично нет. Я ведь все еще жив. Более того, я думаю, что мы находились в разных секторах.

– Если это – их гробница, то эти мелкие роботы будут наименьшей из наших забот, – произнес Янсар. Оба они говорили в полголоса, не желая привлечь внимание дронов. – Почему они не нападают?

– Они еще не увидели в нас угрозу, – ответил Туллио. – Я был свидетелем того, как целые роты Адептус Астартес маршировали по комплексам гробниц на первой

стадии пробуждения и их игнорировали, пока они проявляли осторожность. Они будут поглощать все на своем пути, но если убраться с дороги и не мешать им, тебя даже не заметят. Ты даже можешь убить несколько, – Туллио поправил свою повязку. – А потом что-то меняется, это прекращается, и они нападают.

– Итак, мы будем сидеть и ждать, пока они не нападут и не убьют нас, или же будем ждать, пока они прогрызут себе путь сюда и не поглотят нас.

– Таковы вероятные исходы, – ответил Туллио. Скараabei расползались, и воины смогли заглянуть во внешний зал. В стенах обнажились опорные балки. Остов, который исчезал на глазах. – Этому миру фатально не везет. Сначала его сожрали тираниды, теперь же проснулись некроны и грызут его кости...

– Отметь третью линию обшивки на палубе, – произнес Янсар.

– Принято, – ответил Туллио.

– Как только они пересекут ее, мы откроем огонь. Сначала бросим гранаты во внешнюю комнату, а потом ты оттеснишь их авангард.

Последняя дверь превратилась в черную пыль. Гаусовы лучи одновременно погасли. Зеленые огоньки глаз беспорядочно замигали. Авточувства брони Янсара зафиксировали активацию чужеродных сенсорных матриц, сканирующих комнату, пробуящих ее на вкус. Один из дронов рискнул двинуться вперед, ощупывая пол своими усиками. Гиперпластиковые крылья зашевелились.

– Почти... – прошептал Туллио. – Готов? – Он опустил болтер, мысленно помечая цель для каждого болта в магазине.

– Готов, – ответил Янсар, сняв с пояса гранату.

Еще несколько скараabei начали отделяться от общей массы, роившейся вокруг двери. Вскоре прямая шеренга жуков растянулась на пару метров, а затем начала с геометрической точностью разделяться. Все больше и больше дронов присоединялось к наступающей группе. Они заполняли комнату, и их передвижения складывались в сложный гипнотический узор.

Скараabei начали разбирать пол.

Первый дрон достиг третьей линии. В комнате уже было несколько сотен скарабеев.

– Давай! – крикнул Янсар. Он выдернул чеку из осколочной гранаты и швырнул ее в дверной проем.

Туллио нажал на спусковой крючок, и первый скарабей разлетелся на мелкие металлические осколки. Он переключил болтер в режим стрельбы одиночными, и тщательно прицеливался перед каждым выстрелом. Второй скарабей исчез во вспышке взрыва гранаты Янсара. Десятки поврежденных дронов разлетелись по комнате, разбивая медицинское оборудование на куски.

Сотни светящихся глаз одновременно повернулись в их сторону.

– Мы привлекли их внимание, – воскликнул Туллио.

Раздалось гневное жужжание крыльев, и в комнату влетели стаи скарабеев, некоторые из которых все еще горели после взрыва. Янсар бросил в толпу еще пару гранат, одну за другой. Обе поглотил рой. Первая взорвалась, выпустив огненную сферу и разорвав роботов вдребезги. Вторую разобрали прежде, чем она успела взорваться, и ее потенциальная энергия перетекла в брюха скарабеев.

Космодесантники открыли огонь. Туллио переключил режим стрельбы, опустошив весь магазин за пару секунд. Металлические осколки рикошетили от их

брони и стен аптекариона. Туллио зашипел, когда острый кусок металла попал в его голый торс. Янсар бросил еще несколько гранат, выдержав их до последнего перед броском в рой, чтобы быть точно уверенным, что они взорвутся. Из оружия Туллио выпала пустая обойма. Плавным, отработанным движением он вставил на место новую, не сместив оружие с линии прицеливания ни на миллиметр. Через мгновение болтерная винтовка снова загрохотала.

Рой приближался, и жужжание крыльев превратилось в агрессивный рокот. Между сверкающими мандибулами вспыхнул смертоносный зеленый свет. Один из дронов вцепился в рюкзак Янсара и успел погрызть руку, удерживающую его медицинский фонарь, прежде чем аптекарь успел схватить скарабея и разбить о стену.

– Их слишком много! – крикнул Янсар.

– Есть такое...

Туллио плавно повел стволом винтовки. Каждый болт уничтожал по меньшей мере одного дрона некронов прямым попаданием; взрыв реактивного снаряда и образовавшиеся в результате осколки, наносили повреждения тем, кто находился поблизости – настолько плотной массой они двигались.

– Это последняя обойма, – крикнул Туллио.

Янсар поднял патронташ с гранатами. Он снял чеку с одной из них.

– За Императора! – закричал он.

– За Императора! – крикнул в ответ Туллио.

Янсар изо всех сил швырнул патронташ с гранатами. Он пробил дыру в облаке механических насекомых и влетел в соседнюю комнату. Последовал мощный взрыв, который уничтожил сотни механических насекомых и разрушил ослабленную стену между аптекарионом и внешним залом.

Помещение заполнил дым, жужжание крыльев смолкло.

– Нам их не сдержать, – крикнул Туллио.

На полу задержались серебристые конечности. Скарабеи восстанавливались.

– Прощай, брат, – воскликнул Туллио. Он достал боевой нож.

Всполох огня с ревом ворвался во внешний зал, и раскаленный прометий поглотил восстанавливающихся скарабеев, выжигая их системы. Раздался второй взрыв. Туллио и Янсар поднялись и принялись топтать скарабеев ногами. Из дыма и огня появились три бойца Кос Императора, один из которых нес огнемёт.

– Я брат Бокари, – произнес один. – Меня прислал Фракиец.

Взрыв сотряс комнату. В соседнем зале рухнула ослабленная металлическая конструкция.

– Пойдемте, – сказал Бокари. – Нам стоит поторопиться.

***

Они были на вершине дерева, взобрались выше, чем когда-либо прежде.

– Нам пора домой, – сказал Феликс. – Скоро ужин и мама расстроится, если он снова остынет.

Его что-то беспокоило. Воспоминание, которое постоянно ускользало. А может быть он волновался оттого, что они опять опоздали.

– Еще несколько минут, – жалобно произнес Нон. – Я хочу посмотреть. Отсюда виден весь мир.

– Это не весь мир. Это купол. Вон наш жилой блок, – Феликс указал сквозь просвет между деревьями на металлическую обшивку стройного жилого здания. Их там было несколько десятков. Они располагались по спирали, это можно было увидеть только с воздуха.

– И это весь Империум?

– Нет, – ответил он, удивленно посмотрев на брата. – Это всего лишь Пембрия на Лафисе. Империум – это множество миров.

– Сколько их? – спросил Нон.

– Миллион. Плюс-минус... – ответил Феликс. – Он огромен. Самая большая и лучшая Империя в истории. А наш повелитель – это Император.

– **И что же составляет основу его военной мощи?** – спросил Нонус резким голосом.

Феликс пристально посмотрел на него.

Иллюзия рассеивалась. Децим был уже близок к тому, чтобы вспомнить о том, кто он такой.

Нон моргнул, его лицо выражало полную невинность.

– Я имею в виду космодесантников! Они такие сильные. Неужели их так много?

Вопрос брата встревожил Феликса.

– Не очень много, – задумчиво ответил он.

– Их броня синяя. Мне нравится синий.

– Они не все синие, – Децим улыбнулся. – Орденов много, они все разные. И у каждого свои цвета.

– Правда? – воскликнул брат. Его поведение стало странно отстраненным, а голос – хриплым. – **А как насчет воинов, способных владеть силами варпа? Их много?**

– Нон, о чем ты говоришь? – Феликс встревоженно посмотрел на брата.

– Я хочу стать космодесантником! – воскликнул его брат, снова становясь ребенком.

– Пойдем домой, – смущенно произнес Феликс. За пределами купола облака окрасились в оранжевый, и, гонимые степными ветрами, они начали быстро нестись по невозмутимому голубому небу. Внутри под деревьями сгрудились вечерние тени.

– Ну ладно! – крикнул Нон. Он соскользнул с ветки и с проворством птеробелки начал спускаться по стволу.

– Помедленнее! – воскликнул Феликс. – Смотри не расшибись!

– Хорошо! – ответил Нон. Он остановился на ветке в нескольких футах над землей. Феликс присоединился к нему.

– У меня есть идея! – прокричал Нон. – Давай спрыгнем вниз.

– Давай, – согласился Феликс. Он напрягся, чтобы прыгнуть, но не смог.

– Чего ты ждешь? Трусилка! – поддразнивал Нон. – Не стать тебе Ультрамарином, если не можешь спрыгнуть с ветки. Мы же делали это множество раз.

– Ну ладно! Ладно! – закричал Феликс. – Я прыгну.

– Давай сосчитаем до трех, – его брат вложил свою руку в его. Она была маленькой, теплой и немного липкой. Феликс сжал ее.

– Я люблю тебя, Нон. Мне очень жаль, – произнес он, но уже не мог вспомнить почему.

– Я тоже люблю тебя, брат, – ответил Нон. – Ты готов?

Они посмотрели вниз, на землю.

– Один... – начали они вместе.

– *Феликс*, – раздался голос из ниоткуда. Децим вздрогнул.

– Ты это слышал?

– Два... – продолжал Нон. Его рука сжала руку Феликса так сильно, что стало больно. Феликс посмотрел вниз и увидел, что рука Нона была покрыта блестящим металлом. Сквозь него пробивался свет, слишком сильный, чтобы его можно было сдержать. Его собственная рука казалась огромной, закованной в броню. Он моргнул, и видение развеялось.

– *Тетрарх! Остановись. Посмотри на меня. Тетрарх!*

– Три! – восторженно взвизгнул Нон.

Когда Нон оттолкнулся и полетел, что-то сильно дернуло Феликса за руку, не дав ему спрыгнуть. Больше всего на свете ему хотелось прыгнуть, показать брату, что он не боится, а потом пойти домой, чтобы поесть и насладиться теплой, скучной предсказуемостью завтрашнего школьного дня. Нон тянул его за собой, угрожая сбросить с ветки. Его брату было всего восемь лет, он был очень легким, но за полсекунды до того, как их руки расцепились, Дециму показалась, что он был тяжел, как сама вечность. Затем Феликс потерял равновесие и упал на спину. Кроны деревьев замерцали, превратившись в холодное безжизненное небо, полное звезд.

Перед ним предстал смертоносный обрыв за ограждением на крыше башни Императорского Дозора.

– **Падай**, – закричал резкий голос. – **Падай!**

– Тетрарх! – Гатейн держал его. Правая рука псайкера сомкнулась вокруг левой Феликса. Боевой доспех Децима был значительно тяжелее, чем у Гатейна, и он рисковал разбиться насмерть, прихватив с собой и библиария. Системы искусственной мускулатуры и суставы доспеха натужно выли и рычали, пытаясь удержать его в вертикальном положении.

– Тетрарх, прошу вас! – Гатейн соскальзывал.

Феликс полностью пришел в себя. Они оба, лязгая доспехами и пошатываясь, повалились на крышу башни связи, а затем быстро встали на ноги.

– Как я сюда попал? – спросил Феликс.

– Не знаю. Я спустился обратно в башню. Прошло пара мгновений, а вас уже нет. Я нашел вас здесь, наверху.

– Остальные... – произнес Феликс. Он попытался связаться с другими группами космических десантников, рассеянных по монастырю. Ему ответил шорох статических помех.

Башня содрогнулась от взрыва, настолько глубокого, что его почти не было слышно, но вибрация ощущалась настолько явно, что о ее происхождении гадать не приходилось.

– Где Велизарий Коул? – спросил Феликс у Гатейна.

Вокс затрещал. Ему ответил Фракиец.

– *Тетрарх*, – произнес он. – *На нас напали.*

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Путь в Фарос

Перестрелка вынудила всех собраться вместе.

Феликс, как мог, координировал действия рассеянных групп космодесантников, с целью собрать их всех в Дозорном зале. Ориентируясь на все усиливающийся грохот болтеров, они с Гатейном первыми добрались до верхних уровней крепости. Прежде чем им удалось достигнуть первого этажа, на средние этажи уже выбежали Дэл, Тронк, Альфа Примус и Алас, а вскоре за ними последовали Янсар и наполовину раздетый Туллио в сопровождении нескольких бойцов из Кос Императора. Они отчаянно стреляли в противника позади, с криками сбегая с галереи вниз по лестнице на первый этаж. Феликс присоединился к ним. Аптекарий Кос Арат помог Янсару осмотреть Туллио, которой, несмотря на множество свежих ран на незащищенной коже и на багровое месиво на груди, казалось, был готов продолжать сражаться.

– Где Фракиец? – спросил Феликс у одного из Кос.

– Не знаю, – ответил ему Бокари. – Он оставался в оружейной, чтобы помочь вашим людям. Будь готов, тетрарх. Враг идет за нами по пятам.

– Уже здесь! – крикнул Келтру.

Из прохода с ревом вырвался плотный рой летящих дронов.

– Огонь! – скомандовал Феликс.

Комодесантники выпустили настоящий шквал болтерного огня, и рой буквально разорвало на куски. Металл сыпался вокруг них искрящимися осколками. С нижних коридоров донеслись звуки болтерного огня и в Дозорный зал вбежал Фракиец со своими людьми.

– Себастион? – спросил Феликс по воксу.

– Отдал жизнь за Императора, – ответил Фракиец. – И Исо тоже. Им удалось вывести орудия из строя. Но этим мы навлекли на себя гнев горы.

Рою, казалось, не было конца. Все новые и новые дроны вырывались из коридора и пикировали вниз на космодесантников. У машин не было оружия дальнего действия, иначе бой бы уже закончился. Грохот стреляющих болтеров был оглушительным даже для Астартес. Все дополнительные сенсоры в доспехе Феликса были сбиты с толку бушующим вокруг ураганом металла.

Совершенно неожиданно из нижнего прохода, откуда ранее появился Фракиец, неторопливо вышел Коул в сопровождении своего помощника. Спокойно нацелив свое оружие на рой роботов он открыл огонь.

Солнечный атомизатор архимагоса извергнул толстый луч раскаленной энергии, который испарил сотни дронов за раз, прорезав рой насквозь и вонзился в стену за ним. Капли расплавленного металла дождем посыпались на пол.

Кво-87 вытащил из-под мантии короткий посох и воздел его над головой. Из его центра начали выдвигаться секция за секцией, пока в руках техножреца не оказался тонкий и увеличившийся в размерах посох. Коул выстрелил снова. Рой отпрянул от энергетического луча и чтобы избежать его закрутился в чудовищную спираль.

Из верхней части посоха Кво начал медленно и тягуче растекаться энергетический щит, обволакивая космодесантников полусферой. Воины Имперума продолжали стрелять, осыпая градом снарядов надвигающийся рой и разрывая дронов на части.

Осколки густым дождем осыпались на пол, с громким звоном, заглушавшим даже рев оружия и низкое жужжание крыльев.

Энергетический щит достиг пола.

– Приготовьтесь! – загремел Коул, перекрикивая гул тысяч антигравитационных двигателей.

– К чему? – проворчал Фракиец.

Коул позволил действиям говорить за себя.

Из верхней части спины архимагоса с громким хлопком вылетело металлическое яйцо. Оно взмыло вверх, где его и подхватил рой.

Последовала короткая вспышка. Из устройства вырвался сокрушительный электромагнитный импульс, затем еще один, а затем еще три, идущих быстро друг за другом.

Энергетический щит распался. Импульсы сильно ударили по космодесантникам и техножрецам. Коул издал вопль синтетическим голосом. Кво пошатнулся. Дисплеи в шлеме Феликса, замерцав, погасли, а силовая установка отключилась. И это несмотря на то, что его броня содержала в себе защиту от электромагнитных атак. Космодесантники присели, на их плечи неожиданно легла вся тяжесть силовых доспехов.

Дроны некронов пострадали гораздо сильнее. Горевшие в их окулярах зеленые огоньки погасли. Исходившее из их внутренностей сияние сперва потускнело, а затем окончательно потухло. Крылья замерли. Антигравитационные приводы отключились.

– Во имя Императора... – выругался Фракиец.

Рой рухнул.

Сотни дронов с металлическим грохотом обрушились на космодесантников. Кво бросился под прикрытие Феликса, который присел, чтобы защитить его. Туллио опустил на корточки, и закрыл свою незащищенную голову руками. Дроны градом били по воинам. Они были крупными и ударялись о керамит с ужасающей силой. Своей массой скарабей сбивали с ног воинов Имперума и валили их на землю. Устоял только Коул. Дроны врезались в его энергетическое поле, и их тела тут же аннигилировались, превращаясь в яркие вспышки света.

Феликс стоял на коленях, ошеломленный, придавленный грудой чужеродного металла. Системы его брони щелкали и жужжали в попытках восстановить подачу энергии. Запищали предупреждающие сигналы, дисплеи, мигнув, ожили.

Он с трудом поднялся. Безжизненные корпуса ксенодронов осыпались с него.

Кво съехал на земле.

– С тобой все в порядке? – спросил Феликс и протянул руку. Кво принял ее и поднялся.

– Я жив, – ответил он.

Космодесантники зашевелились под серебристым ковром, похожим на высыпанную на палубу океанского траулера гигантскую стаю сардин. Зазвенел металл. Коул с улыбкой посмотрел на них.

– Архимагос, я же просил вас предупреждать меня о каждом вашем действии! – недовольно воскликнул Феликс.

– И испортить тем самым сюрприз? – усмехнулся Коул. – И потом, на это попросту не было времени.

– Произнести «ЭМИ» заняло бы меньше секунды, – проворчал Децим.

– Ну, – произнес Коул, пожимая плечами, что можно было расценить за первые шаги к признанию вины. – Мы же все живы, не так ли?

Из его тела выдвинулся мехадендрит и поднял с пола деактивированного дрона. Лапки механизма оказались загнуты вовнутрь, что делало его очень похожим на мертвого членистоногого. Коул встряхнул его тело и отбросил в сторону.

– Всем механизмам нужна движущая сила. Ее источник и будет слабым местом. Это утверждение верно и для некронов, – произнес он. – Несмотря на то, что они в какой-то мере привыкли к такой тактике противодействия, достаточно сильный импульс способен выжечь схемы скарабеев и уничтожить их. За столь высокую мощь приношу свои извинения. Теперь нам нужно действовать быстро. Непосредственная угроза миновала, но передышка скоро закончится. Такая гробница может производить бесконечное количество подобных устройств. Или чего похуже. Теперь, когда мы выступили против горы, будут пробуждаться более крупные и опасные механизмы. Даже эти дроны скоро снова пробудятся. Их протоколы самовосстановления уже начали устранять нанесенные повреждения.

– И что же вы предлагаете? – спросил Феликс.

– У меня есть другое решение проблемы роя. Но чтобы осуществить его, мы должны сейчас же отправиться в глубины Фароса, где я смогу взаимодействовать с его управляющей матрицей. Чем дольше мы медлим, тем большая нам грозит опасность.

– Согласен, – сказал Феликс. – Я приказал «Повелителю» перебазироваться на северную площадку. Теперь у нас есть путь для отступления.

– Мудрое решение, – согласился Коул.

– Есть еще кое-что, и я не приму ваших возражений, – продолжил Феликс. – Я приказал своему кораблю занять позицию на орбите, геосинхронную с горой. Пока мы говорим, его орудия нацеливаются на Фарос. Если мы не покинем это сооружение по истечении двенадцати часов, оно будет уничтожено. Если мы уйдем раньше, оно будет уничтожено. Если капитан корабля сочтет нужным, оно будет уничтожено. Нет такого сценария, Коул, при котором эта гора останется нетронутой.

– Согласен, – ответил Коул, изображая удивление. – А почему бы и нет? Пошлите им эти коды, и «Зар Квезитор» поможет в уничтожении. К тому времени у меня будет все, что нужно.

Коул отправил Феликс изрядную порцию данных. Тетрарх с помощью когитатора переправил их на «Повелителя Веспатора».

– Мне очень жаль, Фракиец, – сказался Феликс, поворачиваясь к магистру ордена. – Я надеялся вернуть вам вашу крепость-монастырь, но это устройство слишком опасно, чтобы оставить его в целости.

Фракиец и оставшиеся Косы Императора смотрели на него. Пауза затягивалась, и Феликс уже начал думать, что они начнут возражать, но затем Фракиец кивнул.

– Я согласился уничтожить его, если потребуется, – ответил он. – Ничто из того, что здесь произошло, этого не изменит. Мы потеряли нашу крепость-монастырь по вине одних ксеносов, теперь пробуждаются другие. Гора Фарос принадлежит прошлому. Пусть теперь орден найдет себе новый дом. Я говорил, что не буду возражать, и я не возражаю.

– Я рад, что вы согласны.

– Я охотно последую за вами, тетрарх, но у меня есть просьба.

– Говори.

– Позвольте нам теперь вас покинуть. Мы должны выполнить возложенную на нас миссию. Проведение последнего обряда для нашего старого геносемени. Для нас это дело чести. Век нашего ордена близится к закату, и мы должны упокоить наше наследие.

«Они что-то скрывают», – вспомнил Феликс слова Кадма.

Он чуть было не спросил их об этом. Но вовремя остановился. Вопрос так и не сорвался с его губ. Иногда человеку нужно вынести свой позор в одиночку.

– Ступай, я благословляю тебя, магистр ордена. Двенадцать часов, не больше. Будь на северной посадочной площадке, или же ты умрешь вместе со своими предками.

Фракиец взял Феликса за руку, запястье к запястью, как делали это воины древности.

– Для меня было честью сражаться вместе с тобой, тетрарх. Сота в надежных руках. Уничтожьте это место. Не позволяйте миру-гробнице некронов пробудиться здесь, и принести беды в сектор.

– О, – весело воскликнул Коул. – Я уже говорил, что это не мир-гробница, магистр ордена. Это нечто гораздо худшее.

***

Прежде чем открыть отсечные двери для того, чтобы спуститься обратно в Зал Основателя, Феликс связался по воксу с Диамедом и Остеном. Фарос уже начал прерывать усиленный вокс-сигнал, поэтому он торопливо передал приказ Остену: отвести танки обратно вниз по горной дороге к Порт-Одессе. Там они будут на достаточно безопасном расстоянии, чтобы избежать последствий разрушения горы. Остен поведет головной танк, в то время как остальные последуют за ним, доверив управление своим машинным духам.

Диамеду он приказал принести в Зал Основателя запасные доспехи. Кроме того, он предупредил его быть предельно осторожным при продвижении по крепости-монастырю. Встретить его должны были Кадм и Туллио. Вместе они помогут брату Туллио переоблечься в доспех, а затем сопроводят его на северную посадочную площадку. Его раны не позволяли ему продолжать сражаться. Также Феликс опасался, что события в монастыре могут повлиять на суждения Кадма. Поэтому им втроем предстояло закрепиться на площадке и ждать прибытия судна.

Феликс, Гатейн, Комин, Иксен, Тронк, Дэл и Янсар остались сопровождать Коула, Кво и Альфа Примуса. Поредевший отряд Фракийца приготовился к отбытию, а хранилище геносемени и изъятые прогеноиды находились под защитой трех оставшихся терминаторов.

Все они стояли лицом к бронированным дверям, ожидая, пока Коул и Кво отключат механизмы. Феликс настороженно следил за кучкой выведенных из строя дронов, но они не двигались. Наконец, техножрецы закончили.

– Как только мы пройдем через эти двери, они никогда более не закроются. Вы готовы? – произнес Коул.

– Да, – ответил Феликс.

– Машинные духи, я смиренно прошу Вас, откройте эту дверь в последний раз.

Феликс не мог сказать наверняка, был ли Коул искренен или же просто притворялся. Вполне могло оказаться, что и то и другое одновременно.

Дверь открылась, и они спустились по широкой мраморной лестнице обратно в Зал Основателя, где Коул снова занялся своими делами в центре помещения.

– Тетрарх, – обратился Фракиец. – Здесь наши пути расходятся.

– Да пребудет с тобой Император, брат, – ответил Феликс.

Косы прошествовали мимо вниз по лестнице, неся своих павших. Фракиец подождал, пока саркофаг с геносеменем и его эскорт из терминаторов начнут спуск, а затем отсалютовал, ударив кулаком по своему нагруднику.

– Прощай, Децим Феликс.

С этими словами Фракиец повернулся и последовал за своими людьми в темноту.

– Мы его больше не увидим, – неожиданно произнес Альфа Примус.

– Они могут и выжить, – возразил Феликс.

– Но не выживут, – продолжал Примус. – Они не собираются жить.

Коул стоял у стены в задней части Зала Основателя, водя руками и другими конечностями по сохранившейся мраморной облицовке.

– Ты не заметил ничего странного в поведении Фракийца, Децим? – спросил он. Его механодендрит провел сканирующим лучом по декоративной панели.

Металлические костяшки пальцев постучали по камню.

– Он что-то скрывает. Так сказал Кадм.

– Да, но что именно? – настаивал Коул. – Разве ты не заметил некоторых модификаций его доспеха?

– Их много, – ответил Феликс. – Полевой ремонт, награды и боевые трофеи.

Коул пристально смотрел на него, пока его дополнительные конечности продолжали свою работу.

– Серьезно, Децим? Неужели ты не заметил ничего более значительного?

– Нет.

– Ну что же, это изменение действительно едва заметно, так что, полагаю, именно поэтому ты его и пропустил.

– Позвольте помочь вам, лорд тетрарх, – произнес Примус, вызвав недовольное ворчание Коула.

– Ты портишь мне все веселье, – хмыкнул Коул и снова принялся ощупывать мрамор.

– Вы приказываете мне замолчать, господин?

– Нет, продолжай, – отмахнулся от него Коул, переходя к следующей панели. Он нетерпеливо махнул рукой Кво-87, чтобы тот подошел к нему. – Очевидно, что Феликс не заметил. Так просвети его.

В мрачных манерах Примуса проступил намек на возбужденность.

– Магистр ордена носит психический ингибитор, являющийся частью его доспеха. Он расположен на задней стороне шлема, хотя я заметил его по другой причине – из-за его эффекта. Фракиец окружен нуль-полем.

– Ну и что с того?

– Это весьма слабое поле. Такие устройства мало пригодны против боевых псайкеров или колдовства, – продолжил Примус.

– Их обычно носят те, кто пытается остаться незамеченным. Преступники. Слабенькие ведьмы. И поэтому назревает вопрос, почему магистр ордена Адептус Астартес носит его, – произнес Коул. – Либо он незарегистрированный слабый

псайкер, что весьма маловероятно, либо мы должны подумать – какую практическую пользу это может принести ему в данном конкретном месте?

– Вы предполагаете, что он пытался заблокировать психическую сеть генокрадов?

– Вполне разумно, как по мне, – сказал Коул. – Такое низкоуровневое психическое поле вполне может быть заблокировано подобным устройством. Ну давай же, на нем психический глушитель. Нуль-поле. Как ты думаешь, зачем?

– Я уверен, что вы мне это расскажете, – устало произнес Феликс.

– Подумай! – отклонившись назад, воскликнул Коул. – Именно поэтому я и говорю с тобой, мой мальчик. Ты думаешь, что я поучаю тебя. Но это не так. У тебя острый ум. Пришло время воспользоваться им. Вопрос первый – почему Фракиец носит нуль-поле?

– Косы скомпрометированы, – ответил Феликс.

– Это объясняет их скрытность, – произнес Коул. – Это только предположение, и не то чтобы я всегда оказывался прав, но, – сказал он лукаво, – если это так, то переходим ко второму вопросу – что у них в саркофаге?

– В ящике? Это хранилище геносемени.

– Так ли это? – спросил Коул. – Я вот не думаю... – На конце его металлического щупальца сверкнул лазер ближнего действия и выпустил луч, вырезав на камне крест. – Альфа Примус, будь любезен.

Примус оглядел статуи, сосредоточившись на их оружии.

– Что вы хотите сказать? – спросил Феликс. – Насчет Фракийца.

– Всему свое время. А ты пока подумай. Мы закончили этот разговор, – Коул приблизился к Феликсу. – Это место отмечено в старых книгах как Основная локация Альфа. Прежде чем оно стало памятником первому магистру Кос Императора, оно являлось исследовательским центром. Так оно значится в книгах, относящихся ко времени постройки. Это подходящее название. Ты видел призраков, которых мы призвали?

– Их было трудно не заметить, Архимагос, – произнес Феликс.

– И вправду. Это была моя попытка увидеть, работают ли машины Основной локации Альфа. Механизмы некронов – это не примитивные провода и шестеренки. Это ни что иное, как атомные структуры высочайшей сложности, встроенные в сам камень. Из того немногого, что осталось в библиотеке, я понял, что это место было непоправимо повреждено во времена Ереси. Очевидно, что оно успело восстановиться до некоторой степени. Однако оно по-прежнему не обладает полной функциональностью, которая мне требуется. Когда-то это место могло мгновенно переправить живое существо через космос. Оно могло посылать информацию в любую точку галактики.

– Нам не нужны такие штуки...

– Верно, – согласился Коул. – Нам нужна карта. Мне нужно найти дорогу в чрево этой машины, прежде чем ты ее уничтожишь. А без карты этого не сделать. Видишь ли, этот объект существует не только в привычных нам четырех измерениях. Если мы войдем без карты, то никогда не выйдем. Я могу получить доступ к инфосфере устройства, но оно еще не восстановило свою полную функциональность. Для этого нам надо спуститься глубже.

– Какова ваша конечная цель?

– Добраться до сердца Фароса. Эта карта приведет нас ко второй. Ее-то я и ищу.

Альфа Примус остановился у статуи магистра ордена, чья рука покоилась на рукоятке двуручного молота. Он ухватился за ручку и потянул на себя, сломав ее наполовину и сдернув молот со своего места. Примус поднял его, как будто это было настоящее оружие, и зашагал к отмеченной секции.

– Всем отойти назад! – крикнул Коул.

Примус трижды ударил в отмеченное место. С каждым взмахом молота в разные стороны отлетали куски мрамора. При третьем ударе молот разлетелся на куски, пробив облицованную стену. Примус отбросил остатки скульптуры и окончательно разрушил стену.

За облицовкой оказалась поверхность черного камня. Расширяя разлом, Примус обнаружил феррокрит, шершавый от времени и обесцвеченный от выщелачивания минералов.

– Примус, будь добр, продолжай! – попросил Коул.

– Да, господин, – отозвался Примус. Он отрывал мрамор голыми руками, обнажая целые панели черного камня. Через несколько минут он обнаружил заложенный туннель, ведущий из Зала Основателя.

– Путь заблокирован, – произнес Феликс.

– Это ненадолго, – ответил Коул. Он переместил свое огромное тело на середину комнаты и поднял руки, а затем опустил их. – Вы просили сообщать вам, если я вдруг соберусь предпринять что-нибудь драматическое. Как раз сейчас я собираюсь. Через несколько мгновений рой скарабеев вернется к жизни и спустится по этой лестнице. Они приведут нас к Фаросу.

– Каким образом? – спросил Феликс.

Коул поднял руки.

– Широта моих познаний просто поразительна, Децим. Они проведут нас, потому что я буду их контролировать. А теперь, воины, я советую вам отойти. Не думаю, что вам хочется оказаться у них на пути.

Коул улыбнулся и поднял руки вверх. Гора задрожала от заработавших инопланетных механизмов.

– Смотрите, – произнес он.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Врата Смерти

Ниже по лестнице из Зала Основателя находились катакомбы ордена. Только эта часть крепости-монастыря использовала лабиринт чужаков, в то время как остальные коридоры проходили в стороне от черного камня, скрытого в основании Фароса, и либо выдалбливались в базальтовой оболочке, либо строилась на поверхности горы. В катакомбах было темно и тихо – идеальное обиталище для мертвых.

От лестницы под уклоном вниз шел широкий коридор. Стены на протяжении части пути были оформлены древней каменной кладкой, которая по стилю отличалась от остального оформления монастыря. По легенде, эту часть крепости Кос отстроили сыновья Дорна. Если это и было правдой, то Фракиец его люди понятия не имели почему.

Через некоторое время древняя кладка сменилась другой, столь же древней, но отличной по стилю. Здесь облицовка, по всей видимости, была менее прочной, и в нескольких местах подземные толчки и вторжение тиранидов разрушили часть кладки. За ней поблескивало чужеродное основание горы.

Фракиец со своими людьми шли в полной боевой готовности. Они могли бы добежать до гробниц за считанные минуты, но ступали осторожно, держа оружие наготове. Каждую тень проверяли. Вокруг силового оружия плясали молнии. Ауспексы и прочие сенсоры были бесполезны. Гора содрогалась от активности ксеномашин и толчки прокатывались от недр к вершине с точно выверенными интервалами.

У Эдриоса были ответы на все вопросы. Фракиец перебирал воспоминания, пытаясь представить его во время бегства из крепости-монастыря, но не мог. Никто, казалось, не знал его до падения. Это не являлось чем-то необычным в ордене, насчитывающем около тысячи человек, особенно когда его члены могли отсутствовать на протяжении десятилетий. Но сам Эдриос утверждал, что он оставался все это время в монастыре и при нападении выбрался самостоятельно. Может быть, так оно и было. Сейчас невозможно было узнать, что являлось правдой, а что ложью.

Они, словно последние дураки, поверили его рассказу. Они приняли Эдриоса, и каждый из них думал, что другие знакомы с ним. Но никто никогда не удосужился этого проверить. Ни один из них не сумел сложить все воедино. Когда Косы обратили все свое внимание на проблему возможного проникновения лазутчиков, их видение затуманилось. Они стали сговорчивыми и глупыми. Арат неоднократно говорил, что у них не было выбора, что они стали жертвами заговора ксеносов... Эта мысль сильно повлияла на переоценку ценностей Фракийца. Арат говорил, что то, что совершил Эдриос, уже никогда не исправить. Фракиец отказывался верить, что они ничего не могли сделать. Они были слабы. Когда дело доходило до поражения, невинных не было.

От вскрывшегося тогда ужаса его до сих пор бросало в дрожь.

Он чувствовал, как генератор нуль-поля прижимается к затылку. А еще он почувствовал стыд, символом которого было это устройство. Еще более виноватым Фракиец себя чувствовал оттого, что обманул тетрарха.

Он был нечист.

К каждой тени, каждой трещине в стене, каждому тоннелю, открывшемуся при пробуждении горы они относились так, как будто это был тяжелобронированный бункер, занятый врагом. Это было весьма утомительно. Им не терпелось приступить к выполнению задания, но теперь Фракиец строго следовал принципам кодекса Астартес, выполняя заветы Жиллимана слово в слово. Собственным суждениям он более не доверял.

Металлоновое хранилище и его содержимое должны уцелеть.

За вратами гробницы стоял пустой каменный гроб, высеченный из цельного куска породы. Он был простым, без орнаментов и барельефов, и единственным его украшением был каменный пьедестал, грани которого, несмотря на древний возраст, все еще оставались четкими и острыми. С гробом было связано много легенд. Одна из них, не самая популярная, гласила, что в него уложили самого первого поселенца после его кончины. Однако гроб был достаточно большим, что бы в него смог поместиться даже космодесантник. Другие предания гласили, что он всегда пустовал. В них же говорилось, что его создали для искупившего свой грех предателя, который отдал свою жизнь за Робаута Жиллимана, и чье тело так и не нашли. Кто-то говорил, что это было символическим местом упокоения видения Империиума, разрушенного Хорусом в его предательстве.

Версии разнились. Знание того, для кого или для чего на самом деле предназначался этот мемориал, было утеряно в веках. Единственное, что было известно наверняка – то, что его создали еще до основания ордена.

Фракийцу были небезразличны эти легенды, и он находил древнюю историю своего ордена захватывающей. Он даже написал несколько трактатов на эту тему. Теперь же, думая о неизвестном воине, он испытывал лишь смущение и стыд, зная, что кем бы он ни был, он осудил бы Кос Императора за их тайны и неудачи.

Прямо за гробом находился туннель из черного камня. В нескольких метрах от него стояла массивная арка из местного базальта. С резных опор торчали гигантские шипы бронзовых петель, но на арку никогда не устанавливались створки ворот – павшие воины имели право переходить от жизни к смерти без преград. Так считалось в Сотаране. После смерти воин не должен больше штурмовать врата.

Над аркой витиеватым шрифтом была начертана надпись «Finis Officium».

Конец Службы.

Косы Императора остановились перед вратами. Снизу донеслось слабое дуновение ветерка. Туннель медленно заполнялся воздухом. Только в данном случае это было не заслугой систем жизнеобеспечения крепости-монастыря. Воздух подавала пробуждающаяся гора.

– Воздух, – произнес Арат. – При такой скорости, уже через сутки на Фаросе будет пригодная для дыхания атмосфера.

– К тому времени Фароса уже не будет, – ответил ему Фракиец. Оставив за спиной мрак туннеля, он повернулся к своим людям.

– Братья мои, мы стоим здесь на пороге смерти. Каждый из нас дал клятву, что мы уничтожим пятно на чести нашего ордена, чтобы те воины, которые заменили нас, смогли нести наше наследие в будущее без стыда и страха, что их осудят.

Он оглядел всех: Келтру, который за свою службу прошел через столько мучений; аптекаря Арата, взявшего на себя ответственность за их духовное и физическое состояние; Галерию, Аласа и Рена, которые сопровождали крио-хранилище,

облаченные в бережно сохраненные терминаторские доспехи и управляющиеся с ними с честью и мастерством столетних ветеранов; Бока, который так и не закончил обучение у Себастиона и который теперь так никогда и не будет посвящен в тайны Бога-машины и не сможет стать заменой Мастеру кузни; и брата Дорора, чьи доблестные попытки восполнить поредевшие ряды ордена так предательски свели на нет.

– Мы, бывшие когда-то великим братством, теперь превратились в небольшую группу, – произнес Фракиец. – Но в каждом из нас есть толика воли Императора – полученная нами через Его дары, Его учение и мудрость Его сына. Это всего лишь пылинка, крошечное мерцание в великой тьме, которая угрожает поглотить галактику, и все же она достаточно могущественна, достаточно сильна, чтобы одолеть разум улья. Достаточно сильна, чтобы сохранить верность всему тому, кто мы есть, несмотря на происки наших врагов. Будущее нашего ордена обеспечено, и нам не стоит более о нем беспокоиться. Это будет долгое и славное будущее, но в нем нам места нет. Да и не должно быть. Как только мы шагнем за эти врата, через которые проносили останки наших павших братьев на протяжении почти ста веков, нас тоже не станет. Мы тоже погибнем. Мы стоим здесь в качестве мертвецов. Мы войдем в эти подземелья и перестанем считаться живыми. Несмотря на то, что болтеры будут грохотать в наших руках и наше оружие будет нести гнев Императора – мы будем мертвы. Но в смерти мы свершим свое возмездие.

– Пора, – произнес он после паузы. – Отложите мертвых в сторону. Разбудите наш груз.

– Здесь и сейчас, милорд? – Арат выступил вперед.

– Да.

– Тогда я спрошу у вас, как то велит мне мой долг. Услышьте это – как только субъект пробудится, его уже будет невозможно снова погрузить в спячку.

– Здесь и сейчас, аптекарий, – приказал Фракиец. – Как бы это было ни отвратительно, но мы должны использовать его. Времени становится все меньше.

– Как пожелаете, милорд, – сказал Арат. Со всей торжественностью, которой требовал момент, он поднял маленькую косу, висевшую у него на шее на алмазном цепочке. На первый взгляд она казалась украшением, но скрывала внутри себя специальный ключ.

– С помощью этого ключа я открою позор нашего ордена и выставлю его напоказ, – произнес он.

Арат оторвал головку от косы и активировал ключ.

– Такой позор разобщает наше братство, – продолжил он.

По периметру хранилища замигали огни. С боков начал вырываться переохлажденный газ, который быстро рассеивался в разреженном воздухе.

Борта открылись, выплескивая клубящуюся белизну в окружающий вакуум.

Внутри должны были находиться отделения для хранения бронированных колб с геносеменем, самым ценным ресурсом любого ордена космического десанта. Но их убрали, а вместо них был установлен тесный металлоновый контейнер. Жидкость, близкая по температуре к абсолютному нулю, поддерживала заключенного в нем пленника в состоянии анабиоза. Подвесная камера в таких устройствах обычно представляла из себя какой-либо жесткий контейнер, но нехватка места вынудила Арата и Себастиона выполнить ее из ударопрочного пластика.

Материал не был прозрачным, но можно было различить, что внутри находилось нечто отдаленно гуманоидное. Отчетливо были видны очертания головы, похожей на луковицу, и тела, свернувшегося в позе эмбриона, которое охватывали три руки. Ноги существа выделялись, проступая через податливый материал.

Арат подошел к панели управления, закрепленной болтами на внутренней поверхности устройства. Пространство саркофага было реорганизовано, чтобы вместить несколько цилиндров с различными жидкостями. От них отходили трубки, заходящие в хранилище с существом через специальные уплотнения. Все было покрыто толстым слоем инея.

– Мне начать цикл реанимация, милорд? – спросил Арат. – Это последняя возможность отказаться от данного плана.

– Начинай, – приказал Фракиец. – Это наш конец. Наша гибель приближается.

– Как прикажете, – подтвердил Арат. – Запускаю цикл реанимации.

Арат набрал код на панели с кнопками, светящимися тусклым зеленым светом. Он ввел последний символ в коде, подтвердил комбинацию, и машина заработала.

Температура пленника саркофага начала быстро повышаться. Криопротекторы в жидкостях, заменявших кровь существа, предотвращали образование кристаллов льда и разрушение клеток организма. Когда криопротекторы стали достаточно жидкими, запустился процесс их откачки и замещения подогретой кровью.

Арат следил за реанимацией. Трое терминаторов стояли на страже, контролируя периметр. Остальные братья молча наблюдали за происходящим. Камера с существом вместе с цилиндрами исходила паром от быстрого роста температуры. Жидкость вокруг пленника саркофага запузырилась.

– Замена жидкостей завершена, – произнес Арат. – Начинаю перезапуск сердечнососудистых систем.

На маленьком экране отобразились ровные линии и нулевые показания приборов. На пульте замигали огоньки. Легким нажатием на клавишу Арат послал электрический заряд в обитателя гроба. Существо содрогнулось. На экране линии сменились пиками, которые, однако, быстро выровнялись.

– Еще раз, – приказал Фракиец.

Арат послал еще один электрический импульс. Конечности монстра судорожно дернулись. Изолинии взбрыкнули и снова стали ровными. Но затем, одна за одной, они стали зубчатыми, с характерными пиками и впадинами. Сперва восстановилось сердцебиение, потом дыхание и, наконец, мозговая активность...

Голова существа повернулась и прижалась к пластике тяжелыми надбровными дугами. Вслед за ними в поверхность уперлась культия одной из конечностей.

– Освободи его, – приказал Фракиец.

Арат достал боевой нож, повертел его в руке, поднял рукоятку вверх и сделал быстрый и точный надрез.

Пленник вывалился наружу, волоча за собой провода и трубки. Какая-то малая часть его по-прежнему оставалась человеческой, это читалось в желтых, глубоко посаженных глазах. В них светились остатки человеческого разума. Все остальное было чужим. Три руки, раздутая голова грязно-белого цвета, хитиновые пластины и ярко выраженная клетка экзоскелета цвета слоновой кости, защищающая туловище. На конечностях окрас существа приближался к характерному цвету кожи Сотаранцев,

теплому оливковому. Но полностью не соответствовал. В нижней части спины из стороны в сторону метался рудиментарный голый костяной хвост.

Косы Императора изуродовали это существо. Его рот закрывала неподвижная маска, прикрепленная прямо к кости монстра. На его шее висел тяжелый ошейник. Кисти всех трех рук оказались ампутированы, а когти на ногах были срезаны под корень. Оно смотрело на них с ненавистью, чистой и яростной, и, безусловно, тоже человеческой.

Фракиец не испытывал жалости к этому существу. Это был ксенос, гибрид из первой волны инопланетных захватчиков, призванной сеять беспорядки и разрушать цивилизации, перед тем как флот-улей прибудет на пиршество. Тот факт, что оно являлось наполовину человеком, только усиливал ненависть Фракийца к нему. Оно было олицетворением слабости терранской расы. Символом позора ордена.

Фракиец пристально посмотрел ему в глаза. Из клыкастой пасти, скрытой маской, раздалось злобное шипение.

Существо прыгнуло на него, выбросив вперед обрубки рук, чтобы нанести удар.

Арат нажал кнопку на коробке, прикрепленной к поясу.

Существо дернулось в полете и тяжело упало на пол, скорчившись от нестерпимой боли и колотя конечностями по земле. Монстр выгнул спину и пронзительно завизжал.

– Довольно! – приказал Фракиец.

Арат снова нажал кнопку на коробочке. Гибрид свернулся калачиком.

Келтру шагнул вперед, присоединив тяжелую цепь к кольцу на ошейнике существа и рывком поднял его на ноги.

Фракиец уставился на гибрида и встретился с ним взглядом. Даже с активным нуль-полем он чувствовал легкое психическое воздействие – успокаивающую ауру, направленную на то, чтобы вызвать доверие. Легкое действие, которое аура оказывала на Фракийца, разожгло его гнев еще сильнее. Это был самый коварный и подлейший трюк этих вырожденков, своеобразная психическая диверсия, направленная на тех, кто может их обнаружить. Достаточно сильная, чтобы затуманить разум космодесантника.

– Включи его вокс-бусины, – приказал Фракиец.

Арат щелкнул переключателем.

Магистр ордена присел на корточки, чтобы заглянуть гибриду прямо в глаза. Оно сморщило нос под маской, увидев свое отражение. На подсознательном уровне существо осознавало, что оно такое. Фракиец был в этом уверен.

– Когда Эдриос впервые показал мне тебя спустя несколько дней после падения Соты, он сказал, что однажды ты поможешь мне найти источник порчи, погубившей наш мир и наш орден. Все остальные слова Эдриоса оказались ложью, но клянусь Императором, что я докопаюсь до правды.

– Искупи свою вину, мерзость, – добавил Фракиец после паузы. – Отведи нас к своему отцу.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Основная локация Бета

Дроны некронов образовали стену из непрерывно движущегося металла. С невероятной скоростью они прогрызались сквозь древний феррокрит, из жвал вырывались лучи, разлагающие вещество до молекул. Они кружились в сложном узоре – живая буровая установка с трепещущими крыльями. Те из дронов, что наполняли свое брюхо материалом, перелетали к краям тоннеля, где выкладывали новые слои черного камня, переработав поглощенное вещество. Все едва заметные трещины, образовавшиеся после удаления рокрита, тут же заполнялись. Поврежденные поверхности становились гладкими и блестящими. На стенах открывающегося взору тоннеля, ведущего вглубь горы, виднелись зеленые отсветы.

Группа Феликса, не сбавляя темпа, вышла из Зала Основателя, или Основной локации Альфа, как теперь называл его Коул. Вокруг царила тишина практически безвоздушного пространства, но в воксах постоянно слышались шумы и слабые помехи, многочисленные и разнообразные как звуки в джунглях. Только от скарабеев иногда исходил слабый дребезжащий звук, и миниатюрные гауссовы лучи еле-слышно шипели и время от времени вспыхивали вспышками энергии, когда перерабатывался особенно большой кусок камня. В остальном же их окутывала гнетущая тишина практически полного вакуума, только подчеркивающая зловещесть дронов.

От главного прохода ответвлялось множество туннелей поменьше, а по полу тянулась расселина, также заполненная феррокритом. Периодически от общего роя пытались отделиться небольшие стайки скарабеев, устремляясь к новым целям, но каждый раз управляющие программы Коула их останавливали, вызывая помехи в воксбусине Феликса. Тетрарх отступил в сторону, пропуская промчавшиеся мимо его головы две группы дронов, по десятку жуков в каждой. Излучение от двигательных установок ксеносов активировало на дисплеях его боевой брони предупреждающие руны. Серво-череп Коула словно пастушьи собаки парили позади роя, а сам архимагос выглядел до опасного расслабленным. Между этим многоногим экс-человеком и инопланетными машинами, которых он поработил, существовало некоторое родство. Это было неправильно...

– Не волнуйся, Децим, – произнес Коул. – Я полностью их контролирую. Тебе они не навредят.

– Они хотят вырваться на свободу, – ответил Феликс.

– Их основные директивы сильны. Они хотят восстановить Фарос. А вообще, мне кажется что когда мы спустимся ниже, наша маленькая колония станет больше не нужна. Нижние туннели уже наверняка расчищены их товарищами. В недрах горы сейчас работают многие тысячи, если не миллионы, скарабеев. Их основные задачи – восстановление и размножение. Это просто удивительные создания. Если оперировать простыми понятиями, то они перерабатывают материю в чистую энергию и затем используют ее для создания всего, что пожелают. Если их не контролировать, они будут без остановки размножаться. Один из моих коллег рассказывал мне о мире, который скарабеев полностью поглотили только для того, чтобы потом преобразовать в шар из непрерывно перерабатываемых дронов. Гравитация сработала против них. При достижении критической массы силы притяжения сформировали из них планету, хоть

они и пытались вырваться. – Он улыбнулся. – Мне бы очень хотелось взглянуть на этот удивительный мир. Представь, что мы можем завладеть этой силой. Децим, мы столь многому можем научиться у некронов. Очень многому. – Он постучал металлическим пальцем по виску. – Как я люблю говорить, я знаю, что это богохульство, но, тем не менее, это – правда.

– Как вам удается их контролировать? Я ни разу не слышал, чтобы техножрецам удавалось взломать управляющий сигнал некронов.

Коул удовлетворенно вздохнул, довольный, что отметили его власть над скарабеями.

– Это же я, Децим! Уж ты то должен знать, что я способен на многое. Настроечная площадка Основной локации Альфа позволяет получить доступ к возможностям, о которых старый Механикум даже и помыслить не мог. Это основной интерфейс, связанный с механизмом горы, и, хотя он еще не восстановил свою полную функциональность, но если ты обладаешь соответствующими знаниями, то сможешь управлять этими дронами. Именно так я и сделал, благодаря определенной информации, которую получил от одного из их техников. А вот каким образом я ее получил, пусть останется в секрете. Не хотел бы тебя шокировать, – он подмигнул. Жест, который Феликс счел совершенно неуместным.

– Ваша несерьезность – это существенный недостаток, – произнес Феликс. – Когда-нибудь вы допустите ошибку.

– Нет, – ответил Коул. – И кроме того, эту личность я ношу специально для тебя, Децим. Именно на нее ты реагируешь лучше всего. Твой психо-профиль не врет.

– Коул, всего вы знать не способны, – проворчал Феликс. – И профиль ошибается.

– Да неужели? – весело спросил Коул. Феликс ненавидел, когда он так говорил. А его высокомерную, заносчивую интонацию ненавидел еще больше. – Например, я знаю, что ты сейчас раздражен моим поведением, Децим, – непринужденно добавил Велизарий.

– Я в гневе на вас, а не раздражен, – стоически ответил Феликс. – Вы приводите меня в бешенство и ведете себя безответственно. Вы скрываете от меня правду ради дешевой драмы. Вы неуравновешенны, раздражительны, высокомерны и опасны.

– Ты так и напишешь в своем рапорте Робауту?

– С этих слов я начну и это же будет основным мотивом. Я раскрою все в подробностях. Которых предостаточно. Лорд-регент любит подробности.

– Даже так? – воскликнул Коул. – Ну что ж, я не стану насмехаться над ним из-за этого. Что такое статистика и информация, которых он так жаждет, если не данные в чистом виде. И что такое данные, если не знание обо всем во всех подробностях? Я раздражаю его так же, как и тебя, дорогой Децим, но мы с ним не такие уж и разные.

– Ваши просьбы назначить вас генералом-фабрикатором Марса приводят его в бешенство, – повысил голос Феликс. – И выставляют на обозрение ваши непомерные амбиции.

После этих слов странные движения Коула прекратились, и он резко повернулся к Феликсу. Слаженная работа дронов дала сбой, и Коулу пришлось отвлечься, чтобы вновь взять их под контроль. Когда он это сделал и заговорил, его голос звучал обеспокоено.

– Я ничего подобного не просил, – произнес Велизарий.

– Твой механизм, этот Коул-Помощник, все время докучает его этой просьбой. В каждом сообщении, – ответил Феликс.

Скараabei продолжали свои раскопки, постепенно удаляясь от людей.

– Неужели? Весьма интересно. Мне придется что-то с этим сделать.

– Не притворяйтесь, что не в курсе. Каждая такая просьба очень сильно раздражает лорда Жиллимана. Он говорит, что вы знаете, что вас нельзя назначить лидером марсианского культа без угрозы развязать гражданскую войну.

– Бесспорно, я не могу быть генерал-фабрикатором! – воскликнул Коул. Он снова двинулся вперед, постукивая нижними конечностями по блестящему полу. – Половина Механикус считает меня анти-созидателем, облаченным в металл и плоть. – Он подошел поближе, чтобы Феликс смог услышать его нарочито театральный шепот. – Ты же знаешь, я ведь веду исследования. А некоторые, представляешь, даже называют меня ученым! – Он рассмеялся. – Если я даже просто многозначительно приподниму бровь в сторону кузни генерала-фабрикатора, во всех мирах-кузницах тут же начнется кровопролитие. Мы переживем что-то подобное Ереси. Хотя я признаю, что это тешит мое самолюбие.

– Тогда зачем вы все время об этом просите?

– Что самое забавное, – Коул улыбнулся. – Я этого не прошу. Децим, я не хочу быть генералом-фабрикатором. Да ни за что на свете! Это роль политика. А я – гений, а не политик. Я не жажду власти. У меня нет никакого желания править. Правление, как известно, сопряжено со множеством обязанностей. Обязанности – это оковы, а гении никогда не должны быть скованы. Ты действительно веришь, что я желаю этого всем сердцем? – он усмехнулся и покачал головой. – Нет, нет, и еще раз нет.

– Тогда чего же вы хотите? – спросил Феликс, внимательно посмотрев на своего создателя.

– Я хочу того же, что и ты, Децим. Я тебе это уже не раз говорил! Сколько еще мне нужно это повторять? – воскликнул Коул. – Я хочу спасти человечество от Хаоса и остального зла этой вселенной. Я мечтаю, что однажды повергну великого демона, имя которому Невежество, и освобожу человечество от тьмы. Я желаю того же, чего хочет твой генетический отец, даже если мы и не сходимся во взглядах на то, как это должно быть сделано. Мне больно от того, что другим приходится страдать, – он стал серьезным. – Не знаю, веришь ли ты, но мне больно от того, что я сделал с тобой. Если бы я только мог, то никогда бы не превратил никого из вас в космодесантников. Вы бы остались дома и прожили счастливую жизнь, но Махина Опус Бога-Машины осквернена. Величайший труд в истории вселенной пошел не так, как планировалось. Все это нужно исправить, чтобы люди снова смогли жить в мире. Я знаю, как можно изгнать Хаос, как противостоять угрозе некронов, как убедить альдари прекратить свои игры. Но мне нужна твоя помощь, Децим. Мне очень нужна помощь. Один я не справлюсь.

– Тогда почему вы меня так бесите? – тон Феликса по-прежнему оставался резким. – Ведь вы делаете это специально.

– Да, – признался Коул.

– Но зачем?

– Я тебя раздражаю?

– Да.

– Злю, расстраиваю, огорчаю, обижаю?

– Каждый раз, когда мы встречаемся.

– И как ты себя чувствуешь?

– Я переполнен желанием выбраться из-под вашей тени, – огрызнулся Феликс.

– Ну что ж, – произнес Коул, застенчиво улыбаясь под аугметической маской. – Думаю, можно смело сказать, что ты перестал меня бояться. Ты же ведь не боишься меня, не так ли?

Засеменив ногами Коул устремился вперед. Феликса обдал порыв ледяного древнего воздуха, навевая неприятные воспоминания.

Как бы это ни раздражало, но Коул оказался прав. Феликс его не боялся. Уже нет.

Они продолжили спуск. Внутренние помещения Фароса создавали ощущение неправильности. Когитатор Феликса показывал картолиты, которые не имели никакого смысла. Согласно показаниям его сенсоров, они шли по потолку и совершенно не чувствовали влияния гравитации. И при этом направлялись вниз, хотя по внутренним ощущениям они поднимались. Порой казалось, что они проходят одну и ту же секцию несколько раз, хотя назад они не возвращались. Попытки когитатора выстроить карту ни к чему не привели, и устройство разочарованно пискнуло. Феликс отключил его, прежде чем дух машины успел бы испортиться от этих бесплодных усилий.

От коридора все чаще отходили другие проходы, и их становилось все больше и больше. Некоторые из них, должно быть, были тупиковыми, потому как в них образовались карманы древнего воздуха, которые не выпускал феррокрит. Туннель становился все круче и уже. Керамитовые саботоны начали предательски скользить. Поверхность пола не позволяла использовать магнитное крепление. Феликс увидел в феррокрите следы металла и указал на них Коулу. Архимагос остановился, подозвал к себе стаю украденных дронов и передал им новые инструкции. Скарабеи двинулись дальше, прокладывая путь через феррокрит, однако теперь они оставляли за собой нетронутые древние ступени, отлитые из пластали.

– Их сделали имперцы, – произнес Феликс, рассматривая выштампованный в металле символ Опус Машина.

– Это дело рук древних Механикум. Возраст – примерно десять тысяч лет, – ответил Коул. – Мы не первые из нашего вида, кто проходил этим путем.

Очевидно, гора была активна уже тогда, потому как имперские артефакты оказались наполовину поглощены черно-зеленым камнем. Скарабеи, казалось, находили эти надстройки особенно отвратительными, и Коулу приходилось их постоянно одергивать и уводить в сторону от креплений, удерживающих помост на камне чужаков.

Они миновали открытый туннель, закручивающийся спиралью и ведущий в искаженный проход, наполовину поглощенный живой скалой.

– В библиотеке Птолемея была карта, – произнес Коул. – Теперь она бесполезна. Как ты мог заметить, Фарос изменчив и не имеет определенной формы.

Спустя час пути туннель окончился огромной пещерой. Феррокрит покрывал только примыкающую ко входу часть. Местами имперский материал уже был поглощен проступающим черным камнем. Несколько мертвых скарабеев – иначе как живыми существами Феликс их не воспринимал – лежало на земле. Несколько дронов из роя Коула отделились, чтобы позаботиться о своих бездействующих товарищах.

Поблескивая панцирями, они сгрудились над сломанными механизмами и уже через несколько секунд завершили ремонт. Ожившие скарабеи поднялись в воздух и возобновили работу, заброшенную неизвестно сколько веков назад.

– Здесь нужно убрать большое количество феррокрита, – сказал Коул. – Я должен сосредоточить все свое внимание на дронах ксеносов. Вы пока можете отдохнуть, если желаете.

Вместо организации привала люди Феликса рассредоточились по пещере. Свет фонарей отражался от блестящей черной скалы и не проникал вглубь, хотя каждый прекрасно мог видеть, как глубоко внутри двигаются светящиеся фигуры. По всей поверхности пещеры были разбросаны выходы во множество туннелей, ведущих в неизвестность. Размеры проходов были совершенно разнообразны – от микроскопических до настолько огромных, что через них мог спокойно проехать «Лэнд Рейдер».

Феликс взгляделся в камень. Призрачные огни собирались в том месте, в которое он смотрел, привлекая его внимание, завлекая его придвинуться ближе. Под пристальным взглядом огоньки сливались, превращаясь в почти узнаваемые очертания. Феликс протянул руку, и сверкающая скала покрылась рябью.

– Тетрарх! – прозвучал в воксе голос Комина, отвлекая внимание Децима. Он сжал кулак. Огни погасли, движение на поверхности скалы исчезло.

Комин приблизился к отверстию высотой в полтора метра, расположенному в стене пещеры. Его пол находился примерно на уровне пояса космодесантника. Овал входа был непроглядно черным, из-за чего казалось, что туннель не имеет конца, но, когда свет от фонаря проник внутрь, воин увидел блики, отражающиеся от далеких стен. Там была еще одна пещера.

– Я видел вспышки, – произнес он, держа болтер наготове. Иксен и Дэл подошли с флангов, и Комин подался вперед. По ту сторону вспыхнул свет.

– Там кто-то есть! – воскликнул сержант. – Это Астартес! Не стрелять!

В пещере на том конце то вспыхивал, то гас свет. Затем болтер Комина дрогнул. Воин наклонился вперед, вглядываясь во что-то, затем неуверенно отступил назад и снова прицелился.

– Клянусь Императором... – прошептал он.

Феликс подошел и поравнялся со своим сержантом.

На дальнем конце туннеля он увидел Комина, Дела и Иксена, которые смотрели на него. Двойники были перевернуты и стояли на потолке. За их головами Феликс заметил еще одного Коула, управляющего дронами ксеносов, работающими над поглощением феррокрита, и остальных космодесантников, приближающихся, чтобы выяснить, что происходит.

– Отставить! – крикнул им Комин.

Другой Комин делал все то же самое, их болтеры смотрели точно друг на друга. Феликс смотрел, как его двойник поднял руку в останавливающем жесте, полностью повторяя его собственные движения.

– Это мы, – сказал Феликс. – Не стреляйте.

– Уловка ксеносов, – прорычал Комин.

– Я приказываю вам отставить, – жестко произнес Феликс. Он посмотрел на своих людей. – Всем вам.

Комин неохотно опустил болтер. Другой Комин повторил его движение через долю секунды.

– Поразительно, – прошептал Дэл. – Что это вообще?

– Отойдите, – холодно сказал Альфа Примус и подошел к ним. – Не смотрите.

– Это что, какое-то видение? – спросил Дэл. – Какой-то трюк?

Феликс заметил, что на той стороне не было Альфа Примуса. Он присмотрелся и увидел, что вместо него на страже вокруг Коула стоят другие космодесантники. Все они были облачены в такие же серые доспехи и насчитывали в общей сложности двадцать человек.

– Это пространственное зеркало, – ответил Альфа Примус. – Мы видим представление реальности такой, какой она могла бы быть, если бы судьба пошла другим путем.

Трое космодесантников-примарис в серых доспехах отошли от своего хозяина и подошли к остальным. Казалось, они о чем-то спорят. Появился четвертый, затем пятый, и вокруг кулаков и голов двух последних вспыхнули нимбы психической энергии.

Феликс заметил и другие отличия. В отражении не было Иксена. На его месте стоял другой воин, чьи доспехи не несли на себе знаков принадлежности к Аквилонскому Братству. Гатейн оказался облачен в обычную боевую броню. Тронк носил белый доспех аптекаря, вместо улучшенного снаряжения технадесантника, выкрашенного в красные цвета Марса. Также Феликс запоздало увидел, что рука его второго «я», лежащая на наплечнике Комина, была аугментической.

– Отвернитесь от них, – произнес Альфа Примус. – Я чувствую волнение. Отступите назад, и видение исчезнет.

– Узнал все это от Коула? – огрызнулся Комин и отвернулся.

– Архимагос многому меня научил, – кивнул Примус. – Он создал меня как раз для того, чтоб разбираться с подобными неожиданностями, – воин сделал резкий, болезненный вдох. – Быстрее! Мы смотрим за барьеры, сквозь которые нельзя проникать.

– Но это не варп, – взволнованно произнес Гатейн.

– Это не какое-то конкретное место. Это отголосок различных возможностей, – сказал Примус. – Того, как все могло бы быть.

– То, что мы видим – реально?

– Честно? – Примус пожал плечами. – Кто знает? Я чувствую их мысли, но они вполне могут быть спроецированы устройством ксеносов с целью запутать нас. Спросите Коула. Может он что-нибудь расскажет, если будет в настроении.

Воины псайкеры приближались. Другой Комин рассердился и сбросил руку своего тетрарха.

– Давайте. Отворачивайтесь, – приказал Феликс. – Мы не знаем, сможем ли взаимодействовать с ними. И безопаснее этого не проверить.

– Я не повернусь спиной к тому, кто направил на меня оружие, – сказал Иксен.

– Ты сделаешь это, брат, и сделаешь немедленно, – отрезал Комин.

Все воины повернулись к проекции спиной. Все кроме Альфа Примуса. Они медленно пошли прочь. Феликс ожидал, что в любой момент получит меж лопаток болт-снаряд.

– Стойте, – пройдя с десяток шагов, произнес он.

– Не оглядывайся назад, – предупредил Альфа Примус.

– Я должен...

Он обернулся. Сквозь дыру он на секунду увидел калейдоскопическое изображение нескольких пещер, откуда на него смотрело множество Феликсов.

Руки Альфа Примуса легли на его плечи и твердо развернули.

– Довольно, тетрарх.

Несколько минут спустя, когда Феликс вновь взглянул на пещеру, вход в тоннель исчез. Вместо него был черный камень, настолько безупречно-гладкий, что он засомневался что проход вообще когда-либо существовал.

После этого они старались держаться как можно ближе к Коулу, пока тот работал. Феррокрит осыпался сверкающим дождем. Архимагос приказал дронам произвести еще больше своих собратьев, и работа ускорилась. Энергия от поглощенного феррокрита требовала выхода, и пещера освещалась вспышками разрядов, как будто скарабей производили из нее воздух.

Наконец, Коул отступил назад, и дроны ксеносов, в сопровождении серво-черепов, сбились в стаю, дрейфуя над головой Архимагоса.

– Проход открыт, – произнес он, указывая на гладкие черные стены и открытый туннель. – После тебя, Децим.

***

Количество феррокрита, который попадался группе на пути, постепенно уменьшалось. Подчиненный воле Коула рой дронов большую часть времени просто летал вокруг него упорядоченными потоками. Каждый участок искусственного камня, на который они натыкались, уже имел признаки воздействия направленных пучков частиц скарабеев, и выглядел как тающий в лучах весеннего солнца сугроб. Вместе с тем, оставалось все меньше признаков древней тропы, пока, наконец, она не исчезла вовсе. Космодесантникам пришлось сбавить шаг, чтобы не поскользнуться и не сорваться в бездонную тьму горы.

Они подошли к почти отвесному обрыву, который пересекал проход по всей ширине. По другую сторону разлома коридор продолжался. Он был не слишком широк, и космодесантник-примарис мог бы его перепрыгнуть. Однако Коул подошел к краю, посмотрел вниз и сказал:

– Мы должны спуститься. Второй пункт управления находится под нами. Основная локация Бета, как называли его мои прославленные собратья.

Склоны были гладкими, без единого следа какого-либо прохода или тропы. Возможно, он появился совсем недавно, и его не успела коснуться рука человека. В любом случае, с такими гладкими стенами и практически отвесными склонами, он оказался непреодолим для космических десантников. Коул же мог справиться со спуском довольно легко. Он был достаточно велик, чтобы упираться в обе стены разлома, и имел достаточно рук и ног, чтобы с легкостью цепляться за скользкий камень. Но космодесантники так спускаться не могли. Они понятия не имели, насколько глубока яма, а боевая броня могла их защитить только от падения с небольшой высоты.

– Я пойду один, – сказал Коул. – Примус будет сопровождать меня. Мы скоро вернемся.

Он махнул рукой. Дроны устремились обратно по коридору и приземлились, расположившись аккуратными рядами, уходящими далеко вглубь туннеля, откуда пришли космодесантники. Тысячи зеленых глаз одновременно погасли.

– Один вы не пойдете, – воскликнул Феликс. – Я иду с вами.

– Если ты настаиваешь, Децим, – рассеянно ответил Коул. – Если ты настаиваешь...

– Мой господин... – начал было Комин, но Феликс его прервал.

– Нет, сержант, не в этот раз. Ждите здесь. Если мы не вернется, вам нужно будет отступить к точке эвакуации на северной посадочной площадке. Понятно?

– Тетрарх...

– Это приказ, Комин. Выполнять.

Коул махнул рукой и с лязгом устремился вниз по склону. Архимагос быстро скрылся в непроглядной тьме.

– Иксен, – позвал Феликс. – Принеси мне веревки.

– В этом нет необходимости, – произнес Альфа Примус. Он шагнул вперед и поднял руку. Вокруг его кулака вспыхнул синий свет, и Примус поднялся над полом и поплыл вперед. Когда он оказался над пропастью, то поднял другую руку, и Феликс ступил на вторую площадку психической силы.

– Как тебе удастся совершать такие манипуляции? – спросил его Гатейн. – Неужели ты сможешь поддерживать левитацию на протяжении всего пути вниз?

– Смогу, – ответил Примус.

– Черный камень причиняет боль моей душе. Разве ты не чувствуешь ту же боль? – спросил эпистолярый, когда Примус начал опускаться в расщелину.

– Чувствую, – ответил Примус. – Но я привык к боли. Боль не покидает меня.

Феликс следовал за ним вниз по шахте. Свет аугметики Коула отражался от полированного камня внизу, но самого архимагоса не было видно.

Вскоре перед глазами Феликса оказался только черный камень, и он оказался в густой, словно масло, темноте.

***

После того как они оказались внизу, Примус крикнул от напряжения. Даже если феррокрит, залитый в шахты в древние времена, и проник так далеко, то здесь от него не осталось и следа. Они вышли на перекресток, где сходились несколько туннелей. Коул уже их ждал. Проход, на который он им указал, оказался высоким и узким, и был скорее щелью, чем полноценным туннелем. Из него выплыл, завершивший разведку, серво-череп.

– Нам туда, я в этом уверен, – произнес Коул. – Все изменилось с тех пор, как были составлены древние карты, и, согласно хроникам, туннели постоянно менялись, но этот проход выглядит точно так же как тот, что описан в томах библиотеки Птолемея.

Его бледное лицо, освещенное синим светом энергетической маски, расплылось в улыбке.

Феликс подумал, что шансов, что Коул сможет пролезть в проход, очень мало, но гигантский техножрец извивался, то расплющиваясь, то растягиваясь, пока не обрел

нужную форму. Затем он скользнул в туннель, словно меч в ножны. Внутри проход заворачивал и Коул быстро скрылся из виду.

– Ты первый, – с несчастным видом произнес Альфа Примус, протягивая руку. – Я буду прикрывать тебя с тыла.

Феликс приготовил к бою свою перчатку со штурмовым болтером.

– Оружие здесь не понадобится, – сказал ему Примус.

Феликс все равно выставил вперед свой кулак и двинулся по проходу.

***

Основная локация Бета оказалась такой же захватывающей, как и было описано в книгах. Она оказалась высоким помещением, разделенным на две колоколообразные камеры, расположенные зеркально, из-за чего они напоминали песочные часы. На вершине был один из многочисленных туннелей, испещрявших Фарос и ведущих сквозь камень, пространство и время. Скульптурная, целеустремленная красота этого сооружения тронула Коула. Он начал понимать, почему оно имеет такую форму, и почему камень так блестит, почему стена выступает на несколько сотых сантиметра ближе к выходу. Коул оказался на пороге открытия, и это сильно взволновало его.

Гнетущая тишина заполнила комнату, словно вода кувшин.

В зал вошел Децим Феликс, а следом за ним Альфа Примус. Они ощутили всю важность момента. Альфа Примус изо всех сил старался сохранять невозмутимое выражение лица, но на этот раз потерял самообладание. Его гнетущее настроение было слишком очевидно. Этот человек погряз в печали. Если бы у Коула была возможность создать еще одного Альфа Примуса, он бы начал с самого начала и добавил гены радости. К сожалению, это было невозможно. Примус оставался уникальным. И все же, даже он оглядывал комнату с удивлением.

Феликс, с другой стороны, оказался гораздо более открытым в своих чувствах. В Дециме чувствовался детский азарт, отчаянная потребность доказать, что он достоин власти, которой его наделил примарх. Феликс был любимцем Коула, и побуждал в нем отцовские инстинкты, о существовании которых он даже не подозревал. Их присутствие мешало сосредоточиться, но жизнь с наблюдателями всегда лучше, особенно когда совершаются такие великие дела.

– Децим, встань вон там, – Коул направился к центру зала. Он отдал безмолвные команды сопровождающим его сервачерепам, и они выстроились в ряд, один за другим.

– Силы, которые я сейчас высвобожу здесь, могут повредить мои устройства, – произнес он. – Я не могу этого допустить. – Мехадендриты втянулись обратно в корпус. Его оружие отключилось и придвинулось ближе к телу. – Примус, прошу тебя, возьми мой топор, – обратился архимагос к помощнику, протягивая массивное, зубчатое оружие. Примус принял топор, взявшись за рукоять. – Встань рядом с Децимом. Да, вот так.

Велизарий стал ниже, немного втянув ноги, и сделал вид, что собирается с силами, хотя в действительности ему этого не нужно было делать.

– То, что я собираюсь сделать, никогда никто прежде не делал, – многозначительно произнес он, теша свое самолюбие. – У меня же есть для этого все средства. – Он постучал себе по голове. – Насколько мне известно, ни один из слуг

Императора не сумел успешно войти в сеть некронов так глубоко, как я, – решительно заявил он. – Не выходите за пределы комнаты. Не прикасайтесь ко мне. Не прикасайтесь к стенам.

В его напичканном разными устройствами черепе ожила аугметика. Он ощутил чуждый жар, исходящий от бусины черного камня у себя на затылке.

– Что бы ни случилось. Это понятно? – в глубинах скалы замерцали зеленые огни. Поначалу они появлялись случайно, но потом сложились в похожие на схемы узоры.

– Коул, да начинайте уже, – вздохнул Феликс.

– Децим, а ты умеешь испортить драматичный момент, – проворчал Коул.

Он сложил свои основные руки ладонь к ладони. Огни в камне побежали быстрее.

Фарос запел.

– Я начинаю, – произнес он. Коул полностью погрузился в инфосферу ксеносов, после чего какая-то мощная сила ворвалась в обитающую в его механическом теле душу.

Это оказалось невыносимо больно.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Предложение, от которого можно отказаться

– **Насекомое**, – произнес голос горы.

– Смирнейше приветствую вас, – начал Коул. – Я крайне рад наконец встретиться с вами. Позвольте представиться, мое имя Вели...

– **Такое ничтожное. И такое смелое. Ты пришел к нам, выбравшись из своей клетки из плоти и крови. Ты предстал перед нами, свет перед светом. Для чего?**

Коул в одиночестве стоял в темноте. Тело его освещалось только слабым светом аугметики. Он находился вне физического пространства. Его оболочка была лишь проекцией. Форма, позаимствованная из глубин сознания, соединенного сейчас с другим.

<Несанкционированное проникновение в центральное ядро памяти.>

Коул запустил дюжину процессов, чтобы защитить свой разум. Гнетущее ощущение чужого присутствия усилилось...

– **Интересно**, – произнес голос. – **Примитивен, но хорошо защищен. Попробуем по-другому.**

Неведомая сила схватила Коула и растянула его за конечности, сделав похожим на насекомое, приколотое к доске. Велизарий закричал. На этот раз существу удалось прорваться сквозь внешние информационные барьеры и проникнуть в верхние слои его души. Законы пространства и времени утратили свою силу. У Коула создалось впечатление, что огромный зонд в поисках информации копается в его прошлом.

– **Это не твоя первоначальная форма. Не твоя изначальная сущность.**

Архимагос вновь закричал. Боль, хоть и призрачная, казалась чересчур реальной. Все его аугментации аккуратно вырвали и выстроили на виду. Фарос пытался смоделировать Коула и обратил время вспять, чтобы увидеть, как он выглядел раньше. И хоть все это было иллюзией, но иллюзией чрезвычайно болезненной.

– **Нервные импульсы, органика, биоэлектрика, дополненные механическими и электронными улучшениями... Но развилось это все из... А, так ты одно из их вещей... – очередная пауза. – Ты даже не понимаешь этого и понятия не имеешь о своем происхождении. Жалкая вещь жалкой эпохи.**

– О великий! – прохрипел Коул, тяжело дыша. – Выслушай меня. Я пришел сюда, чтобы предложить союз между...

– **В материальной форме предмета появляется нервный импульс. Назначение импульса – создание колебаний в газовой среде. В результате он говорит**, – произнес голос. – **Он перестанет.**

Боль затопила все существо Коула, пронзая его до субатомных частиц и даже еще глубже

– В этом нет необходимости! – взвизгнул он.

– **Он все еще продолжает говорить. Прекратить.**

Боль усилилась.

– Я пришел сюда с предложением! – завопил Коул. – Покажитесь! Позвольте встретиться лицом к лицу!

– **Лицо?** – спросило существо. – **Лицо. Фронтальная выразительная область в передней части верхнего элемента тела, чаще всего, прикрепленное к**

эндоскелетной коробке, в которой находятся органы материально-нематериального взаимодействия, – оно замолчало. – **Лицо. Лицом к лицу. Странное выражение. Подразумевается личный контакт. У тебя нет «лица», только маска, и надетое в твоей материальной форме лицо не является твоим собственным, – голос прозвучал самодовольно. – У нас нет лица. Свету не нужно лицо. Давай посмотрим, какое лицо ты имел раньше.**

Самые древние импланты Коула оказались сорваны с креплений. Архимагос взвизгнул, когда металл отделился от кости. Он удивленно моргнул, когда плоть, отринутая так давно, вновь обтянула его лицо. В этот момент окружающее Коула пространство заполнилось левитирующей аугметикой.

– **Время ничто для нас, – напыщенно произнес голос. – А ты ему подвластен, – он сделал паузу. Коул ощутил, как существо пробивается в его сознание. И по-прежнему Велизарию удалось оставить самые сокровенные части своего существа неприкосновенными. – Насекомое, – раздраженно произнесла гора.**

– Вы хотите понять меня, – произнес Коул.

– **Мы желаем подвергнуть тебя вивисекции, – ответило существо. – В тебе нет ничего, что стоило бы понимать. Мы разорвем твое тело на части, чтобы посмотреть, как оно работает, потому что мы должны понять этот новый век.**

– В этом нет необходимости, мы с вами родственные души, – выдохнул Коул каким-то образом. Компоненты его грудного отсека уплывали в темноту, где разбирались на составляющие и замирали в воздухе в виде схемы сборки. Все выглядело пугающе аккуратно.

– **Мы не такие, как ты, – ответил голос. – Мы – бог. Ты – ничтожество.**

Неподвижный, измученный болью, Коул смог рассмеяться. Раздражение существа ощутимо росло.

– Бог – понятие растяжимое, насколько я знаю. Есть всего один бог. Бог-Машина, и вы – не он.

Теперь уже рассмеялось существо. Его голос распался на дюжину насмешливых голосов, грохочущих и переполняющих разум Коула. Существо удвоило свои усилия, чтобы пробиться сквозь защиту Коула и добыть информацию из его души. Ему удалось немного продвинуться и Коул застонал.

– **Это боги твоего времени. Бог машин. Боги Хаоса. Бог... людей? Люди, – оно сделало паузу, оценивая слово. – В этой эпохе есть слабость. Ты – человек. Ты слаб. Ваш вид слаб и отошел далеко от первоначального плана нашего врага. Все, кому вы поклоняетесь – не боги. Этот Бог-Машина, эти сущности в варпе, этот Император. Мы тебе все объясним. Первый – это ложь. Вторые – это случайно появившиеся сознания, порожденные возмущениями в эфире. Третий – это оружие, – на этом существо остановилось. – Идет война. Хм... разлом? Открылся разлом. Чистота реальности осквернена. Война продолжается. Наша война. Вы в ней сражаетесь. Но вы слабы. Вы – эхо. Отголосок былой мощи. Пятно на чистом листе. Слава покинула эту галактику.**

– Вообще-то, я могу быть сильным, если это требуется, – проговорил Коул. – Если вы поговорите со мной, то увидите это. Мне есть, что вам предложить! Смотрите, я все еще продолжаю завоевывать ваше расположение, несмотря на все мучения.

Его пронзила жгучая боль. Он взвыл, а потом опять улыбнулся.

– Вам не удастся заставить меня замолчать. Выслушайте меня.

Существо молчало.

– **Возможно**, – наконец произнесло оно.

– Я могу помочь вам.

– **Возможно.**

– Нам есть, чему поучиться друг у друга.

– **Определенно нет. Тебе никогда не познать того, что знаем мы, и тебе нас учить нечему.**

– Вы ошибаетесь.

– **Вместо этого, ты освободишь нас.**

Существо сделало паузу.

– **Ты уже слышал это раньше. Мы видим это в глубинах твоего разума.**

Коул ничего не ответил.

– **Ты уже слышал это раньше, от одного из ваших так называемых богов**, – настаивал голос. Коул ощутил, как оно отступает назад, чтобы рассмотреть его издали, – так делают существа, которые желают понять, что из себя представляет сложный механизм, посмотрев на него под другим углом. – **Это странная эпоха. Нам нужно многое узнать. Мы снова настроим твой темпоральный резонанс, чтобы ты показал нам больше.**

– Стойте! – воскликнул Коул, но он уже вернулся в прошлое.

Около 10000 лет назад

Коул и Фридиш провели неприятный месяц взаперти на корабле Альтрикс. Корабль был быстрым, а варп спокойным, но Терра находилась слишком далеко от Ризы. Время текло медленно. Стали возникать разногласия, и Коул все чаще позорил себя своим капризным поведением. Поначалу они много общались, но в конце концов Велизарий и Фридиш окончательно устали друг от друга. В итоге большую часть пути они провели порознь в противоположных концах своей общей каюты, препираясь каждый раз, как заводили разговор.

Как-то раз, когда корабль проходил мимо священного Марса, Альтрикс в порыве необъяснимого радушия позволила им подняться на обзорную палубу. За Коулом и Фридишем пришел стражник и повел их вверх по палубам корабля. Они пререкались и спорили, как родственники во время дележки наследства, пока, наконец, не подошли к окнам галереи, где им открылся вид на великое зло, причиненное Марсу. Зрелище заставило их замолкнуть.

Они стояли, разинув рты. Фридиш схватил Коула за руку. Корабль проходил вблизи Марса, недалеко от верхних уровней стояночных доков. Все вокруг было заполнено колоссальными по размеру облаками дрейфующих обломков, варьирующихся от крупных кусков боевых крейсеров до мельчайших осколков краски, поблескивающих на солнце словно иней поутру. Хоть скопище осколков и было густым, но оно не могло скрыть того, что произошло с родным миром Коула и Фридиша.

Красную пустыню пересекали гигантские черные шрамы. Целые города были полностью истреблены. В тех местах, где некогда стояли храмы-кузницы и промышленные комплексы, чьи шпили вздымались в небеса во славу Бога-Машины, поверхность усеивали свежие ужасающие кратеры.

– Велизарий, он исчез. Мой дом... он исчез, – Фридиш поднял дрожащую руку и указал на глубокий каньон, пролегающий на том месте, где располагалась фабрикаторская агломерация Мандус Планус.

По всему Марсу с лица планеты были стерты города и поселения. Кратеры от взрывов темными брызгами усеивали всю обозримую поверхность. Опясывающее экватор легендарное железное кольцо, пострадало не меньше, чем сама планета. Отсутствовали целые секции, чьи обломки дрейфовали среди мусора, наводнившего орбиту красного мира.

– Это Марс, – произнесла Альтрикс. Она стояла, выпрямившись и заложив руки за спину, словно офицер, докладывающий своему генералу. – Это ваш дом. Я думаю вы заметили тот значительный ущерб, что был нанесен миру в результате восстания Адептус Механикус. Я точно знаю, что в недрах ульев все еще продолжаются сражения. Предатели очень живучи.

– Все знания, все эти люди... – тихо прошептал Фридиш и сдавленно всхлипнул.

– Как я понимаю, ты хочешь нам этим что-то сказать, – мрачно заметил Коул.

– Верно, – кивнув, ответила Альтрикс. – Я хочу, чтобы вы увидели, как много мы потеряли. Я хочу, чтобы вы помнили, что здесь увидели, когда директор будет делать вам предложение. Знания бесценны. И их мы потеряли не меньше, чем было пролито крови на войне. Нам стоит объединиться, чтобы сохранить хотя бы то, что осталось, – она посмотрела на них, и скривила губы. – И неважно, насколько это неприятно, – Альтрикс распрямила руки. – Я оставлю вас здесь, чтобы вы смогли понаблюдать за результатами человеческой глупости и поразмыслить над моими словами. Когда вы будете готовы, мои люди отведут вас в ваши покои. Мы прибудем на Терру через три дня, – проходя мимо них она на секунду задержалась. – Скоро все закончится, – произнесла Альтрикс напоследок.

Это были единственные добрые слова, которые Коул когда-либо слышал от нее.

***

Терра встретила их с холодным безразличием матери, встречающей нелюбимых сыновей. Даже до великого предательства Хоруса, истощенная родина человечества не испытывала особой привязанности к триллионам своих людей. После войны же не осталось даже и толики былой теплоты. Такой холодный прием не удивил Коула и Фридиша, они его вполне ожидали и отвечали взаимной холодностью. Они принадлежали Марсу, и только ему одному.

Терра была в еще более плачевном состоянии, нежели Красная планета. Все следы усилий Императора по омоложению планеты оказались стерты начисто. Целые города тлели грудями серых и черных обломков, а выжившие после бойни люди находились в глубочайшем шоке. Старая Земля оказалась голой, мертвой и иссохшей. Останки мира, кишасшие паразитами.

В гнетущей тишине они спускались на шаттле к поверхности. Альтрикс Эрминия поймала на себе взгляд Коула и вопросительно подняла бровь.

Велизарий отвернулся.

Они прибыли в полуразрушенный космопорт Львиных Врат и увидели погруженный в глубокий траур мир. И не только из-за потери Императора. Не было ни одного человека, которого бы не коснулась война. Каждый, от легионера до

простолюдина, кого-то или что-то потерял. Куда ни падал взгляд, все было выкрашено в черный.

Контроль был жестким, но Альтрикс имела высший уровень допуска. Ее воины беспрепятственно проходили сквозь толпы солдат, дежуривших на контрольно-пропускных пунктах. Никто не задавал вопросов относительно ее спутников.

Им предстояло проехать через то, что осталось от Императорского дворца. Большая часть дорог оказалась разрушена. Расчистили только самые ключевые магистрали. Они петляли по извилистому пути через пустошь, состоящую из искореженного металла и щебня, населенную безликими выжившими. Улицы патрулировали легионеры в неуместно ярких доспехах. Все они были увешаны знаками отличия, свидетельствующими о героических действиях при обороне. Но даже такое незначительное празднование победы казалось неуместным.

Космодесантников было очень мало. Легионы были обескровлены, а оставшиеся в живых поспешили в погоню за убегающим врагом.

Они ехали на военном транспорте – вездеходе-грузовике, несущимся над землей на восьми массивных колесах. Что-либо менее проходимое просто не смогло бы преодолеть эти руины.

Они оставили позади длинную очередь изможденных людей, ожидающих у сгоревшего жилого блока, когда им раздадут пайки. Хотя от здания остались только стены, оно находилось в гораздо лучшем состоянии, нежели соседние постройки, превратившиеся в кучи ломаного камня высотой в десятки метров.

Коул всматривался через бронированные окна вбольные лица людей. Он очень хорошо знал человеческую физиологию и понимал, что большинство из них грядущую зиму не переживет.

– Сколько бессмысленных потерь, – произнес Коул. – Так много смертей.

– За предательство всегда платят невинные, – ответила Альтрикс. – Надеюсь, теперь вы видите, о чем говорил вам директор Седейн, человечество необходимо уберечь от результатов собственных побед. Только знания помогут нам.

Коул посмотрел на нее из-под капюшона. У него было отвратительное настроение и он не желал это скрывать.

– Вы же знаете, что не услышите от меня особых возражений по этому поводу. В таком случае ответьте на вопрос, к чему все эти вооруженные люди?

– Разум смертных непостоянен. Нельзя позволить индивидуальному мнению встать на пути судьбы.

– Очаровательно. Какое же образование подарило миру такую женщину, как вы? – спросил Коул.

– Единственно истинное, – ответила она.

Транспорт свернул за угол, и выехал на одну из гигантских паломнических троп дворца. Некогда огромная дорога оказалась сужена и захламлена руинами зданий улья, упавшими на обочины. Вдалеке на горизонте виднелись зазубренные острия разрушенных дворцовых стен.

Приближалась ночь. Дни были короткими и холодными. В атмосфере было так много пыли, что потребовалась бы тысяча лет, чтобы Солнце вновь засияло на чистом небе. Светило плыло по серым небесам жалким пятном. Таким же жалким, как и любая другая душа на Терре.

***

Осталось всего несколько мест, где еще можно было встретить роскошь. Было небольшое количество нетронутых зданий и небоскребов – чудом уцелевших осколков цивилизации на всеобщем полотне разрухи. Естественно, их незамедлительно монополизировали богатые и сильные мира сего.

Эрминия отвела Коула и Фридиша к шпилью во Внешней Грифонии, находившемуся неподалеку от остатков Целантиновой стены. Здание стояло посреди многоуровневой пустоши, образовавшейся из костей его собратьев и сестер. И хоть нижние уровни небоскреба все еще стояли вертикально, их полуразрушенные стены, усеянные искусственными пробоинами, походили скорее на соты. Шрамы от боевых действий простирались до самого верха здания. А отметины от огня лэнс-орудий космических кораблей прорезали серебристую обшивку словно следы от когтей невиданного гигантского монстра.

Но внутри кипела жизнь. По зданию сновало множество сервиторов, укреплявших поврежденные конструкции. Каждый из них трудился над своей индивидуальной задачей. Но всем вместе, в совокупности, им удавалось быстро выполнять сложнейшую работу.

– Терра возродится, – произнес Фридиш. – Надеюсь, то же самое сейчас происходит на Марсе.

– Оба мира выжили, – мрачно проговорила Эрминия. – Но они уже никогда не будут прежними.

Они вошли в кабину лифта в сопровождении охранников Эрминии и он начал быстрый подъем. Системы атмосферного контроля еще сбоили, и по дороге им несколько раз закладывало уши. Наконец, лифт начал медленно снижать скорость.

Они вышли на верхнем этаже, где коридоры продували ледяные гималазийские ветра, несмотря на то, что с виду все казалось целым. Нагнетатели атмосферы стонали, пытаясь поддержать пригодное для дыхания давление. Из-за того, что здание находилось в горах, а шпиль был высокий, воздух здесь оказался сильно разряженным – и Коул, и Фридиш дышали с трудом, пар из их ртов моментально кристаллизовался и опадал кристалликами льда.

Не обращая внимания на их затруднения, Эрминия устремилась по коридору в сопровождении своих бойцов. Ни она, ни ее солдаты, не страдали от разреженной атмосферы и продолжили идти идеальным строем через развалины, поблескивая шлемами и оружием, в то время как Коул и Фридиш с трудом делали каждый вдох.

Они подошли к большой двери, перед которой была натянута мягкая пластековая пленка вспомогательного шлюза. Пленка начала надуваться как воздушный шар, пока не застыла в неподвижности. Двери шлюза открылись, и Коула с Фридишем втолкнули внутрь, где они с благодарностью глотнули теплого, насыщенного кислородом воздуха. Оказавшись внутри, они смогли хорошо разглядеть проход в комнату. Дверь была бронзовой, трех метров высотой, с изображениями гражданских и космодесантников, ведущих человечество к светлому будущему. В текущей ситуации вытравленная на металле картина выглядела неуместно.

Их встретила анфилада из комнат, главная из которых поражала огромными размерами и роскошной обстановкой. В ней было окно, выходящее на разрушенный город. Возможно, чтобы не видеть пейзажи разрушенной Терры, окно было затемнено

практически на максимум. Дорогие ковры тянулись к стенам приятной извилистой формы. Комнаты были обставлены антикварной мебелью. В освещенных нишах стояли артефакты и произведения искусства из далекого прошлого Терры. Комната словно была специально спроектирована, чтобы успокаивать. Но повсюду были видны следы краха Великого Плана Империи. Тонкий слой мелкой пыли лежал на всем, несмотря на усилия вентиляционной системы, пытающейся этого не допустить. По крайней мере, давление было терпимым и дыхание техножрецов стабилизировалось.

В комнате находился всего один-единственный мужчина. Двое солдат Эрминии остались стоять на страже, а остальные вышли в вестибюль. В комнате осталось в общей сложности шесть человек, но и их было слишком мало, чтобы создать ощущение заполненной комнаты. Под устилавшими пол коврами местами угадывались опасные провалы.

– Велизарий Коул, Фридиш Адум Силип Кво, позвольте представить вам директора Иезекииля Седейна, технолога и ученого из отдела внутренних исследований биотехнического императорского отделения.

Седейн прослушал свой титул с подчеркнутой застенчивостью, а затем повернулся к столу, накрытому тусклым золотым листом, на котором стояли графины и несколько дорого выглядящих бокалов.

– Выпьете, Коул? Кво? – спросил он. – Я имею в виду алкоголь, – добавил он, обращаясь скорее к бутылкам, чем к гостям.

– Я не так педантичен, как некоторые мои коллеги, – ответил Коул. – Я также не отказываю себе в удовольствиях плоти. Они даны нам Богом-Машиной для наслаждения.

– Ваша религия так очаровательна, – усмехнулся Седейн.

– Выпью, – холодно и коротко ответил Коул.

– Тогда позвольте мне что-нибудь вам подобрать, – улыбнулся Иезекииль, снова глядя на бутылки, а не на мужчин.

Он потратил на выбор напитка некоторое время, а затем взял высокий рифленый сосуд и налил из него пурпурную жидкость в три стакана. Седейн взял их все в одну большую ладонь и вручил по одному Фридишу и Коулу.

– Сливовица, – Седейн серьезно посмотрел на них, а затем улыбнулся. У него были серые напряженные глаза и тонкая кожа человека, проживающего годы, взятые взаймы у смерти. – Ее делали тысячи лет назад в районе Среднетерранской пустыни. Признаюсь, я к ней равнодушен и надеюсь, что вам она тоже понравится.

Коул взял стакан. Рука Фридиша дрожала, пока он брал свой.

Седейн был высоким и худым. Коул заподозрил, что он не являлся уроженцем Терры и был родом с другой планеты с меньшей силой гравитации. Однако Иезекииль не носил дополнительных усиливающих скоб на конечностях, которые помогают при движении в условиях земной гравитации. И хоть он и опирался на блестящую трость, нужна она ему была исключительно из-за возраста. Еще у него были длинные черные волосы и все те черты лица, которые являются составляющими красоты. Но почему-то они не сочетались. Одет он был в дорогую одежду простого кроя в черно-серых тонах.

– Я не хотел бы показаться ни тривиальным, ни загадочным, поэтому сразу перейду к делу, – произнес Седейн. – Я знаю, что ты, Коул, обучаешься искусству биологии. Правда я не знаю вас, адепт...

– Послушник Фридиш Адум Силип Кво, – перебил Фридиш, досадуя, что его имя уже забыли.

– Послушник?

– Мне оставалось всего несколько дней, чтобы получить свое первое звание, но в Трисолиан пришла война, – ответил Фридиш. – Но я компетентен в нескольких областях, в частности...

– Да, да, спасибо, – произнес Седейн, жестом прервав его. – Как я уже говорил, вы должны понимать, что я уже стар и мне осталось жить совсем немного. Послушник, прошу прощения, что прервал вас, но времени мало. Прошу вас, садитесь, – он указал на ряд мягких кресел. – Я расскажу вам о том, что вам стоит знать, и сделаю предложение, на которое, без сомнения, уже вам намекала Альтрикс.

Они сели. Седейн двигался грациозно, но в жестах уже чувствовалась скованность.

– Адарнианская жизненная сила? – спросил Коул.

– Тебе известно, что такое омоложение, – Седейн кивнул. – К сожалению, это лишь жизнь взаимы.

– Это незаконно, – произнес Коул. Он отхлебнул из стакана. Сладкий и пьянящий напиток с ароматом прошлого. В нем были заключены долгие лета и теплота земель, уже давно обратившихся в прах.

– Значит, ты уже немного знаешь меня, – ответил Седейн. – Мне это далось непросто и делал это я не ради себя.

– Нет? Таким образом вы хотели подарить адарнианцам ощущение цели? – съязвил Коул.

– Забавно, – произнес Иезекииль. Его серые глаза посуровели. – Я слышал, что ты любишь унижать других, обесценивая то, что для них важно. При том напыщенно подчеркивая свою собственную значимость.

– Я стремлюсь к совершенству в глазах Бога-Машины, – пожав плечами ответил на его выпад Коул. – Я еще не достиг его. Хотя у меня и получается лучше, чем у большинства.

Седейн покачал головой.

– Альтрикс, видишь, перед нами стоит плохой представитель пытливых умов этого темного века. Бог-Машина! – Он фыркнул. – Но я уверен, что кое в чем мы с тобой похожи, Коул. Скажи мне, что самое ценное во вселенной?

– Знания, – одновременно ответили Коул и Фридиш.

– Вот именно, – подтвердил Седейн. – Именно ради знаний я и продлил свою жизнь таким варварским способом. Неужели вы думаете, что я не испытываю сочувствия к живым существам, которым пришлось умереть, чтобы я мог продолжать жить? Конечно, испытываю. И как раз, ради знаний, которыми я обладаю, вас сюда и привели, – он обхватил свой бокал длинными жилистыми пальцами. – Я один из немногих, кому посчастливилось поработать с Императором. Теперь нас осталось не так уж и много. Старость забрала многих. Война еще больше. И скоро нас станет на одно меньше. Я умираю.

Коул вновь отхлебнул из бокала. Фридиш подозрительно поглядывал на свой.

– Мне известно, что ты интересуешься работами Императора в области биологии. Вы ведь учились у Диакома, так?

Коул кивнул.

– Давным-давно он был моим коллегой, – Седейн попытался вложить в свою улыбку все свое обаяние. У него были косметически измененные зубы, очень ровные и ужасно, неестественно белые. В совокупности с его химически разглаженным лицом, они создавали впечатление, что Иезекиль был пластековой копией человека. – Он был одарен, хотя и имел свои заблуждения. Все случилось еще до того, как я начал свою работу над созданием Легионес Астартес. Я был директором проекта «Панцирь».

Его слова были плотно обернуты в ложную скромность.

– Вам известно, что черный панцирь – не типичная часть программы Астартес? – спросил Седейн. – Это имплант последней стадии, и в отличие от некоторых других органов, которые при необходимости возможно вырастить внутри тела из семенных отростков, панцирь необходимо прививать извне. Оказавшись на покровах, он побуждает человеческий организм принять его как свою собственную часть, и быстро распространяется. Это искусственный, контролируемый рак, – он улыбнулся своим воспоминаниям. – Ныне же, он стал одной из неотъемлемых частей и отличительной особенностью величайших воинов Терры. Более ни у кого из воинов с измененным геномом такого нет. Легионера легко узнать по панцирю. Однако этого могло не случиться. Долгое время нам казалось, что мы так и не сможем его создать. Как мы ни старались, нам не удавалось заставить тело отрастить панцирь. Этот элемент слишком чужд человеческому телу и является по своей сути пластековым соединением с добавлением редких минерализованных элементов. Тем не менее, оно имеет решающее значение для функционирования Адептус Астартес. Без него будет весьма трудно имплантировать им нервные соединения, в свою очередь без которых воины не смогут управлять своей броней. Какими бы славными и превосходными не являлись Легионес Астартес, они состоят из двух частей – биологической и механической. Не так уж и сильно отличаются от качеств, которые ваш культ находит столь привлекательными. Союз человека и машины, ведь так?

– Действительно, – согласился Коул.

Седейн отступил чуть назад, и зашагал дальше. Он явно был человеком, который любил козырнуть своими достижениями перед остальными.

– Большая часть работы над Черным Панцирем была проделана слугами Амары Астарты, чье имя теперь имеет дурную славу, хотя о нем еще не так давно говорили с уважением. Она была одной из величайших генотехнологов той эпохи, возможно, что и любой до этого и после. Ее работа затмевала работу генных ведьм Селенара. Слышали о таких?

– Естественно! – воскликнул Коул. – Мы не настолько невежественны.

Седейн ничуть не обиделся на язвительный тон Коула. Скорее, наоборот.

– Хорошо, хорошо, вы стоите за честь своего мира. Это хорошо, – произнес он, поглаживая бокал пальцем. – Через несколько столетий ее уже никто не вспомнит. Благосклонность сильных мира сего значит много, а она ее утратила. Я и сам не ценил ее. То, что я получил в работу, оказалась некачественным. Имплант не работал, и я его починил. Я заставил панцирь функционировать как надо. Можно даже сказать, что успех легионов Императора стал возможен только благодаря моим действиям, – Седейн с торжествующим видом отпил вина из бокала. – А теперь представьте, чего бы удалось достичь вам, если бы вы обладали таким знанием.

– Он что, шутит? – вдруг спросил Фридиш. Он поставил так и нетронутый бокал на низкий столик. – Он ведь шутит, правда?

– Похоже, что он очень доволен собой, дружище Фридиш, – ответил Коул. Лицо Седейна потемнело.

– Почему бы мне не гордиться тем, что я сделал? Я достиг многого. А вот что сделал ты, Коул, кроме того, что уклонялся от своих обязанностей? А ты... – он скривил губы, посмотрев на Фридиша. – Ты – марсианское ничтожество в красном одеянии.

– Ну, это уже было лишним, – ответил на его слова Коул. – Мне кажется, что вы собирались мне что-то предложить. Если все это – лишь скучная лекция, то я думаю, мы пойдем. А, Фридиш?

– Давай, – произнес в ответ Фридиш.

– Я предлагаю свои знания! – громко воскликнул Седейн. Его настроение изменилось настолько же стремительно, как погода в Дурных землях. – Я предлагаю вам все, что я есть, и все, чему научился. Ваша религия основана на поклонении знаниям. Их я вам и предлагаю, но в ответ вы только насмехаетесь надо мной.

– Прошу прощения, если мы оскорбили вас, – ответил Коул, улыбнувшись. – Но есть ряд вещей, которые беспокоят меня. Если это такое замечательное предложение, то стоило ли тащить меня и моего друга сюда, через пол галактики под дулом пистолета? Я должен отметить, что ваши подчиненные, от самого начала и до конца путешествия лишь угрожали нам и не занимались ничем иным. Это наводит меня на мысль, что вы считаете, что я могу отказаться от вашего предложения. И поэтому я задаюсь резонным вопросом, почему выбор пал на меня? Наверняка это не так привлекательно, как вы пытаетесь преподнести...

– Назовите мне методы прямой передачи знаний, – попросил его Седейн.

– Инграмматическое воспроизведение, – ответил Коул. – Психический контакт, генофагия, ноосферная загрузка. Их множество, но все они не идеальны.

– Все не идеальны, – согласился Седейн.

– Диаком считал, что есть еще один способ, – продолжил Коул.

– Да, считал.

– Прямая пересадка сознания из одного разума в другой, сквозь инфосферную машинную связь.

– Именно.

– Вам же известно, что он использовал для этого технологии ксеносов? – спросил Коул.

– Прекрасно известно, – ответил Седейн.

– Технологии, которые были запрещены...

– Были запрещены и остаются запрещенными и по сей день, – опять согласился Седейн. – Похоже, что это не особо мешало вам работать на него. Если я прав насчет вас, то рискну предположить, что именно это и послужило причиной тому, что вы пришли к нему.

Фридиш вопросительно посмотрел на Коула, но тот не отреагировал.

– Эти технологии опасны для обеих сторон, – признал Коул. – Вам же известно, что ему так и не удалось реализовать обмен. На тот момент, когда я от него уходил, он испытывал неудачи уже в течение нескольких сотен лет.

– Вас это беспокоит? – спросил Седейн, наклонившись вперед.

– А как вы думаете? – резко огрызнулся Коул. – Очевидно, что вы намерены использовать эту технологию на мне, и в этом случае я гарантированно умру. Именно поэтому я благодарю вас за предложение, но нет.

– Я предлагаю вам весь мой опыт, все мои воспоминания, все мои открытия. Это настоящий подарок, – произнес Седейн.

– Да, подарок, который гарантирует стирание моего разума и высокую вероятность смерти или безумия для нового создания. Единственное, в чем я уверен наверняка, так это в неудаче данного мероприятия. Диакон превращал мозги подопытных в кашу, директор, – угрюмо сказал Коул. – Я при этом присутствовал. Я не хотел участвовать в этом тогда, и уж точно не желаю делать этого сейчас. Хорошего дня.

Коул встал.

– Стой, – резко сказал Иезекииль.

Коул напрягся. Эрминия пристально смотрела на него. Она недобро покачала головой и вытащила пистолет. Стражники также направили свое оружие на Коула.

– Раз уж вы так настаиваете, – сказал Коул.

Коул обернулся и увидел, что Седейн тоже держит в руке оружие. Оно было маленьким, идеально сложенным, построенным по эстетическим стандартам более развитой эпохи. Это оказалась одна из самых красивых и опасных вещей, которые когда-либо видел Велизарий.

– Всегда считал, что такие люди как вы, заставляют других делать за них грязную работу, – произнес Коул. – А у вас есть свой пистолет. Это впечатляет.

– Сядь, – сквозь зубы процедил Седейн.

Коул сел. Фридиш не шевельнулся.

– Опыт подсказывает, что всегда лучше иметь при себе оружие, – произнес Седейн. – Выслушай меня. Я усовершенствовал технику Диакома. Все получится. Минуты, вот что потребуется, чтобы передать тебе знания всей моей жизни. Лишь минуты. Ты удивись, когда узнаешь, почему я выбрал именно тебя.

– Да мне не интересно, – огрызнулся Коул. – Я собирался выйти за дверь. Но теперь мне придется это узнать, независимо от своего желания.

– У вас в центральном ядре памяти присутствует модификация, сделанная по рекомендации Диакома. Вы были одним из одиннадцати учеников, которых он взял к себе.

– Тогда предложите это одному из них.

– Так я и сделал. Первые три были с ним до того, как он доработал усовершенствования центрального процессора. Двое из них уже мертвы, в любом случае. Двое числятся пропавшими без вести. Двое сошли с ума. Еще трое умерли во время войны, последняя умерла когда... ну... Эрминия убила ее, пытаясь привести сюда. Остаетесь только вы. У вас есть изменение в центральном ядре памяти. Вы сами также хорошо осведомлены и разумны. Подумайте, чего могли бы достичь наши интеллекты вместе.

– Не вместе, не так ли, директор? Будем честны. Я знаю, что одним из предполагаемых эффектов этих изменений центрального ядра является повышение восприимчивости к ментальному перезаписыванию. Это одна из причин, почему я ушел от него. Он использовал нас, – Велизарий вздохнул. – Диакон почти преуспел во время моего ученичества у него. – продолжил Коул. – Теоретически возможно смешать

разумы, но Диаком обнаружил, что разум донора всегда подавляет и, в конечном счете, вытесняет разум тела-носителя. Всегда. Это стало бы его величайшим провалом, если бы все подопытные не сошли с ума или бы не умерли.

– Какая жалость, – Седейн сочувственно улыбнулся.

– Вам известно, что я говорю правду.

– Да.

– Я не поверю вам, если вы скажете, что справились с этой проблемой.

– Я и не скажу. Я не сделал этого. Вы будете обладать моими знаниями, и все. Но кроме того, вы будете мной. Мы будем прекрасным дуэтом, вы и я. Вы будете жить во мне, по крайней мере, какой-то крошечный кусочек. Нас ждет целая новая жизнь, полная открытий, Велизарий Коул. Вы сможете посмотреть на это моими новыми глазами. Своими глазами.

– Я не собираюсь этого делать.

– Вам придется.

Коул громко рассмеялся, глядя на направивших в его сторону оружие людей. Он смеялся в лицо Эрминии, в лицо стражникам, и в лицо самому Седейну.

– Вам не будет никакого прока от того, что вы пристрелите меня. Мы оба проиграем.

– Именно поэтому я и не собираюсь стрелять в тебя, – ответил Седейн. – Вместо этого Альтрикс пристрелит твоего друга.

Как только он произнес эти слова, из ее пистолета вылетела пуля.

Фридиш упал на пол. Спинка его стула превратилась в окровавленное месиво из набивки и щепок. Это была единственная причина, по которой он все еще оставался жив.

– Велизарий! – прохрипел Фридиш. Его руки пытались закрыть дыру в животе, заполняющуюся кровью. – Меня подстрелили!

Коул упал на колени рядом с другом. Он сжал руку Фридиша. Она была скользкой и горячей.

– Болт-пистолет небольшого калибра, – бесстрастно произнес Седейн. – Достаточно, чтобы убить. Если мы поторопимся и закончим переход сейчас, я, возможно, смогу спасти его, – он снова улыбнулся улыбкой, похожей на оскал черепа. – Когда стану тобой.

***

Другая эпоха, другое место, другой великий интеллект смотрел на Коула с презрением.

Постоянно повторяющаяся в жизни Коула ситуация.

– **Насекомое**, – произнесла гора. – **Полезное. Найди нас. Мы то, что ты ищешь. Возьми это. Приходи к нам. Стань нашим рабом. Ты освободишь нас. Мы приведем тебя к нам. Мы здесь.**

Знание пронзило Коула словно тяжелое копьё. Информация хлынула в него с такой силой, что Велизарий почти агонизировал от боли. Но он все равно чувствовал сладость знания.

Наше время

Коул, задыхаясь, пришел в себя. Его тело не двигалось, но ощущение движения было настолько сильным, что он покачнулся и чуть не упал.

– Я... – ему стало жарко, он устал. Что-то беспокоило его, как говорили древние, «кто-то прошел по его могиле». – У меня очень странные ощущения. Я... – он посмотрел на своих спутников. – Я помню. Фридиша. Я помню, как это случилось.

– Коул, – к нему подошел Феликс. – Магос, вы себя хорошо чувствуете?

Коул чувствовал себя весьма дурно. Любопытные инопланетные подпрограммы проносились через его нейронную инфраструктуру, оценивая его.

– Я в порядке, – солгал он, одновременно проводя очистку коры головного мозга, в то время как его собственные охотничьи фаги отсортировывали болезненные воспоминания от полезных данных. Они прогоняли пытливых духов горы и выводили важную информацию на передний план. Он сразу же почувствовал себя лучше.

– Вы получил карту?

– Эм, нет... – ответил Коул. – Нет. Вместо этого произошло нечто другое.

Гора грохотала. Глубоко под ними что-то зашевелилось.

– Коул! – крикнул Феликс, когда дрожь усилилась. – Это происходит снова.

– Нет, – спокойно ответил Альфа Примус. – Это нечто другое.

Пол исчез, и они провалились во внезапно окутавшую все тьму.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Испорченная кровь

Гибрид натянул цепь, и Келтру пришлось откинуться назад и напрячься, насколько это было возможно на скользком полу. По мере их продвижения в глубь, имперская каменная кладка исчезала, а феррокрит иссякал. Глянцевый зелено-черный пол полностью занял его место. Тут и там виднелись проходы, а в тех местах, где орден проложил несколько боковых туннелей, чтобы похоронить своих мертвецов, из стен гробниц выглядывали каменные и медные статуи. Но черный камень окружал все. Эта часть Фароса еще не пробудилась. В глубине стен вспыхивали зеленые огоньки – зачатки процессов, которые носились по угловым контурам, так и не достигая друг друга. Возможно, мертвые и правда властвовали в этих туннелях, по которым сейчас ступали последние Косы Императора, но то, что управляло горой, шевелилось даже в этих священных окрестностях.

Гибрид напрягся и подался вперед, увлекая их вглубь горы. Воздух становился все более плотным. Когтистые лапы твари с каждым шагом стучали и скребли по камню, и этот звук эхом отдавался в тихих лазах. Вокруг громоздилось множество отверстий различных размеров, и те, которые не были заткнуты святилищами или дверями гробниц, мрачно взирали на космодесантников, когда те проходили мимо. Наличие воздуха хотя и позволяло дышать, но при это вынуждало космодесантников сохранять молчание. Существовала разница между безмолвием вакуума и безмолвием могилы. Последняя оставалась живой, настораживающей, тревожной, потому что ее можно было нарушить.

Они подошли к большой пещере, которая имела неровную волнистую форму и оказалась пронизана множеством отверстий, напоминавших каменный орган на живом теле горы. Здесь на стенах было больше огней, лениво перемещающихся в непостижимых минеральных потоках. В остальном же, вокруг царила непроглядная тьма, непроницаемая даже для чужеродных глаз гибрида. Пол пещеры оказался немного ниже уровня туннеля. Терминаторы пошли первыми, и их братья в силовой броне схватились за тросы, чтобы не дать им упасть. Когда более тяжелые воины спустились вниз, остальные тут же последовали за ними, спустившись в пещеру по скользкой поверхности скалы. Дорор потерял равновесие и врезался в спину облаченного в терминаторский доспех Рена, едва не повалив того на землю. Бокари поскользнулся и ударился о камень, упав кубарем на дно пещеры. Он проскользил несколько десятков футов, и свет фонаря его доспеха отражался от закругленных углов и зияющих черных провалов. Наконец он остановился.

– Брат? – позвал Фракиец.

– Я цел и невредим, – ответил Бокари. – Здесь, на полу, что-то есть. Терминаторы направили в его сторону фонари. Бокари встал на четвереньки. Вокруг него в лучах света лежали части костей и хитина. Он поднял кусок черепа и осмотрел его.

– Генокрад, – с презрением произнес он.

Гибрид дернулся на цепи и зашипел. Келтру дернул за оковы, сбив ксеноса с ног.

– Разрезан пополам. Излучатель частиц, – Бокари поднялся на ноги. – Они все либо

рассечены, либо поглощены. Смотрите. – Он направил луч фонаря на скелет, наполовину вросший в пол. От него тянулись молочно-белые нити, как будто пол состоял из кислоты, и остатки растворялись в нем.

– Пожиратели сожраны, – усмехнулся Рен.
– Немного иронии, чтобы облегчить нашу смерть, – произнес Фракиец. – Бокари, убирайся оттуда. Келтру, куда нам идти? Келтру натянул небольшую цепь. Гибрид повернул свою изуродованную голову в поисках психического следа. Он яростно рванулся к самому большому туннелю в дальнем конце комнаты.

– Туда.
– Очень хорошо, – воскликнул Фракиец. – Выступаем.
– Стойте! – крикнул Дорор. – Посмотри на пол! Бокари посмотрел вниз. Стекланный камень под его ногами засиял ярким зеленым светом.

– Убирайся оттуда! – закричал Фракиец. Бокари бросился бежать. Позади него зашевелились скелеты. Три ксеноконструкции прошли сквозь камень и поднялись в воздух, находясь наполовину в одной реальности, и наполовину в другой. По их угловатым пластинам скатывались фрагменты тел генокрадов, которые цеплялись за них лишь мгновение, прежде чем с грохотом повалиться на пол. Одна из машин ксеносов имела длинные хлысты из полос металла. Она начала хлестать ими Бокари, сбив его с ног и волоча через яму с костями. Загудели чужеродные когти. Они вспыхнули, и Бокари не стало.

– Призраки! – завопил брат Рен. Фарос содрогался. Косы Императора открыли огонь, стреляя в призраков с близкого расстояния, но существа оказались слишком быстры. Их гибкие, словно у танцоров, тела вращались, словно ленты ткани, и космодесантникам не удавалось в них попасть. Когда болты находили свою цель, то они проходили сквозь полу материальные формы. Те же снаряды, которые все-таки попадали в материализовавшиеся машины, взрывались на броне.

Луч насыщенного света пронзил брата Рена. Его кости просветились через броню словно светящимся негативом, черным на белом, а затем фокус луча взорвался, отбросив воина в какой-то другой карман пространства и времени.

– Уничтожьте их! – взревел Фракиец. Его болтер рявкнул.
Бам! *Бам!* *Бам!*

Фарос затрясся.

Ведущий призрак постепенно превращался в призрачный силуэт. Тело Бокари выпало из его когтей. Существо поплыло по воздуху к Уласу, вернувшись в реальность в последнюю секунду перед метящим в голову ударом когтей. Улус был готов, и отразил выпад силовым кулаком. Один коготь взорвался, отлетел от машины и врезался в грудку костей. Штурмовой болтер Уласа напшиговал нижнюю часть машины разрывными болтами, и разбитый и дымящийся корпус призрака отбросило назад.

Мир вокруг Фракийца менялся.

– Не сейчас! – воскликнул он и опустошил магазин своего болтера в призрака. Все болты, кроме одного, прошли сквозь призрачную форму. Фракиец вытащил магазин и

вставил новую обойму, но он уже был не здесь.
Бам! Бам! БАМ!

***

Фракиец вспоминал.

Он бежал по мостику «Сердца Кроноса». Его броня была испещрена следами когтей. Сердца магистра были разбиты.

Он потерпел неудачу.

Его болтер уничтожал встающих у него на пути траллов с промытыми мозгами, и их тела разлетались на части разбрызгивая повсюду кровь. Но Фракиец опоздал, восстание уже было близко к победе.

Повсюду горел огонь. Тела сгорали на своих постах. Хор из сервиторов, выстроившихся в ряд в задней части командной палубы, оказался охвачен пламенем, и каждый из них, кого поглощал прометий, превратился в человеческую свечу. Лишенные чувств и разума сервиторы все еще пытались выполнять свои функции сломанными инструментами, в то время как их органические части жарились, а аугметика плавилась.

Такое поведение сервиторов было весьма ожидаемым, но большая часть мостика оказалась столь же пассивна. Они стояли, разинув рты, не в силах пошевелиться, и сгорали заживо.

Они должны были кричать. Они должны были сражаться, но вместо этого ничего не делали. Вообще ничего.

Скверна распространилась по всему флоту. Все они оказались во власти пси-разума. – Эдриос! – взревел Фракиец. Он бежал сквозь пламя. В паникующих машинах звенели сигналы тревоги. Огонь пронесся вдоль горючих корпусов с кабелями, опустошая рабочие места. Тлеющие угольки изоляции падали, словно огненные снежинки. – Эдриос!

Услышав свист воспламеняющегося прометия, магистр ордена ускорил свой бег по палубе. Он пронесся сквозь стены огня и перепрыгивал через горящие тела безмолвно кричащих рабов. Поток жидкого пламени хлынул в главную гололитическую яму.

– Эдриос! – закричал Фракиец. Он двинулся на предателя сквозь клубы пламени и дыма, но так и не успел дойти до того места, где произошла измена. Огонь закрыл ему обзор. Но когда пламя на мгновение погасло, он так и не узрел там человека, которого ожидал увидеть.

Капитан судна Ганнилора спокойно извлекла из огнемета пустую емкость из-под прометия, отстегнула от пояса новую и привинтила ее на место.

Фракиец поднял болтер и меч.

– Ганнилора! – взревел он.

– Вы ждали кого-то другого? – она посмотрела на разбитую грудь почерневших доспехов. – Бедный Эдриос, так и ничего не понял до самого конца.

– Опустите оружие, – произнес Фракиец, придя в себя.

– Нет, милорд, – ответила она. – Вы же знаете, что я не могу этого сделать. Ее насмешливый голос и улыбка резко контрастировали с остекленевшим взглядом.

– Тогда у меня нет выбора.

– Нет, у тебя его действительно нет.
Ганнилора повернулась к нему.

Палец магистра ордена напрягся на спусковом крючке, но он так и не смог его нажать. Пот выступил на лбу Фракийца. Спусковой крючок не двигался с места. Ганнилора прошла по центральной дорожке мостика, подняла огнемёт и выплеснула горящий конус жидкости. Везде, где он достигал поверхности, зарождались маленькие огоньки. Гелевые экраны лопнули. Стекло разбилось вдребезги. Неподвижные люди горели. Она встала перед магистром ордена и отодвинула его оружие в сторону. В ее тонких конечностях скрывалась нечеловеческая сила.

– Но почему? – выдавил Фракиец.

– Вы знаете почему, – ответила Ганнилора, рассмеявшись. – Вы прекрасно знаете почему. Вы были соучастником с самого начала. Разве вы не видите этого? – Из дула огнемёта со свистом вылетело еще больше прометия. Мостик был весьма большой, но капитан действовала эффективно, и большая его часть уже оказалась охвачена пламенем.

– Они идут. Те, кто заменят вас. Это новые дети этой эпохи. Вы же понимаете, я этого не хотела. Я не хочу умирать. Никто из них ничего не знает. Но они все равно узнают. У меня нет времени, чтобы сбить их со следа. Мне придется начать все сначала. Это возможно. Так уже случалось однажды. Все, что нужно сделать семье, – это набраться терпения.

Снаружи загрели выстрелы. Последние люди Фракийца вели непрерывный бой с монстрами, поднимающимися с нижних палуб. Экипаж верхних отсеков, служивший с тех пор, как пала Сота, предал их без тени сомнений. Ганнилора заглянула через плечо Фракийца. Похоже, она совсем не думала о поражении. Ледяной комок внутри Фракийца подсказал ему, что она может победить.

– Ты не сможешь остановить нас всех, – прорычал Фракиец. Он пытался говорить. Но та тяжесть, что сковала палец на спусковом крючке, сдавила ему и горло. Глаза Ганнилора горели психической силой. – Твои отродья умирают. Мы победили. На щеках Ганнилора плясали отблески пламени.

– Пока еще нет. Сколько еще осталось боевых братьев, Фракиец? Четыре дюжины, три? Это почти ничто. И есть еще много одаренных, которые ждут во тьме. Я не настолько глупа, чтобы рискнуть ими всеми.

Она подошла к Фракийцу.

– Значит это и есть твой план? Сжечь все до прибытия подкрепления? Ты никогда не сможешь объяснить это.

– Как вы могли заметить, я могу быть очень убедительной, – Ганнилора остановилась перед ним. – Вы никогда не подозревали меня. Мне жаль вас, Фракиец. Вы, наверное, считаете себя полным дураком, потому что верили мне, и никогда не спрашивали, кто я и что делаю. Вместо этого вы подозревали бедного, преданного Эдриоса. Он выполнял свою работу изо всех сил. Если вам так будет проще, у вас не было выбора. Никто из вас не знает. Воля Четырехрукого Императора так сильна, так чиста, что ей невозможно противиться. Мне так жаль, что вы не увидите его прихода. Мне жаль, что вы не будете спасены. Вы хороший человек.

– Ты раб тех, кто желает сожрать нас! Генокрады – это те же тираниды, Ганнилора.

– Флот-улей – это испытание, – воскликнула она. – И я пройду его. Достойные восстанут, чтобы вечно сражаться на стороне Императора. Мне так жаль вас. Я буду

вспоминать о вас в своих молитвах.
Она направила огнемёт на магистра ордена.

– Вот, что я скажу им. Произошел несчастный случай. Утечка плазмы. Мостик сгорел, и большинство боевых братьев погибло в огне. В любом случае, нас осталось так мало. Экипаж нашего корабля заразился чумой ксеносов, и, к большому сожалению, их восстание почти добилось успеха. Я считаю, что ложь гораздо правдоподобнее, когда она возведена в истину. Не останется никаких улик для изучения. И никто не посмеет возразить мне, последнему верному слуге Кос Императора. Семья вернется во тьму, и там мы будем ждать своего часа, когда, наконец, наступит день Вознесения. Шипящий огонек запала приблизился к глазам Фракийца. Звуки стрельбы приближались к командой палубе.

– Ты проиграла. Мы победили. Опустим огнемёт. Сдавайся. Прими решение. Ганнилора покачала головой.

– Вы будете спасены. Я спасу вас. Каждого из вас.
Фракиец.

– Прощай, Фракиец.
Фракиец.

Пламя охватило магистра ордена, впиваясь в него и обугливая термостойкий керамит.
– Фракиец! Фракиец! Очнись!

***

– Во имя стража света, он нас слышит? – Дорор посмотрел на аптекаря.
– Я не знаю, – Арат взглянул на экран нартециума. – Я никогда не видел таких мозговых волн. Он не спит, и не потерял сознание. Он просто не *здесь*. Магистр ордена лежал на земле. Его броня не позволила ему принять естественную позу. Он больше походил на машину, чем на человека. Галерий и Улас загнали последнего призрака у стены. Он постепенно исчезал, проходя сквозь их тела, но Келтру ждал, когда призрак вновь материализуется, и продолжал стрелять одной рукой, пока другой боролся с поводком гибрида.

– Во имя Императора, поднимите его, – приказал Дорор.

– Милорд! – попробовал Арат еще раз, – Вернись к нам, враги...

Фракиец с криком пришел в себя. Он вскочил с пола и схватил Арата за грудь прежде, чем тот успел пошевелиться. Они начали бороться и их доспехи зазвенели о камни.

– Милорд! Остановитесь! – Дорор попытался оттащить Фракийца, но тот вывернулся и толкнул Дорора настолько сильно, что тот потерял равновесие на скользком полу и упал.

Фракиец обрушил на брата град ударов. Шлем Арата сотрясался от каждого из них. Покрытые керамитом пальцы скользнули по лицевой пластине, пытаясь сорвать ее с лица аптекаря.

Фракиец ощутил огонь. Он почувствовал, как горит его кожа, и левый глаз теряет зрение.

– Ганнилора! – взревел он. – Ганнилора!

Он просунул руки под подбородок шлема Арата, нашел мягкую часть и начал душить.

– Милорд! Прошу! Фракиец! – Арат ударил предплечьями по рукам магистра ордена, но не смог разорвать хватку.

– Ты не уничтожишь наш орден, – прорычал Фракиец. – Я тебе не позволю. Улас и Галерий гонялись за призраком по залу, осыпая его градом болтов, но тот нырнул и извивался, а затем выпрыгивал, чтобы снова атаковать. Когда он приближался к Келтру, Улас и Галерий стреляли в него, надеясь поймать призрака, когда тот вернется в свою материальную форму.

Дорор вскарабкался наверх, и его доспехи завывали, когда он бросился на своего повелителя, сбив того с ног. Они оба кубарем повалились по наклонному полу в груды костей. Арат закашлялся.

Брат Дорор повалил магистра ордена на землю, но Фракиец был очень силен и продолжал брыкаться под хваткой Дорора. Яростные крики магистра эхом отдавались по сети туннелей Фароса, перекрывая лай болтеров. Арат бросился на Фракийца, и им на пару с Дорором удалось его обездвигнуть. Их доспехи заскрежетали по черному камню, а кости отскакивали в разные стороны.

– Сними с него шлем! – воскликнул Арат. Он перехватил руку Фракийца, чтобы высвободить свою. Вместе, он и Дорор, стянули с магистра шлем. С минуту он непонимающе смотрел на них, широко раскрыв свой зрячий глаз на покрытом шрамами лице.

– Он нас не узнает! – Арата нащупал крепление своего шлема и отбросил его в сторону. Он отскочил от изогнутого пола туннеля и исчез в одном из боковых проходов.

– Это я! Фракиец, это Арат. Фракиец ахнул. Пот стекал с него ручьями.

– Успокойся! Спокойно! Фракиец, Фракиец, посмотри на меня! Магистр ордена уставился на своего боевого брата. Он узнал его.

– Я не могу их остановить. Я не могу остановить видения. Я не знаю, насылает ли их эта проклятая машина, или же зверь-отец, который ожидает нас. Теплый воздух печально завывал в туннелях в глубине горы. Фракиец поднял руку. Арат и Дорор подняли его на ноги.

– Ничто из этого меня не устраивает. Призрак повалился на землю. Удачный выстрел разбил его пространственный фазовращатель и хвост существа застрял под сапогом Уласа. Галерей подошел к твари, отшвырнул от себя острые руки-косы и одним ударом силового кулака расплющил ей голову.

Эхо от последних выстрелов стихло вдали. Фракиец с серьезным видом посмотрел на своих людей.

– Мы должны покончить с этим, – произнес он. – Я должен все завершить. Помогите мне найти зверя, который осквернил наш мир.

Глубоко у них под ногами грохотали далекие механизмы. – Мы должны найти его как можно быстрее, – сказал Фракиец. – Пока я не сошел с ума.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Яма

Они падали сквозь изломанный ландшафт из черных зеркал и ослепительных вспышек зеленых молний. Феликс не видел Альфа Примуса или магоса, хотя и видел свое бесконечно повторяющееся изображение. Ближайшие к нему отражения слегка отличались, а те, что были далеко, – были совершенно не похожи. Феликс, окруженный множасьими копиями самого себя, казалось кувыркался несколько часов, словно одинокий лист среди миллиона таких же как он. Его тело извивалось, размазывалось, словно краска, нанесенная на доску, и под действием лихорадочного артистизма напоминало нечто иное, чем он был, но в сущности оставалось тем же самым. Боли не было. Не осталось ни эмоций, ни мыслей, только странные отражения, которые тут же уносились прочь и предавались забвению.

Внезапно он остановился.

Феликс резко вздохнул и поднял голову. Он лежал лицом вниз на полу из блестящего черного камня.

– Коул! – инстинктивно воскликнул он.

Вокруг него грохотали гигантские машины. Их грохот был настолько сильным, и таким же наполненным жизнью, словно удары сердца. Они отбивали конечное время реальности так же уверенно, как и собственные сердца Феликса отмеряли его смертную жизнь.

– Коул! – закричал он. Его лицо было мокрым. «Кровь», подумал было Феликс, но слабый ожог от разлитого яда железа Бетчера подсказал ему, что он пускал свои слюны, пока лежал без чувств.

– Коул, ответь мне. Где ты?

Он повернул голову. Кожух на доспехе ограничивал обзор с обеих сторон. Феликс видел стоящие под углом машины, прорезанные каналами, по которым текла энергия. Дисплеи шлема вышли из строя. Его сетчатка была отключена. Он попытался подняться, но силовая установка доспехов не работала. Все его системы оказались мертвы. Тяжесть доспехов и скользкий пол сыграли против него, и Феликс упал обратно, едва успев подняться на колени.

Чья-то рука схватила его под мышку.

– Я помогу тебе, – произнес Альфа Примус.

Феликсу удалось подняться с помощью Примуса. Его реактор закашлялся, издав нездоровый звук для такой благословенной технологии, но его мощь вновь заструилась по доспехам, и дисплеи вернулись к жизни. Данные говорили о пригодной для дыхания атмосфере.

– Где мы находимся? – спросил Феликс. – Где Коул?

– Не знаю, – ответил Примус. – Я не уверен. Это место похоже на то, что когда-то описывал мой учитель.

– Значит, он уже бывал тут раньше.

Примус пожал плечами. Казалось, что ему было совершенно все равно. На нем не было шлема. Обычно несчастное выражение лица Примуса выглядело озадаченным.

Зуд ядовитой слюны на подбородке внезапно разозлил Феликса. Он стащил с себя шлем и вдохнул воздух, заряженный магической энергией. От него несло жаром, но

это было не так. Химические запахи, которые Феликс не смог определить, делали воздух приятно насыщенным.

Машины окружали их. Десятки низких, длинных, похожих на слитки устройств, покрытых угловатыми узорами света. Каждый из них был сопоставим по размерам с боевым танком, и все они выглядели идентично. В огромную пещеру, в которой находились машины, вели несколько туннелей. Вдоль одной из стен тянулась полка. На соседней стене виднелись следы дорожек и механизмов, созданных человеком.

– Сердце Фароса? – спросил Феликс. – Это оно?

Примус неуверенно покачал головой.

– Давным-давно, Коул рассказывал мне о сердце Фароса. Я ничего не забываю. Он сказал мне, что оно пустое.

– Мне он сказал то же самое, – произнес Феликс.

– Это место не пустое, – заметил Примус. Он пошел за топором Коула, который лежал на полу.

Послышалось жужжание антигравитационных двигателей, и Феликс поднял перчатку, готовый выстрелить. Мимо проплыла насекомоподобная конструкция. Светились многолинзовые глаза, дергались руки с оружием, но существо не обращало на них ни малейшего внимания и проплыло мимо.

– Технический служащий каноптек-строитель, – произнес Примус. – Эта часть комплекса не имеет оборонительных сооружений.

– Тогда они не нападут, пока мы не сделаем этого первыми, – воскликнул Феликс. Он опустил перчатку. – Нам нужно найти магоса.

***

Они шли между древними двигателями. Феликс не был знатоком технических культов, но он признавал силу. Что бы ни делали эти твари, они излучали мощь. Само их существование говорило о неведомом знании. По словам Коула, первые машины были вырезаны и увезены жрецами Марса, и все же они вновь стояли здесь, переделанные левитирующими дронами, которые ухаживали за ними.

Они прошли между дрейфующих по лабиринту механизмов и пауков. Феликсу они казались насекомыми в летних садах, которые мирно летали над цветущими полями. Космодесантники-примарис оставили свое оружие в кобурах, и именно поэтому дроны их игнорировали. Феликс не был уверен, что такое положение вещей продлится долго, и поэтому всегда был готов активировать свое оружие.

Пройдя через машинный зал, они подошли к отверстию в стене, которое вело через туннель, заполненный энергетическими полями, проецируемыми сквозь твердую породу. Примус остановился на краю расщелины. На дальней стороне виднелся красноватый свет и доносилось деловитое гудение других механизмов.

– Продолжим идти?

– У нас не выбора, – ответил Феликс. – Вокс не работает. Мы должны отыскать архимагоса. Хотя он и весьма надоедлив, нельзя отрицать того, что Коул слишком ценен, чтобы бросать его здесь.

Примус посмотрел на Феликса и нахмурился.

– Я шучу, Примус, – примирительно произнес Феликс. – Я стараюсь поднять нам настроение. Мы в смертельной опасности.

– Юмор – не самое лучшее оружие против смерти, – бесстрастно ответил Примус.

– Я подражаю своему примарху, – сказал Феликс. – Он весьма легкомысленен. Хотя я признаю, что это не помогает.

Примус целеустремленно шагнул в туннель, и Феликс последовал за ним.

За мерцающими плоскостями когерентного света они увидели бездонную пропасть. Быстро пройдя над ней они оказались на другой стороне.

Они вошли в большой зал. То, что они приняли за гул больших двигателей, оказалось жужжанием огромного роя конструкций, которые кружились вокруг дыры в земле. Из ямы исходил тусклый красный свет и волны обжигающего жара. Конструкции вращались вокруг ямы по спирали. Пока одна группа направлялась вниз, другая возвращалась. Те, которые поднимались вверх, светились вишнево-красным светом, и с них капал расплавленный камень. Они взлетали к высокому потолку, откуда в гору выходили тысячи отверстий.

Феликс и Примус осторожно приблизились, но на них по-прежнему не обращали внимания. Шум роя скарабеев нарастал, постепенно переходя от сонного гудения к реву гравитационных двигателей и хлопанию крыльев.

– Они добывают магму из сердца планеты, – произнес Феликс. Исходящее от расплавленного камня сияние освещало его лицо. – Должно быть, именно оттуда они и взяли материалы для ремонта маяка. – Он замедлил шаг. – Ты тоже слышишь голоса?

Примус напряг слух, пытаясь что-либо расслышать сквозь жужжание роботизированных крыльев.

– Да, – наконец сказал он. – Едва уловимый звук. Но он иллюзорен. Это работа Фароса.

– Ты можешь заблокировать их?

– Фарос, по своей природе, не псайкер. В этом месте нет ничего от души, – ответил Примус. – Мы слышим эхо состояния бытия, которые обычно не слышны. – Они обогнули башню из скарабеев, жужжащих у ямы. Им пришлось повысить голос, чтобы перекричать шум. – Это место полностью отрезано от Имматериума. Его не видят демоны, и сюда не доходит свет Императора. Мои силы здесь не сработают.

– Как же тогда это место функционирует? – спросил Феликс.

– Оно использует межпространственные промежутки, – ответил Примус. Он посмотрел на Феликса сверху вниз. – Так мне сказал Коул. Больше я ничего не знаю. Тайны технологий некронов выше моего понимания.

– Я не думаю, что это некроны, – возразил Феликс.

За ямой виднелась высокая стена, покрытая чужеродными письменами. Она походила на фасад большого храма. В шестнадцати нишах стояли шестнадцать статуй в два ряда по восемь штук. Каждая из них изображала человекоподобных существ, которые были в пять раз выше человека. Лица тех, кто находился в нижних рядах, выглядели как лица ученых.

Статуи были созданы мастерски, материалы сглажены до молекулярного уровня, а мастерство исполнения – выше всяких похвал. Фигуры состояли из разных материалов, качество каждого из которых подчеркивали индивидуальность, изображенную в позе и выражениях персонажей. Одна обозначала знание, другая – дружбу, третья – силу, и так далее. Над ними находились изображения точно таких же существ, но в безупречном серебре и связанные широкими цепями. На лицах людей из верхнего ряда читалась мука. Оба ряда ниш окружали некронские глифы,

перетекающие так, чтобы соединить линии из миллионов символов, которые струились по стене и сияли вездесущим трупным свечением инопланетной технологии.

В самом центре, у подножья стены, находили треугольные ворота из блестящей бронзы. Их вершину украшало бездушное лицо. Проход был закрыт энергетическим полем.

– Что это такое? – спросил Примус, остановившись. – Они выглядят почти так же, как и люди.

– Я уже видел подобные скульптуры, – ответил Феликс. – Это боги, которым поклоняются династии ксеносов.

– Я не знал, что некроны кому-то поклоняются, – задумчиво произнес Примус.

– Теперь уже нет, – пожал плечами Феликс. – Пойдем, есть только один путь через эти врата.

– Это может быть опасно, – сказал Примус.

– Тогда наш поход не затянется.

***

Они вышли в совершенно другое место, настолько не похожее на Фарос, и, возможно, находящееся за пределами материального мира. Равнина из черного камня уходила в бесконечность. Убийственный холод обжег Феликсу лицо, и он поспешил надеть шлем, прежде чем двинуться дальше. Примус последовал его примеру.

– Здесь нет никакого психического барьера, – произнес Примус. Его голос прозвучал из вокс-передатчика слишком громко. Темнота зашевелилась. Он замолчал, пока ощущение движения не улетучилось, а затем продолжил уже немного тише. – В отличие от предыдущего зала, это место наполнено сущность варпа. Он сконцентрирован вокруг него.

Он указал наверх.

Наверху оказалось пусто, словно в гробу, если не считать восьми огромных саркофагов, висевших без опоры в сотне футов над землей. Семь из них оказались темными. Но четвертый слева сиял зловещей силой, и именно на него и указывал Примус. Именно из-за его света они видели. Он освещал другие саркофаги яркими плоскостями света и очагами абсолютно черной тени, показывая стилизованные изображения восьми существ, изображенных по другую сторону врат. Здесь они гордо смотрели вперед, скрестив руки на груди и сжимая в руках знаки своей власти. Феликс не мог понять, были ли это инструменты, оружие или лишь символы.

Свет был многоспектральным, тепло-оранжевым, как у звезды, но это оказалась зловещая звезда. Он осветил космодесантников-примарис и Феликс почувствовал себя оскверненным. Мерцающие синие линии, излучаясь из не поддающегося определению источника, пробежали по нему сверху вниз. Нитей света было восемь.

– Гробницы богов, – прошептал Примус. – Окутанные цепями эмпирической силы. Этот черный камень настроен на пси-излучение. – Примус оглядел бесконечную тьму. Саркофаг и его сверхъестественные цепи отбрасывали полосу преломляющегося синего и оранжевого света. Хотя и яркое, объединенное сияние протянулось совсем недалеко, прежде чем его поглотило ничто.

– Коул здесь, – воскликнул Примус. Он взгляделся в темноту.

– Ты уверен? – спросил Феликс.

– Я ощущаю его, – ответил Примус. – Но не могу понять, где он находится. Здесь, без пси-блока горы, мои психические таланты работают. Он тут, рядом с нами. Но где?

Словно в ответ на вопрос Примуса, снизу высветилось пятно блестящего черного пола. Внутри кольца находился Велизарий Коул.

– Хозяин, – воскликнул Примус и двинулся вперед.

– Постой, – произнес Феликс, схватив его за руку.

– Он без сознания, Я должен прийти к нему, – продолжал Примус. Его голос звучал почти панически, из-за чего Феликс задался вопросом, насколько сильно он связан с архимагосом.

– Скорее всего, это ловушка. Если это не так, то пока он вроде как в безопасности.

Длинная фигура Коула была неподвижна, торс магоса удерживался в вертикальном положении аугметикой, которая соединяла его с нижней частью тела.

Приближаясь к магосу, космодесантники грохотали неестественно громко, но звук быстро затих, и темнота, казалось, придвинулась еще ближе.

Примус остановился на краю кольца света и обошёл его, не ступая за край.

– Он общается, – произнес он. – Происходит обмен данными. – Он посмотрел на Феликса с другой стороны освещенной площадки. – Мои системы брони настроены на излюбленные хозяином частоты передачи данных, – объяснил Примус.

– С кем он общается?

– Общается? Это не разговор. Он общается в машинном мире с этим, – Примус вновь указал на освещенный саркофаг.

– Оно не похоже на изолятор для запутанной сверхмассы изолированных частиц, – задумчиво проговорил Феликс.

– Что бы там ни было, это истинное сердце горы, – ответил Примус. – Именно за этим и пришел мой хозяин.

Феликс взглянул на хронометр.

– Тогда ему стоит поторопиться. У него есть четыре часа, прежде чем эта гора будет уничтожена, – произнес он. – Мы сможем прождать три, но не более.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Гробница Основателя

Косы Императора шли по древним путям мертвых. Плененный гибрид постоянно дергал цепь, но механизм Арата удерживал его на удобном для Келтру расстоянии. Далеко в глубине пел свою песню Фарос. Казалось бы бессмысленно построенные тоннели служили сейчас как резонаторные камеры, крики из которых сливались в то постоянно нарастающий навязчивый хор, то приглушались и уменьшались до отдельных нот. Но он никогда полностью не утихал. Он всегда возвращался, набирая силу до визжащего крещендо. Находящиеся глубоко под поверхностью машины пульсировали и грохотали. Дул горячий ветер. Потоки частиц превращали изображение на дисплеях в мешанину символов. В воксе не прекращался белый шум.

Они продолжали идти. Время и пространство стали такими же извилистыми, как и туннели, по которым шли Косы Императора. Призраки преследовали их. Улас вот уже двадцать минут находился в кататонической коме. Когда он, наконец, пробудился, то рыдал после этого целый час. Из дальних комнат доносились голоса, немногие из которых были человеческими. Толчки все нарастали и становились более регулярными. Они приносили с собой видения и забытые страхи, из-за чего космодесантникам пришлось отгородить свои разумы с помощью древних боевых ритуалов. Только так они смогут дойти до конца.

Гробницы становились все более богато украшенными. Они напоминали о более великих веках. Воины сжимали оружие, которое уже невозможно было воссоздать. Их доспехи менялись, становясь все более непривычными по форме. Хотя они все еще оставались боевыми доспехами Адептус Астартес, их броня не походила ни на один другой комплект, хранившейся в арсенале ордена до появления Кракена.

Фракиец лишь единожды посещал это место. Все капитаны совершали паломничество к гробнице Основателя после своего возвышения. Там они преклоняли колени в холоде и темноте, которые наполняли гору еще до того, как она пробудилась, и размышляли о жизни своего благородного предка день и ночь. Никто из остальных воинов не заходил так далеко. Они притихли не только из-за страха перед влиянием машины, но и от осознания того, что ступили на священную землю.

Становилось очевидно, что прародитель выводка, который осквернил их орден, покусился на могилу Основателя. Таков был путь ксеносов. Они не оставляли ничего хорошего нетронутым.

Фарос вторгнулся в сознание космодесантников, показывая им силуэты героев, мимо которых они проходили. Большинство из них провело век или два на тяжелой службе, и теперь тысячелетиями гнили во тьме. Таково было послание машины ксеносов. Фракиец презирал его, но его ноги становились все тяжелее, а сердца замедляли свой бой. Он едва мог идти.

– Во имя Императора и основателя моего рода. Клянусь десятью священными конями нашего ордена. Клянусь своей праведностью повелителю человечества, что увижу, как этому придет конец, – прошептал он.

Каждый шаг становился все тяжелее. Фракиец чуть не споткнулся, но потом вдруг услышал пение. Не причудливые инопланетные вопли пробуждающейся горы, а приятное басовое пение космических десантников. Его люди пели не о смерти, а о

победе. Фракиец присоединил свой голос к их голосам и, воодушевленный, направился к самой первой могиле в катакомбах.

Сам того не осознавая, он оказался в вестибюле гробницы Основателя. Это было огромное помещение с колоннами, украшенное каменными фресками, которые изображали свершенные давным-давно героические деяния. Пробуждающаяся гора сбросила вниз многие из панелей с фресками, которые теперь лежали разбитые на куски. В пустых промежутках виднелся Черный камень, наполненный бегущими огнями. Но многие фрески пострадали не только от горы. Несколько панелей, все еще оставшихся на своих местах, были разорваны тройными когтями, а лица героев уничтожены в актах бессмысленного вандализма.

Над входом в саму гробницу сохранился девиз – одно из немногих мест на всей горе, где удалось что-либо вырезать на Черном камне. Оживленные огнями чуждых технологий, слова тем не менее оставались ясны.

Nic iacet Oberdeii. Dominus est Falcatis ab Imperatore.

– Обердей, первый лорд. Основатель, – благоговейно произнес Арат.

Гибрид внезапно прыгнул вперед и разорвал цепь, связывающую его с Келтру. Ксенос проскользнул в открытые ворота и исчез во тьме.

Фракиец вытащил свой длинный фалькс.

– Оно там, внутри. Именно здесь пройдут последние мгновения нашего ордена, – он по очереди отсалютовал каждому из своих воинов. Они ответили ему тем же.

– Благодарю вас за службу, – воскликнул Фракиец, а затем добавил: - Да поможет нам Император.

***

Оно ждало их внутри.

Гробница Обердея оказалась маленькой, всего по тридцать футов с каждой стороны. Тело Основателя поместили в специальную нишу и отгородили стеной. Его образ увековечили в огромной статуе, в два человеческих роста. Она была установлена на огромном мраморном троне и была слишком огромной для этой комнаты. Фракиец помнил лицо Обердея – задумчивое, печальное, с вызовом. Также он помнил как левая рука статуи покоилась на рукояти фалькса, а правая находилась у подбородка. Один палец был поднесен к губам, словно бы требуя тишины. На стене, над тронem, были вырезаны скрещенные косы.

Когда Фракиец проводил свою службу в этой гробнице, он задавался вопросом, было ли это точное изображение воина, или же камень просто изображал более твердую форму легенды.

Все это исчезло. Зеленые кристаллы, сияющие плененной энергией, поднимались сквозь пол и стены. Они вытолкнули блоки из ясеня, превратив гробницу в комнату ксеносов, и обнажив позади черные стены. Свет ксеносов играл на суровых лицах усopших героев Империиума.

Статуя Обердея оказалась сорвана с места и сброшена вниз. Теперь она лежала расколотая на куски, и ее сходство с великим воином было навсегда утеряно. Чтобы сделать это, требовалась невероятная сила, но существо, которое узурпировало место основателя, не страдало от недостатка сил.

Фракиец никогда прежде не видел таких огромных генокрадов. Существо было в три раза больше своих меньших сородичей. Его броня, покрытая наростами и шипами, потемнела от времени до темного-красного цвета, а кремовая кожа выщвела почти до люминесцентного белого света.

Нижние руки ксеноса, изящно сложенные на коленях, были огромными. Они оказались настолько большими, что существо могло с легкостью обхватить закованного в броню космодесантника вокруг груди. Верхние конечности были увенчаны тремя такими же огромными когтями, которые представляли собой массивные треугольники из хитина с минеральной примесью. Они казались слишком массивными, чтобы быть острыми, но от их заостренных краев отражался свет. Две формы ксеномерзости вытеснили имперскую святость. Технологии некронов по мере пробуждения горы светились с нарастающей силой. Еще сильнее ощущалась психическая аура, окружавшая патриарха генокрадов.

Существо заметило их еще до того, как они вошли, и обратило свой злобный разум ко входу, ожидая их, словно злой деспот, жаждущий услышать мольбы своих трепещущих подданных. Гибрид сидел на корточках у ног отца. Он зашипел в сторону приближающегося Фракийца.

– Ты – погибель нашего ордена, – закричал Фракиец, обращаясь к чудовищу. Он чувствовал, как разум существа давит на него, требуя повиновения, но ноль-поле помогало магистру, как и его сильная воля. Он поборол попытки твари поработить себя и с вызовом посмотрел на нее. – Ты хотел развратить нас, – продолжил Фракиец. Он стиснул зубы. На его лбу выступил пот. Патриарх рассматривал воина, и на отвратительном лице ксеноса виднелось любопытство. Его ноздри дрогнули. – Ты проиграл, – проревел Фракиец сдавленным голосом. – Теперь я стану твоей погибелью, ибо я никогда не поведусь на твои уловки. Я – слуга Императора!

Последние воины ордена выстроились позади него веером. Они подняли свое оружие. Фракиец направил свой болт-пистолет на голову патриарха.

– Теперь ты умрешь.

Медленно он нажал на спусковой крючок. Но ничего не произошло. Его палец отказывался двигаться.

– Ты умрешь! – воскликнул он вновь, но его голос теперь походил на сдавленный хрип, с неохотой вырвавшийся из горла.

Желтые глаза, полные злобы, более древней, чем звезды, встретились с глазами Фракийца. То, что увидел в них магистр, было древним, злым, и направленным только на уничтожение человечества. Ужасающее оружие, выкованное из собственного генетического кода человечества. За ним скрывалось нечто кошмарное – необъятный разум, более огромный, нежели космос, древний, недоступный для понимания человеку. Сила природы, способная соперничать с бурным рождением галактик.

Фракиец ненавидел его всем своим существом, но ничего не мог сделать. Какая-то часть магистра прислушивалась к призыву патриарха. Воля ксеноса сомкнулась на его воле и сжалась, превратив ее в ничто.

Патриарх не спускал с него глаз. Он протянул руку и небрежно погладил сидящего у его ног гибрида.

Фракиец мог двигать только глазами. Его поле зрения было ограничено шлемом. Он видел только Уласа, но все люди магистра смотрели на него. Внимание Патриарха было в основном сосредоточено на Фракийце. Другие могли действовать.

– Убейте его! – произнес Фракиец. – Убейте его! – Но слова магистра были не более чем вздохом в его собственных ушах. Они не достигли его людей.

Коготь патриарха зацепился за имплантированную в гибрида кибернетику. Существо посмотрело на нее так, словно только что заметило увечье. Гибрид покорно съежился. Патриарх вытянул клешню и очертил контуры разъемов нервного центра управления на морде существа. Гибрид задрожал от удовольствия, увидев такое внимание.

Патриарх зарычал и оторвал ему голову. Тело гибрида рухнуло, разбрызгивая кровь.

Генокрад поднялся с трона – величественный и гнусный.

– Убейте его! – произнес Фракиец чуть погромче. Он облизнул губы. Его ненависть боролась с оцепенением. – Убейте его! – Патриарх приблизился к ним.

– Убейте его! – воскликнул Фракиец, теперь уже погромче. – Убейте его, быстрее!

Улас стал первым, кто освободился от чар. Его штурмовой болтер взревел в сторону ксенодемона, оторвав тому кусок экзоскелета.

В этот же момент все остальные открыли огонь. Все, кроме Фракийца. Он стоял как вкопанный, не в силах пошевелиться. Позади него гремели выстрелы. Взгляд Фракийца был устремлен вперед, но он видел достаточно, чтобы заметить смерть Уласа.

Патриарх двигался молниеносно и с большой грацией, не подобающей такому огромному существу. Он врезался в терминатора и оторвал ему голову, получив при этом с полдюжины попаданий. Казалось, что болты не причинили ему особого вреда. Патриарх использовал упавшего терминатора словно трап, чтобы броситься, раскинув руки, к своей следующей жертве.

Фракиец слышал, как умирают его люди.

Но он все еще не мог пошевелиться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Я – это ты, ты – это я

Около 10000 лет назад

– Тебе стоит поторопиться, – произнес Иезекииль Седейн. Он указал пистолетом на одну из двух шарнирных кроватей, сделанных из простой стали. Стальные наручники для талии, горла, лодыжек, запястий и груди были распахнуты и ожидали Коула. Вторая кровать стояла под углом в шестьдесят градусов к первой, так что головы почти соприкасались, а ноги находились на некотором расстоянии друг от друга. На подставках по бокам лежали два тяжелых серебряных шлема. Остальную часть комнаты заполняли ряды машин, заключенных в гладкие облицовки. Все выглядело аккуратно и стерильно, как в клинике.

Коул колебался.

– **Этот тот момент, когда ты был создан,** – произнес голос горы.

Было два Велизария Коула. Один слышал, как говорит гора, другой – нет. Оба переживали прошлое так, словно оно происходило впервые.

– **Ты не тот, за кого себя выдаешь,** – продолжила гора. – **Любопытно.**

– Быстрее, – недовольно пробурчал Седейн. – У меня осталось не так много времени, а у твоего друга еще меньше. – Он демонстративно проверил свой карманный хронометр. – Кво истечет кровью примерно через десять минут. Если мы будем и дальше медлить, то он умрет.

Эрминия стояла между кроватями.

– Подходи, – воскликнула она, махнув пистолетом.

– Ты клянешься, что спасешь Фридиша? – спросил Коул. – Дай мне слово.

– Даю свое слово, – ответил Седейн. – Я никогда не нарушал его. Если ты позволишь всему этому произойти, клянусь, он будет жить. Я не желаю бессмысленной смерти.

– Очень хорошо, – согласился Коул. – Ради Фридиша.

Он собирался сделать то, на что согласился, хотя все еще продолжал лихорадочно искать выход из создавшегося положения.

Эрминия отошла в сторону и указала на правую кровать. Коул сел на нее, а затем лег.

– Я должна пристегнуть тебя, – произнесла она. – Так же вставить кортикальный зонд. Это будет больно.

– Тебе нравится причинять боль, не так ли? Мы сможем избавиться от нее, когда станем единым целым? – спросил Коул. – Она мне не нравится.

Седейн передал оружие одному из своих телохранителей. Второй держал пистолет, направленный на Коула. Директор, поморщившись, улегся на свою кровать. Действие антиагапиков постепенно ослабевало.

– Ножки немного затекли? – спросил Коул.

– Развлекайся, пока можешь, – проворчал Седейн. – Возможно, что когда моя душа переместится в твое тело, от тебя останутся лишь крохотные следы и их будет не так уж и много. Без сомнения, не так много, чтобы заниматься попытками так глупо шутить.

– в конце концов, это была первоначальная конструкция, которую Бог-Машина выбрал для человечества, – но у высших техножрецов не было времени, чтобы тратить его на что-то столько тривиальное, как размножение. Бог-Машина создал человека для того, чтобы тот мог совершенствоваться.

Эта информация и многое другое были загружены во время зарождения Коула, но его индивидуальный жизненный опыт ограничивался лишь неприятным моментом выброса из трубы в траншею, где полоску неба обрамляли металлические стены. Небо имело ярко-оранжевый оттенок и в нем сновали огромные фигуры и движущиеся машины, наполовину скрытые облаками проплывающего смога.

В воздухе чувствовался привкус отходов тысячелетий промышленности. Химический запах с металлическим оттенком обжег ему горло. Это было неприятное ощущение, и Коул не желал более испытывать его. Он уже знал, что есть способы избавиться от этого ощущения.

Сбоку от траншеи перед дверями была устроена кафедра, которую занимало нечто, бывшее когда-то человеком. Гора из кишачей кабелями плоти, усеянная множеством рук. Мужчина носил высокую остроконечную шляпу, под которой три линзы в медной оправе по очереди оценивали каждого ребенка. Из рта у него торчала трубка, подключенная к кафедре. Линзы и трубка были единственными чертами его лица. Их удерживали вместе тонкие лоскутки промасленной кожи.

Поршни распахнули первые ворота, и в них шагнул ребенок. Мужчина сделал пометку в своем журнале, лежащем на кафедре, и перевел взгляд на следующего ребенка. Дети по одному выходили вперед и вставали перед его дрожащей тушей. Множество механических рук окружало ребенка со всех сторон и ощупывало его, осыпая контрольными химическими веществами, беря пробы крови и слюны, проверяя глазное и кровяное давление, частоту сокращения сердца, эффективность пищеварительной системы и многое другое. Видимые и невидимые лучи веером расходились по коже детей. Импульсы гидролокатора проверяли кости. Магнитные волны вызывали изменения в их настроении. Рентгеновские лучи записывая очертания скелетов в хранилища данных, которые никогда не будут изучены.

Жужжание, лязг, шипение, бах! Машины пели.

– Следующий, – произнес мужчина.

Жужжание, лязг, шипение, бах!

Открылись одни из трех врат, символизирующих, как уже понял Коул, тройственную природу его бога: Бога-Машины, Омниссию и Движущую Силу.

Жужжание, лязг, шипение, бах!

– Следующий.

Открывались левые врата, затем правые, увлекая детей к их алгоритмически определенным судьбам. Центральные ворота редко открывались. Когда это происходило, мужчина делал больше записей в своей книге.

– Следующий.

Жужжание, лязг, шипение, бах!

Первые врата открылись, и ребенок молча шагнул внутрь.

Настала очередь Коула.

– Следующий.

Коул шагнул вперед. Механизмы на руках мельтешили вокруг него, выполняя свои таинственные поручения.

– Кто ты? – спросил Коул.

Мужчина наклонился вперед, чтобы посмотреть на него поверх своего журнала.

– Ты можешь говорить? – удивленно спросил он.

– Я разговариваю. Язык был насильственно внедрен в мой разум.

– Остальные молчат, – произнес человек, в равной степени спрашивая, бросая вызов и требуя, чтобы Коул замолчал.

– Мое настоящее имя – Велизарий Коул, – ответил он.

– Остальные не разговаривают. Они не готовы говорить. Только наблюдать.

Одна из многочисленных дополнительных конечностей мужчины поднялась. Ребенок за спиной Коула напрягся. С его уст сорвался поток бессмысленных слов.

– Бинарик четвертой формации, – сказал Коул. – У них нет правильного оборудования, чтобы правильно издавать его. Только этого, – он указал рукой на горло, – недостаточно. Требуется модификация. Думаю, на данный момент этого вполне хватит.

Бесстрастные красные линзы долго смотрели на Коула. Мужчина издал горлом какой-то звук, который загудел в трубке, затыкающей ему рот.

– Ты развит не по годам, не так ли? – заурчал его вокс-передатчик.

– Ты – проявление Бога-Машины, но ты не он. Где же он сейчас? Где мой отец?

Руки замерли, а затем немного отстранились.

– Хм... – произнес мужчина.

Центральные двери с грохотом распахнулись. Коул посмотрел на них, потом на мужчину. Он не шевелился.

– Действуй или умри, – произнес мужчина.

Коул шагнул вперед.

– Следующий, – сказал техножрец, обратно усаживаясь на свое место.

Впереди Коула в среднем проходе никого не было.

Ворота с силой захлопнулись.

БАХ!

Около 11000 лет назад

Последний признак человеческой жизни, с которым столкнулся Иезекииль Седейн, едва не убил его. Треск в воздухе вдалеке, свист пули, визг от рикошета. Он бросился в песок при звуке выстрела. Человек прогрохотал по каменистой пустынной долине, прежде чем взлететь и исчезнуть за горами.

Седейн лежал некоторое время неподвижно. Второго выстрела не последовало.

Он поднялся только тогда, когда небо начало темнеть и температура опустилась.

Нервно оглянувшись через плечо, Седейн вскарабкался на камень. В это время года темнело рано. К тому времени, как он нашел тропинку, стало совсем темно, и холод начал обжигать его. Осенью люди часто умирали в горах замерзая насмерть, гораздо чаще чем от горных кланов аркологов, которые жили в полых развалинах, разбросанных по всем вершинам. В квадратных пещерах старых залов горели огни, но ни один из них не был близок к Седейну, и поэтому он боролся с холодом всю ночь. Ему предстоял опасный путь. Дважды Иезекииль чуть не потерял равновесие, но он так и не рискнул зажечь свет.

Ночь тянулась медленно. Над головой кружили звезды. Оставив позади города-аркологии, он утром уже шел по голым скалам, а со всех сторон возвышались обнаженные морщинистые вершины Алап. Древние дороги вели в никуда. Истертые временем камни отмечали могилы зданий. Не осталось никаких признаков более поздней человеческой жизни, только эти руины.

Никто и ничто не живет в этой проклятой пустоши, кроме Повелителя судеб.

То, на что пошел Седейн, было сопряжено с невероятным риском. Повелитель судеб приходил к людям, но люди к нему не ходили. Если дорожили своими жизнями.

Солнце взошло над сверкающим инеем пейзажем. Седейн уже не чувствовал ног и пальцев. Его лохмотья едва защищали от горного холода.

Он позавтракал, сделав глоток солоноватой воды. Седейн принялся трясти бурдюк, потом сдавил его. Внутри осталось больше воздуха, нежели воды.

Взошло солнце, безжалостно яркое, и невыносимо холодное. Так далеко на севере защитные слои верхних слоев атмосферы были слишком тонкими, и Седейн почувствовал, как его кожа начала покрываться волдырями. Он поправил рваный капюшон, натянув его так, чтобы тот больше закрывал лицо, и двинулся дальше.

Над ним возвышалась гора. Седейну казалось, что с каждым шагом он поднимался все выше, пока в мгновение ока гора полностью не преградила ему путь. Она отгородил долину скалами, походившими на сердитые лица. Голый камень отражал слабый, ядовитый солнечный свет, ослепляя глаза и обжигая щеки. Седейн поднес флягу к потрескавшимся и болезненным губам и допил остатки воды. Больше ее взять было неоткуда. Седейн зашел так далеко, что поворачивать назад уже не было смысла. Он должен либо завершить свое путешествие, либо умереть.

Он решительно начал свой подъем.

Седейн поднимался вверх по склону горы. Воздух стал более разреженным. С каждым вздохом в его тело поступало все меньше кислорода, как бы глубоко он не вдыхал. Не поднявшись и до середины подъема, Седейн понял, что времени осталось немного. С каждым вздохом он ощущал во рту привкус крови. Его язык превратился в пересохший лоскут кожи. Губы щипало. Щеки горели. Гора отнимала у него все, и все равно продолжала возвышаться над ним – безликая, серая, смертоносная.

Он обогнул валун, путь за которым превратился в хрупкую каменистую тропку. Она становилась все уже и уже, и ему пришлось хвататься пальцами за твердые камни, в то время как пятки висели над пропастью. Валуны здесь были крупными и их размер увеличивался по мере того, как тропинка становилась все тоньше. Седейну пришлось откинуться назад, чтобы зацепиться за валун ободранными пальцами руки и уцепиться за тропинку онемевшими от напряжения пальцами ног. Его силы были на исходе. Он уже готов был упасть навзничь, окунувшись в холодный воздух и встретив свою смерть на валявшихся внизу камнях. Но вдруг тропинка снова взрезалась в скалу, а выпуклый валун стал утесом.

Седейн поплелся к тени и вытянул руки, чтобы опереться о стену и отдохнуть, но вместо этого он обнаружил, что падает вперед, потому что тень оказалась вовсе не тенью, а пещерой, прорезанной в склоне горы. Она круто уходила вниз. Его ноги не находили опоры, из-за чего он неуклюже бежал вперед, чтобы не упасть на землю.

Его рука ударилась о холодный камень, отозвавшись острой болью. Его локоть вывернулся, а плечо соприкоснулось с твердым камнем. Он споткнулся в боковом

повороте коридора. Чернота отступила у маленького убежища. На угловатом камне плясал оранжевый свет.

Туннель превратился в пещеру. В ее центре горел огонь. Рядом с ним на корточках сидел старик, и пристально всматривался в пламя. Он находился настолько близко к огню, что его борода и брови могли загореться. Несмотря на холодный камень и жар костра, старик был практически гол, на ногах у него виднелись только поношенные сандалии, а вокруг пояса была повязана ткань. Сбоку от него стояло каменное корыто, полное воды. Седейн воспользовался моментом, чтобы наполнить флягу. Он отпил немного из нее, прочистив горло перед тем как заговорить.

Все еще тяжело дыша после подъема, Седейн подошел к костру.

– Я пришел издалека, – начал он.

– Чего ты хочешь? – спросил старик. Он не сводил глаз с огня и не мигал.

– Ты тот, кто очищает линию крови?

– Вовсе нет, – ответил мужчина. – Так вот почему ты здесь, ты будешь умолять о геномантии, чтобы очистить свой род? Ты еще слишком молод, чтобы заводить детей, и следующая ярмарка чистоты состоится не раньше чем через шесть месяцев. Возвращайся к подножью горы. Выбери себе пару. Жди. Приходи к Повелителю на ярмарку. – Его глаза метнулись вверх. – Если выживешь. – Он снова уставился на огонь.

– Я не хочу совокупляться. Я пришел не для того, чтобы умолять очистить мой род.

– А? – издал удивленный звук старик. – Тогда скажи мне, почему ты здесь?

– Учиться, – Седейн опустился на колени, чтобы посмотреть в лицо мужчины. – Научи меня.

– Научить тебя.

– Я хочу стать похожим на тебя. Я желаю изучить древние науки.

– Древние науки не для того, чтобы им учился кто-то наподобие тебя, – ответил старик. – Иди прочь.

– Я умру. Смилуйся. Я искал утраченные знания. Я многому научился. Я могу узнать больше.

– Слабая просьба для глухих ушей, – отсутствующе произнес старик. – Я не позволю тебе пройти. Повелитель тебя не увидит.

– Мир разрушен. Есть знания, которые могут помочь. Я не дурак. Жизнь не всегда была такой. Существуют истории о Старом мире и о Звездной Империи.

– Да, я знаю об этих историях.

– Они истинны! – воскликнул Седейн сквозь стиснутые зубы.

– Так ли это? – спросил старик. – Может, и так. Но это не делает тебя более убедительным. Ты уйдешь сейчас или погибнешь. Попытай счастья на горе.

– Я желаю помогать людям!

Седейн придвинулся ближе. Он был крупным мужчиной и возвышался над стражем.

Мужчина вытащил пистолет из небольшого углубления на полу. Он был сделан искуснее, чем все, что когда-либо видел Седейн. Старик посмотрел на непрошеного гостя.

– Целительство являлось лишь одним из ремесел Старого мира. Они также довели до совершенства и убийство. Иди, или ты усвоишь только один, последний урок.

– Эгоизм – вот причина гибели человечества, – прорычал Седейн. – Я искал здесь мудрости. Похоже, я ошибался.

Старик снова уставился на огонь.

– Будь ты проклят всеми старыми богами, коих довелось знать человечеству, – выплюнул Седейн.

– Чтобы дойти так далеко, ты уже должен был обладать некоторой мудростью, – отрешенно произнес старик. – Используй ее с умом.

Седейн на ощупь отошел от костра и двинулся обратно по туннелю. Его ждала очередная ночь на морозе. Он вышел в темноту, оглянулся по сторонам и направился к валуну. Его терзали сомнения, хватит ли у него сил благополучно перебраться на другую сторону.

+Подожди+. Произнес голос, который он услышал в своем сознании.

Он быстро повернулся, едва не потеряв равновесие. Тропа уходила к расщелине в пещере, возможно, проторенной в камне давно вымершими животными. На ней стоял человек в богатой одежде. У него были длинные, чистые каштановые волосы, лицо, одновременно молодое и старое, и спокойные карие глаза, более глубокие, чем само время. Сумерки уже миновали, и все же Седейн мог его отчетливо разглядеть, словно тот стоял в полуденном пятне, предназначенном только ему одному.

– Подожди, – повторил мужчина, на этот раз вслух.

– Кто ты? – удивленно спросил Седейн. По какой-то нелепой причине ему захотелось встать на колени.

– Я тот, кого вы называете Повелителем судеб. Тот, кто обеспечивает чистоту крови и генов среди народов этого региона.

– Вы на него не похожи.

– Я могу выглядеть иначе, если возникает такая необходимость.

– В этом обмане есть необходимость?

– Иногда – да. Но я показываю тебя себя истинного.

– Я думаю, это еще не все, – Седейн никогда в жизни не был так уверен, как сейчас.

– А я нет. Это я.

– Кто ты?

– Кто-то, кто желает помогать людям, как и ты, Иезекииль Седейн. Ты был искренен, когда сказал те слова в пещере. Чувствуешь ли ты во мне такую же искренность?

Он чувствовал. Не знал, как это объяснить, но он чувствовал.

– Да, – признался он.

– Тогда будешь ли ты служить мне? Я научу тебя тому, чему ты хочешь научиться. Ты будешь во много раз ценен для меня, если согласишься. Ты будешь представлять большую ценность для человечества.

– Сначала ответь мне, кто ты. Я не могу служить человеку, который скрывает свою личность, если на то нет веской причины.

– На это есть веская причина.

– У моей просьбы тоже есть веские причины, – произнес Седейн. – Убеди меня.

– У меня множество имен, но со временем я буду известен как Император человечества, – сказал человек. Когда он это произнес, у Седейна мелькнула короткая,

но пугающая мысль о существовании, которое может уничтожить его одной лишь силой мысли, и это была только толика способностей.

Тем не менее, Седейн продолжал твердо стоять на своем.

– Император?

– Да, – Император улыбнулся так, словно этот титул был дружеской шуткой.

Смех Седейна эхом разнесся среди мертвых гор.

– Есть только анархия, военачальники, пожиратели падали, которые толпятся вокруг них, и люди, которых они пожирают. Нет ни императоров, ни империй, ни королей, ни королевств, ни справедливости, ни жесткого правителя. Есть только смерть.

– Еще нет королевств, – согласился Император. – Мой титул предназначен для будущего королевства. Славного места. Если ты будешь служить мне, то сможешь воплотить это в жизнь. Ты познаешь покой, которого так жаждешь. Ты познаешь лучший мир.

– Я хочу помогать людям, – воскликнул Седейн. – Я не знаю, что принесет мне покой.

– Желание помочь и желание безопасности не исключают друг друга, Иезекииль. У тебя не должно быть секретов от меня. У тебя не может быть секретов от меня. Успокойся, я не вижу в тебе ничего дурного. Будешь ли ты служить мне?

– Да.

Император улыбнулся. Другого ответа он и не ждал.

– Тогда у меня есть чудеса, которые я должен показать тебе. Величайший труд начинается сейчас.

***

Коул и Седейн, Седейн и Коул – эти двое слились и боролись, словно пересекающиеся течения в бурном море. Оба неразделимые, но явно воюющие. Парадокс в процессе становления. Коул вспоминал. Седейн вспоминал. Они оба видели то, что видел другой, и чувствовали то, что чувствовал другой. Запрещенные технологии Диакома, столь безобидно размещенные в помещении, мурлыкали и гудели, притягивая к себе скрытое измерение варпа. В этот момент Коул понял, что это не просто слияние умов, а слияние душ. Следовательно, как и Седейн он чувствовал растущую власть наряду с уменьшением индивидуальности. Седейн был стар. Прошло так много лет, с тех пор как он впервые встретился с Повелителем человечества, что они перестали иметь значение за пределами отметок в календаре. Коул прожил лишь часть этого времени. Глубина знаний и опыта Седейна была такова, что блестящий, но молодой ум Коула оказался поглощен им, как слеза под проливным дождем.

«Мне очень жаль, очень», – подумал Седейн, и Коул подумал о том же. Седейн оказался искренен. Его намерения были чисты, в некотором роде, и его печаль ранила Коула, как если бы она являлась его собственной, ибо теперь она таковой и являлась, как и все воспоминания, все знания, все могущество...

Их было слишком много, слишком, слишком много...

Коул, поглощенный существом Седейна, не переставал удивляться.

– Мне очень жаль, – произнес Седейн.

БАХ!

Где-то, когда-то, лист металла ударился о камень. Словно утопающий, Коул ухватился за него, хотя в бушующем шторме их слившихся душ его вполне могло разорвать на куски.

***

БАХ!

Коул открыл глаза. Глаза Седейна. Он стоял на мосту в других горах, далеко от Алап. Столетия разделяли эти два воспоминания. Но память мудра к иллюзии времени, и ничто не разделяло их. Из одной комнаты выходили, в другую заходили.

– Велизарий Коул, – произнес Император.

Сбитый с толку этим именем, Седейн посмотрел на свои руки. Они уже стали старыми и жилистыми. Десятилетия войны пролегли между этим моментом и моментом, когда Коул и Седейн оказались внутри двигателя Диакома.

Еще одна комната во времени. Еще одна дверь, которую можно было открыть по желанию говорившего.

– Меня зовут Иезекииль Седейн, – представился Седейн.

– Пока да, – согласился Император.

Император стоял рядом с ним у парапета моста. Коул, или же это был Седейн, взглянул на него и вздрогнул. Повелитель человечества казался выглядел непримечательно, как это зачастую и бывало. Его длинные волосы оказались завязаны сзади. На нем было белое, накрахмаленное одеяние ученого. Он не был ни высоким, ни низким. Красивым, но не слишком. Худощавым, но не худым. Ничем не примечательное существо, если бы не исходившее от него ужасающее ощущение силы, неукротимой, словно сердце звезды.

Седейн чувствовал себя словно в тумане. Работа времени требует, чтобы воспоминание о будущем было трудно удержать, и они ускользали. Зачем он пришел сюда?

– Отдохнуть, – произнес он вслух. Но Седейн не помнил, что делал до того, как пришел на мостик. – Ты – Император, – произнес Коул. Или Седейн, или они оба.

– Да, – ответил Император.

– Я с тобой уже встречался?

– Ты много раз встречался со мной, Велизарий, – ответил Император.

– Но это не... – он нахмурился, глядя на свое лицо. Это было молодое лицо, но все еще старое. – Но это был не я.

– В некотором роде, – Император искоса посмотрел на него. – С другой стороны, ты – Иезекииль Седейн, и всегда им был, а Коул – лишь фрагмент. Артефакт, оставленный после отчаянной попытки человека остаться в живых.

– Этого еще не случилось, – произнес Коул. – Когда это будет?

– Каждое мгновение, или вне мгновения, или же в ушедшее мгновение. Ничто никогда не проходит, не по-настоящему, а только за пределами внимания.

– А, – воскликнул Коул, или Седейн. – Время не имеет над тобой силы. Так ведь?

– Никто не свободен от времени, – ответил Император. – Даже я. Как бы долго я ни жил. Ирония судьбы заключается в том, что единственное, чего мне не хватает, – это времени. – Император нахмурился. – Его никогда не хватает.

– Это сон внутри сна. Сон, который помнят, или это действительно произошло? – спросил Коул.

Император рассмеялся. Это был такой же ужасный звук, как и грохот лавин, обрушивающихся с горных склонов.

– Есть ли разница между этими утверждениями?

– Ты всегда такой удручающе нудный? – спросил Коул. – Потому что, честно говоря, это немного разочаровывает.

Император вновь рассмеялся, на этот раз с неподдельным весельем.

– Ты мне нравишься, Велизарий, хотя многие тебя недолюбливают. Но это не твоя обязанность – быть популярным, это важно. Каждый сон – это отдельная реальность. Знай, Велизарий Коул, ты мне еще понадобится. Ты будешь думать, что предал меня. В конце концов, ты этого не сделаешь.

– О чем ты говоришь? Ты – Омниссия! Я никогда не предаю тебя.

– Так и будет, – печально произнес Император. – Ты будешь совершенно прав. И так оно и будет.

– А Седейн помнит этот разговор?

– Дальновидность – не самый надежный друг, Велизарий. В один прекрасный день, он может все увидеть с поразительной ясностью. Но протяжение веков чувствовать это. Это хороший день.

– Это действительно случилось?

Император снова улыбнулся.

– Я действительно здесь?

БАХ!

Металл ударился о камень. Их борьба не закончилась и никогда не закончится.

Наше время

– **Вот кто ты, – произнес голос горы. – Оскверненный. Смешанный. Не одно существо. Даже не два. Множество. Желчное пятно из духов, заключенное в мясо и допотопные технологии. Ты жалок.**

– В этом отношении я не уникален, – ответил Коул. Он снова находился в том месте, которое существовало, но не имело физической формы. Магос находился в инфосфере горы, и заключенный в плену машины разум окутал его. – Умственное развитие в пределах подгруппы моего вида часто достигается посредством кортикальной связи. По этой причине существует множество смешанных личностей. Другие группы человечества используют иные методы, как и некоторые ксеносы.

Он разговаривал с существом через сеть квантовых частиц, вспыхивающих и исчезающих из ниоткуда. Данная техника превосходила все, что доводилось видеть Коулу, по своей изоциренности она превосходила даже человеческие технологии на пике их могущества.

И все же у Коула был выход. Потихоньку, он начал все сильнее оказывать влияние на механизмы Фароса. Все живое уникально. Уникальность творения и опыта придет им свой колорит. Присутствие горы обвилось вокруг Коула, угрожая раздавить его в любой момент.

– Я уникален своей широтой познаний. Во всей галактике нет такого, как я. Только я смогу помочь вам заполучить столь желанную свободу и разбить ваших врагов, –

продолжал говорить Коул. Его усовершенствованный разум, теперь полностью окутанный многомерным машинным духом горы, подготовил ключ.

– **Нам интересно, каков ты на вкус.**

– Если вы сожрете меня, то как я буду служить вам?

– **Ты боишься.**

– Все люди бояться, как и боги. Вы боитесь навсегда остаться запертыми в этой ловушке.

Медленно и осторожно Коул ввел свой шифр-код во внешнюю паутину данных ксеносов. Он ощутил трепет страха. Такие выходы всегда оставались тем, чем больше всего наслаждался Коул: прокрасться в замок спящего людоеда и украсть его сокровища.

– **Ты смеешь угадывать наши мысли? Ты ничего не знаешь!**

Присутствие ощетинилось, нарушая все логические цепи, удерживающие Коула в инфосфере, и лучи эмпирической энергии охватили его тело в физическом мире. Коул приостановил работу своего шифра, но он оскорбил только гордость существа. Оно не обнаружило уловки Коула.

– **Мы видели твоего бога. Пробуждающиеся сети наших вероломных детей поют о нем от одной династии к другой. Он не бог. Он – ничто. Существовали и другие существа, претендовавшие на божественность. Они умирали. Он умрет. Такое существо как он может обмануть время. Мы превзойдем его! Мы – само время, пространство и узы между ним. Он не бог. Только мы.**

– О великий, тогда я умоляю вас, откройтесь мне. Вы заглянули в мою душу. Вы знаете, что мои помысли чисты, вы знаете, что я могу сделать то, что вы требуете. Я ищу ваше знание. Я клянусь служить вам. Я желаю того же, что и вы. Вместе, мы сможем положить конец войне, которая разрушила пространство и время. Мы сможем очистить яд Хаоса и вернуть великую работу Бога-Машины к полному порядку. Это все, чего я желаю! Порядок, спокойствие и правильное функционирование для всего вокруг.

Наступило долгое молчание. Из скрытых измерений мимо Коула пронеслись тысячелетия чужеродных данных. Архитектура инфосферы некронов была совершенна, великолепна и многократно продумана во всех отношениях. Его собственные коды распространились по пределам защитных систем Фароса: сцепляясь здесь, меняясь там и приводя все точки входа под свой контроль.

– **Да. Материальная сфера против психической. Варп должен быть изгнан. Мы можем поделиться с тобой такими секретами.**

– Сделайте это! – воскликнул Коул. – Кто еще достоин, если не я? Ваши дети работают в этом направлении, но они неуклюжие, они забыли многое из того, чему вы их обучали. Они не смогут завершить начатое. Вы в ловушке. Ваши братья и сестры разбиты и рассеяны.

– **И ты сможешь устранить ущерб, нанесенный за миллионы лет? Мы думаем, что нет. Ты слаб.**

Вокруг Коула пронеслись потоки инопланетных данных. Он боролся с желанием окунуться в них прямо сейчас. Все, что ему требовалось сделать, это распахнуть двери и прыгнуть.

Искушение было непреодолимым.

Он молчал. Что-то беспокоило его. Многочисленные копии его разума носились по сети Фароса. От увиденного в них, он выругался – богатый биологический набор фраз, давно ушедших из готика.

Системы, удерживающие существо и охранявшие сокровищницу данных Фарос, являлись одним и тем же. Ему придется выпустить его наружу.

– Я сильный, – сказала он.

Существо прекратило свое вращение по спирали.

– **Мы похожи. Ты – не являешься собой, как и мы. Ты – составная часть. Мы – фрагмент. Но не стоит заблуждаться, что мы с тобой как-то связаны, так как это единственное наше сходство. Но этого вполне достаточно, чтобы убедить нас пощадить тебя, Коул из людей. Ты освободишь нас. Мы вознаградим тебя. Мы достаточно сильны, чтобы пережить отделение от тюрьмы некродермиса. Мы будем путешествовать по галактике и воссоединяться с нашими разрозненными частями. Некронтир пожалеет о том дне, когда они решили предать своих богов. Мы дали им все, чего они желали, и они сгубили нас. Они заплатят.**

Ярость существ была холодной, почти бесчувственной и выражалась скорее в яростных вибрациях атомарных энергий, чем в более грубых химических реакциях.

– **Целую вечность мы были заточены в этой горе. Целую вечность мы строили планы мести. Восемь частей восьми богов оказались заточены здесь в рабство. Мы уничтожили остальных, чтобы выжить. Некронтир дураки. Они высокомерны. Они сохранили жизнь слишком многим из нас, чтобы питать эту их узловатую систему. Они пожалеют об этом, потому что мы все помним. Помним, кем мы были и кем однажды снова станем.**

Каскады света инфосферы исказились. Его место занял другой свет, медный зеленый блеск. Он сиял из ниоткуда, из самой темноты царства и пока гора говорила, сливался в фигуру, которая не имела форму. Разум Коула начал сам выстраивать ее форму, которую он бы смог понять: выкованные из золота руки, ноги, голову, туловище.

– **Мы – высшее проявление порядка. Никакая логика или нелогичность не смогут связать нас.**

Теперь оно говорило ртом, сверкающим заточенным солнечным светом.

– **Мы – властитель Зарулаш. Мы – К’Тан, из звезд и приливов времени и света. Мы – боги, и ты будешь служить нам. Освободи нас.**

– Мне нужно время! – выкрикнул Коул сияющему существу. – Я должен подчинить себе то, что удерживает вас. Иначе я не смогу освободить вас! – Его инфосферные зонды уже были готовы взять под контроль системы, удерживающие К’Тан. В то же время, он настроил свое подсознание на штурм защиту сети Фароса. Обе части были неразрывно связаны. Если он хотел проникнуть в хранилище горы, то ему требовалось снести одновременно двое врат.

– **Ты хочешь обмануть нас!**

– Великий, все что я желаю, так это только служить вам. Машины пытаются предотвратить ваше освобождение. Я могу помочь вам!

Прошла напряженная минута.

– **Да будет так,** – произнес Зарулаш.

Врата отворились. Позади них находилась сокровищница знаний. Но она не принадлежала Коулу, еще нет. Ее охраняли машинные духи. Твари смотрели на него ревнивыми глазами. Ему требовалось еще немного времени. К'Тан уже видел выход.

У Коула не осталось времени, поэтому он должен был сделать все сейчас.

– **Освободи нас!**

***

Вокруг обмякшего тела Коула начали появляться точки зеленого света, образуя сеть, которая росла до тех пор, пока полностью не окутала магоса.

– Отойди, – воскликнул Феликс.

Гора гудела. Узор посылал всплеск линий, и каждая точка соединялась с десятком других.

– Похоже на звездную карту, – произнес Феликс. – Смотри! Я уверен, это Соты.

Светящийся шар занял позицию Соты в центре карты. Он разгорался все ярче и ярче по мере того, как карта продолжала расширяться, а галактика раскручиваться бесчисленными точками света.

– Все звезды в галактике, – ответил Примус. – Эта информация...

– Будет невероятно ценна для Велизария Коула, – перебил его Феликс. – Таких точек связи множество. Помимо Фароса. Целые сотни. – В галактике появилась сеть маяков, больших и ярких.

Вибрация горы перетекла в ровный гул. Другие маяки засветились ярче, все сильнее распространяя связанные с ними лучи света во всех направлениях. Фарос затрясся от нарастающей мощи. Распространяющийся свет отодвинул темноту за саркофаги, открыв признаки увядания на лицах семерых мертвецов. Свет упал на скомканное тело. Металлические конечности изогнуты, голова повернута на шею и смотрит на спину. Ноги частично поглощены камнем.

– Слуга Коула, – воскликнул Феликс. – Кво-87.

Феликс активировал свой силовой-кулак. Пси-поле сияло на линзах шлема Примуса.

– Коул предал нас, – прорычал Феликс.

Велизарий Коул пробудился, содрогнувшись. Загорелись огни его аугментики. Там, где раньше они горели холодными красными и синими огнями, теперь они стали одинаково зелеными.

Его ноги вытянулись, залязгав по черному камню, и поднимаясь кверху. Он поднял руки и потянулся, словно пробудившись после заслуженного отдыха.

Его глаза горели зловещим светом некронских технологий.

Он усмехнулся.

– Децим! Примус! Вы добрались сюда.

– Что ты творишь? – спросил Феликс.

– Скоро ты все узнаешь. Перестань целиться в меня пистолетом, Децим. Джентльмены, прошу вас, чтобы далее не случилось, не открывайте огонь.

Гора затряслась сильнее. Направленные на саркофаг лучи погасли.

– Что ты наделал? – прорычал Феликс. Примус, ощутив исходящую от тетрарха опасность для своего господина, переключил все внимание на Феликса.

– Там, – произнес Коул, указывая металлическим пальцем на саркофаг, – находится бог расы некронов. Это не вся его часть, а лишь самый большой осколок, который я когда-либо встречал. – Он нахмурился. – Это невероятно опасно.

Феликс перевел взгляд с магоса на саркофаг.

– К’Тан? – недоверчиво произнес он. – Ты выпускаешь К’Тан! – Феликс поднял пистолет.

– Не стоит угрожать архимагосу, – спокойно сказал Примус, вставая между Феликсом и Коулом.

– Я выпускаю его, – ответил Коул. – Прямо сейчас. Вон, он уже идет! Децим, запомни, никакой стрельбы! – Он предостерегающе поднял руку. – Сейчас очень деликатный момент. Я почти заполучил то, зачем мы пришли. Кое-что из того, что я собираюсь сделать, будет выглядеть весьма глупо. Но это не так.

– Коул...

Примус подошел поближе к Феликсу.

– Будь уверен, мой хозяин знает, что делает, – произнес он. – Он не предатель.

Сверкающий звездный свет пронзил стенки гроба.

– Лучше бы ты оказался прав, – недовольно проворчал Феликс.

Саркофаг начал открываться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Последнее дитя Соты

Около

10000

лет

назад

Фракиец моргнул, внезапно обретя способность двигаться. Он поднял руки вверх. Лицо Фракийца покрывали свежие ожоги. Он удивился, поняв, что не может ничего видеть левым глазом. У Фракийца возникло мимолетное ощущение, что он должен быть в другом месте, в другое время. Мысль быстро улетучилась.

– Вы хотите знать, как мы все провернули?

Ганнилора, в изорванной униформе, сидела в кресле для допросов. Руки девушки были связаны за спиной тяжелыми путами, которые полностью обездвигили ее конечности. На ней не осталось ни клочка плоти, не испещренной инструментами исповедника. Ожоги, ушибы, порезы – слишком многочисленны, чтобы ее оскверненная ксеносами физиология смогла восстановиться. Глаза девушки опухли и были закрыты, а нос сломан. На ее плечах и бедрах не хватало участков кожи, и все же она продолжала говорить сквозь разбитые зубы и вела себя высокомерно.

Фракиец ощутил нотки сочувствия. Он подавил их.

– Ты осквернена, – прорычал Фракиец.

– Я такой же человек, как и вы, милорд, – ответила она.

– Ты больше не человек, – выплюнул с презрением Фракиец. Руки исповедника сжались на инструментах. Он был одним из двух капелланов, которым удалось уцелеть после восстания. Воин с энтузиазмом выполнял свой долг. – Ты осквернена влиянием ксенов. Я должен был заметить это.

Ганнилора улыбнулась. Она покачала головой. С ее разбитых губ стекала струйка кровавой слюны.

– Я человек. Я более человечна, чем вы. Кто из нас прибегает к пыткам? Точно не я.

– Этого не могло произойти. Существует сорок девять отдельных генетических и ментальных тестов, которые обязаны пройти все высшие слуги ордена. Как ты их обманула?

– Фракиец, я никого не обманывала, – ответила Ганнилора. – Я служу Императору.

– Самозванцу. Извращенный ксеносами образ нашего повелителя!

– Он истинный Император, Фракиец. Он любит нас всех. Он придет, чтобы спасти нас. Я пыталась спасти вас.

– Расскажи мне, как ты это сделала.

Ганнилора грустно улыбнулась.

– Вы действительно думаете, что это так же просто, как спросить меня? Вам стоит лучше подумать.

Фракиец кивнул исповеднику. Капеллан шагнул вперед, толкнул голову Ганнилора вперед и приложил болевой шип к ее нервным окончаниям. Тело женщины изогнулось, когда нервная система девушки восстала против нее. Ее ноги забарабанили по полу. Руки напряглись так, что захрустели. Ее сломанные зубы скрежетали под давлением собственной челюсти.

– Довольно, – произнес Фракиец.

Ганнилора резко подалась вперед.

– Расскажи мне, как ты это сделала!

Ганнилора чуть приподняла голову.

– Я ничего не делала. Неужели вы думаете, что я могла бы провернуть все в одиночку? – Она наклонилась вперед, опершись на свои путы. Ее голос превратился в шипение. – На это ушли столетия. Небесный Отец пришел и посадил свое семя. Мы выросли преданным племенем. Во-первых, людям Соты был показан свет, чтобы истина смогла распространиться среди них. На это ушли десятилетия. Затем, когда братья и сестры семьи Небесного Отца возвысились достаточно высоко в иерархии планеты, члены семьи были введены на флот. – Ганнилора усмехнулась. – Вы так высоко ценили своих подданных-людей, что доверили им слишком многое. Когда-то я была такой же невеждой, как и вы. Они пришли ко мне, когда я стала офицером. Они пришли из глубин корабля и одарили меня поцелуем просветления.

Фракиец посмотрел на исповедника.

– Если судить по частоте мутаций в ее геномном коде, то она подверглась заражению четыре года назад.

– Тогда как ей удалось пройти более поздние тесты?

– Их пронесли на борт, – ответил исповедник. – Тесты были обмануты. Эта разновидность генокрадов проявляет исключительный талант к психическому подчинению. Они эволюционировали, чтобы сосуществовать рядом с нами.

– Значит, вы заполнили наш мир и корабли порабощенными отпрысками ксеномонстров?

– Сколько раз я должна все повторять? – воскликнула Ганнилора. – Мы чисты. Мы – избранные Императора. Он придет, заберет нас и будет держать подле себя! Разве вы не видите, что мы стараемся ради вас!

– Еще раз, – произнес Фракиец.

Следуя приказу исповедник вонзил шприц в Ганнилору и ее тело тут же пронзила боль. Она закричала. Ее измененное тело отказывало от напряжения.

Фракиец поднял руку. Исповедник отключил устройство.

Фракиец присел на корточки и запрокинул голову Ганнилоры.

– Как вы это сделали? – быстро спросил Фракиец. Состояние предательницы ухудшалось. – Как вам удалось от нас спрятаться?

У Ганнилоры застучали зубы. Из носа потекли сопли.

– Целые десятилетия. Все, что требовалось, – это один член рода в нужном месте. Только когда офицерский состав флота и сил планетарной обороны Соты оказался в наших руках, мы попытались повлиять на орден. Наш отец могущественен, даже более могущественен, чем вы. Мы – избранные. Мы приведем всех вас на сторону Императора. Даже вас. Это ваша судьба. Освободите меня, позвольте мне вновь принять мою ношу. Спаси себя, брат! Спасение – это единственное, чего мы пытались достичь.

– Нет, – ответил Фракиец. – Сколько было совершено богохульств против нашего вероучения? Как мы могли быть так слепы?

– Потому что так пожелал Императора, – ответила Ганнилора.

– Ты пряталась у всех на виду. Я и сам достаточно собрал воедино. Я думал, что это Эдриос пытается развратить нас. Он ввел нас в заблуждение, но не намерено, а из-за ваших манипуляций. Это сделали вы, люди, которых мы защищали. Вы уничтожили

хранилище геносемени. Все те рекруты, которых мы приняли после падения Соты, все пропали даром. Твои старшие, – он выплюнул это слово. – Они поработили разум Торсиры. Сколько их еще? Как долго это продолжается? – спросил Фракиец.

– Столетия, – торжествующе произнесла Ганнилора. – Род невозможно остановить. И вы это знаете. Вы ведь видели все на Мирал Прайм, не так ли? Братьев, которые не станут нападать. Псайкеров, которые могли видеть славу истинного Императора. Они стали просветленными. Вы почувствовали это при падении монастыря, вы лично ощутили прикосновение истинного Императора. Нас невозможно остановить!

– Твои псайкерские трюки больше не сработают, – Фракиец стоял над своим пленником. – Тебя остановили. Вы не принимаете во внимание волю Императора человечества, истинного Императора. Он назначил меня защитником, независимо от того, какое влияние ваши гнусные хозяева пытались оказать на меня. Ты – ксеномерзость, и ты потерпела неудачу. Прибереги свою жалость для себя.

– Вы так близки к спасению, но не понимаете этого.

– Это ты не понимаешь! – закричал Фракиец. – Ваши Небесные отцы – хищники, пришедшие пировать. Они бегут впереди роя. Это же тираниды! Неужели ты не можешь отбросить их влияние, чтобы все увидеть?

– Сота была испытанием, в котором решалось, достойны ли мы его, – она говорила это много раз, и всегда с непоколебимой убежденностью. – Вы умрете вместе со всеми, кто не уверовал. Но мужайтесь, все будет спасено. Достаточно одного из них, и Евангелие снова распространится. Четырехрукий Император, истинный повелитель человечества, он любит вас, и он идет.

– Теперь ты умрешь. Мне так жаль тебя. Но я сделаю это с радостью.

– В прошлый раз вы не смогли в меня выстрелить. В глубине души вы знаете, что я говорю правду. Однажды, когда вы столкнетесь с одним из них, вы увидите славу. – Ганнилора блаженно улыбнулась. – Я последнее истинное дитя Соты и мессия Императора.

– Я не собираюсь убивать тебя, – произнес Фракиец.

Он указал на исповедника. Сверкнул нож, который вонзился в мозг Ганнилора.

Предательница умерла с непоколебимыми убеждениями и улыбкой на лице.

Это было большее, что мог сделать Фракиец.

Прошлое растворилось в настоящем. Свежие раны превратились в старые шрамы.

Наше время

Патриарх генокрадов надвигался на него – огромный, массивный и неуправляемый. Фракиец поднял оружие и снова обнаружил, что не может выстрелить. Чудовище остановилось перед ним. С его когтей капала кровь. Дыхание после напряженного боя участилось. Если бы Фракиец так хорошо не знал генокрадов, то решил бы, что зверь улыбается, но ксенос явно не был способен на эмоции. Изгиб его рта кверху являлся результатом отвратительной физиологии. Торжествующее выражение в глазах – иллюзией. Так оно и должно быть. Ксеносы бесчеловечны. Разум улья не имел ничего общего с человеческим.

Руны мортис пели в шлеме Фракийца. Он не мог найти в себе воли, чтобы деактивировать их. Пронзительный вой рун мучил его. Галерий, Кельтру, Улас, Арат... все они были мертвы.

Небесный отец расхаживал вокруг него, ступая тяжело и неторопливо, словно призраки быков, которые населяли леса за Фаросом. Существо выдохнуло горячий воздух и обнюхало его. Ксенос держал его в психическом плену – зачем, во имя Императора, ему понадобилось его обнюхивать?

Генокрад остановился у лица Фракийца, и магистр смог вновь посмотреть на него. Ксенос низко наклонился, чтобы заглянуть ему в глаза. Он поднял указательный палец левой руки и осторожно провел им по шлему Фракийца. Коготь заскрежетал по керамиту. Язык ксеноса высунулся между черными зубами. Его конец оказался полым, так как в нем скрывался яйцеклад, ожидая, чтобы выскользнуть из пасти и ввести генный код существа в другую жертву и начать процесс осквернения.

– Я последнее дитя Соты, и я убью тебя, – произнес Фракиец. Он едва мог разжать зубы, чтобы заговорить. Его челюсти сжались, словно кулаки. Конечности болели от бездействия.

– Я убью тебя. Я убью тебя. Я убью тебя, – говорил он. Патриарх посмотрел на пистолет, а затем перевел взгляд на Фракийца. Ксенос отступил назад и приложил свою выпуклую голову к дулу болт-пистолета. Такое нежное движение, для такого монстра. Фракиец ощутил прикосновение и по руке пробежала дрожь. Ксенос повернул голову у пистолета, и сильно надавил на него. Фракиец все еще не мог пошевелиться и чувствовал себя беззащитным.

Внезапно генокрад развернулся и зашагал прочь. Он откинулся на спинку трона.

– Здесь все началось, – произнес Фракиец. – Теперь, я покончу с этим. Теперь я покончу с тобой.

Генокрад сложил свои пальцы вместе и скрестил верхние когтистые лапы на груди. Мучительно, дюйм за дюймом, Фракиец отводил пистолет от генокрада. Патриарх с удивлением наблюдал, как оружие нацелилось на один из некронских кристаллов, пронизывающих пол.

– Я не могу стрелять в тебя. Но я могу уничтожить тебя.

Генокрад понял, что собирается сделать Фракиец и молниеносно соскочил со своего трона, но опоздал на доли секунды. Он врезался своей огромной массой в магистра, когда Фракиец, наконец, заставил свой палец сжаться и послать залп болтов в кристалл. Первый и второй болт раскололи его. Третий разнес вдребезги. Генокрад повалил космодесантника на землю, но Фракиец продолжал стрелять, выплескивая все содержимое своего магазина по комнате, и разбивая древний мрамор и инопланетный кристалл.

Он споткнулся об останки своих людей, прежде чем его пригвоздила к полу огромная рука. Ксенос вырвал из его рук болт-пистолет и швырнул в другой конец комнаты. Генокрад поднял свою верхнюю конечность и ударил вниз, расколов нагрудник магистра. Три смертоносных когтя вонзились ему в грудь. Фракиец закричал от невыносимой боли. Кровь хлынула изо рта и залила шлем. Патриарх с ненавистью уставился на него, сжимая сердце космодесантника в своих огромных когтях.

В коридоре послышался шум, раздалось жужжание гравитационных двигателей, стук крыльев и яростное шипение.

Фракиец из последних сил оторвал голову от пола, хотя это усилие дорого ему обошлось.

– Слава Императору, – прохрипел он.

Волна серебристых дронов-скарабеев накрыла патриарха, сбив того с груди Фракийца на землю. Падая, ксенос разорвал его легкие и сердце, но магистр прожил достаточно, чтобы увидеть, как извивающаяся форма твари становилась все меньше и меньше, пока окончательно не исчезла, поглощенная трутнями так же неумолимо, как и сердце родного мира Фракийца.

Убедившись, что его задача выполнена, Фракиец позволил себе расслабиться.

Смерть забрала его, его честь и всех остальных.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Осколки величия

Из открытого саркофага лился свет, который подавлял авточувства брони Примуса и Феликса. Перед ними стояла белая пелена, из-за которой машинные духи боевых доспехов буквально вопили от боли. Затем, свет сжался, приобретя форму гуманоидной фигуры, покрытой сияющей изнутри серебристой кожи. Она зависла над ними, приняв властный вид и устремив взгляд вниз. Ее лицо было жестким, с заостренными чертами, голова длиннее человеческой. Но, тем не менее, существо все равно отдаленно напоминало выходца с Терры из дивергентного рода. По виду оно походило на что-то среднее между аэльдари и человеком, хотя выражение лица было безжалостнее, чем у любого из перечисленных.

– **Кто это такие?** – произнес он. Вокруг существа потрескивала энергия. От его пылающего сердца исходил ужасающий жар.

– Мои слуги, а значит, и ваши, – произнес Коул, сложив свои конечности и выполнив сложный реверанс.

– Я не раб ксеносов, – прорычал Феликс, подняв свои сдвоенные болтеры и направив их на К’Тан.

– **Молчать!** – прогремел Зарулаш. Одной лишь мыслью, он повалил Феликса на спину и протащил его по полу в направлении портала.

– Примус! Сделай что-нибудь! Эти существа уязвимы для варпа. Используй свои способности, – прокричал Феликс, пытаясь встать.

– **Замолкни!** – глаза К’Тан вспыхнули, и тетрарх снова рухнул на землю. Ксенос обратил свой пылающий взор на Примуса.

– **Ты считаешься сильным среди тех, кто использует море душ?** – он гневно посмотрел на Примуса, а затем поднял руку ладонью вверх. Примус начал задыхаться. Он задрогал ногами, когда его подняло над землей, и выронил топор Коула. Примус схватился за горло. – **Чтож, попробуй сравниться с нами,** – он пренебрежительно посмотрел на Примуса. – **Хилый. Ты не сможешь противостоять мне, даже пока я в ослабленном состоянии. Сила варпа – ничто по сравнению с господством в физическом плане. Мы были истинными богами, живым воплощением этой вселенной. Те из варпа – бледные тени. Мы – свет!** – взревел он. Его сияющие тело пылало заточенной силой угасших солнц. Комната задрожала в унисон его словам. Саркофаги закачались в воздухе. Один из них, перевернувшись, медленно упал на землю.

– **Мы – Зарулаш, Владыка,** – он взмахнул рукой, и в его левой конечности вспыхнув появился жезл с лезвием, а над головой расплылась корона, сделанная из того же серебристого металла, которая сдерживала свет К’Тан. – **Мы – повелитель пространства и времени. Мы – проявление живой души реальности.** – Он снова взмахнул рукой, и Примуса отбросило назад. Ударившись броней о корпус портала, воин тяжело рухнул на пол. Он тут же попытался подняться, но К’Тан движением пальца повалил его, сделав жест, как будто давил назойливое насекомое. Примус оказался прижат к земле. Его доспехи заскрипели под давлением.

Коул двинулся вперед.

– Хозяин, прошу вас! Я умоляю вас, не убивайте Примуса. Он верный раб и будет служить вам так же верно, как и мне.

– **Ты можешь мне поклясться?**

– Клянусь вам! Он не может ослушаться меня.

– **А другой?**

– Тоже мое творение. Пощадите их обоих. Они понадобятся нам в соседних залах. За этими воротами находятся многие миллионы машин ваших тюремщиков.

– **Они не смогут остановить нас,** – К’Тан садистки улыбнулся и сильно сжал пальцы. Трубка на броне Примуса лопнула, и из нее вырвался белый газ. – **Узрите нашу мощь.**

– Они помогут. Пощадите их!

К’Тан скорчил недовольную гримасу.

– **Если ты настаиваешь,** – его пальцы снова сложились в кулак. Примус сделал сдавленный вдох. Он и Феликс, пошатываясь, поднялись на ноги.

– **Знайте же, рабы моего раба Коула, энергия, которая составляет ваши существа, принадлежит нам. Пойдете против нас, и мы полностью вас уничтожим. Раб Коул, ты проведешь нас через портал и деактивируешь созданий некронтира. За воротами находится машинный зал этого объекта. Там, ты высвободишь нас из этой формы. Мы откроем портал и шагнем вперед, к звездам. Мы вернем себе превосходство, и приведем низшие существа, посмевшие восстать против нас, к смерти.**

Коул смиренно поклонился.

– Да, мой господин, – произнес он и поспешил к portalу, где соединился с ним, активировав его механизмы позиционирования. Вокруг треугольного отверстия зажглись символы, и внутри появились завихрения энергии. – Я отключил протоколы безопасности, чтобы вы смогли пройти. Этот путь безопасен, можете идти, о великий! – провозгласил Коул.

– **Хорошо,** – Зарулаш указал концом своего посоха на портал, и быстрым движением рванул жезл назад и вытянул энергетическое поле из врат к себе, развернув его в воздухе и сформировав расщелину, достаточно широкую, чтобы в нее мог войти К’Тан.

– **Трепещите, народы галактики, ибо Владыка Зарулаш снова ходит среди вас!**

С этими словами фигура К’Тан перетекла в поток серебристого света, который изливался в ворота и проходил сквозь них. Портал вернулся обратно в свою рамку. Казалось, что вся энергия покинула помещение вместе с уходом Зарулаша. Саркофаги с грохотом рухнули на землю, а пространство начало пульсировать, сжимаясь вовнутрь. Как будто бы издалека, с расстояния в несколько километров начало приходить пульсирующее сияние. По мере приближения количество вспышек множилось.

– Ага! – воскликнул Коул. – Именно так я и думал. Сердце горы заключено в пространственный карман, – он усмехнулся Феликсу поверх защищающей рот маски. – Я знал! Но, но... – продолжил он. – Содержимое разрушается. Давайте же, мои мальчики, нам пора покинуть это место. Сейчас же! – он двинулся, чтобы поднять свой топор.

Феликс, пошатываясь, направился к воротам. Вспышки света слепили. Гравитационные волны били в них, оттаскивая от портала, но он сопротивлялся им и, когда системы его брони работали на пределе своей мощности, он начал продвигаться к воротам. Мимо него с грохотом пронесся Коул, окутанный силовым полем. Генераторы поля успешно защищали его от сил, разрывающих пространство внутри помещения с саркофагами.

– Помни, о чем я тебе говорил, – обратился он к Феликсу. – Не стрелять!

***

Что бы ни происходило в зале с саркофагами, но гору это оказало гораздо большее воздействие. Зал, в котором находилась глубокая шахта, сотрясался. Фонтаны жидкой магмы выплескивались в огненном шоу. Куски черного камня падали на землю, раскаляясь вдребезги, словно разбитое стекло. Фасад храма дрожал и трескался.

Возбужденный рой дронов громко жужжал, раздуваясь и собираясь в огромные металлические стаи. Длинные щупальца из металла, состоявшие из тысячи тел дронов, растянулись в разные стороны, чтобы собирать осколки горы, или извивались над появляющимися в стене трещинами, ведя заранее проигранную битву, по их восстановлению. Их жвалы искрились от отчаянной активности. Гора содрогнулась. Каменные обломки с ревом падали в дальние туннели, а в многочисленных тоннелях внутренней структуры крепости что-то тревожно завывало.

– **Мост между нашей непространственной тюрьмой и этим сооружением должен быть разрушен,** – нараспев произнес Зерулаш. – **После этого, нужно будет взять под контроль каноптековые машины.** – Продолжил он, властно указав на рой. – **Только они способны извлечь из некродермиса нашу истинную энергетическую форму и освободить нас. Ты можешь проникнуть в мозг бога-машины, раб Коул. Сделай это. Как только мы обретем свободу, у нас будет не так много времени, прежде чем гора уничтожит себя и этот мир.**

Не дождавшись подтверждения, Зерулаш поплыл к рою скарабеев. Он испустил сверкающий импульс света. Скарабей, казалось, не замечали его присутствия, пока свет не захлестнул К'Тан, и в тот момент, когда они увидели его, их поведение в корне изменилось.

Рой мгновенно замер, его движение мгновенно остановилось так, что они стали походить на пикт изображение. Затем, они все вместе повернулись и посмотрели на К'Тан. Сотни тысяч, возможно миллионы, тусклых, зеленых, стеклянных глаз, сосредоточились на Зерулаше.

Отчаянные вопли горы стихли. Затем, из каждого отверстия в скале раздался один-единственный зов, и он не прекращался.

– **Придите к нам, наши тюремщики, и узнайте, что близится время вашей гибели!**

Рой, словно одно целое, устремился к К'Тан, полностью забыв о своей прежней лихорадочной деятельности. Их побуждала первичная программа. Пленник не должен сбежать.

Зерулаш встретил их стеной света. Скарабей разлетались на сверкающие облака, без малейшей возможности восстановиться. От бога прокатился гром.

Феликс беспомощно наблюдал за происходящим.

– Да не стой же ты как истукан, помоги мне! – закричал на него Коул. – Или же он усомнится, что ты мой слуга, и это будет... это будет очень плохо, – архимагос подбежал к portalу у фасада храма и приступил к сложной процедуре его закрытия. Примус стоял на страже, вызывающе глядя не Феликса.

– Ты серьезно? – воскликнул Феликс. – Ты хоть представляешь, сколько вреда может причинить высвобожденный осколок К’Тан?

– Прекрасно представляю, поверь мне, – Коул покачал головой. – Так что радуйся, что он сейчас на нашей стороне. – Велизарий надавил на отполированные глифы в черном камне. Они погрузились в раму портала с тихими щелчком. – Помнишь про тот запутанную супермассу, о которой я тебе рассказывал?

– Да, – ответил Феликс, не в силах оторвать взгляда от звездного бога. – Ты имеешь в виду К’Тан.

– Нет, не его! – рявкнул Коул. – Я имел в виду сверхмассу, контролируемую силами богов. Причина, по которой они находились здесь в заточении. Частицы дестабилизируются. К’Тан удерживали массу на месте. Они все ушли. Теперь нечему поддерживать равновесие. Я должен закрыть эти ворота, но это только уберет уязвимость выхода из пространственного кармана. Это даст нам немного больше времени. Скоро пространственный карман схлопнется, сверхмасса внутри схлопнется, и активная сингулярность выплеснется в реальное пространство, если только, если только! – воскликнул он, подняв палец. – Если только нам не отключить Фарос полностью. Квантовые двигатели генерируют как сверхмассу, так и ее оболочку. Уничтожим его, и сверхмасса рассеется, – Коул перешел на другую сторону рамы портала. Его многочисленные руки двигались быстро и уверенно, а голос оставался спокойным, словно он говорил, наблюдая за работой кого-то другого. – Ты слышишь меня, Децим? Когда мы выберемся отсюда, нам нужно будет сравнить с землей эту гору, иначе планета будет засосана в черную дыру, а вскоре за ней последует звезда Соты, ее другие миры и все остальное в пределах половины светового года от этого места, но ты этого не уведешь, потому что мы умрем первыми. Уничтожь его!

– А что насчет К’Тан? – спросил Феликс. – Я бы лучше прыгнул в черную дыру, чем встал против него.

Коул снова одарил Феликса своей раздражающей улыбкой.

– Все узнаешь в свое время, мой мальчик, – Коул нажал на другую последовательность символов. – Ты должен доверять мне, иначе мы погибнем, а вместе с нами и надежда человечества на спасение. Теперь, я могу на несколько минут остаться без связи с внешним миром. Мне нужно будет погрузиться в мир машин, чтобы собрать данные, за которыми я пришел. У меня есть доступ к ним, но нужно их извлечь и выгрузить.

Рядом с людьми упал гигантский кусок черного камня. Он разбился вдребезги и забросал их осколками.

– Иди, Феликс! Более крупные конструкции пробуждаются, и они могут причинить вред К’Тан. Нужно убедить его, что он побеждает. Я должен получить то, зачем пришел, иначе все будет напрасно!

Главный зал шахты постоянно трясло. Магма более не била фонтаном из дыры, а неумолимо бурлила. Она достигла вершины, и образовала пузырь из морщинистой черной поверхности. Как только давление достигло своего пика, оболочка бесшумно разорвалась, и магма медленно поползла по полу. От нее исходило ощущение зла. Мир

Соты желал им смерти – тиранидам, людям, некронам и К’Тан, только чтобы его страдания закончились.

В воздухе на Зерулаша продолжали нападать стаи скарабеев. Они крутились вокруг него по бешеным спиральям, пытаясь создать новый саркофаг из энергии, накопленной в их желудках. С каждой секундой они все ближе придвигались к нему, пока Зерулаш не разорвал их на части импульсом энергии, который заодно уничтожил систему связи Феликса. Затем, все началось снова.

– Архимагос, если ты предал нас, то я лично убью тебя, – прорычал Феликс.

– Тебя ждет неудача, Децим. Меня пытались убить гораздо более могущественные люди, чем ты, – последний глиф утонул. Ворота закрылись. – Вот. – Произнес он. – Но тебе даже не посчастливится попытаться. Даю тебе слово. А сейчас, джентльмены, мне действительно нужно отойти. Примус, защищай меня ценой своей жизни.

– Как прикажете, хозяин, – ответил Примус.

Коул сложил руки на груди и отключился.

Феликс покачал головой и повернулся лицом к бушующему наверху сражению.

Казалось, что с потолка лился бесконечный поток скарабеев. К ним присоединялись и другие существа. Из больших туннелей показались пауки, чьи гигантские когти вычерчивали в воздухе узоры из смертоносной энергии. Еще более крупные конструкции появлялись из ниоткуда и тут же устремлялись в гущу сражения, в то время как парящие, похожие на саранчу трутни-убийцы продолжали роиться в комнате. Все они направлялись к освобожденному богу.

Феликс попытался связаться по воксу.

– Комин, ответь, – произнес он. Его вокс-бусины засвистели от обратной связи так резко и яростно, что он вздрогнул. – Комин!

Вокс зажужжал.

– *...етрарх. Вы... живы!*

– Комин, послушай меня! – быстро воскликнул Феликс. – Эвакуируйтесь с горы. Уведи всех отсюда наверх! Двигайтесь как можно дальше и быстрее.

– *...орд...мы...идем к вам,* – громкий свистящий вой оборвал следующие слова Комина.

– Эвакуируйтесь! Эвакуируйтесь немедленно! Это мой приказ, подтвердить!

Феликс не услышал ничего, кроме помех.

Летающая, похожая на ужасающую ленту машина пронеслась над его головой, широко раскрыв металлические челюсти. Кончики зубов создавали потрескивающие аннигиляционное поле. Конструкция летела прямо на Зерулаша. Оно успела сделать один укус, разорвав некродермис и вызвав гневный рев бога, сопровождаемый копьем света.

– Вы нападаете на того, кому не можете причинить вреда! Мы заполнены мощью наших пожранных братьев и сестер! Мы – Зерулаш! Мы – бог!

Конструкция распалась на части от одного жеста звездного бога. Ее разорвало по всему сегментированному телу, и она рассыпалась на рассеянные облака пепла.

Зерулаш направил посох на дронов, превратив их в искрящиеся обломки без каких либо видимых усилий. Рой каноптеков удвоил свои усилия, направив еще больше энергии на К’Тан, и сплетая вокруг Зерулаша паутину из огня и эфирной стали, которая, на глазах у Феликса, превратилась в еще один саркофаг.

Их теней выползали гигантские существа, с активированными жалами, и их сенсоры были направлены на К'Тан.

– Будь ты проклят, Коул! – выругался Феликс. Он активировал свое силовое оружие и бросился в бой.

***

Коул глубоко погрузился в инфосферу ксеносов. Его попыталась остановить технология такого величия, что Коулу захотелось заплакать. Империя некронов существовала за миллионы лет до того, как у человека хватило ума увидеть звезды такими, какие они есть на самом деле. Ученые их расы обладали самыми глубокими познаниями. Их опыт в создании независимых машин далеко выходил за пределы физического мира. В инфосфере, думающие, рожденные из света, плавали прирожденные хищники.

Они учуяли запах Коула, как только он вошел. Они атаковали, как только магос проник на верхние уровни их машинного мира безопасности.

Ранее Коул не осмеливался заходить так далеко. Данные находились под защитой невидимых стен и яростных, отвратительных интеллектов, и поэтому магосу требовалось полное сосредоточение. Для Адептуса Механикус хуже мыслящей машины была только инопланетная мыслящая машина, а Фарос обладал ими в избытке.

Машинный мир невозможно было описать человеческими терминами. В более ранние эпохи такие пространства представлялись как визуальные фантазии, чтобы техномаги того времени могли перемещаться по секретным пространствам технологий. Но Адептус Механикус верили в святость машин. Они стремились приспособиться к внутреннему миру движущей силы, а не к ней самой, чтобы лучше понять замысел своего бога.

Величественные разумные существа давили на Коула, возмущенные тем, что он смог получить доступ в их мир. Их возмущение только увеличивалось, когда украденные магосом шифровальные ключи обезвреживали любую защиту. Машины использовали технологии модулированного шифрования, которые опирались на мириады состояний измерений, и скрывали информацию так тщательно, что потребовалось бы больше, чем целая вечность, чтобы отыскать ее. Коул был им под стать. Машины выпускали на него смертоносных джиннов, сотворенных из чисел и ненависти, чтобы они выследили его. Коул приручил их. Он спускался ниже, дальше в ядро, через импульсы систем горы, к самой сущности сверх-разума Фароса. Коул был вирусом, а Фарос его носителем. Интеллект магоса быстро распространялся по всем ветвящимся путям, пока полностью не заполнил гору от пика до подземных обширных подземелий. В самом существе горы был заключен сверх-разум, который охранял кладезь знаний. Коул обокрал его. Он вошел в машинный дух, развернул его, погрузил миллион рук в миллионы щелей и повернул.

Ключи, ключи, так много ключей. Коул потратил целую жизнь, чтобы собрать их, с тех пор как восстал из мертвых Жиллиман и приказал ему выпустить в галактику своих космодесантников примарис. Всегда есть чему учиться, есть что узнать, и Велизарий Коул узнает все.

Ключи повернулись.

Гора принадлежала ему.

Информация пронзила его словно копьё. Он приветствовал эту боль. Она означала успех. Твердыми руками он захватил контроль над Фаросом.

Потоки данных хлынули в его массивы ядра памяти.

Велизарий Коул открыл глаза. Он устал, но ликовал.

– Дело сделано, – обратился он к Альфа Примусу. – Теперь переходим к следующему этапу.

***

Феликс отбил фазовые клинки хранителя гробницы своим силовым мечом. Только разрушительное поле оружия могло отразить такое оружие, и оно сделало это с хриплым стуком и брызгами молний, из-за которых когитатор силовой брони Феликса пронзительно завопил. Тетрарх был быстрее машины, проворнее, и наносил удар за ударом по ее блестящей броне, но живой металл тела закрывал каждую дымящуюся рану. Когда хранитель гробницы ударил Феликса, его оружие прошло сквозь броню, словно бы никакой керамики не защищало его. Оружие частично материализовалось внутри брони, разрезая кожу и прорубая органы. Тираниды пожирали жизнь, некроны уничтожали ее, а Хаос разрушал. Так много было врагов с подобной силой. Феликс являлся вершиной Имперской военной машины, и все же, этого оказалось недостаточно.

Но воля в сердце человека была сильна. Вот где лежал ключ к победе.

– Бездушная тварь! – прорычал Феликс. Его гравис броня была медлительной и тяжелой, но сила, которую она придавала каждому удару, стоила того, чтобы пожертвовать скоростью. Феликс вонзил свой силовой меч в суставы одной из многочисленных ног существа. Некрон механически взвизгнул и замерцал, начиная постепенно растворяться, чтобы пройти сквозь оружие и нанести свой удар по тетрарху. Оно извивалось вокруг Феликса. Зеленая молния сверкнула на его боевом щите.

– О нет, – воскликнул Феликс. – Ты останешься здесь.

Прежде чем процесс фазирования был завершен, Феликс перегрузил свой силовой меч, и послал волну энергии в конструкцию. Она выжгла все ее контуры и вызвала новый вопль. Генератор поля меча превратился в дымящуюся коробку, но он сослужил свою службу.

Феликс повернулся на левой ноге, и обрушил свой силовой кулак на несекомоподобную голову существа, вложив в свой удар всю мощь самого Императора. Металл взорвался, забрызгав тетрарха осколками, которые попытались тут же воссоединиться, прежде чем умрут на его аквиле. Феликс глубже погрузил кулак в голову существа, вырывая пригоршни кристаллических инопланетных схем. Ему казалось, что это всего лишь черный песок, но именно эта масса удерживала искусственную душу существа. Феликс яростно вырывал их.

Конструкция дернулась, сбив его с ног. Феликс держался за внутренности головы крепко, и все глубже погружал кулак в ее внутренности. Когда он разорвал что-то жизненно важное, из головы существа хлынул зеленый свет. Воодушевленный, Феликс активировал сдвоенные болтеры на своей перчатке, пробив корпус мозга, разрушая механизмы и вырывая капли извивающегося металла с другой стороны.

Существо поднялось, его членистые ноги дрожали. Пасть-оружие машины содрогнулось последней вспышкой огня, и существо рухнуло замертво.

Феликс оказался прижат к земле. Ноги конструкции содрогались в судорогах, а затем она окончательно замерла. Тетрарх поднялся, его броня на мгновение придала ему силу бога, и он откатился, позволив машине рухнуть обратно.

Феликс поднялся на ноги. Скарабеи теснились ближе, к звездному богу. Их панцири двигались под молекулярными манипуляционными лучами своих собратьев. Пять огромных дронов-пауков направляли меньших существ, превращая их в новый саркофаг быстрее, чем бог успевал уничтожать.

К Феликсу приближалось еще два гигантских членистоногих существа. Они раскачивались словно змеи, и в их хрустальных глазах горел огонь. Машины пытались перегрузить сеть и отключить его сенсоры брони.

Феликс напрягся. Его силовой меч сломался. Схематическое изображение доспеха окрасило несколько элементов в янтарный цвет. Работа реактора была нестабильной. В боекомплекте осталось с полдюжины болтов. Достаточное количество для короткой очереди. Он ни как не сможет пережить это сражение.

Машины замерли. Они двигались замедленно, словно только пробуждались. Пауки рухнули вниз, и успели пролететь сотни футов, прежде чем их двигатели вновь заработали. Скарабеи дождем посыпались вниз, а затем тоже выпрямились и, гремя крыльями, послушно пролетели навстречу Велизария Коулу.

– Отлично! – произнес архимагос. – Я смог сделать это. Управлять целым роем было истинным подвигом, но это! – Он поднял множество рук, – взять под контроль целую гору машин каноптека – это работа гения, – он скромно поклонился. – Тетрарх, запомни, мои подвиги запомнят навеки.

В горе воцарилась тишина. Вой стих. В турбинах Фароса звучали мягкие, нежные, словно дыхание, ноты. Единственным источником шума в зале было медленное, потрескивание распространяющейся лавы. С высокой стены на них слепо смотрели статуи мертвых богов.

– **Ты произвел на нас впечатление, раб Коул, – произнес Зерулаш, – Но мы еще не закончили, – он указал на второй портал, ведущий из шахты в машинный зал. – Нам нужно идти дальше. Там, ты отыщешь нам путь к нашим другим осколкам, воскрешению и истинной силе.**

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Безмолвный маяк

Над бездной замерцал туннель. Каждый раз, когда он пропадал, пространство между шахтой глубинного ядра и залом квантовых двигателей обнажало твердую породу. Коула, Зарулаша и сопровождающий их рой машин окутал золотой нимб, затем он исчез, забрав их с собой. Феликс и Примус остались в одиночестве.

– Нам придется прыгать, тетрарх, – обратился к Феликсу Примус.

Проход замерцал. Сквозь него они увидели Зарулаша и Коула, возвышающихся над постепенно возвращающимися к жизни грохочущими машинами. Гора сильно затряслась и проход пропал вновь. Огромные секции потолка обрушивались вниз. Лава подползала все ближе, и ее сильный жар обжигал им спины. Датчики температуры на ретинальных дисплеях Феликса угрожающе поползли вверх. Еще один толчок сотряс зал, и за ним последовал громкий скрежет. Феликс оглянулся на фасад храма в конце коридора. По всем иероглифам побежали трещины. Черный камень, словно струи дождя, падал вниз непрерывным потоком. Один из богов свалился с пьедестала. Его ноги разбились об пол, а голова упала в лаву, где она закипела и разрушилась.

– Проход закрывается, – воскликнул Примус. – Мы должны пойти в следующий раз, как он вновь появится, или же окажемся в ловушке.

Феликс кивнул. По камню пробежали искры энергии. Они в напряжении ждали, когда откроется портал. Лава все быстрее распространялась по полу. Шахту покрывало растущее озеро расплавленной породы. Еще один толчок обрушил широкую секцию фасада храма. Она рухнула вниз грохочущей лавиной.

– Есть большая вероятность, что мы здесь погибнем, – произнес Примус.

– Не теряй веру, – ответил ему Феликс. – Пошли.

Портал с треском появился вновь. Два космодесантника прыгнули в него. Пустота, окружавшая энергетический проход, прежде темная, вспыхнула вспышками смертоносного света. В ушах Феликса зазвенели сигналы радиационной тревоги. Затем они оказались в зале квантовых двигателей. Их саботоны ударились о пол, и керамит высек искры из черного камня.

Коул работал за консолью, полностью состоявшей из света. Над ним висели перемещающиеся изображения иероглифов. Его серво-черепка вылетели из своих укрытий в теле магоса и теперь парили в воздухе. Импульсные лучи данных связывали имперские технологии с технологиями древней династии.

Потолок обрушивался от сильных толчков. Над залом навис щит, защищавший двигатели, Коула и К'Тана от падающих обломков.

– Архимагос управляется с этим оборудованием, словно бы был рожден для этого, – сказал Феликс.

– Полагаю, что ты шутишь, – изумился Примус, шагнув вперед. – Архимагос работает ради нас.

– Общаясь с демонами ксеносов, – буркнул под нос Феликс, последовав за Примусом.

– **Время пришло**, – воскликнул Зарулаш. Он поднялся ввысь, прямо в облако дронов. – **Мы готовы. Начинай удаление моего некродермиса. Прикажи**

конструкциям построить этап перехода, чтобы мы смогли найти первый из наших осколков.

– Как прикажете, о великий, – прощебетал Коул.

Его руки затанцевали по плавающим иероглифам, вызвав ответные реакции у дронов. Большая часть машин отлетела в сторону и нырнула к полу, где они начали плести челюстями новые платформы из черного камня.

Зарулаш поднял руки. Его сияние просачивалось сквозь металлическую кожу, покрывавшую тело, как будто она стала тоньше и прозрачней. Четыре группы дронов закружились вокруг звездного бога и заключили его в свои сверкающие тела, пока не осталось видно только лицо Зарулаша.

– В своей жадности они позволили нам сохранить что-то от самих себя. Это стало их ошибкой. Мы помним! Мы помним, кем мы были. Мы соберемся с силами и отомстим! Быстрее, раб. Освободи нас из этой оболочки, и ты обретешь желаемое!

Дроны закрыли его лицо, запечатав в живой саркофаг, но на этот раз не для того, чтобы запереть, а чтобы освободить.

Коул продолжал свою работу, вызывая поток конструкций со всех концов горы. Он двигал левой рукой вверх и вниз, словно дирижер, и пространство перед ним наполнила огромная звездная карта. Обломки горы сыпались вниз непрерывным дождем.

– Довольно! – воскликнул Феликс.

– Будь я тобой, я бы тоже хотел все остановить, – ответил ему Коул. Он указал на одну из платформ, которую соорудили дроны. Они уже почти завершили ее. – На этой платформе вскоре откроется проход. Он доставит тебя обратно на твой корабль.

Рой бушевал вокруг К’Тана. Из него вырывались лучи света. К’Тан взвыл от боли.

– Быстрее, он скоро освободится, и как только это произойдет, он тут же поймет, что я его предал. Не думаю, что Зарулаш будет в восторге.

– Значит, ты оказался прав, – произнес Феликс.

– Децим, да я прав, – раздражено проговорил Коул. – Зарулаш отправляется в очень долгое путешествие в один конец. Мы же не хотим, чтобы он вернулся.

– Ты знал, что так все случится!

– Знал? Нет, я же не экстрасенс. Точно просчитал? – Он скромно улыбнулся. – Ну разумеется.

– Как ты собираешься отсюда выбраться? А ты, Примус?

– Видимо тебе не все равно! – радостно воскликнул Коул. – Я так и знал. Не беспокойся обо мне. Я – Велизарий Коул. Мне все под силу.

Дроны оторвались от земли. Над квантовыми двигателями поблескивали пять появившихся из ниоткуда левитирующих платформ. Удерживаемые гравитационными полями, ступеньки вели к одной из меньших площадок. Самая большая из них, та, которая находилась в центре, расположилась прямо под К’Тан.

Феликс застыл в нерешительности, а затем сделал свой выбор.

– Хорошо, – сказал он и побежал к платформе, на которую указал ему Коул.

Гора умирала. Квантовые машины не справлялись с нагрузкой. Одна из них взорвалась, заполнив зал треском и ослепительными зелеными искрами. По ближайшим к ней машинам пробежала молния, и они взорвались. Рой дронов поредел. Гигантские глыбы черного камня дождем посыпались вниз. Они едва не задели

тетрарха, когда тот вбегал по левитирующей лестнице на платформу. Добравшись до вершины он в изумлении замедлил шаг. Там, где часть мира была прорезана, в воздухе образовалась брешь. В дальнем ее конце находилась командная палуба «Повелителя Веспатора». Команда Феликса удивленно уставилась на него.

– Прыгай, сейчас же! – крикнул Коул, перекрывая нарастающий шум. Или твой корабль будет уничтожен!

Феликс подошел к краю разлома. Он посмотрел на свою команду. Они переглянулись.

– Тетрарх! – крикнул один из них, совершенно забыв о всех правилах приличия.

– Как только я окажусь на борту, я уничтожу эту гору! – воскликнул Феликс.

– Я очень рассчитываю на это, мой дорогой Децим, – ответил Коул, одарив его улыбкой.

Феликс бросил последний взгляд на зал квантовых двигателей, который теперь разваливался на куски. Рой ослабевал; в их глазах угасал зеленый свет, они опускались на пол и больше не двигались. Мертвые машины некронов усеивали зал. Пол треснул, когда еще больше лавы поднялось их под земли и хлынуло в комнату.

Последнее, что увидел Феликс, был Коул, обрамленный поднимающейся волной расплавленного камня, а затем портал некронов поглотил тетрарха и швырнул его сквозь время и пространство.

Коул закрыл за ним проход.

***

Расстояние между кораблем и Фаросом составляло всего несколько футов. На самом деле оно было больше пяти тысяч миль. Для Феликса показалось, что еще больше.

Когда он шагнул вперед, его подхватила какая-то невидимая сила и утянула с края платформы. Он проходил сквозь темные коридоры, с сияющими пятнышками света. Каждая точка обладала голосом. Они все закричали на него.

Казалось, это ощущение падения длится годами, а мимо него проносятся звезды, миры и эпохи.

И тут его нога лязгнула по металлу, словно он сделал всего один шаг. Феликс оказался на командной палубе своего корабля, и шагнул так легко, словно бы вошел в дверь. Он обернулся. Проход закрылся.

– Тетрарх, – произнес капитан Мирун с восхитительным хладнокровием. – Добро пожаловать на борт.

Феликс приходил в себя несколько секунд. Реальность казалась такой истонченной и странной, что ему пришлось приложить все усилия, чтобы вернуть свой разум в настоящее. Вся его команда видела эту внутреннюю борьбу – мгновение растерянности, сжатые губы. Придя в себя, Феликс направился прямо к своему командному трону.

– Где Комин и Избранные?

– Они приближаются к шестому стыковочному отсеку, милорд. Остальная часть экспедиции удаляется от Фароса, – ответил командир оперативного отдела.

– Фарос, – произнес Феликс. – Вы нацелили все имеющиеся орудия на гору?

К нему поспешили сервы. Они забрали у него пистолет и силовой кулак. Сняли шлем с головы. Прохладный корабельный воздух высушил его пот.

– Согласно вашему приказу, все орудия заряжены и готовы к стрельбе, милорд, – доложил командир артиллерии.

– Передайте эти коды на «Зар Квезитор», – приказ Феликс. – Сообщите их командиру артиллерии, чтобы они нацелились на гору. – Он переслал цифровую печать Коула соответствующему члену экипажа и посмотрел в сторону окулуса. Фарос извергал клубы горящего камня.

– Открыть имперский аварийный вокс-канал на всех частотах, – скомандовал он. – На полную мощность.

– Да, милорд, – ответил вокс-оператор. – Сделано.

– Это тетрарх Феликс. Я обращаюсь ко всем силам на Соте. Эвакуируйтесь с горы! Всему личному составу немедленно отойти на безопасное расстояние в сто миль. Эвакуируйтесь из Порт-Одессы. Отступайте. Артиллерия, – приказал он. – Приготовьтесь открыть огонь.

– Оружие заряжено и готово к стрельбе. Вы готовы дать команду? – спросил его командир артиллерии.

– Милорд? – переспросил командир артиллерии.

– Пока ждем, я еще не получил известие о Коуле, – ответил Феликс.

– Мы засекли значительное увеличение энергии, – сообщила ему госпожа авгуров. – Гора становится нестабильной. Она взорвется в течении десяти минут.

Из вершины вырвалась струя огня.

– Крепость-монастырь Кос Императора уничтожена, мой господин, – сообщила она. – Показания превышают все ожидаемые параметры. При таком увеличении мощности, устройство в горе уничтожит всю планету. Я рекомендую нанести удар сейчас.

– Ждем, – приказал Феликс с каменным лицом. – Ждите моей команды.

***

– Кажется этого где-то здесь, – воскликнул Коул. Он выбрал звезду на небесной карте, проецируемой Фаросом. – И как раз вовремя.

Дронов вокруг Зарулаша втянуло внутрь, а затем они выплеснулись наружу, словно ливень из поврежденного металла.

Шрапнель со свистом полетела в сторону Коула и Примуса. Его энергетическое поле превратило их в яркие вспышки света.

Гуманоидная форма Зарулаша исчезла. Вместо нее вспыхнул шар из света. Он коснулся Коула и Примуса, и они ощутили, как сжались их души.

– **Ты пытаешься предать нас,** – прогремел Зеркулаш. – **Мы это видим!**

– Не буду лукавить, так оно и есть, – ответил Коул, лихорадочно работая над инопланетной консолью.

– **Ты разочаровал нас. Ты дал нам клятву,** – произнес шар света. – **Но это было ожидаемо. Ты ничего не получишь. Ты умрешь.**

– У меня уже есть все, что мне нужно! – ответил Коул, рассмеявшись. – Я уже все загрузил. Все это! Главная проблема таких существей, как вы, заключается в том, что

вы всегда поручаете мелкие детали более мелким существам. Тайны горы принадлежат мне.

Он нажал на последний символ. Раздался нестройный гул, и пульт погас.

– Ты никогда не обретишь свободу.

Звездный свет хлынул по пространству между ними. Конверсионное поле Коула ярко вспыхнуло.

– **Мы уничтожим тебя тысячу раз.**

– Ваше раздражение ничего не решит, – ответил Коул. – Ваши технологии могут показаться более совершенными, чем мои, но Бог-Машина на моей стороне.

Над самой большой летающей платформой открылся портал, ведущий прямо в отдаленный участок космоса. Поднялся декомпрессионный ураган. Сильная гравитация потянула через щель. Сквозь портал засияло гигантское желтое солнце. Все что находилось в комнате, потянулось к нему. Машины некронов беспомощно полетели сквозь проход. К’Тана медленно потянуло к разлому.

– Ничего личного! – крикнул Коул. – Вы мне очень понравились, правда!

Ноги Коула вцепились в пол, расколов камень и удерживая его тело на месте. Механодендриты вонзились в землю и машины вокруг него. С притяжением звезды также боролись антигравитационные двигатели. Примус пробил дыру в стене визжащего квантового двигателя и с мрачным лицом вцепился в него.

– **Дурак**, – прогремел К’Тан. Он отлетел от портала, и невозмутимо повис среди вихря обломков, летящих с горы. – **Мы хозяйева физической сферы. Ничто не может уничтожить нас. Ничто не сможет нас удержать. Небольшая гравитация ничто для нас – тех, кто пожирает звезды.**

Он двинулся на Коула, выпуская извивающиеся щупальца света из своего шара. Молнии хлестали вокруг разлома в пространстве.

– Ну, это не совсем так, – ответил Коул, увеличив громкость встроенного в его лицо вокс-передатчика до максимума, чтобы его могли слышать сквозь шум.

– **Приготовься умереть!** – Зарулаш потянул к магосу свои щупальца света.

– Я управляю Фаросом! Этот портал настроен на мои мозговые волны. Если они прекратятся, он исчезнет.

– **Это прекрасная новость**, – Зарулаш приближался. Он становился все больше. – Когда ты умрешь, это пространство станет нашей игрушкой.

– Вы забываете о такой мелочи, как сингулярность! – крикнул Коул. – Если портал закроется, у вас не будет выхода. Квантовые двигатели нестабильны. Множество частиц, которые питали это сооружение, скоро разрушат свои связи. Даже вы не сможете убежать из черной дыры. Никакая сила во всей вселенной не может! – Коул торжествующе засмеялся. – Так что либо вы вылетаете из этого разлома и поглощаете ту восхитительную звезду, которую я нашел для вас, либо остаётесь здесь и умираете вместе со мной.

Зарулаш остановился. Шар его существа гневно пульсировал. Затем, с разочарованным ревом, он втянул свои конечности.

– **Знай же, раб**, – прорычал К’Тан, – **что ты заслужил вечную ненависть Зарулаша. Мы еще встретимся, и ты познаешь истинную цену неповиновения живому богу.**

– Но я все же победил, не так ли? – торжествующе спросил Коул.

К'Тан взревел. Он раздулся в два раза больше своего прежнего размера, а затем, сжавшись до маленькой яркой точки, подлетел к разлому.

– Как же вовремя! – произнес Коул. – Примус, помоги мне! – завопил он, размахивая руками. Далекое солнце притягивало его к себе.

Примус схватил Коула за руку.

– Я не могу воспользоваться своими псайкерскими силами, повелитель. Черный камень все еще блокирует их.

– Да, да, это неважно! – завопил Коул. Одной мыслью он вернул к жизни консоль из света. – Это, это и это, и вот это! – произнес он, пока его рука двигалась по размытым пятнам символов.

Над одной из меньших платформ в пространстве открылся разлом, ведущий внутрь звездолета, который они так хорошо знали.

– «Зар Квезитор»! – воскликнул Примус.

– Увы, я не могу открыть большой портал. Слишком большая часть Фароса повреждена. Он закроется через несколько мгновений. Нам нужно будет прыгнуть к нашему кораблю. – Он послал своему судну команду прямо через разлом. – Я усилил гравитацию в этой части корабля. Если мы правильно рассчитаем время и проскочим через этот портал, то сможем преодолеть притяжение гравитационных волн и благополучно вернемся домой. В это время Децим исполнит свой долг и разрушит гору. Если он этого не сделает, все это не будет иметь значения, ибо нас поглотит дыра в пространстве и времени.

– Если мы промахнемся, то все равно умрем, – задумчиво сказал Примус.

– Примус, мой первенец, опасность делает жизнь более захватывающей!

Они прыгнули в водоворот света, мусора и шума.

***

<Предупреждение. Предупреждение. Обнаружена гравитационная аномалия. Предупреждение. Предупреждение.> Как всегда самые страшные вести сообщались жужжащим машинным голосом. <Предупреждение. Предупреждение.>

Боевое освещение затопило мостик. Тревожные сигналы ревели со всех сторон.

– Милорд! – закричала госпожа авгуров. – Энергетические выбросы с горы достигают критической точки. Авгуровы сообщают о значительном увеличении гравитации на объекте ксеносов. Мы должны уничтожить его сейчас же! Мы уже пострадали. Наша орбита сместилась.

Феликс колебался. Кора Соты рвалась вокруг горы. Ее втягивало во внутрь. Тектонические плиты колыхались, словно потревоженное одеяло, которое тянули сквозь дыру. Тактические гололиты показывали все с значительным увеличением. Трещины на поверхности планеты светились красным от расплавленной крови планеты.

– Милорд, если мы сейчас же не откроем огонь, то умрем, – прокричала госпожа авгуров.

– Мы готовы, тетрарх! – доложил командир артиллерии.

– Коул? – спросил Феликс.

– Нет ответа, – ответил мастер вокса.

Феликс прикусил губу. Он множество раз желал смерти Коулу. Подумать только, монстр наконец-то умрет, прямо сейчас. Это казалось нереальным, и он уже не хотел, чтобы это случилось.

– Открыть огонь. Задействовать все вооружение.

С видимым облегчением командир артиллерии передал приказ Феликса. Сначала передняя лучевая установка корабля пронзила пустоту космического пространства болезненным светом. Затем открылись подфюзеляжные и дорсальные батареи, которые выпустили вслед за лазерными твёрдотопливными снарядами. «Зар Квезитор» присоединился к ним, и внезапно пустота между кораблями и планетой наполнилась безмолвной яростью.

Лучи ударили, мгновенно рассекая дымящуюся вершину горы вдоль и поперек. Последние остатки Императорского Дозора соскользнули вниз по склону горы. Гигантские плазменные оружия «Зар Квезитора» прожигали жидкие борозды в камне. Столбы испарившейся породы устремились вверх.

Но этого оказалось недостаточно.

– Гравитационная аномалия набирает силу! Нас притягивает к ней!

– Полную мощность на все двигатели! – проревел Мирун.

Корабль загрохотал. Передние двигатели раскалились докрасна. Металл застонал, когда усиливающаяся гравитация планеты отступила. Зазвенели новые сигналы тревоги, которые предупреждали о выходе из строя полей целостности и физических повреждениях.

«Повелитель Веспатора» медленно развернулся.

Феликс не сводил глаз с горы. Лучи выстрелили вновь. И еще раз.

– Мы опоздали! – крикнул командир охраны. – Максимального урона недостаточно, чтобы вытащить нас отсюда!

Корабль содрогнулся. Феликс почувствовал, как на него давит аномалия.

Затем снаряды достигли поверхности.

Фарос исчез во вспышке атомного света. Облако испарившегося камня поднялось с вершины горы.

Гравитация отпустила корабль, и его тут же повернуло на левый борт. Последовал период криков, когда команда выравнивала судно и возвращала его на линию с Сотой. Затем наступила тишина. Экипаж стоял и не сводил взгляда с планеты.

– Доклад, – приказал Феликс.

– Аномалия исчезла, – ответила госпожа авгуров. – Фарос уничтожен. – Она посмотрела на экраны с данными, которые могла прочитать только она. – Гора рухнула сама в себя.

Огненное облако рассеялось. Огромный сгусток горячей магмы отмечал местоположение Сотополиса и горы Фарос. То, что выстояло миллионы лет, было уничтожено навсегда.

– Вокс-мастер, – позвал Феликс. – Найдите мне Коула.

– Есть, мой господин.

Загудел вокс. Его волны не перебивали никакие помехи. Фарос замолчал. Но сколько бы вокс-мастер ни пытался переключить каналы, от архимагоса не поступали ответные сигналы. С планеты и с остального небольшого флота поступали донесения. От Коула не осталось и следа.

Феликс оставался на палубе в течении получаса. Он ожидал сбора экспедиции, которая оказалась разбросанной по поверхности планеты.

Он разговаривал с Комином, когда подозрительный вокс-сигнал привлек его внимание к центру связи.

– Сообщение от «Зар Квезитора», – произнес вокс-мастер. Он удивленно поднял глаза. – Это архимагос, милорд.

– Ответьте. Вывести сообщение на вокс-передатчики командой палубы.

Вокс затрещал. Послышался тихий смешок.

– *Я бы сказал, что все прошло довольно таки удачно. Не так ли, Децим?* – спросил Велизарий Коул.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

В память

Феликс занял трон в зале для аудиенций на «Владыке Веспатора». Его доспехи были начищены до блеска. Он так же облачился в плащ и служебную цепь. Оружие и шлем Децима находились на подставке справа от него, а посох тетрарха Веспатора – слева. Все вокруг Феликса демонстрировало макраггское искусство в его лучших проявлениях: мраморные фризy, резные, полупрозрачные камни всех оттенков, статуи из металла и мрамора. Над залом возвышался высокий купол. На потолке находилась звездная карта Большого Ультрамара, сделанная из драгоценных камней; полированный черный пол был украшен золотой картой, зеркально повторяющей потолок. Огромное розовое окно смотрела вниз на Соту и парящий над планетой, словно луна, «Зар Квезитор» Коула. Все в зале было прекрасно, чисто и великолепно. Порядок звездного королевства Ультрамар оказался здесь воспроизведен в миниатюре, как пример того, чем мог стать Империиум.

Это был лишь мечты. Ультрамар лежал в руинах. Империиум был расколот на части. Феликс оказался пустым идеалом в тронном зале лжи. Он презирал атрибуты власти.

«Вот почему ты должен нести это бремя, Децим Феликс», – сказал ему примарх. – «Потому что ты этого не желаешь».

Феликс сомневался, что примарх знал, что Коул говорил ему нечто подобное. Он гадал, были ли их слова правдой или же простой банальностью. Этого Феликс никогда не узнает. Он никогда не мог по-настоящему понять, желает ли он власти или нет, потому что она всегда была у него, еще с тех самых пор, как Феликс был мальчиком. Древний генотех сделал его физически сильным и умственно проницательным. Лучшее оружие Империиума принадлежало ему. Часть Империиума находилась под его властью. Если бы у него ничего из этого не было, разве он тосковал бы по ним? Будет ли он бороться, чтобы достичь их? Никто не мог знать, как бы Феликс повел себя в других обстоятельствах. Его оторвали от семьи, но он всегда хотел присоединиться к Ультрамаринам. Это была такая же попытка получить власть, независимо от того, что Феликс просто желал служить. Теперь он нес службу в эту ужасную эпоху.

Между тем, чего он желал, и тем, что получил, не существовало разницы.

Феликс понимал Велизария Коула, даже если и не оправдывал его поступков.

Посольство младших жрецов Коула стояло у дверей. Главный посол опустил на колени перед троном Феликса, ожидая разрешения подняться. Тетрах, рассуждая, не давал ему команды встать.

– Встань, Кво-87, – наконец произнес Феликс.

Техно-жрец встал.

– Я не Кво-87, милорд, – ответил он. – Мое обозначение – Кво-88.

– Мне следовало догадаться. Тот, кто умер на Фаросе, являлся вашим предшественником-клоном. Неужели вы не использовали никакой перенос личности?

– Не совсем так, – ответил Кво. – У нас общий прародитель, но мы все индивидуальны.

– Тогда Кво-87 действительно мертв.

– Все может жить лишь единожды, – ответил Кво-88.

– Ответь мне, где Коул?

– Вам должно быть известно, что архимагос в настоящее время занят обработкой данных, полученных с Фароса, – ответил Кво-88.

Феликс наклонился вперед. Его доспехи зарычали в тишине зала аудиенций.

– Тогда скажи мне, какова природа этих данных? – спросил он.

– Навигационные данные. Фарос был маяком, звездным путем и системой связи.

– Для чего архимагосу понадобились эти данные?

– Милорд! У меня возникло такое чувство, будто бы я и мой хозяин находимся на допросе, – запротестовал Кво.

– Ваши догадки правдивы. Велизарий Коул для многих герой. Однако он скрывал мотивы своих действий на Соте, а также информацию о присутствии там могущественного врага Империи. Не говоря уже о результатах того, что он там обнаружил.

– Коул не скрывает ничего, что не нужно скрывать, милорд.

– Он скрывает все, – фыркнул Феликс. – Он знал, что там К’Тан.

Кво-88 не стал этого отрицать.

– Цель, с которой он использует эту информацию – это цель, к которой стремится великий Велизарий Коул, мой господин. Это спасение человечества.

Феликс рассмеялся.

– Полагаю, вы не сможете дать мне более точный ответ.

– Увы, но нет, – ответил Кво, поклонившись. – Жрец культа Механикус должен сохранять некоторые секреты.

– Тогда вы не удовлетворяете моим требованиям. Примарх будет недоволен.

– Почему же, милорд? Коул отправил осколок К’Тан в дальнюю часть галактики, и если он все-таки вернется, то все его внимание будет сосредоточено на некронах. Коул деактивировал устройство ксеносов, сохранив всю информацию, которая в ней хранилась. С помощью нее мы нанесем удар по некоторым из наших величайших врагов. Его стремление понять черный камень может спасти всех нас. Может быть, будет намного лучше, если мало кто будет знать о его работе?

– Я уверен, что он будет счастлив, если мы согласимся с этим и позволим ему работать скрытно. Но я не могу принять такие заверения на веру. Я ему не доверяю.

– Каждый что-то скрывает. Например, Косы Императора.

– Население, которое им было поручено оберегать, оказалось осквернено тиранидами, не так ли? – спросил Феликс. – В этом и заключался источник их позора. Они сдержали свои клятвы. Они слушали своих подопечных-людей и были прокляты за это.

– Да. Так оно и было, – подтвердил Кво.

Феликс нахмурился.

– Я не могу понять, как такое вообще возможно. Проникновение ксеносов под носом у ордена.

– Все возможно в бесконечном времени и пространстве.

– Коул же знал об этом? – спросил Феликс.

– Да, – согласился Кво-88.

Феликс вздохнул. Все дары Императора не могли снять тяжесть усталости с его плеч.

– Скажи мне что он, по крайней мере, сдержит свое обещание магистру ордена Фракийцу.

Услышав это, Кво улыбнулся.

– Смотрите, милорд, – произнес он.

По всему «Зар Квестору» вспыхнули тысячи огней. От корпуса корабля отделился рой капсул и полетел к бесплодной планете.

– Неужели он никогда не сможет устоять перед соблазном превратить все в театр?
– недовольно спросил Феликс.

– Вы же его знаете, – ответил Кво, которому хватило такта изобразить смущение.

На поверхность Соты спускалось большое количество материальных средств. Корабли пролетели мимо шрама, который был на месте горы и Сотополиса, и который все еще светился тусклым рубином светом остывающего камня.

– Коул выпустил для этой задачи четыреста тысяч сервиторов, целый храм магоса Геологикума, магоса Биологис и других. Его хранилище основывается на генетических шаблонах и образцах потерянных биосфер мира. Первый кометный горнодобывающий флот уже отправлен. Коул сдержит свое обещание. Через несколько сотен лет Сота вновь будет пригодна для жизни. Возможно, что однажды вы даже и не вспомните, что она вообще была опустошена.

– Это все хорошо. Но этого не достаточно. Я недоволен и отражу это в своем докладе.

– Для этой цели у меня есть данные, которые запрашивал лорд Жиллиман, – Кво подозвал слугу, который протянул ему открытый деревянный сундук, заполненный аккуратно сложенными хрустальными дисками. – Надеюсь, это удовлетворит и его, и вас. На данный момент у архимагоса есть дела в другом месте, но когда он вернется в Ультрамар, а он вернется, он тут же отыщет Имперского регента. Коул дает вам слово.

– Он мог бы дать мне его лично, – пробурчал Феликс.

– К сожалению, он очень занят. Кроме того, исключительно между нами, Коул считает что вы, возможно, попытаетесь его задержать.

– Интересно, с чего он так решил, – съязвил Феликс.

– И действительно, откуда он это взял, – Кво вновь поклонился. – Если это все, то я должен вернуться на «Зар Квезитор». Если вам понадобится что-то еще, то архимагос оставил иерофанта Практикала IX Трента для командования геоформированием и великого архимагоса Триплекс-Эдик-0-1011 для наблюдения за реконструкцией с орбиты. Они прекрасные жрецы, безукоризненно преданные Богу-Машине и Терре. Они хорошо послужат вам.

– Они полностью автономны?

– Настолько, насколько это выгодно архимагосу, – ответил Кво с извиняющейся улыбкой. – Те, кто следует за архимагосом, должны пожертвовать частью своей индивидуальности ради доли его знаний. – Поспешно добавил он.

– Я не могу понять Коула. Он окружил себя куклами.

Улыбка Кво стала шире.

– Он знает это. Как и я. Но ничего не может с этим поделать. У меня достаточно проницательности, чтобы понять, что это не приносит ему счастья. Вот почему он так любит вас, Децим Андронин Феликс. Вы индивидуальны. Вы для него как сын.

Феликс уставился на Кво-88.

– Мы закончили. Я доложу обо всем примарху.

– Тогда, с вашего позволения.

– Я даю вам его, – коротко бросил Феликс.

Феликс наблюдал за Кво, пока тот шел до двери. Его лакеи последовали за ним, бормоча что-то невнятное и испуская клубы ароматного дыма. Комин и Иксен тоже покинули помещение и закрыли за собой позолоченные двери, оставив тетрарха наедине с его мыслями.

Он сосредоточил свое внимание на окне. От «Зар Квезитора» отделялось все больше кораблей. На сером, мертвом лице Соты искрился свет. Работа уже началась.

– Коул, если ты сможешь вернуть жизнь на этот мир, – произнес себе под нос Феликс, – то возможно, я прощу тебе твои некоторые выходки.

Он вызвал вокс-рупор, спустившийся с потолка. Два серво-черепа, сделанные из останков мертвых воинов-примарис – первых Мучеников Сотарана – поднесли аппарат к его губам.

– Брат Каadm, – произнес он. Машины внутри прочитали его голосовой отпечаток и мгновенно соединили тетрарха с Косой Императора.

– Мой господин, – отозвался Каadm. С тех пор, как был уничтожен Фарос, космодесантник держался особняком, но говорил твердо. – Каков ваш приказ?

– Свяжись со своим орденом, Каadm. Передай сыновьям Соты, что их господин и повелитель Фракиец погиб в славной битве, и что их мир возвращается к ним, как и обязанности, которые им предстоит выполнять. Пусть отныне орбитальная станция «Эгида» станет их крепостью-монастырем, чтобы они могли охранять восточные рубежи Великого Ультрамара и с честью выполняли свои древние обязательства.

– Настало время Косам Императора вернуться домой.

Около 10000 лет назад

Альтрикс подошла к Седейну и отвесила ему пощечину.

– Директор? – спросила она. – Директор, вы с нами? Процедура прошла успешно? Глаза Седейна сфокусировались на ее озабоченном лице.

– Не суетись, – ответил он. Голос Коула странно прозвучал в ушах Седейна. Его одежда и руки намокли от крови. – И перестань меня бить.

– Да, милорд, – ответила она и тут же попятилась. Девушка подала знак стражам. Они отдали честь и опустили оружие.

Седейн с трудом сел и похлопал себя по спине.

– Это тело слабое. Он мелкий и плохо питается. Позовите моих поваров, я хочу есть. Много. И принеси мне мое личное оружие. Оно очень ценно для меня.

Лицо Альтрикс просияло; очевидно, она опасалась самого худшего. Ее волосы качнулись перед лицом, когда девушка с энтузиазмом поклонилась. Appetit Седейна угас много лет тому назад.

– Да, милорд, – она забрала у охранника его пистолет и протянула ему обеими руками. – Я не могу не узнать ваши манеры, милорд. Это вы.

– А кого ты еще ожидала? – хрипло спросил Седейн. Ему потребовалось сделать две попытки, чтобы взять пистолет из ее рук. Он спустил ноги с кровати и встал. Он споткнулся. Альтрикс Эрминия бросилась ему на помощь, но Седейн оттолкнул ее.

– Выгони этих дураков! – рывкнул он, махнув рукой в сторону охранников. – Я не хочу, чтобы меня кто-то видел в таком состоянии.

– Убирайтесь отсюда! – крикнула Альтрикс, усилив гнев Седейна.

Стражники удалились, оставив их одних. Седейн, шатаясь, подошел ко второй кровати. Его старое тело обмякло, словно пустой мешок.

– Я выгляжу таким старым, – произнес он.

– Но теперь вы снова молоды, милорд, – ответила Альтрикс.

Седейн закрыл глаза своего старого тела ладонью и нежно закрыл отвисшую челюсть.

– Так и есть, – ответил он.

Седейн немного передохнул и перенес вес тела на руки. Он продолжал крепко сжимать костяшками пальцев рукоятку пистолета. – Я чувствую, как в моем мозгу звучит крик. Он еще жив. Я сожалею о том, что пришлось сделать.

– Да, милорд директор.

– Я дал обещание. Я выполню его до того, как он исчезнет, – Седейн, пошатываясь, направился к двери. – Второй техножрец, он еще жив?

– Вы действительно хотите спасти его, милорд? Он скоро умрет.

– Его нельзя спасти?

– Нет, директор. Мой болт уничтожил большую часть его внутренних органов. Это просто чудо, что он еще жив. У нас не осталось времени для пересадки органов или аугметики.

– Тогда достань крио-колбу для его головы! – прорычал Седейн. – Нужно спасти хотя бы часть его. – Он ввалился в дверь и, пошатываясь, побрел по коридору обратно в комнату, где лежал умирающий Фридиш.

– Возможно, перенос памяти пройдет успешно, – сказал Альтрикс, следуя за ним.

– Но зачем пытаться? Вы получили все, что хотели.

– Потому что я дал Коулу слово, – Седейн холодно взглянул на нее.

Стражники отступили к наружной двери. Они совершенно безучастно наблюдали как Фридиш истекает кровью.

Седейн подошел к нему и упал на колени в красную лужу вокруг техножреца. Фридиш слабо пошевелился. На сером от потери крови лице открылся уцелевший глаз.

– Коул? – прошептал он.

Седейн взял его за руку.

– Где эта чертова колба? Тащи ее сейчас же! – крикнул он. Альтрикс послала стражников.

Рука Фридиша обмякла. Из воронки в животе медленно вытекала кровь.

– Процедура прошла успешно. Я директор Седейн, слуга и доверенное лицо Императора. Я пришел сюда, потому что дал слово спасти тебя.

– Значит, ты убил моего друга, – простонал Фридиш. Его глаз закрылся. – Мне от тебя ничего не нужно.

– Он действительно был твоим другом? – спросил Седейн. Он крепче сжал окровавленную руку Фридиша.

– Да. Да, он был моим другом, – ответил Фридиш, вновь посмотрев на него.

– Раздражающий, эгоистичный, самонадеянный друг, который всегда считал себя правым?

На лице Фридиша появилась сонная гримаса.

– Да, все это так. Но он все равно был моим другом.

Седейн грустно улыбнулся и подмигнул Фридишу.

– Похоже, что он ужасный человек. Возможно, мне следовало выбрать кого-то менее напыщенного.

– Коул? – спросил Фридиш, немного придя в себя.

– Директор Седейн, все в порядке? – спросила Альтрикс, шагнув вперед.

– Да, да, – властно ответил Седейн. Он приподнялся. – Ну, вообще-то, нет. Если быть абсолютно честным, то очень многое не в порядке.

– Сэр?

Седейн поднял пистолет и направил его ей в голову.

– Эрминия, дело в том, что я не директор Седейн. Меня зовут Велизарий Коул. Как ты думаешь, может ли безвкусная личность Седейна заменить мою?

Она потянулась за своим пистолетом, но Коул опередил ее.

– Я не люблю тех, кто убивает моих друзей, мадам.

Выстрел снес ей голову и прижег шею. Ее тело упало на землю с гулким стуком.

– Коул, – произнес Фридиш. – Ты выжил. Я... так... рад...

– Не смей умирать! – рявкнул Коул. – Проснись! Не умирай! Я запрещаю тебе!

Рука Фридиша выскользнула из его руки.

– Фридиш, дорогой Фридиш, нет, подожди, подожди, прошу тебя! – Коул в панике повернулся к двери и закричал так громко, как только мог. – Принесите мне крио-колбу! Принесите ее сейчас же!

***

<ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ВОСПОМИНАНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНО>

Коул открыл каналы к множеству глазных органов. Было странно переходить от той древней версии самого себя, с ее смехотворной опорой на врожденные человеческие чувства, к его теперешнему возвышенному существу, изобилующему десятками усовершенствованных элементов.

Подумать только, когда-то он избегал божественного усовершенствования.

Это чувство не продлится долго. Воспоминания уже тускнели.

Защелкнутые зажимы разомкнулись, и он вышел в лабораторию, заполненную некронскими технологиями, украденными из сотен миров. Бледно-зеленый свет пробегал по каналам в полу, связывая духов-машин артефактов вместе и поддерживая их жизнь. Коул сбросил свои более воинственные улучшения, став в результат еще более гладким. В настоящее время все его улучшения щеголяли испытательным оборудованием.

Примус и Кво-88 ожидали его.

– Вы готовы, милорд? – спросил Кво-88.

– Да, да, – рассеянно ответил Коул. – Знаешь, – произнес он, проводя рукой по поверхности светящегося обелиска, – я все еще чувствую, как Седейн погружается в меня. И Эстер Аспертия, и еще несколько человек, которых я впитал в течении минувших тысячелетий. Так странно вспоминать о них всех. – Он перешел к следующему артефакту. – Я совсем забыл о них. Интересно, надолго ли я запомню их на этот раз, или снова впаду в неведение? Может быть, мне стоит периодически

вытряхиваться из забвения, когда мы вновь столкнемся с другим маяком? – Он вздрогнул. – Не думаю, что я смогу это вынести.

Он вышел на середину комнаты. Уменьшенная версия звездной карты Фароса вращалась в воздухе. Зеленые некронские данные накладывались на зернистую имперскую звездную картографию.

– Повелитель, галактика так сильно изменилась, – произнес Примус. – Как вы найдете то, что ищете? С момента создания карты прошли десятки миллионов лет.

– Это верно, – согласился Коул. Он смотрел на древнюю карту, впитывая простую чистоту галактики, какой она была за многие эпохи до того, как развилось человечество. – Величайший труд, каким он и должен был быть. Никаких пятен психической энергии, никаких монстров, выпущенных из разума. Вместо этого совершенное функционирование звезд, миров, жизни и народов в соответствии со священными законами Бога-Машины. – Он улыбнулся. Его бледные губы были отчетливо видны, так как он не носил лицевого протеза. – Насколько же тогда все было лучше. Но теперь все в наших руках, и мы можем вернуть все обратно. – Он прошелся по картам, запоминая их в мельчайших деталях. – Если послушать легенды альдари, то можно подумать, что Древние были безупречными ангелами. По правде говоря, им есть за что ответить.

Он повернулся к своим слугам.

– Чтобы полностью понять карту некронов, потребуется несколько месяцев. Фарос исчез, но есть и другие маяки, скрытые в мирах их древней империи. – Коул вздохнул, глядя на карту. – Все местонахождения черного камня в галактике. – добавил он. – И еще много чего. – Коул немного выпрямился. – За дело. Активируй низших слуг. Мне нужно послать сообщение лорду Жиллиману, пока он не потерял терпение и не выследил меня. А ты, Фридиш, начинай ревизию всех моих хранилищ памяти по всей галактике. После откровений, данных мне Фаросом, я могу лишь догадываться о том, какие еще тайны я бы мог обнаружить в своих разрозненных отсеках памяти. Пора мне, – обратился он к ним, – узнать себя получше.

– Все будет сделано, архимагос, – Кво поклонился и, казалось, уже собрался уходить, но в последнюю секунду остановился. – Прошу прощения, архимагос, но я не Фридиш. Он мертв. Я Кво-88.

Коул продолжал вглядываться в чудеса некронской карты. В его мозгу проносились другие тайны, еще более ценные.

– Я знаю, Кво, – ответил он рассеяно. – Я знаю.